9(с)
П 444

Очерки истори

НАРОДА КОМ

партиздат

1 9 3

Наслед. Т. Севера.

100741

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

11/10 – 15/IV 72

Г 9(с) 100741
П444 Подоров, В.М.
Очерки по истории
Коми (зырян пермя-
ков) 5р.50к
~~Д13 05~~
71065
13.72
1948

2 экз.
Кабинет Севера.

КОМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

№ 4

В. М. ПОДОРОВ

С 9(с)
П 444
947
П44

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ

(ЗЫРЯН и ПЕРМЯКОВ)

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

100741
Кабинет Севера Обл. Библиотеки им. А. Н. Добролюбова
1948
2900 г.
1966 г.
1955
Читальный зал Краевой Научной Библиотеки

КОМИГИЗ
СЫКТЫВКАР — 1938

В. М. Подоров. Очерки по истории Коми.

Изд. № 7. Тираж 3000.
Упол. Облита № А—579
Заказ № 1648
Сдано в набор 20/IV-33 г.
Сдано в печать 16/V-33 г.

Редактор М. Доронин.
Тех. ред. М. Шестаков.

9(с)

2002

1995 2010

Нейтрализация
2011 г.

ОБЛОЖКА В. В. ПОЛЯКОВА
Типография Коми ГИЗ'а, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 2

КОМИ, КАК КОЛОНИЯ

Коми, как колония русского царизма.

Коми, как сырьевая колония русского и иностранного капитала

В буржуазной исторической литературе, посвященной вопросам колонизации, мы нигде не найдем указания о том, чтобы Коми рассматривалась, как колония русского самодержавия. Напротив, мы часто встречаем указание на то, что север, в частности Коми, являлись провинциями Российской империи.

Является ли это утверждение правильным? Нет. Коми как в эпоху феодализма, так и капитализма, являлась типичной колонией России. Что мы понимаем под колонией? Под колонией в этом случае мы понимаем окраины русского самодержавия, как то: Сибирь Север, Поволжье, Кавказ и т. д.,—населенные различными нациями, находящимися в экономической и политической зависимости от русской метрополии, которые являлись сырьевой базой метрополии, рынками сбыта товаров и капиталов русских и иностранных капиталистов. Формулируя понятие колонии в таком виде—мы в то же время подчеркиваем, что это определение колонии является в известной степени не полным, но „для практического применения, —говорит Энгельс,—краткое указание наиболее общих и в то же время характерных отличительных признаков в так называемом определении часто бывает полезно и необходимо, и оно не может вредить, если только от него не требуют, чтобы оно давало больше, чем оно может выражать" (Энгельс).

Подходит ли это сжатое определение колонии для характеристики Коми, как типичной колонии русского самодержавия? Да, подходит.

Лес, как один из основных богатств Коми, начал экспортироваться уже с XVI века, который до начала второй половины XIX века вывозился на иностранные и русские рынки исключительно кругляком, в Англию, Голландию, Бельгию, Францию, Германию и Австралию.

Лес экспортировался из бассейнов рек Выми, Вычегды, Сысолы и Печоры. Ежегодный отпуск леса заграницу в 1865-1866 годах составлял по Устьсысольскому и Яренскому уезду 80000 бревен, в конце XIX века свыше миллиона бревен, а в начале XX века уже несколько миллионов бревен. Считая в среднем стоимость одного бревна 1-30 коп до 2 рублей,—правительство

получало доходу от экспорта леса в начале XX века несколько миллионов рублей, общая сумма от всего вывезенного леса из Коми в 1909 году составила свыше 4 миллионов рублей.

Рассматривая Коми, как колонию, царское правительство широко практиковало и отдачу крупнейших участков строительного леса отдельным капиталистам и компаниям. Так, известная Беломорская К° получила громадные лесные участки прекрасного строительного леса в Вымском бассейне. Купив существовавший там Сереговский солеваренный завод со специально отведенными ему лесами, Беломорская К° являлась крупнейшим капиталистическим предпринимателем.

Беломорская К°, владея громадными лесными участками на всем севере, занималась не только экспортированием леса заграницу, но и строительством торговых кораблей для различных иностранных фирм. Долинский, делая доклад в 1862 году в императорском вольно-экономическом обществе о „Развитии северного судостроения" констатировал, что правительство, предоставляя право строить корабли этой компании и продавать их беспошлинно заграницу, действует в интересах иностранного капитала и в ущерб развитию северного флота, вследствие чего может открыться „особый промысел торговли кораблями, найдутся аферисты и будут строить корабли для иностранцев на их деньги, из беспошлинного леса. Отгоняя их к хозяину в иностранный порт, зайдут в Петербург, чтобы еще получить премию за сделанный рейс. Да и строить будем не сами, а лишь будем прикрывать своим именем постройку кораблей иностранцами. Беломорская компания, строя корабли во все время своего существования, каждый год от 1 до 3 кораблей, имеет ныне только 7 своих кораблей. Спрашивается, где же остальное количество выстроенных ею кораблей? К сожалению, они продаются в иностранные государства. Беломорская К° наверное и остальные 7 кораблей отдаст иностранцам"*).

Когда Беломорская К° под влиянием иностранного капитала вынуждена была прекратить свою коммерческую деятельность на севере, продала Сереговский завод с принадлежащими ему лесами промышленнику Булычеву за 60.000 рублей, Булычев в свою очередь продал из купленного им леса часть немецкому товариществу Сурков и К° И. А. Шергин указывает, что Сурков „продал какому то Аваргансену остатки драгоценного питомника... Стоимость всей дачи выразится в сумме около десяти миллионов рублей"**).

В 1862 году капитан 1 ранга Крузенштерн получил исключительное право на вырубку печорского леса для экспортирования его заграницу в неограниченном количестве в течение

*) Беседы о севере России, 178 стр.
**) А. Шергин. Богатства севера, 80-81 стр. ССП. 1909 г.

12 лет. При хищнической эксплоатации лесов этот Крузенштерн мог превратиться в несколько лет миллиардера. Князь Гагарин в 1910 г. получил в Устьсысольском уезде леса 100.000 десятин, эксплоатация которого могла дать сотни миллионов рублей.

В расхищении основного богатства—леса, подвизались не только иностранные и русские капиталисты, но и местные коми купцы и промышленники. Так, купец Оплеснин купил у одного промышленника 1000 десятин строительного леса, эксплоатация которого могла дать свыше миллиона рублей. Забоев, Митюшев, владея громадными лесными участками, являлись типичными миллионерами, которые, как и Гагарин, Сурков, Крузенштерн и другие, занимались перепродажей этих лесов иностранным капиталистам.

Иностранный и русский капитал, рассматривая Коми, как свою сырьевую колонию по экспорту леса, конечно, не был заинтересован в создании лесопильных заводов. И действительно, в Коми не имеем ни одного лесопильного завода, если не считать завода, построенного в устье Печоры (расположенного вне Коми) норвежской фирмой Альфреда Лидбека, который затем был продан шведской фирме Стелла Поляре. Это был единственный лесопильный завод.

Как Коми, так и весь крайний север представлял собою крупнейшую лесную колонию русского и иностранного капитала. Так, из 37 лесопильных заводов Архангельской губернии, большинство принадлежали иностранным фирмам, и только несколько заводов работали на русский рынок.. Тот же Долинский, являвшийся крупнейшим идеологом буржуазии северного края, в том же докладе в вольно-экономическом обществе о развитии промышленности и торговли по бассейну рек Северной Двины, Мезени и Печоры, указывал, что „На Двине и Онеге корабельных лесов оставалось не много, все они употреблены на увеличение иностранных флотов, и бассейны обеих рек переданы в распоряжение иностранцев—можно считать уже отнятым для русского кораблестроения. Быть ли Печорскому краю и за ним естественно и всему Северному океану—с тревогой спрашивал Долинский—русским или обрекается он отдаче всецело во владение иностранцев“ *).

Иностранный капитал, являясь господствующим в лесной промышленности на севере, в частности Коми, не был заинтересован и в строительстве лесопильных заводов, так как ему было гораздо выгоднее вывозить лес кругляком и обрабатывать их у себя.

Архангельский губернатор, констатируя факт увеличения из года в год вывоза леса кругляком и приостановление роста лесопильных заводов в своем годовом всеподданнейшем отчете царю отмечает, что—„ценность лесов и значение их для населения края

*) Беседы о севере России, 367 стр.

заставляют с особой осторожностью относиться к их эксплоатации, которая при этом, конечно, должна быть проведена с возможно большой выгодой для казны и для местного населения. В этом последнем отношении обращает на себя внимание развивающийся в последние годы отпуск леса за границу, в нераспиленном виде, кругляком. В 1901 году его было отправлено за границу около 66000 бревен, в 1902 году уже 95000 бревен" *).

Губернатор бессомненно отражал точку зрения русских промышленников—недовольных господством иностранцев на севере. „Наши заводы—пишет губернатор в своем отчете,—едва ли будут в состоянии конкурировать с иностранцами, уже потому, что само устройство заводов заграницею. благодаря дешевизне машин, обходится значительно дешевле. При невозможности такой конкуренции сперва конечно погибнут мелкие заводы, затем постепенно прекратят свою деятельность и крупные лесопильные заводы. На первое время иностранцы несомненно повысят цену на лес, отчасти с целью подорвать лесопильные заводы, отчасти, чтобы убедить казну в том, что продажа леса непосредственно им более выгодна. Но, когда цель будет достигнута и иностранцы окажутся полными хозяевами дела, тогда, под предлогом падения цен на всемирном рынке (а цены будут тогда всецело в их руках), они предложат казне более низкие цены, и за отсутствием конкуренции, казна вынуждена будет рано или поздно уступить им". „Вот почему,—заканчивает губернатор свою информацию о состоянии лесопромышленности на севере,—я всецело разделяю взгляд моего предшественника т. с. Энгельгардт, чтобы вывоз леса из портов Белого моря в необработанном виде был воспрещен" **).

Другим, не менее важным богатством в Коми являлись рыбные промыслы. Печорская семга главным образом экспортировалась заграницу. Для скупки семги ранней весной приезжали на Печору агенты московских, петербургских, архангельских и чердынских фирм.

Так, один из корреспондентов газеты „Архангельск" сообщал из Печоры, что улов на Печоре „средний, у счастливцев, по 18-19 пудов на пай (по бочке). Скупщики петербургских и ярославских рыбопромышленных фирм Крутова, Языковых и других приехали с первым срочным рейсом Мурманского пароходства. Цена на семгу еще не установлена: скупщики берут, обещая произвести расчет потом. по цене, какая будет сделана после. Это обычный прием... Выгода его очевидна. Первый улов более нежный, еще в силу того, что он ранний, пойдет по обычной цене, сделанной компанией скупщиков" ***).

---

*) Дело № 48 1903 г. по секретной части деп. общ. дел. мин. вн. дел, с копией всеподданнейшего отчета о состоянии Архангельской губернии за 1902 г.

**) Там же, 6 стр.

***) Газета „Архангельск" № 183 1910 г.

Рыба экспортировалась не только местными русскими капиталистами, но и иностранцы эксплоатировали рыбные богатства по всему побережью Ледовитого океана и Белого моря, общий улов которых в 1910 году в 3-4 раза превышал улов русских предпринимателей.

На господство иностранцев в рыболовной промышленности обратил внимание тот же архангельский губернатор. В своем отчете царю за 1909 г. он указывал, что „Норвежцы издавна уже хозяйничают в наших водах, как у себя дома: весною у льдов в горле Белого моря, а с начала июля у берегов Новой земли. Бесцеремонность норвежцев дошла до того, что они основали постоянные промысловые пункты в северной части Новой земли, остающейся до сего времени вне всякого нашего надзора" *).

Норвежцы, англичане не только хозяйничали на севере, но и часто обращали сторожевые суда России в бегство, если последние пытались мешать иностранцам по эксплоатации рыбных богатств у берегов северных территориальных вод. Тот же губернатор доносил царю, что„ приведенные данные, в связи с прискорбною историей утраты нами Шпицбергена, свидетельствуют о необходимости неотложной государственной помощи по организации действительной охраны наших северных морских вод и побережий от нарушающего наши права и интересы, унизительного для достоинства России, открытого хозяйничанья иностранцев".

Коми являлся крупнейшей сырьевой базой по экспортированию пушнины, как то: соболей, песцов, горностаев, чернобурых лисиц, белок, и. т. д., которые закупались у коми и ненцев русскими и иностранными капиталистами через местных скупщиков.

Чернобурые лисицы, черные, как смоль, соболи, голубые песцы и лоснящиеся горностаи шли за бесценок. Капиталисты — скупщики, чтобы как можно дешевле получить эти дорогие шкурки, задолго до начала охотничьего сезона устанавливали твердые цены на шкуры и таким образом вынуждали охотников продавать предметы своего промысла по установленной скупщиками цене. Корреспондент газеты „Архангельск" Р. Болновой сообщал редакции из Печоры, что „здесь скупщики хорошо организованы. Пронюхав об удаче промыслов, они раз'езжают друг к другу, сговариваясь не давать больше назначенной цены, и промышленнику волей-неволей приходится задешево отдавать свою добычу, добытую им тяжелым трудом. Приблизительно за рябчик берут 35-50 коп., куропатку 25-30 коп., полевую птицу 25-30 коп., белку 10-30 коп. и за медведя 20-30 рублей. Общий заработок промышленника за один период до 50 рублей в удачу доходит до 200 рублей. Но охотники находятся совершенно в руках своих скупщиков, местных деревенских кулаков" *).

---

*) Дело министерства внутренних дел с копиею всеподданнейшего отчета о состоянии Архангельской губернии за 1909 г., 20 стр.

**) Газета „Архангельск" № 280, 1908 года.

Эти капиталистические скупщики пользовались почти неограниченной властью, в смысле распоряжения промысловиками. Корреспондент газ. „Архангельск", Угрюмый (социал демократ), указывал, что промысловики „свои добытые продукты должны непременно отдавать своему кулаку или чердынским купцам, ибо они вечно у них в долгу. Можно встретить у мужика много мехов, дичи, рыбы, но он вам этого не продаст ни за какие деньги, потому что кулак, когда узнает, что он кому нибудь продал свой товар, сейчас же пред'явит к нему иск и продаст все его имущество" *).

Особенно жестокой эксплоатации подвергались ненцы, которые должны были не только продавать этим скупщикам рыбу, шкуры, но и обязаны были бесплатно развозить по тундре своих эксплоататоров. Тот же Угрюмый указывает, что ненцы „абсолютно находятся в полной зависимости от этих эксплоататоров. Самоеды не только отдают все свои продукты, но еще и должны развозить этих хищников, когда они являются собирать „долги"... Кроме того, что эти хищники продают свои товары в три раза дороже их стоимости, они ценят самоедские товары в четверть цены. И это все у них происходит „ч е с т н о", ибо самоеды никогда не знают рыночную ценность своих товаров" (там же).

Коми, как рынок для сбыта товаров.

Коми, помимо сырьевой колонии русского самодержавия, так же являлась и крупнейшим рынком для сбыта товаров русских и иностранных капиталистов. Так, Коми—край рыбных богатств, являлся покупателем норвежской рыбы, трески и сельдей, которые ввозились в Архангельск, а отсюда дальше: в Вологодскую, Вятскую, Пермскую и в другие губернии России. В 1901-1910 году завезено рыбы: **).

Годы.	С Мурмана	С Норвегии	С Норвегии сельд.
1901	224.158 п.	1.157.227 п.	1.405.729 п.
1902	186.142 „	1.203.926 „	1.365.962 п.
1903	91.436 „	549.590 „	1.130 590 п.
1904	73.339 „	439.882 „	1.480.418 п.
1905	221.999 „	385.002 „	1.613.994 п.
1906	155.763 „	748.038 „	814.538 п.
1907	185.670 „	1.120.042 „	1.708.977 п.
1908	189.748 „	1.393.236 „	1.772.300 п.
1909	323.165 „	—	1.564.164 п.
1910	366.939 „	1.398.359 „	—

Эти данные ярко свидетельствуют о том, что север, в частности Коми, где имеются крупнейшие реки,—Печора, Вычегда с притоками и т. д. в условиях колониальной эксплоатации вынуж-

*) Газ. „Архангельск" № 40, 1907 г. 2 стр.
**) Обзор Архангельской губернии за 1910 г. 67 стр.

ден был потреблять иностранную рыбу, ежегодный ввоз которой в Архангельский порт оценивался в сумме больше двух миллионов рублей.

Край, имевший в своих недрах неисчерпаемые залежи различных полезных ископаемых, как то: угля, железа, меди и т. д., являлся потребителем иностранного железа. Кажимские горные заводы, благодаря ввозу иностранного железа, постепенно, из года в год, уменьшали размеры своего производства, не имея возможности конкурировать с железными изделиями, ввозимыми в Коми. В 1900 году закрылась доменная печь, которая в среднем ежегодно выплавляла чугуна 56.000 пудов.

Громадные массивы печорского точильного камня, вследствие колониального положения Коми, также не могли получить широкого развития. Промышленник Латкин, О. М., причины малой производительности своего брусо-добывающего предприятия об'ясняет отсутствием путей сообщения и массовым ввозом иностранного камня. Он указывает, что „обработка производится первобытными орудиями. Допотопная система разработки не дает возможности увеличивать оборот брусяно-точильной торговли, когда свободно возможно было увеличить ее в 10 раз, т. к. камень этот лучше заграничного, ввозимого к нам на миллионы рублей. Неумелая и первобытная постановка брусяно-точильного дела на Печоре дает полный простор провоза заграничного точильного камня в Россию через Архангельский порт и другие порты. Заграничный камень считается слабее и хуже печорского, только лишь одна обделка хороша. Если поставить техническую сторону обделки камня на Печоре наравне с заграницей, то можно вытеснить заграничный точильный камень, т. к. отечественный будет выходить тогда вдвое дешевле“*).

Коми, являясь потребителем иностранного железа, чугуна, стали, керосина, спичек, соли, которые ввозились в край русскими и иностранными капиталистами, была типичной колонией по сбыту товаров русских и иностранных капиталистов.

С. К. в своей статье совершенно правильно указывает, что если бы мы могли оживить жемчужину русского севера, Печору, с ее баснословными богатствами, то нам, русским, за точильный камень не нужно бы платить заграницу 7.000.000 рублей, за нефть 5.000.00 рублей“.

Коми край являлся крупнейшей базой для извлечения торговой сверхприбыли. Грабеж местногоо населения, путем обвешивания, обсчитывания, спаивания, продажи чая, серебра и золота и т. д.—был наиболее распространенным методом накопления капиталов, который ничем не отличался от методов первоначального накопления капиталов в Голландской Ост-Индии.

---

*) ИАОИРС № 10, 1911 г., 776 ст.
**) Газ. „Архангельск“ № 14, 1907 г. 3 стр.

„Печорская рыба лучших сортов—говорит один корреспондент газ. изв. Аонрс— принималась чердынцами без веса „на-глазомер". Мерой счета была бочка или другие меньшие единицы. В более позднее время стоимость бочки рыбы также не определялась на денежный счет, за рыбу денег не платили (считая ее недостаточной для такого расчета), а бочка равнялась стоимости куля или другой такой меры муки, смотря по уговору, или, вернее, доброты чердынца, отягощаемого разными коммерческими предлогами, то дороговизной муки, то плохим сбытом рыбы"**).

Благодаря такой торговле, купцы имели возможность зарабатыват баснословные барыши, которые можно было извлекать только с колоний. „Чердынцы за куль муки в 9 пудов —говорит тот же корреспондент—обменивали бочку сигов, отбора пудов 17—18, таким образом, считая рыбу хотя 1 р. 50 коп. за пуд, чердынцы свою муку ставили печорцам не дешевле 25—30 рублей за куль; нужно заметить, что нынешних цен в Камских районах никогда ранее не существовало, и цена 2—3 рубля за куль в старое время по Каме было заурядным явлением, и во всяком разе едва ли приходился чердынцам тогда куль муки на месте продажи дороже 5 рублей, что давало 500% барыша. Вот главная причина, по которой предшественники прежних „ч и ч и н е й" стали теперь солидными капиталистами, продолжая печорскую торговлю с оборотом в сотни тысяч рублей. Общий же годовой оборот всех крупных чердынских коммерсантов на Печоре переваливает до 3.000000 рублей"**).

Постепенно, в связи с проникновением на Печору ряда купеческих организаций из других местностей России, роста конкуренции между ними „чердынцы—читаем мы там же—вынуждены были перейти на денежный счет, только рыба долгое время оставалась в их зависимости, потому что о пудовом счете они узнали не ранее, как лет 30 тому назад" ***).

Кроме тех методов, которые давали возможность извлекать с населения Печоры колониальную сверхприбыль—другим методом ограбления местного населения явилось сбьешивание, для чего торговцы вместо гирь пользовались камнями и иными тяжеловесными предметами. „Теперь еще найдутся хозяева— говорит тот же корреспондент—имеющие весовой комплект гирь не больше 10 пудов, а когда приходится принимать бочку пудов по 25, как быть? В таких случаях вместо гирь на скалу встают 2-3 рабочих, а затем их взвешивают. Такие гири ничего особенного не должны из себя представлять, но дело в том, что эти ж и в ы е г и р и в былое время нагружались тя-

*) Изв. АОИРС. № 13—1909 г., 41-42 стр.
**) Там же, 42 стр.
***) Там же, 43 стр.

жестью (песком в карманах и за голенищами сапог) и таким образом часто работали целыми днями, вывешивая сотни бочек, а затем рабочие, разгрузившись где нибудь в укромном местечке, приходили и в глазах доверчивых рыбаков проверяли свою собственную тяжесть. В числе старых бурлаков есть теперь служившие прежде подобного рада специалистами, получая за это усиленные порции водочного угощения"*).

Особенно страдали от обвешивания местные ненцы, которые во второй половине XIX века еще не знали весов. Тот же корреспондент указывает, что на „Колгуеве до прошлого года (т. е. 1908 г. В. П.) ворванный жир принимался бадьями, как за пуд, тогда как действительный вес бадьи 2-2½ пуда"**).

На ряду с обвешиванием покупателей, другим распространенным приемом ограбления населения Печоры являлась фальсификация товаров, заключавшаяся в продаже неполновесных товаров, разбавленного вина, испорченных продуктов вместо хороших и т. д. „Моему близкому знакомому—пишет тот же корреспондент—который часто навещал одного чердынца, довольно солидного торговца, продающего на Печоре ежегодно одной муки более 2500 кулей, приходилось быть свидетелем такого факта. Раз, говорит мой знакомый, смотрю, отправляется чердынец в трюм с котелком и чугуном и начинает выдергивать пшено из мешков. С миру по нитке, голому рубаха, из десятка двух мешков по чугун крупы и богатому чердынцу вкусная каша. Как передают, у этого чердынца это обыкновенный порядок. Покупатель все одно весить не будет, уйдет за целый мешок" ***).

Другим видом фальсификации товаров являлась торговля поддельным чаем. „Население Печоры—пишет тот же корреспондент—издавна отличается довольно порядочным потреблением чая, которого чердынцами продается не малое количество. До введения казенного обандероливания, чай привозился целыми цыбиками и здесь развешивался, но вместо настоящего питейного чая чердынцы привозили громадные партии засушенной травы „Иван чай",— имеющий в приготовленном виде точный вид настоящего чая. Таким чаем торговал каждый чердынец. Когда чердынцы были предупреждены своевременно об обыске караванов печорской же полицией, то громадные партии „Иванушки" были выброшены за борт. По берегам Печоры, ниже Устьцильмы, везде были прибиты и выброшены фунтовики и просто кучи этого чая" ****).

Была также широко развита торговля поддельным серебром, деньгами и серебряными вещами, вместо настоящих

*) ИАОИРС 44 стр.
**) Там же, 46 стр.
***) Там же, 44 стр.
****) Там же, 45 стр.

серебряных. „Бывали случаи сбыта чердынцами поддельных серебряных денег, и, когда это доходило до сведения полиции и самих продавцев поддельных денег, мешки с поддельным серебром нашли вечное успокоение в пучинах печорских, а опытные дельцы остались здравствовать незапятнанными до сих пор" *).

Чердынцы не гнушались торговать и поддельным вином. Тот же корреспондент сообщает, что „вино, как самый лакомый товар 1 бутылка 1 рубль и при том вино отпускалось разбавленным, не крепче 30°" **).

Не только путем фальсификации товаров, обвешивания, обсчитывания капиталисты извлекали свои сверхприбыли, но иногда они это делали и путем открытого ограбления своих доверчивых покупателей, путем подпаивания их вином. „Часто пьяному покупателю навалывается совершенно не нужны отвар. Отправляется он пяным, на дорогу дают ему еще вина, в числе первого товара, а в доплату обрезанные ренты и серни, только по приезде в тундру заметит насколько он обобран" ***).

Громадные сверхприбыли извлекались купцми и путем установления высоких цен на привозимые товары по сравнению с их действительной соимостью. Так, „самоедам приходилось покупать от чердынцев чай (плохих сортов) не дешевле 3 рублей фунт, саха 60-80 коп. за фунт, сушки 30 коп. за фунт, мука 10 рублей за пуд „(при печорских ценах куль 30 рублей), а водка, как самый лакомый товар, один рубль бутылка" ****).

Продавая свои товары по бешено высокой цене, купцы в то же время требовали, чтобы местные промысловики—рыболовы и охотники не увеличивали цены на свои товары, угрожая в противном случае „заморить голодом". Поэтому среди рабочих и запуганных коми рыболовов и ненцев промысловиков „держится убеждение, что пушнина не должна подниматься в цене против установленной когда от ставки, Если приехал русский и предложит больше за песца или лисицу, это значит „дешева урская деньга стала" *****).

Придавленность, забитость населения Печоры перед „всемогущими" торговцами проявлялась на каждом шагу. Наибольшую придавленность, забитость, граничащую с положением раба, мы видим в лице должников, которые, — как мы уже об этом указывали выше,—не имели права продавать ни одной рыбы, ни одной звериной шкуры помимо своего „благодетеля", который снабжает в счет его будущих заработков мукой, крупой, сахаром, рыболовными и охотничьими принадлежностями. „Чем платить своему благодетелю-кредитору? Зимой, набив зверей, везет

*) ИАОИРС, стр. 45
**) Там же, 47 стр.
***) Там же, № 14 1909 г. 27-28 стр.
****) Там же, № 9 1909 г. 6-47 стр.
*****) Там же, 43 стр.

их шкуры кредитору, а последний уже не будет покупать шкуры зверей с убытком для себя. Таким образом выходит, что песец, стоющий по настоящей цене 13 рублей, кредитору обходится 8 рублей, задатчик же терпит убыток в 5 рублей. Это один из способов погашения долга кредитору. Существует еще другой способ. Он состоит в следующем. Весной, например, кредиторы уезжают в тундру, как бы за сбором „дани". Здесь-они раз'езжают по чумам самоедов и забирают от них продукты промыслов: шкуры зверей, сало и т. д. *).

Таким образом, Коми во второй половине XIX в. представлял собою типичную колонию царского самодержавия, которая эксплоатировалась как иностранным, так и русским капиталом самым хищническим образом. Царское правительство, рассматривая Коми в качестве своей сырьевой колонии—делало все необходимое для того, чтобы поддерживать Коми на низком техническом уровне, создавая этим условия для дальнейшей эксплоатации Коми в качестве рынка для сбыта товаров русских и иностранных капиталистов. Блестящей иллюстрацией этого положения является колониальная политика царизма, которая с корнем уничтожила все попытки промышленников приступить к эксплоатации многообразных природных богатств края, как то: нефти, меди, железа и т. д.

Попытки к разработке ухтинской нефти

Колониальная политика русского самодержавия, задерживавшая развитие производительных сил северного края, в частности Коми, чрезвычайно ясно вырисовывается в связи с первыми попытками северных промышленников приступить к эксплоатации ухтинской нефти. Известный северный промышленник М. Сидоров открыл ухтинскую нефть и получил предложение об эксплоатации ухтинской нефти от лесничего 2 го Мезенского лесничества Гладышева. Но архангельская администрация, получив уведомление от Гладышева о предложении им Сидорову приступить к разработке ухтинской нефти, немедленно сообщила Сидорову, что вследствие того, что в горном уставе не имеется никаких указаний относительно разработок нефти в Архангельской губернии, поэтому эксплоатация нефти не может быть разрешена.

Такой отказ был совершенно неожиданным, тем более, что местная администрация в течение 20 лет безуспешно разыскивала лиц, которые бы на льготных условиях взяли на себя разработку природных богатств края. Сидоров вновь обратился в Министерство Гос. Имущ. об отводе ему 3-х кв. верст, и 22 марта 1867 г. он получил вместо просимых 3 кв. верст площадь в одну кв. версту, причем ему было сообщено, что отдача 3 кв.

*) ИАОИРС.

верст „означенных минералов в аренду одному лицу представляется неудобною, ибо через это установилась бы монополия". Следовательно, здесь правительство выполняло волю кавказских нефтяных монополистов Ротшильда, Нобеля и т. д.

Сидоров, получив вместо просимых 3-х кв. верст площадь в 1 кв. версту, и не успев еще приступить к работе, вновь получает отказ от министерства государственных имуществ, мотивированный тем, что, якобы „местная администрация сама предполагает производить разведки и начать эксплоатацию нефти". Сидоров ходатайствует снова и ему вновь предоставляют просимый участок. Но архангельский губернатор не желал давать Сидорову участка. Сообщил министру, что Сидоров политически неблагонадежный элемент, и предоставление ему участков нежелательно, ибо в крае может развиться крамола. Сидоров при такой аттестации, естественно, лишился бы и этой 1 кв. версты, если бы своевременно не явился лично к министру и не сообщил последнему, что он за свои труды по северу и Сибири награжден целым рядом орденов, а потому донесения архангельского губернатора ложны. Сидоров доказывал „что архангельский губернатор, князь Гагарин, не заботится о казенных и общественных интересах, а имеет в виду всякими благовидными и неблаговидными способами лишить первого открывателя возможности возвратить затраченный им капитал. Отняв предоставленный ему участок, он надеется передать его в руки иностранцев, чтобы набить собственный карман" *). Здесь мы видим, как правительство и архангельская администрация, в лице губернатора, активно противодействовали разработке ухтинской нефти, мотивируя свои отказы то отсутствием соответствующих указаний об ухтинской нефти в горном уставе, то боязнью возникновения ухтинской монополии, что могло создать угрозу кавказской нефтяной монополии, то под предлогом, что государство „само будет разрабатывать ухтинскую нефть".

Когда Сидоров, несмотря на все противодействия архангельского губернатора, все же получил площадь в 1 кв. версту, архангельская администрация принимает вновь целый ряд мер, чтобы сорвать эту разработку. Для этого она распорядилась отвести Сидорову просимый участок таким образом, чтобы последний находился точно в 40 верстах от реки Ухты, а это было невыгодно для Сидорова. Он опять обращается к министру, что „доверенный мой Никитин на месте встретил новое препятствие к принятию отвода, что вы предоставляете отвести мне местность буквально в 40 в. от р. Ухты, т. е. где эти 40 верст по измерению цепью придутся, что тут и сделать отвод, ни шагу далее, что при наделении меня таковым отводом остается за гранью оного тот источник, который мной заявлен". В следствие этого, 31 мая 1868 г. министр вновь распорядился отвести Сидо-

*) Сидоров—О севере России, том I ,22 стр.

рову 1 кв. версту „в том именно месте, где находятся нефтяные источники, хотя бы местность эта оказалась и несколько в стороне от первоначально указанного самим просителем 40-верстного расстояния от устья р. Ухты, с тем только, чтобы общая поверхность площади не превышала пространства одной кв. версты" *).

Архангельский губернатор, желая сорвать разработки ухтинской нефти, включил в договор чрезвычайно невыгодные для Сидорова условия, по которым последний обязывался, во-первых, платить в казну по 3 р. ежегодно аренды за каждую десятину, во-вторых, губернатор предписал лесничему 26 октября 1868 г. за № 6438 „взыскать полную таксу за весь лесной материал, хотя он будет и вырублен на арендуемой местности, несмотря на уплату поземельных арендных денег по 3 руб. в год за каждую десятину и до уплаты за лес денег, без билета, не допускать рубки леса" **).

Такие условия договора заставили Сидорова вновь обратиться с ходатайством об освобождении его от платы попенных денег за дровяной лес в отданном ему участке, или с платою по половинной таксе. Кроме того, он указывал, что архангельская администрация „находит справедливым предоставить места, указываемые другими лицами на 24 года из платежа за кв. дес. по 30 коп." и просил „чтобы мера эта была распространена и на его прииск и, таким образом, скорее достигнуть цели развития промышленности на севере" ***)

Нефтяной устав 1872 г. окончательно хоронил всякую возможность развития нефтепромышленности Ухты. Устав 1872 г. характерен тем, что, во-первых, отменил величину площади в 1 кв. версту и установил площадь 80 саж. кругом от поставленного промышленником заявочного столба, во-вторых, одному лицу не может быть отведен другой участок ближе 2 верст от границ первого; самый промысел обложен горною податью по ведомствам, на землях коих производятся отводы, предоставлением права взимать с отвода подесятинную плату, и был установлен короткий срок начала разработок после предоставления участка.

Доверенный Сидорова, заключая в Архангельске в 1872 г. договор о предоставлении Сидорову 100 кв. дес. земли, был поставлен перед проблемой: стоит ли заключать контракт? А не лучше ли уехать обратно в Петроград, чем подписывать договор, где значилось, что „если Сидоров не приступит к добыче нефти после отвода площади в течение 2-х лет, то теряет право на прииск, а также, что срок пользования нефтяным участком прекращается вследствие безуспешно произведенных для полу-

*) Сидоров—О севере России, том I, 26-27 стр.
**) Там же, 29 стр.
***) Там же, 30-31 стр.

чения нефти работ и при том с полною платою попенных денег за лес, вырубленный даже на самом отведенном участке".

Договор заключался в 1872 г., т.-е. 4 года спустя после отвода. Заключая договор, Сидоров фактически уже лишался права владельца этого участка. В 2-х летний срок невозможно произвести не только обследование и изучение района, но даже поставить заявочные столбы и провести установленные законом глубокие межи. Поэтому принимать участки на этих условиях было простой комедией.

Невыгодным был нефтяной устав и потому, что он отменил прежде практиковавшееся предоставление площадей в 1 кв. версту, заменив его площадью в 80 саж. кругом. Спрашивается, что можно было делать на этом микроскопическом участке земли, в случае необнаружения нефти через 2 года? Этот устав мог быть применен в кавказских условиях, где районы были уже изучены, но не в Ухтинском районе.

Неприменимость нефтяного устава 1872 г. для севера была признана министром Гос. Имуществ Валуевым, который вошел 2 го марта 1873 г., за № 163, к министру финансов С. А. Грейг с представлением, в котором указывал, что „уменьшение отводов до размера, определенного законом 1 февраля 1872 г., отнимает по местным условиям всякую возможность успешно вести дело и, следовательно, убивает дальнейшее развитие нефтяного промысла в Мезенском у.". Далее, в представлении указывалось, что „министр гос. имущ. считает долгом покорнейше просить министра финансов дать его заключение: 1) какого рода контракты должны быть заключены на земельные отводы под добычу нефти, 2) достаточен-ли для Архангельской губ. установленный размер отвода, т.-е. 80 саж. кругом и, в 3-х, не следует-ли по заявкам, сделанным до издания правил, допустить отвод в большем размере, именно в одну кв. версту".

На все эти вопросы Грейг ответил следующее, что „закон 1872 г. вообще признает достаточным для всех местностей империи и не представляется, по мнению моему, основания к допущению просимого из'ятия из этого только что изданного закона, не токмо для будущих заявок, но и для тех, которые были сделаны для издания тех правил в том внимании, что заявители заранее знали о необходимости подчиняться означенным правилам" *).

О неприменимости нефтяного устава 1872 г. для севера высказалась и правительственная комиссия под председательством б. архангельского губернатора Качанова. Правительственная комиссия указывала, что „ввиду полного отсутствия заработков в Северном крае, при совершенной незначительности хлебопашества и ничтожности его развития, вследствие климатических условий, всякий новый промысел в том крае составляет

*) Сидоров—О севере России 52 стр.

истинное благодеяние для населения и заслуживает поддержки и поощрения правительства. Между тем, применение к Северному краю высочайше утвержденных 1 февраля 1872 г. правил о нефтяном промысле и акцизе с фотогенового производства при тех условиях, при которых производится в настоящее время добыча нефти в Северном крае, должно будет столь невыгодно отозваться на нефтяном промысле, что убьет в самом зачатке всякие попытки на этом поприще".

Дальше, комиссия указывала, что „еще более стеснительными для Северного края представляются постановления § 8 и 12 означенных правил, определяющие размер участков, отведенных для разработки нефти. При бедности самих источников, при тех трудностях, с которыми сопряжено устройство в глухой, отдаленной от жилья местности, промыслового заведения, на земле, не приносившей доселе никакого дохода, ограничение количества земли, отводимой для добычи нефти, 80 саж. от поставленного при заявках столба, как сие установлено упомянутыми правилами, едва-ли вызывается необходимостью".

„По всем этим соображениям,—пишет комиссия,—находя, что применение вышеупомянутых правил 1872 г. к нефтяному производству в Северном крае пагубно подействует на развитие оного в крае и может даже прекратить совершенно и те попытки, которые сделаны в настоящее время в сем отношении, признали необходимым в видах поддержания и развития этого промысла в Северном крае, кроме изъятия из действия упомянутых правил, предоставить хотя временно, до тех пор, пока нефтяной промысел привьется в том крае, некоторые облегчения для промышленников, а именно: 1) освободить от арендной платы за участки, отводимые на казенных землях, 2) уменьшить до 1/5 размер попенной платы за лес, потребный на заводские постройки, приготовление бочек и на топливо для перегонки нефти и отопление и 3) разрешить беспошлинный привоз из-за границы машин и аппаратов для нефтяного производства" *). Это постановление правительственной комиссии было сообщено министру финансов. Мы уже знаем классический ответ министра финансов Грейга, который, уже имея это постановление, не только согласился с каким-либо отдельным пунктом постановления правительственной комиссии, но самым решительным образом высказался против изменения устава 1872 г. и предоставления льгот северным нефтепромышленникам.

В каких условиях приходилось работать северным нефтепромышленникам, весьма ярко показывает письмо Ольги Рубцовой, адресованное князю Ливену, в котором она обвиняет его в издевательском отношении не только к ней, но и к той работе, в которой она принимала деятельное участие. В своем письме Рубцова указывает, что все эти распоряжения в данный момент

*) Сидоров—О севере России, 56-58 стр.

неприменимы ввиду климатических условий Северного края, т. к. „во 1-х, с половины сентября по 1 января отводов на р. Ухте производить невозможно, потому что с половины сентября, если ясная погода, то делается замерзание и начинает плыть шуга; если пасмурная, то существуют проливные дожди, затопляющие поляны рек и побочных речек. Затем, с 1 октября падают глубокие снега и вслед за тем наступают сильные морозы; в прошлом 1872 г. стояли морозы на р. Ухте до 40 ° и более. Если бы даже во власти Управления Г. И. Архангельской губ. было устранить сказанные препятствия, то едва-ли оно устранило бы глубокие снега, которые заваливают поляны р. Ухты, иногда до 9 аршин вышиною".

В своем письме, адресованном князю Ливену, Рубцова просит последнего научить ее как исполнять межевые законы т.-е. чтоб к каждому из 300 отводов сделать 1200 правильных просек, каждая в 160 саж., вырыть 2400 глубоких, по обе их стороны, ям глубиною не менее одной сажени каждая и завалить их дикими каменьями такой величины, чтоб каждый камень едва мог человек поднять с места. Откуда же отводчикам взять зимою дерн, чтоб покрыть им эти ямы, вышиною от горизонта воды не менее 2 аршин? как они укрепят до 2400 межевых столбов в снегу, или в воде, на поляне так, чтобы они не были снесены осеннею или весеннею водою". „Поэтому я, как неопытная девица,—пишет она далее,—осмеливаюсь думать, что все сделанные распоряжения об отводе нам приисков сделаны помимо ведома вашей светлости".

Министр государственных имуществ Валуев, видимо в это время отражавший интересы ухтинских нефтепромышленников, вошел с докладом царю об изменении нефтяного устава 1872 г. применительно северу и уведомил Комитет министров, что он за „сим представит его императорскому величеству всеподданнейший доклад о разрешении подвергнуть пересмотру закон 1 февраля 1872 г. в применении его к северным губерниям" *). Этот доклад был утвержден 19 апреля 1874 года.

Но и после утверждения местная администрация не изменила своего отношения к развитию ухтинской нефтепромышленности. Правда, Архангельское Управление Гос. Имущ., получив высочайшее повеление от г. министра Гос. Имущ., немедленно вызвало заявителей из Петрограда о предоставлении им все просимые участки, и при заключении договора включило туда пункты: 1) (п. 3) „В течение первых двух лет по отводе площади, промышленник обязан завести на ней разработку нефти", 2) (п. 9) „промышленник теряет права добычи нефти на отведенном ему участке, если не приступить к добыче нефти в течение первых двух лет, по отводе площади; вследствие чего участок отдается с торгов желающим" и 3) (п. 10) „срок пользования неф-

*) Сидоров—о севере России

тяными участками прекращается и вследствие безуспешности произведенных для получения нефти работ".

Из этих перечисленных пунктов мы видим, что архангельская администрация обставляла промышленников введением целого ряда совершенно неприемлемых для них пунктов. Ведь именно эти пункты и заставляли промышленников в течение целого ряда лет отказываться от заключения договора. Промышленники десятки раз обращались к министрам, чтобы отменили эти пункты. Архангельская администрация введением в договор этих пунктов заставила промышленников и на этот раз отказаться от заключения договора.

Развитие ухтинской нефтепромышленности сознательно тормозилось. За спиной архангельской администрации стояли более могущественные силы, которым было невыгодно развитие Ухты, которым был невыгоден конкурент в лице ухтинской нефти.

Нефтепромышленники, встречая на каждом шагу препятствия к разработке нефтяных промыслов, решили создать кампанию по обработке нефти и приобрести в собственность 125.000 дес. земли, думая парализовать таким образом вмешательство администрации в дела кампании. Приведем их докладную записку, поданную министру Гос. Имущ. Валуеву от имени 12 промышленников, обладавших колоссальными материальными средствами: Сидорова, Зубцовой, Мотарова, Ламшевой, Сидоровой, Антоновской, Старостина, Аксеновой, Карауловой, Бараловского, Студитского и Лопатина, в которой они писали следующее: „Для развития нефтяного промысла на Печоре, который имеет важное значение для всего севера России, Ваше П-ство желали доставить льготы промышленникам. Употребив много труда и капитала для начала этого промысла в отдаленном и безлюдном крае, где нет никаких путей сообщения, мы пришли к убеждению, что без приобретения в собственность отведенных нам и заявленных нами участков в Печорском крае, нельзя предпринять решительных мер для развития нефтяного и доманикового промыслов". Дальше просители указывают, что „для развития горного дела воспоследовало высочайшее соизволение на уступку в вечное владение поручику князю Юрию Голицину 125.000 дес. земли в населенной местности Печорского края и другими угодьями, хотя кн. Голицин пока не затратил еще никакого капитала для развития местных промыслов. Между тем некоторые из нас трудились в Печорском крае по нефтяному делу с 1864 г., т. е. более 12 лет. Мы отыскали и обследовали 386 участков. Если положить расходы на каждую заявку только по 500 руб., то употреблено нами около 200.000 руб. Мы производили на собственный счет буровые и другие работы, исследовали пути сообщения для проложения дорог, начали прокладать и самые дороги по местам пустынным, очищали фарватер рек от завалов камней, строили на Печоре барки, суда и паро-

ходы с нефтяным отоплением, сплавляли по р. Ухте, Ижме и Печоре десятки тысяч пуд. доманика и нефти, содержали в Печорском порту лоцманов и рабочих, фрахтовали иностранные суда и отправляли на них доманик и нефть во Францию, в порт Дюнкерх, для опытов и освещения севера Парижа. Мы посылали образцы нефти и доманика на всемирные выставки: в Париж, Вену, С. Петербург, Москву и Филадельфию и от первых четырех получили награды первой категории".

Дальше они указывают, что „соображения, на основании которых разрешена продажа земли князю Голицину, еще более применима к настоящему нашему ходатайству. Земли по рекам Ухте и Черной, как находящиеся в совершенно незаселенной местности, не приносят казне и десятой части того дохода с десятины, какой извлекали они из уступленных земель князю Голицину (они давали по 3½ коп. с дес.) Нефтяные наши предприятия, над которыми мы трудимся уже с 1864 г., на основании опытов оказываются почти невозможными для осуществления при существующих порядках, которые не доставляют нам никаких прочих гарантий вознаграждения за труды наши и расходы. Участки, отведенные нам, а также и заявленные нами, мы готовы купить по той же цене, по какой уступлена была земля князю Голицину, т. е. по 30 коп. за десятину, но с тем еще в пользу казны изменением, что все следующие за отведенные участки деньги по 30 коп. за дес мы обязуемся внести в течение 10 лет, но при заключении купчей в С. Петербурге, а заявленные местности по отводе их также при выдаче купчей". И свое заявление они заканчивают просьбой об уступке им „в вечное владение по 30 коп. за дес. отведенных и заявленных нами участков"*).

Министерство Гос. Имущ., получив такое заявление компании нефтепромышленников о продаже им 125.000 дес. земли, запросило об этом Вологодское и Архангельское Управления Государственных Имуществ, не встречается ли с их стороны каких либо препятствий на продажу просимых нефтяных участков. 5 марта 1880 г. за № 7377 министерство Г. И. отказало им во всех просьбах, ввиду того, что согласно „собранных сведений его превосходительство не изволил признать возможным согласиться на просимую продажу; вследствие чего и на основании предшествовавших распоряжений просителям надлежит явиться в Архангельское управление Г. И. для заключения контрактов на арендное содержание отведенных им в 1874 г. нефтяных участков, уплатив казне расходы, произведенные ею на отвод этих участков" **). Основной причиной отказа выдвигались сведения, затребованные от Архангельского и Вологодского Управления Г. И., которые якобы отрицательно отнеслись к этой продаже. Однако этот мотив не соответствует действительности.

*) Сидоров—О севере России 108-112 стр.
**) Там же, 123 стр.

Это видно из того, что Архангельское Управление Г. И. от 7 марта 1877 г. за № 1152, по делу о продаже нефтепромышленникам участков в Печорском крае площадью 125.000 дес., уведомляет Лесной Департамент, что местных препятствий к отводу в собственность просимых участков не имеется, за исключением того обстоятельства, что, например, по рекам Ижме, Ухте и Песочной расположены б. государственных крестьян сенокосы, которые, чтобы остаться во владении крестьян, должны быть выделены из общего пространства просимого по этим рекам участка. Главным же препятствием послужит самый отвод участков, ибо, во-первых, при управлении в настоящее время находится только один топограф, необходимый для разных съемочных работ по губернии, во-вторых, просимый участок находится от г. Архангельска в 1.300 верстах; путь туда в летнее время весьма затруднительный и медленный, а потому управление полагает необходимым... командировать особую партию из межевых чинов и заведывающего работами не позже апреля месяца", чтобы „уже в мае месяце приступить к самим работам". Такой же положительный ответ дало и Вологодское Управление Г. И., которое указывало, что средний доход на 1 дес. с просимых участков не превышает 0,04 коп. „Цифра эта доказывает, сообщало оно в лесной департамент от 28 мая 1877 г. за № 5376, что доходность и, следовательно, и ценность земель, просимых нефтепромышленниками, в настоящее время ничтожны и, если земли эти рассматривать как лесные пространства, то цены, предлагаемые Сидоровым и др., нельзя не признать не выгодными для казны, в особенности, если г. Сидоров и др. уплатят за них при покупке наличные деньги без всяких рассрочек" *).

Нефтяная компания после отказа продать просимую ею землю распалась, но первые открыватели нефти в лице Сидорова, Сидоровой, Мошарова и Рубцовой вновь обратились 5 сентября 1880 г. с ходатайством о продаже им 2.520 дес. земли в частную собственность, для развития в них нефтяного промысла. В своем прошении они заявляют: „Заботясь об улучшении положения северных жителей, мы первые решились употребить свои труды и капиталы для открытия и развития промыслов на севере, но начальство не только не содействовало нам, а препятствовало всеми мерами. Начались недоразумения между начальством и нами, которые продолжаются уже 20 лет со времени первой заявки нефти. От первого вызова брать казенные земли прошло уже 40 лет, и никто, кроме нас, на это не решился. Но мы употребили так много трудов и денег, что было бы непростительно с нашей стороны отказаться от продолжения дела. Мы желали бы для пользы своего отечества положительно убедиться, возможно ли развитие нефтяного промысла на нашем севере? И поэтому из несколь-

*) Сидоров—О севере России, 119-122 стр.

ких миллионов казенной земли покорнейше просим вашу светлость продать нам хотя 24 участка, которые отведены в наше владение в количестве 2.500 дес., и сверх того 480 дес. в устьях Печоры для устройства складов горючих веществ; мы обязаны устроить их со всеми продуманными предосторожностями для предупреждения взрывов, пожаров, провалов и разрушений, которые могут подвергнуть опасности жизнь рабочих и соседние местности". Дальше они делают решительное ударение на то, что если „24 участка с горелым лесом в пустынях севера не будут уступлены нам в нашу собственность, несмотря на то, что и до сего времени продаются за бесценок правительством богатейшие казенные корабельные рощи на юге, а равно в Мензеланском у., и даже вопреки закона, недозволяющего продавать казенные земли с корабельными лесами („Голос" № 235-26, авг. 1880 г.), если все сведения, доставленные б. министром Г. И. граф. Валуевым и все обширные труды правительственных, промышленных и ученых комиссий, сенаторов и представления местных управлений окажутся неимеющими никакого значения перед высокими воззрениями вашей светлости на пользу отечественной промышленности, то покорнейше просим возвратить издержки и расходы, которые сделаны одним из нас, Сидоровым, с 1864 г. по настоящее время, в количестве 600.000 руб., вследствие многих приглашений правительством к развитию промышленности на севере, удостоверенных самим г. министром в самом начале замены его Комитет. Министров. Тогда мы отказываемся от всех своих прав и высочайше предоставленными нам участками министерство может распоряжаться по своему усмотрению. Тогда вполне осуществится предсказание высочайше утвержденной комиссии о мерах к экономическому развитию северного края, что применение правил 1872 г. о нефтяном промысле к нефтяному производству в северном крае пагубно подействует на развитие оного в том крае и может даже прекратить совершенно и те попытки, которые сделаны в настоящее время в сем отношении"*. Однако и на это прошение был получен отказ.

Для того, чтобы сорвать всякое развитие ухтинской нефтепромышленности, правительство отказало в продаже ничтожнейших количеств земель, с доходностью в год 0,04 коп. за десятину, в то время, когда оно излюбленным лицам отдавало, в ущерб казне, вопреки всех существующих законов колоссальнейшие участки земли.

Так-же отрицательно отнеслось царское правительство и к попытке д. с. с. Барановского, изъявившего желание начать разработку горючих сланцев. Последний 11 июля 1873 г. просит М. Г. И. „о разрешении ему производить разработку

*) Сидоров—О севере России 137-141 стр.

горючих сланцев по р. Ухте и Черной, на тех же самых основаниях, на коих лесной департамент предоставил д. с. с. Воронину и Боровкову в Тульской губ. на 48 лет 30 участков земли, по 2 кв. версты каждый", на что получил очень знаменательный ответ: „Ходатайство это не может быть удовлетворено, как несогласное с действующими по горной части постановлениями". Этот ответ был совершенно неожиданным для Барановского, который подал заявление по всем юридическим формальностям закона. Последний, прежде чем подать заявление об отводе просимых земель, получал от Лесного департамента справку, на каких условиях он может получить эти участки, в виде проекта контракта, заключенного департаментом в 1870 г. с д. с. с. Ворониным и камергером с. с. Боровковым, о чем он и уведомляет Лесной департамент, что „я 11-го июля 1873 г. представил в Лесной департамент проект контракта, написанный слово в слово с того контракта, какой дан был мне из Лесного департамента". Следовательно, Лесной департамент заключил контракт с Ворониным и Боровковым об эксплоатации каменного угля и сланцев в Тульской губ., в то же время не нашел возможным заключить контракт на таких же основаниях с Барановским для разработки ухтинских и ижемских горючих сланцев. Барановский, желая заинтересовать правительство организацией заводов для переработки из горючих сланцев различных масел, которые дадут государству известный доход, вновь обращается 25 мая 1875 г. с ходатайством к М. Г. И. о предоставлении ему просимых участков, на что получил такой ответ: „По мнению горного департамента, пространство отводимой земли для каждого горного завода не должно превышать 3-х кв. верст, находя их достаточными для устройства завода со всеми к нему техническими принадлежностями". Барановский, получив такой ответ и учтя, что ответ не носил прямого отказа, в ноябре 1875 г. подал прошение к М. Г. И., в котором обязывался „учредить 4 завода по дистилировке горючих сланцев, на что получил полнейший отказ в отводе не только к каждому заводу по 300 дес., т. е. всего 1.200 дес., но даже и в 3-х верстах на все 4 завода, без об'яснения каких либо мотивов". Таким образом, царская бюрократия сорвала и попытку к разработке горючих сланцев. Кроме Сидорова, Барановского, Рубцовой, подавали заявление о разрешении разработки горючих сланцев Антонова, Студитский, Лиманова, Старостина, Караулова, Аксенова, коих постигла такая-же судьба, как и Барановского.

Такое же бюрократическо-отрицательное отношение правительства мы видим к вопросам разработки медной руды в Печорском крае. 17 ноября 1855 г. промышленник Кузнецов обратился с просьбой в Архангельское полицейское управление о предоставлении ему разрешения на право приисков по си-

стеме р. Цильма. Ответа не получил. Через 5 лет, 19 декабря 1860 г. Кузнецов обращается с просьбой в Горный департамент, но последний отказал ему на том основании, что он обратился, минуя Олонецкое Горное управление. Когда-же он обратился туда, то ему ответили, что он попал не по адресу, т. к. Архангельская губ. к Олонецкому Горному округу не приписана. Начиная с 1860. г., Кузнецов бомбардировал Горный департамент с просьбой о разрешении начать разведку и приступить к разработке медных руд, но последний счел нужным отделаться от неприятного просителя молчанием на все ходатайства. Таким образом, медная промышленность искусственно задерживалась несмотря на то, что заявители в течение 14 лет не оставляли этого вопроса и ходатайствовали по всем высшим правительственным учреждениям о выдаче разрешения на право разработки медной руды в Печорском крае.

Колоссальные запасы железных руд в Северном крае и в частности в Вычегодско-Печорском бассейне также совершенно разрабатывались. Если во второй половине XVIII века мы видим известную заинтересованность правительства под влиянием железного голода, ощущавшегося в России, развивать железоделательное и чугуполитейное дело, что мы видим на примере создания 3-х Кажимских горных заводов, то совершенно иной политики стало придерживаться правительство во второй половине XIX века. В течение всего XIX века мы не видим никаких признаков оживления в разработке железных руд на крайнем севере. Мало и этого. Правительство совершенно не заботилось и о тех заводах, которые тогда уже существовали. Полнейшее отсутствие не только железных, но и шоссейных дорог на севере совершенно закрыло даже ближайшие рынки для Кажимских горных заводов.

Отсутствие путей сообщения не только тормозило развитие горной промышленности, но и просто срывало всякое начинание в этой области. Так, на „западном склоне Урала в пределах Чердынского у. по р. Вытегре развивало свою горнопромышленную деятельность Французское Волжско-Вытегорское акционерное общество. Деятельность этого общества, говорит В. М.-ч, при несомненном изобилии и прекрасном качестве железных руд, однако, прекратилась, отчасти вследствие бездорожья, но, глазным образом, потому, что в начале деятельности общества была допущена одна крупная ошибка: завод и домна были построены на месте, где не оказалось ни руды, ни древесного топлива, а вышележащие по р. Вытегре богатейшие рудники остались без завода. Ошибка, конечно, поправима, тем не менее общество ликвидировало свои дела; между тем громадные залежи руды по р. Вытегре дают возможность полному расцвету здесь горного промысла. Один из рудников, Кужамский, имеет богатейшую руду, железный

блеск, с содержанием железа до 70 пр. и выше. Запас руды здесь очень велик и распространяется далеко за пределы рудника. Другой рудник, Вексовский, содержит магнитный железняк до 45 пр. Наконец, несколько рудников с красным железняком, с содержанием 57-60 пр. железа *).

Отсутствие путей сообщения, ввоз русского и иностранного железа в Северный край,—вызвали не только постепенное понижение железоделательной и чугуноплавильной промышленности, но даже ликвидацию ряда местных заводов, занимавшихся добычей и плавкой железных руд. Так, закрылась доменная печь на правом берегу р. Уньи, левого притока Печоры, которая еще в 1900 году выплавила 56.000 пуд. чугун. Закрылась эта печорская доменная печь вследствие высокой саебе стоимости продукции благодаря чему она не могла конкурировать с привозным чугуном и железными изделиями, хотя запасы руды в районе доменной печи исчислялись не менее 9 милл. пудов, с богатым содержанием железа и фосфора.

Отрицательное отношение правительства к развитию производительных сил севера коснулось всех наиболее видных отраслей промышленности края, получившего свое развитие со второй половины XVIII века. Для того, чтобы развить производительные силы, нужны были железные дороги, грунтовые пути следовало более широко открыть двери для колонизации поощрять разработку различных полезных ископаемых. Правительство усиленно старалось похоронить все отрасли местной промышленности.

Не лучше относилось правительство и к улучшению соляной промышленности в Коми крае, которое было довольно развито в XVI-XVIII веках. Если мы возьмем крупнейший солеваренный Сереговский завод, то и здесь мы видим постепенное падение этого промысла, что мы видим из прилагаемой здесь таблицы *):

1846 г.	было добыто соли	230.000	пудов
1908 г.	„ „	194.000	„
1909 г.	„ „	165.000	„
1910 г.	„ „	81.000	„
1911 г.	„ „	93.000	„

Чем об'яснить такую низкую производительность сереговского солеваренного производства. Во-первых, низкой техникой добычи соли, во-вторых, недостаточностью числа соляных скважин. Благодаря такой отсталой технике, соляные заводы Северного края не могли удовлетворять потребности даже местного рынка. Край, имеющий неисчерпаемые богатства

*) И. А. О. И. Р. С. № 16, 351 стр. А. 1911 г.
*) Соляное дело в Вологодской губ. В. 1919 г. Вып. II

соли, которой в XVI-XVIII в. в. частично снабжал Западную Европу, во второй половине XIX века оказался не в состоянии удовлетворять потребность местных рыбопромышленных предприятий и потребность местного населения, что лишний раз подтверждает мысль, что техника в соляной промышленности была настолько низка, что местная солепромышленность потеряла свой собственный рынок. Потребность края в соли покрывалась иностранными солепромышленниками. Вот данные ввоза иностранной соли в Архангельск*.)

В 1908 г. было ввезено 245.502 пуда
„ 1909 г. „ „ 201.171 „
„ 1910 г. „ „ 74.471 „

Кроме того, не менее миллиона пудов соли ввозилось ежегодно на Мурманск, в Печору для удовлетворения нужд рыбопромышленных предприятий. Следовательно, 280.000 руб. (считая по 40 коп за пуд), которые Россия платила иностранцам за соль для одного только севера, могли служить солидной суммой для усовершенствования и развития северной солепромышленности, но царское правительство не принимало никаких мер к поднятию этих промыслов.

В таком же печальном положении находилось производство точильного камня в Печорском крае.

Благодаря чрезвычайной низкой технике, производство его нехватало на удовлетворение нужд местного населения Севера.

В 1809 году на Войскове вырабатывалось до 20.000 точил, брусьев до 16.000 пудов. Точила приготовлялись от 20 до 30 пудов, а брусья от 2-х до 10 фунтов. Первые продавались от 70 до 80 коп. за пуд, а вторые от 3 до 7 коп. за штуку**). „Техника производства бруса на Войсковых копях самая примитивная—говорит корреспондент газеты „Архангельск“.—В горе просверливают канал, закладывают металлическую трубку, затем взрывают. Отломившуюся глыбу расщепляют, вколачивая железные клинья. Материал брусковый обрабатывается на глазомер топором, точильный обводится циркулем из дерева, большая часть брускового поступает на рынок в полуобработанном виде, часть его обтачивается***).

Латкин О. М., об'ясняя о причинах малой производительности своего брусо-добывающего предприятия, указывает, что „на примере брусяно-точильного производства на Печоре видно в каком состоянии находится Север в торгово-промышленном

*) И.А.О.И.Р.С. № 12 756 стр. А. 1912 г.
**) Технологический, журнал т. VI, часть III, 187 стр. П. Изд. Акад. Наук 1809 г.
**) И. А.О.И.Р.С. № 17 1911 г. А., 466 стр.

отношении. Обработка производится первобытными орудиями Допотопная система разработки не дает возможности увеличить оборот брусяно-точильной торговли, когда свободно возможно было увеличить ее в 10-и больше раз, т. к. камень этот лучше заграничного ввозимого к нам на миллионы рублей". Дальше он указывает, что „неумелая и первобытная постановка брусяно-точильного дела на Печоре дает полный простор привоза заграничного, точильного камня в Россию через Архангельский и другие порты. Заграничный камень считается слабее и хуже печорского, только лишь одна обделка хороша. Если поставить техническую сторону обделки камня на Печоре наравне с заграничной, то можно вытеснить заграничный точильный камень, так как отечественный будет выходить тогда вдвое дешевле"*).

Местные организации, в частности устьсысольское земство, которое должно было поддержать это производство в интересах снабжения крестьян местными более дешевыми брусьями и точилами не обращало на это никакого внимания. Здесь земство вело такую же политику, что и правительство, тормозя развитие этого важнейшего производства, и тем самым способствовало ввозу иностранных точил и брусьев в Россию и поддерживало Коми на положении колонии для сбыта товаров русских и иностранных капиталистов.

Коми, как рынок для ввоза капиталов

Коми являлся и крупнейшим рынком для ввоза русских и иностранных капиталов. Сферой приложения иностранного и русского капитала в Северном крае, и в частности в Коми, во второй половине XIX века являлась лесная промышленность. В начале XIX века иностранный капитал начинает интересоваться главным образом ценнейшими ископаемыми Печоры (нефтью, углем, железом, медью и другими различными ископаемыми). В начале XX века иностранный капитал предпринимает шаги к получению в концессию Большеземельскую и Малоземельскую тундру, для разработки ее многообразных природных богатств. „Ходатайствуя о концессии с правом ее распродажи,—читаем мы в постановлении междуведомственной комиссии, состоявшемся под председательством архангельского губернатора—и занятия других водных бассейнов в Канинской и Тиманской тундрах, которые по исследованию окажутся удобными (зная хорошо о меди, серебре, золоте по реке Цильме слюде, точильном камне, каменном угле) и учреждая концессию на иностранные капиталы в сумме 8.000.000 рублей, концессионерами явятся, само собою, иностранные капиталисты, целью которых будет выжать в течение арендного срока все, что возможно, в свою, но не на русского государства пользу"**).

*) И А О И Р С № 17, 1912 г., 466 стр., А.
**) Там же №16, 1912 г.

Архангельская администрация, отражавшая интересы северных капиталистов, решительно высказалась против передачи означенных тундр в концессию иностранцам, мотивируя это тем, что „самоеды и русские поселенцы в тундрах всего в количестве 5000 душ, а также ремесленники из уезда лишены будут всех промыслов в тундрах, так как все их угодья отойдут концессионерам и в качестве аренды. Поселенцы, чтобы не умереть с голоду, вынуждены будут бросить хозяйство и промыслы и обратиться в рабочих у концессионеров. Самоедам, непривычным к оседлой жизни и оседлому труду быстрое вымирание, в лучшем случае, из оленеводов-собственников превратиться в рабочих при стадах оленей, собственниками которых явятся концессионеры, остальному населению уезда, около 35.000 человек, зарабатывающему на промыслах в тундре и на провозе продуктов промысла к железной дороге 880.000 рублей —голодовка, или поступление рабочими на концессию".

„Указание концессионеров на колонизацию тундр—читаем мы в том же постановлении—безработными из центральных губерний, а также из местностей, посещаемых неурожаем—праздный вымысел, скрывающий собой действительные намерения: концессионерам нужны не колонизаторы, а только рабочие на факториях, лесопильных и маслодельных заводах" и т. д.

Архангельская администрация, решительно высказавшись против продажи и концессии означенных тундр, мотивировала свое отрицательное отношение и тем, что „истребление лесов в таком суровом и холодном, как Тиманская тундра, крае, где для роста дерева диаметром 5-6 вершков потребно 80 100 лет, поведет к тому, что в течение 40-50 лет эти тундры оголятся, не из чего будет строить изб и крестьянских дворов, недостаточно будет и дровяного леса, необходимого при кочевом образе жизни со стадами оленей, что „устройство концессий на иностранные капиталы перепродажей ея иностранцам еще более разовет хищнические промыслы морского зверя и рыбы и по океанскому берегу от северо-восточного побережья Чешской губы вплоть до Уральского хребта (камня) и на островах: Новая Земля, Колгуев и Вайгач—зверя, птицы, гагачьего пуха, птичьих яиц и др. продуктов. Паровые суда как концессионеров, так и хищников иностранцев, будут ходить под одним и тем же флагом".

Таким образом мы видим, что даже архангельская администрация выступила решительно против иностранной колонизации и вскрыла основные цели этой колонизации. Когда население Мезени узнало о предполагавшейся отдаче в концессию иностранным капиталистам Канинской и Тиманской тундры, богатых всевозможными ископаемыми, непосредственно обратилось телеграммой Николаю II об отмене этой концессии:—„Повели, великий государь, устранить предстоящую передачу родного Севера нашего и нас, твоих верноподданных, иностранцам

на разорение и кабалу. Мы сами сумеем колонизировать тундры, развивать в них промыслы и послужить на благо родины и свое"**).

Постановление архангельской администрации, о нецелесообразности передачи означенных тундр иностранным капиталистам, сделано не из внимания и любви к трудящимся Севера, а исключительно в интересах русских капиталистов, которые в связи с проведением Архангельской железной дороги, воспряли духом и рассматривали Северный край как выгодное место для применения своих капиталов. О. М. Латкин на страницах Известий АОИРС сокрушенно замечает, что „делу колонизации канинской и Тиманской тундры наверно будут препятствовать местные самоеды, в силу данной им грамоты государя Иоанна IV Васильевича от 15 апреля 1545 года. С этого времени прошло около 400 лет, жизнь, условия совершенно изменились, и руководствоваться в настоящее время подобными грамотами положительно немыслимо, чтобы не держать дальнего Севера пустыней. Местные условия Севера при наличности миллионов десятин сенокосных лугов позволяет широко раскинуть скотоводство, продукты которого должны выразится в миллионах рублей... Очень прискорбно—пишет он дальше,—что огромные богатства до сих пор лежат неиспользованными и считаются почему-то запрещенными для пользования. Недоступность и преграда у нас, русских, труднее преодолимы, чем у иностранцев, благодаря такому положению мы уступили им богатый полуостров Аляску, создали в Северной Америке не мало миллиардеров**).

Зная недостаток рабочих рук для эксплоатации различных ископаемых и лесных богатств, совершенную незаселенность края, Латкин находил возможным заселить Северный край, в частности Коми, принудительными мерами. „В России сотни тысяч рук, попадая в тюрьмы, пропадают даром—говорит Латкин.—Преступники томятся в тюрьмах, где их кормят и одевают за счет казны, но не исправляют. Почему бы эту силу не использовать, применяя, как рабочие руки, на Севере, для устройства обще-государственных сооружений". Из этого мы видим, что в эксплоатации богатств Севера заинтересованы были не только русский капитализм, но и местные коми капиталисты.

Латкин, указывает, что ненцы будут возражать против колонизации тундры русскими капиталистами, но почему они будут возражать против этой колонизации, автор умолчал. Что означала русская колонизация края? Расхищение природных богатств в интересах русского капитализма за счет эксплоатации труда и вырождения коми и ненецкого населения. Здесь мы наблюдаем только смену ролей иностранного капитала на

*) Известия Арх. Об-ва. Изуч. Русск. Севера.
**) Там же, № 24 1912 года.

русский, но не изменение существа колониальной политики, ибо в основном нет никакой разницы между русской и иностранной колониальной политикой.

Совершенно неверным мы считаем попытки некоторых авторов, как, например, профессора Ямзина, обелить колониальную политику царизма, который указывает, что русская колонизация не вела колониальной политики по отношению к своим окраинам, т. е. не вела хищнического ограбления их природных богатств в интересах извлечения выгод колонизаторов. „Если русская колонизация—читаем мы в одном из тезисов, посвященных вопросам колонизации—не носила сознательно-истребительского по отношению к туземцам характера, то отнюдь не в силу каких то особенных черт характера, присущих только русскому народу, а потому, что она была почти исключительной земледельческой, не преследовавшей цели быстрого обогащения, бурного накопления капиталов. Но в конце концов,—читаем мы дальше— и русская колонизация оставила по себе не добрую память у тех, за чей счет она производилась"*).

С каких пор сельско-хозяйственная колонизация, заключавшаяся в экспроприации крестьянских земель, в извлечении прибыли, велась в интересах самих экспроприированных, а не в интересах сельско-хозяйственных колонизаторов? Сельско-хозяйственная колонизация проникала в Северный край и в Коми не во имя улучшения экономического положения эксплоатируемых колониальных рабов, а исключительно ради извлечения с местного населения сверхприбылей, которые создаются трудом эксплоатируемых крестьян. Разве методы сельско-хозяйственной колонизации той или иной территории чем либо отличаются от промышленной колонизации? Ясно, нет. Как там, так и здесь происходит экспроприация их орудий и средств производства в интересах колонизаторов. Кустари и ремесленники лишаются своих орудий производства, крестьяне лишаются земли и превращаются как кустари и ремесленники в рабочую силу в новых колонизаторских предприятиях. Все крестьянские движения, начиная с первой крестьянско-казацкой революции (смуты), до конца XIX века являлись результатом не только крепостничества, но и национально-колониальной политики царизма.

Абсолютно нет никакой разницы между русской и иностранной колонизацией. Сущность русской и иностранной колонизации заключалась в извлечении выгод от применения своих капиталов в экономике края и путем ограбления местного населения в форме отчуждения крестьянских земель, рыболовных и охотничьих участков в пользу новых колонизаторов. Местное население коми являлось ничем иным, как рабочей силой новых колонизаторских предприятий.

*) Труды Государственного Научного Исследовательского Института.

Эти попытки иностранных колонизаторов получить в концессию печорские тундры не увенчались успехом. Потому что самая обстановка революции 1905-1907 г. г. совершенно не соответствовала этой продаже. Как только последняя была подавлена, иностранный капитал вновь начинает интересоваться не только приобретением всего Северного края, но и северных железных дорог. „Новое Время" от 23 сентября 1909 года (№ 12045) информировало своих читателей, что „слухи о намерении бельгийских капиталистов купить северные железные дороги говорят о несомненной заинтересованности иностранных капиталистов в деле постройки пути от Белого моря к Богословскому заводу; все указывает на то, что северные губернии Европейской России начинают пользоваться усиленным вниманием со стороны кругов, ищущих применения своих капиталов" (газета „Новое Время" №12045, 1909 года).

Оповестив на всю Россию о тенденции бельгийских капиталистов захватить российские северные железные дороги, „Новое Время" выступило в роли учителя, говоря о необходимости „для государства привлечения в край иностранных капиталов, так как для русских капиталистов достаточно дела и в центральных частях России. Но для того, чтобы выгодно продавать, надо знать, что продать, иначе легко уступить первенство за чечевичную похлебку. Необходимо быть хозяином дела" *).

Что означала продажа казенных северных железных дорог бельгийским капиталистам?

Рассмотрим те условия, на которых бельгийские капиталисты покупали дорогу. „ 1) Аренда распространяется на все существующие линии и те, которые имеют быть построены как государством, так и арендуемой компанией до 1960 года. 2) Арендаторы обязуются построить в определенные сроки не менее 5-ти тысяч верст новых железных дорог, в том числе 2000 верст широкой коллеи и 3000 верст под'ездных линий. 3) Арендаторам предоставляется преимущественное право эксплоатации пароходства по рекам, морям и озерам губерний: Архангельской, Вологодской, Олонецкой и северным частям губерний: Вятской и Пермской. 4) Арендаторам уступается право эксплоатации лесных и минеральных богатств на всем пространстве 50-тиверстной полосы, прилегающей к эксплоатируемым ими линиям. 5) Арендаторы получают право доставлять из заграницы беспошлинно необходимые им для железных дорог, пароходов и других промышленных предприятий продукты и товары. 6) Арендная плата предполагается в размере двух миллионов рублей в первый год и, постепенно повышаясь, должна достигнуть 30-ти миллионов в 1960 году. 7) Русское правительство сохраняет за собой право досрочного погашения арендного договора. 8) Арендующая компания получает право назначения служащих на об-

*) Труды Государственного Научного Исследовательского Института

щем основании с другими частными железными дорогами, но без всякого ограничения для иностранцев"*). Иными словами, полное экономическое закабаление всего северного края иностранным капиталом. Этот первый широко-задуманный замысел бельгийских капиталистов захватить в качестве своей колонии одну пятую часть всей Европы, с ее громадными ископаемыми богатствами, встретил упорное сопротивление со стороны капиталистических групп России, в частности севера, и некоторых членов правительства, отражавших точку зрения русских капиталистов. В результате этот вопрос пришлось отложить на неопределенное время.

Желание иностранных капиталистов захватить Северный Край и в частности жемчужину Северного Края—Печору в качестве своей колонии, не покидает и во время Октябрьской революции. Пользуясь контрреволюционным переворотом в Архангельске, где у власти оказались социал-революционеры во главе с бывшим народником Чайковским, французское правительство, пользуясь слабостью „правительства" Чайковского, немедленно наложило вето на все действия этого „правительства" в части, касающейся права распоряжения богатствами, рассматривая последние, как свою собственность, обратилось с этой целью со специальной нотой, которую мы приведем полностью:

„Посольство Французской республики. Архангельск. 9-е апреля 1919 года. Господин Министр. Согласно инструкциям, только что полученным от моего Правительства, имею честь сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее:

Предложения концессии, недавно сделанные Правительством Народных Комиссаров некоторым иностранным капиталистам, побудили французское правительство рассмотреть возможныя последствия концессии, которые могли бы быть в настоящее время испрошены в России как частными лицами, так и группами частных лиц у какого либо из действующих в настоящее время фактических правительств.

Французское правительство поставлено в необходимость принять во внимание, что уплата процентов по русскому государственному долгу приостановилась. На нем поэтому лежит обязанность рассматривать неразрабатываемые богатства России, а также имеющие быть созданными источники дохода, как обеспечение кредиторов государства на тех же основаниях, как и государственные имущества уже существующие, как, например, сооружение сети железных дорог, порта, рудников, копей, леса и прочее. Французское правительство полагает ввиду этого, что оно не имеет возможности допустить ни со стороны большевистского правительства, ни со стороны какого-либо областного правительства, чтобы кто бы то ни было из них отчуждал часть

*) ИАОИРС № 8 1909 г., 65 стр.

государственного достояния. Я не сомневаюсь, что Вашему Превосходительству угодно будет должным образом оценить те неудобства, которые могут проистечь для заинтересованных лиц ввиду указанного решения правительства республики. Примите, господин Министр, уверение в моем высоком к Вам уважении. М. Гияр" *).

Из этой переписки мы видим, как твердо и уверенно разговаривал представитель „свободолюбивой" французской республики Гияр с представителем „правительства" Северной области, как он твердо и уверенно рассматривал Северный край в качестве своей заморской колонии для приложения капиталов французских банкиров. Из этой же переписки Гияра мы видим, что французское правительство посылало такие же ноты Деникину, Колчаку, рассматривая и Россию, в случае падения Советской власти, такой же колонией, как и Северный край, которой могла распоряжаться только одна Франция. Поэтому правда совершенно правильно указывает, что разгром Советской власти открывал еще „одну перспективу для французского империализма. Восстановление капитализма в РСФСР, превращение России в неисчерпаемый источник сырья и арену приложения капитала, обещаемые Францией будущим контрреволюционным правительствам тем охотнее, чем серьезнее Франция поддержит контрреволюцию своей интервенцией. Превратить всю страну с ее „сущими и присными" доходными ресурсами во обеспечение долгов, источник приложения капиталов, в полуколонию,—такова задача французской интервенции в изображении самих интервентов" **).

Итак, грандиознейшие ископаемые богатства Северного края, как-то: золото, нефть, каменный уголь, железные, медные, серебряно-свинцовые руды, всевозможные строительные материалы лежали мертвым кладом. Все попытки частных лиц приступить к разработке этих богатств верно и последовательно разбивались о гранитные скалы сопротивления и саботажа, встречаемого со стороны правительства.

Чем об'яснить такой факт, что русское правительство всячески срывало все хозяйственные мероприятия северных промышленников? Ни одно правительство в мире, желавшее развития производительных сил своих окраин, и не имевшее собственных финансов, не пошло бы против желания этих капиталистов, которые обещались покрыть крайний север сетью железных дорог, устраивать порты по берегам Ледовитого океана для торговых сношений с Западной Европой, начать разработку энергетических ресурсов края и других полезных ископаемых, развить фабрично-заводское производство по добыче и обработке различных природных богатств края.

*) Газета Правда № 315 (4766) от 16 ноября 1930 года.
**) Там-же.

Одной из причин такого отношения к этим начинаниям являлось господство или, вернее, монополия иностранного капитализма, господствовавшего в России, и, в частности, в нефтяной промышленности. Что представляла собою царская Россия во второй половине XIX в. по отношению к Англии и Франции? Полуколонию последних, которые рассматривали Россию как рынок извлечения сырья и снабжения последнего товарами фабрично-заводского производства. Что означало развитие хотя бы одной ухтинской нефтепромышленности для иностранных монополистов в лице Нобеля и Ротшильда? Серьезнейший удар по монополии иностранных капиталистических групп. Поэтому, чем усиленнее напирали северные промышленники на правительство в деле необходимости разработки природных богатств края, тем энергичнее делалось сопротивление этих кругов иностранного капитализма, которые, в случае развития ухтинской нефтепромышленности, могли потерять русский рынок по снабжению его нефтью. Именно эта конкурентная борьба иностранных капиталистов с возможностью появления новых конкурентов в пределах самой России диктовала русскому правительству и линию его поведения в вопросах экономического развития крайнего севера. К 70-80-м годам XIX в. влияние иностранного капитализма на экономическое развитие России стало ощущаться все сильнее и сильнее. Проникая во все русские банки для финансирования всех наиболее важнейших отраслей промышленности, в частности, каменоугольной, нефтяной и т. д.

И, естественно, что, по мере роста и укрепления иностранного капитализма в русском народном хозяйстве, тем заметнее была зависимость русской правительственной политики в экономических вопросах. Особенно ярко и образно подчеркивает эту зависимость М. Н. Покровский, заявляя, что „русское правительство даже в 1914 г., а в 1904 г. тем более, было в гораздо большей степени орудием международного империализма, нежели самостоятельным фактором империалистической политики" *). Это, конечно, не значит, что не было самостоятельной русской империалистической политики. В. И. Ленин правильно замечает, что Россия думала „при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь), а затем, при помощи Японии и той же Германии, разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д." **). Но в работе М. Н. Покровского есть несомненно правильное указание об известной зависимости русского империализма от англо-французского империализма.

Господство иностранного капитализма в России, и, в частности, Ротшильда и Нобеля в нефтяной промышленности, не

*) Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения, 99 стр. II
**) В. И. Ленин, Собр. сочин. т. XIII, 387 стр.

могло не иметь и соответствующих последствий на политику русского правительства, касающуюся промышленного развития крайнего Севера и, в частности, разработок ухтинской нефти. Царское правительство, зависимое в экономическом и финансовом отношениях от иностранного капитала, естественно проводило в жизнь те мероприятия, которые были выгодны этим капиталистическим группам. По отношению к разработке ухтинской нефти, правительство, начиная со второй половины XIX в. до войны 1914 г., проводило вполне ясную и определенную экономическую политику, диктуемую бакинскими нефтяными монополистами, которые были против эксплоатации новой северной нефти. Что означало бы появление новой нефти, расположенной вблизи уральской и петроградской промышленности? Несомненно, полное вытеснение из этих районов нефти кавказских и бакинских монополистов. Ухтинская нефть, как наиболее дешевая по сравнению с кавказской нефтью (дешевые рабочие руки, дешевое топливо и т. д.), могла без труда не только вытеснить последнюю из этих рынков, но и быть серьезным конкурентом на русском рынке и на рынках самой Англии, Америки и Франции.

Невольно возникает вопрос, почему иностранные нефтяные магнаты не захватили Ухту, раз они были против нее, усматривая в ней конкурента? Это об'ясняется прежде всего тем, что эксплоатация Ухтинской нефти для них была бы экономически невыгодной. На развитие ухтинской нефти нужны были громадные капиталы, для проведения железных и грунтовых дорог, улучшения водных путей сообщения и т. д. Зачем, для чего иностранный капитал должен был захватить Ухту, когда земельного простора было достаточно и на Кавказе, где недостатка в рабочей силе не ощущалось. Он и здесь мог в нужном масштабе развертывать свое производство, не делая никаких расходов по финансированию дорожного и иного строительства. Именно, экономическая невыгодность эксплоатации ухтинской нефти об'ясняет нам причины того, почему иностранцы отказывались от применения своих капиталов.

Ухтинская нефть естественно привлекала внимание общества. Местная и часть центральной печати определенно обвиняли правительство в том, что оно сознательно, в интересах иностранных нефтяных монополистов, хоронит Ухту и задерживает ее развитие, когда для этого (развития) имелись все экономические основания. Петроградская и уральская промышленность, которые под боком имели ухтинскую нефть, без сомнения, были заинтересованы ее разработкой, ибо последная могла дать более дешевое топливо, чем кавказская нефть. Кроме того, дешевое топливо, без сомнения, вызвало бы к жизни новые отрасли промышленности, развитие которых тормозилось из-за нефтяного и, в частности, топливного голода.

Уральская промышленность, кровно заинтересованная в развитии ухтинской нефтепромышленности, требовала от правительства обратить серьезное внимание на Ухтинский район, на дело изучения этого края. Он был совершенно заброшен. Он не имел даже хорошей карты. Академик Чернышев, исследовавший Печорский район указывал, что существующая карта требует серьезнейших исправлений „Она полна курьезов: выходит, что реки, принимающие в себя ряд притоков, сами никуда не впадают, или, реки, имея верховья, не имеют устья". Что касается дорог, самой важной и серьезной задачей было создание жел. дороги к Ухте. Как решило этот вопрос правительство? Отрицательно. Так, на совещании при горном департаменте в 1907 году, при участии мин. финансов, путей сообщения, северных нефтепромышленников и др. указывалось о желательности проведения жел. дороги до Ухты, но самое проведение оказалось экономически „невыгодным", т. к. „провоз 1 п. нефти по этой дороге обошелся бы в 24 коп., между тем, по специально проложенному нефтепроводу на этом же протяжении (140 верст) 12 коп". Комиссия, считая экономически невыгодным постройку жел. дороги, в то же время „для постройки шоссейной дороги и телеграфа и производства других предварительных работ по эксплоатации ухтинской нефти, совещание постановило возбудить ходатайство о выдаче правительственной субсидии в размере 200000 руб." *). По этому же вопросу при Мин. Торг. и Пром. 17 ноября 1907 г. состоялось новое совещание, где „после обмена мнений, признано желательным устройство в направлении от поселка Устьвым до нефтяных промыслов (обойдя Синдорское озеро) колесной дороги, шириной 30-50 саж. и с протяжением 200 верст, приблизительная стоимость которой исчислена в 280.000 рублей". **).

Все эти мероприятия правительства не разрешали дорожного вопроса.

Если мы до 1905 г. видели решительные отказы правительства на ходатайства Вологодского губ. земства об отпуске средств на постройку колесных дорог, то в 1907 г. мы видим в этом отношении уже известный сдвиг в отношении ухтинской транспортной проблемы, который мы об'ясняем отчасти и влиянием революции 1905 г. Местная промышленная буржуазия и, в частности, уральская, требовала внимания к ухтинской нефтяной проблеме. Правительство, в силу необходимости, должно было делать вид, что оно заботится об ухтинской нефти. Для этого оно, под давлением членов Гос. Думы, готовит законопроект об ассигновании 95.000 рублей для казенного бурения. Эта была чрезвычайно ничтожная сумма. Ведь даже один Сидоров ухлопал 600.000 руб. денег на это. Эту игру заметили все.

*) Газ. „Архангельск", № 255, 3 стр., 1907 г.
**) Газ. „Архангельск," № 253, 2 стр., 1907 г.

Заметил это и известный экономист, проф. Озеров И. Х., член верхней палаты, который придавал ухтинской нефти громадное значение и считал ее разработку вопросом жизни и смерти уральской промышленности. Он считал, что „на исследование, не оставляющее никакого сомнения, не должно жалеть средств... На Урале идет вопль о надвигающейся опасности с истощением древесного топлива... Здесь не может быть отговорок, не должно их быть, что на это нет средств. На такие великие задачи экономического развития России средства всегда должны быть, деньги всегда можно занять заграницей, их охотно дадут. Иностранцы знают о громадных богатствах нашего севера, и эти займы будут тем ключем, который откроет север и его сказочные богатства для всех. Проценты к этому займу не лягут бременем на государственный бюджет, край разовьется, разовьется в нем потребление и, следовательно, путем обложения государственное казначейство получит свое с избытком. Надо только широко, с государственной точки зрения, посмотреть на задачи России. Еще Петр I посылал ухтинскую нефть для исследования в Голландию, мы же проспали 2 столетия и ничего не сделали" *).

Как только появился слух о готовящемся законопроекте об ассигновании 95 т. руб. на исследование ухтинской нефти, мы уже видим беспокойство иностранных монополистов, которые начинают интересоваться ухтинской нефтью. Совершаются целые научные экспедиции на Ухту, в Печорский край. Едут англичане, американцы, французы. В связи с теми интригами, которые повели кавказские монополисты против ухтинской нефти, „Бюджетная Комиссия Государственного совета решила отвергнуть ассигнование на казенное разведочное бурение на Ухте". „Голос Вятки" на это реагировал следующим образом: „Если такое решение Комитета одержит верх в законодательных сферах, то этим будут подорваны основания и конечная цель; за последнее время в край направляются предприниматели—акционеры, производят разведки, в казну поступает свыше 150 тыс. пошлин за право разведок. Монополия бакинских нефтяников колеблет положение промышленности, пользующейся жидким топливом; эта промышленность и общественное мнение ищут способов борьбы с монополией бакинцев, позиция казны в бакинских делах подвергается слабой критике Госуд. Думы и внимание естественно устремляется на северный район, возможная нефть которого могла бы ограничить влияние бакинской нефти и открыть многие отрасли промышленности" **). Поэтому мы ничем иным, как ср вом развития ухтинской нефтепромышленности, не можем об'яснить такую позицию Бюджетной Комис ии Гос. Совета. Здесь бюджетная Комиссия показала себя ярким проводником политики бакинцев.

*) И. Х. Озеров, Горные заводы Урала, 85-90.
**) Газ. „Голос Вятки", № 67-3 стр. 1910 г.

Что представляла собой Ухта в 1907 г. Это сплошное наводнение ее мелкими промышленниками, число коих к 1908-1909 г. г. достигало до 1000. Эти т. н. „столбопромышленники", как их тогда называли на Ухте,—были по существу не нефтепромышленниками, а скорее коммерсантами, чтобы, затем, после признания за ухтинской нефтью промышленного значения, продать по выгодной цене. Большинство периодической печати высказывалось чрезвычайно отрицательно к этим столбопромышленникам. В „Архангельских губ. ведомостях" дана очень интересная характеристика этим нефтепромышленникам, которых автор статьи называет „обществом любителей легкого обогащения". „Сколотив кое-как несколько тысяченок, пишет автор статьи, общество двинуло на Ухту буравчики, трубочки. Что делать, назвался груздем—полезай в кузов. С 10—12 рабочими в течение месяца они делают воистину чудеса. Участков много, а рук весьма ограниченное число. Дремать тут долго некогда. И действительно „разведки" ведутся на всех парусах. Встретив „твердь", предприниматель ставит железную трубу, наполнив ее нефтью, принесенной из копежных ям бутылками".

Предприниматель В. Л. Вацевич делает нефтяные „разведки" еще проще: выкопав лопатой яму, он водружает кол с надписью „шурф", переходя на другой участок. Само собой напрашиваются вопросы: какой смысл и значение имеют подобные „разведки". К великому сожалению, автор статьи метая громы и молнии против облепивших Ухту столбопромышленников, не анализировал того, для чего это делалось. Раз был поставлен вопрос „какой смысл и значение имеют подобные разведки", надо было и дать ответ на свой же вопрос, отчего автор, повидимому, уклонился, поскольку он писал в правительственном органе. Да, действительно, кто были эти столбопромышленники. Это были „любители легкой наживы" и представляли прямых агентов кавказских нефтяников, которые имели своей целью, в случае необходимости, т.-е. признания за ухтинской нефтью промышленного значения, продать свои участки финансировавшим их лицам.

В нашем распоряжении нет данных, которые документально установили бы эту связь столбопромышленников с бакинцами, но можно определенно утверждать, что было так. Особенно странным нам кажется то обстоятельство, как свободно последние распоряжались своими капиталами. Платили подесятинную плату за отведенный участок, за лес, растущий на отведенном участке, специальный горный налог, а также несли громадные расходы по техническим отводам участков. Ясно, что дело финансирования столбопромышленников было обставлено хорошо. Это дает нам повод усматривать определенную связь с бакинскими финансистами. Особенно яркую и заметную связь между столбопромышленниками и бакинцами мы усмат-

риваем в том, что когда правительство под давлением членов Гос. Думы, промышленников, должно было взять решительный курс на разработку ухтинской нефти и изгнание этих столбопромышленников из Ухты, то как раз в этот момент Бюджетная Комиссия Гос. Совета делает свой удар по правительственным мероприятиям, отказывая в ассигновании 95.000 руб. на исследование ухтинской нефти.

Бакинские монополисты действовали чрезвычайно умно. При признании за Ухтой промышленного значения могли захватить весь Ухтинский бассейн в свои руки, т.-е. могли сделать то же самое, что сделали последние с бакинскими нефтяными промыслами. Печать, ратовавшая за оживление северных нефтяных промыслов, кроме того, чрезвычайно недоверчиво относилась ко всем мероприятиям правительства, усматривая во всем предательство интересов ухтинской нефти в интересах бакинских монополистов. Так, когда правительство производство бурения поручило в 1910 году американской фирме, некоторые газеты усмотрели в этом ловкий ход правительства, чтобы сознательно похоронить Ухту, известив на всю Россию, что Ухта не нефтеносна, или что ухтинская нефть не имеет большого промышленного значения. Так, корреспондент „С.-Петербургских ведомостей" замечает, что „внимание лиц, знакомых вообще с нефтяным делом и, в частности, с бурением, не может не остановиться на следующих странностях, чтобы не сказать более. Во-первых, почему бурение сдано иностранной фирме подряд. Неужели, несмотря на 40 летнее существование в России нефтяного дела, у нас не имеется опытных буровых мастеров, чтобы приходилось выписывать на Ухту из-за океана американца. Почему иностранная фирма работает буром „Кипстона", вероятно, при сдаче подряда горный департамент поинтересовался каким инструментом будет проводиться бурение, и, если так, то нельзя было упускать из виду, что буры „Кипстона" не употребляются при бурении глубоких скважин, а, главным образом, при бурении мелких скважин на золотоносных площадях. Затем, почему горный департамент решил тянуть дело и вместо одновременной закладки всех 3—4 х скважин, наметил пока одну. Ждут ухтинские столбопромышленники, ждет вся Россия результатов экспедиции... неужели придется ждать еще 3-4 года. Ведь может быть, что промышленная нефть, как раз именно и будет получена в последней 3 или 4 скважине. Возникает невольно сомнение, да не существуют ли в самом деле тормоза, задерживающие и оттягивающие появление на рынке северной нефти" *).

Что касается результатов казенного бурения, то оно дало положительные результаты. „Первые признаки нефти были обна-

*) „С.-Петербургские ведомости", № 217, 28 сент. 1910 г.

ружены уже на глубине 75 фут., значительный же ее приток, достигший во время работы ста пудов в сутки, появился на глубине 16 саж. и продолжался до 75 саж. глубины. Поступление нефти в первую казенную скважину, согласно указаниям разведки, надо считать, хотя и медленным, но постоянным. Инженер Стукалов считает насыщаемость нефтяных источников весьма скромно до 400 пуд. нефти на каждую квадратную сажень поверхности. Таким образом, запас полезной нефти на одной десятине составит до 150.000 пудов" *). Эта разведка подтвердила то, на что указывал Сидоров и др. о нефтеносности Ухты. По словам Стукалова, средняя добыча нефти каждый день 35 пуд. считается вполне приличной величиной для России, каковая величина в Пенсильвании считается приличной для эксплоатации таких участков.

В течение ряда лет писали, говорили об ухтинской нефти и, как раз, в момент признания за ухтинской нефтью промышленного значения, интерес к полемической борьбе вокруг нефти падает. В 1912-1915 г. г. по этому поводу не издается ни звука. Чем об'яснить такой резкий переход к молчанию? Ничем иным, как своеобразным приемом правительства, чтобы ослабить ту напряженнейшую борьбу, которая началась между бакинцами и русскими северными нефтепромышленниками. Этого правительство достигло тем, что все указания Стукалова насчет нефтеносности Ухты преувеличены, и промышленная эксплоатация ее экономически не выгодна, ввиду отсутствия правительственных средств на проведение дорог и субсидии нефтепромышленникам. Здесь еще раз сказалась победа кавказских монополистов: северная нефть была похоронена во имя торжества иностранных нефтяных монополий.

Если правительство срывало разработку нефти, то подобную же политику мы видим и в отношении других видов природных богатств края. Что касается попыток начать разработку горючих сланцев, свинцово-серебряных, цинковых, медных и железных руд, то все встречали упорное сопротивление со стороны высших правительственных чиновников, в лице министров, отказывавших в разработке последних под теми или иными предлогами.

Разнообразие всевозможных природных богатств севера давало ему возможность превратиться в крупнейший индустриальный центр северо-востока Европейской России, подобно Уралу. Наличие в крае громадных запасов медной, железной, цинковой и свинцовой руд—давало возможность широко развернуть в крае не только добывающую промышленность, но и в ближайшем будущем развернуть строительство крупнейших металлургических гигантов по обработке металлов, пользуясь местным жидким топливом и каменным углем. Можно было

*) Изв. АОПСС № 14, 146 стр., Л. 1911 г.

развернуть в крае крупнейшие химические комбинаты, ввиду колоссальнейших запасов различных фосфоритов и других химических минералов и веществ, чем стала-бы возможность развернуть крупную химическую промышленность в крае, в котором мы во всем зависели от иностранцев. Мы ежегодно выписывали из-за границы точильные камни и брусья, тогда как этого добра на Печоре имеется такое количество, что можно было, по мнению специалистов, развернуть производство на 50.000.000 рублей, какого материала хватило бы на сотни лет.

Для иностранных капиталистов, знавших наш север, его грандиознейшие богатства, начиная от нефти, каменного угля и кончая строительными материалами и различными фосфоритами, естественно, видели в попытках северных капиталистов—создание серьезной угрозы, перспективу потерять рынки сбыта продукции своей отечественной промышленности. Как правильно указывала Рубцова, что „на север обращают внимание первые государственные люди Англии, Франции и Германии. Они проводят летнее время на берегах Варангерского поморья, на нашей границе с Норвегией под 70° с. ш. Летом нынешнего 1873 г. его величество шведско-норвежский король посетил Варангерское поморье и наши прибрежья" *). И, действительно, мы меньше знали наш север, чем иностранцы. Начиная с экспедиции Кайзерлинга, известного специалиста по минералогии, который в 1843 г. открыл нефть на Ухте и каменный уголь на Печоре, почти каждый год по несколько иностранных экспедиций работали в различных районах русского севера, тогда как наши ученые мужи из Академии Наук не считали нужным последовать примеру иностранцев, будировать общественно-политическую мысль страны на огромных возможностях, которые имеются на севере для применения капиталов русских промышленников.

Здесь также возникает вопрос, как и в отношении нефтяной промышленности, что раз иностранный капитал не был заинтересован в развитии на севере соответствующих видов промышленности руками русских северных промышленников, то почему они сами не взялись за эту разработку, что также сулило им баснословные барыши. Верно, разработка природных богатств крайнего севера сулила им хорошие барыши, но нужно было вначале понести грандиознейшие расходы, прежде чем получать барыши. В крае, где ходили только по естественным тропам, нужны были колоссальные средства для проведения новых железных, грунтовых дорог, т.-е. врубаться в чащи леса иногда на 500 и до 1000 верст. Непроходимые болота требовали колоссальных денежных затрат на их осушку. Улучшение водных путей сообщения, создание речного и морского транспорта—все это требовало денежных затрат. Эти предварительные расходы, по мнению специалистов, выражались в несколько сотен миллионов руб. Кроме

*) Изв. АОПСС, 238 стр.

этих предварительных расходов нужно было произвести расходы по созданию самих производств, корпусов зданий, оборудованию промышленности, по постройке таких зданий, переброске рабочей силы—все это тяжелым бременем ложилось на иностранцев.

Иностранные капиталисты, в деле срыва развития производительных сил действовали дипломатическим путем. Мы уже в соответствующем месте указывали, что целый ряд авторитетнейших комиссий высказались за немедленное развитие ухтинских нефтеносных промыслов, проведение дорог и т. д. Так, мы имеем постановление Министерства Г. И., представление Министерства Г. И. в Комитет Министров, постановление нефтяной комиссии, под председательством Лейхтенбергского, постановление комитета общества для содействия русской промышленности и торговле, постановление правительственной комиссии — которые все единогласно высказались не только о необходимости и нужности развития в крае нефтепромышленности, но за отмену и ликвидацию всех тормозов, препятствующих развитию нефтепромышленности на севере и, в частности, за изменение самого нефтяного устава, который являлся для Северного края совершенно неприменимым и был сильнейшим тормозом для развития нефтепромышленности в крае. Комиссии высказались за предоставление громаднейших льгот северным нефтепромышленникам, вплоть до права беспошлинного ввоза иностранных машин для нефтяной промышленности и оказания государственной субсидии северным нефтепромышленникам. В довершение всего, северные нефтепромышленники сумели довести свои жалобы на министров до императора, вследствие чего состоялось повеление о предоставлении промышленникам всех просимых участков на основании существующих законов.

Казалось бы, что после такого высокоавторитетного вмешательства самого царя (дальше ехать было некуда),—исчезнут все препятствия перед северными промышленниками, что они, наконец, через 10 лет мытарств, издевательств смогут приняться за работу. Но и после этого царская администрация так ухитрилась выполнить „высочайшее повеление своего уважаемого монарха", что промышленники вновь встретили такое отношение, такие непроходимые препятствия в виде крючков, проволочек, что это „высочайшее повеление" так и не было приведено в исполнение. Сидоров, М. по этому поводу пишет: „Итак, от высочайшего соизволения на отдачу заявителям участков для добычи из них нефти и доманика, последовавшего 23 апреля 1873 г. до настоящего времени прошло уже более шести лет, но добыча минералов на севере не подвинулась вперед ни на шаг. Так не могут итти промышленные дела. В продолжение 5 лет не утверждаются в Устьсысольском

у. 16 участков под добычу только одного горючего сланца и т. д.".

Такое отрицательное отношение правительства к разработке природных богатств Коми края нашло свое отражение и в целом ряде научных исследований. Сидоров в 1862 году подал прошение председателю императорского русского географического общества, адмиралу Ф. П. Литке, с просьбой о том, чтобы Академия Наук сделала описание Новой Земли с указанием температуры в различные времена года, какими последняя богата ископаемыми, возможна ли работа по эксплоатации природных богатств края и т. д. За скорое выполнение работы он обещал выдать премию 1000 руб. золотом.

Если в конце концов описание Новой Земли в течение 4-х лет было закончено и издано, то последнее было составлено так, чтобы вышибить всякую охоту не только у „чудака" Сидорова, но и у всех тех, которые желали бы развить в крае производительные силы, заселять совершенно пустующий край. Сидоров дает такой отзыв об этой книге: „В этой книге геологический отдел, хотя и рассмотрен известным геологом, академиком Гельмерсеном, составлен весьма неудовлетворительно и неполно, несмотря на существующие источники (Ленехан, Литке, Шренк, Штукенберг, Пастухов, Павловский и проч). Новая Земля представлена в таком нерасполагающем к промышленности виде, что у всякого, кто прочтет ее описание, невольно является охлаждение ко всякому на ней предприятию, а тем более к горному. Из сочинения Литке 1824 г. „Четырехкратное плавание к северной окраине и к берегам Новой Земли" можно найти более данных о металлах и минералах, чем в описании Новой Земли 1866 г. *).

Чем об'яснить, что Литке в 1824 г. дал довольно приличное экономическое описание Новой Земли, а в 1866 г. сын этого Литке дает совершенно иное описание, молчит о важнейших экономических ресурсах края, о которых писал ряд ученых, приведенных Сидоровым. Не может же быть, чтобы академики и, в частности, председатель Академии Наук, академик Литке, был совершенно неграмотным, чтобы не знать о существовании этих трудов, которые были в библиотеке Академии Наук. Это можно об'яснить только влиянием правительственных сфер, отрицательно относившихся к предпринимаемым шагам Сидорова и других промышленников. Эти академики были орудием проведения колониальной политики русского правительства. Их зависимое положение делало их научные труды зависимыми от общих воззрений правительства по тому или иному вопросу.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги.

*) Сидоров. Север России, том I, 170-171 стр.

Коми, являясь колонией русского самодержавия, подвергалась одновременно и жесточайшей эксплоатации со стороны иностранного капитала, который, в целях использования Коми в качестве своей сырьевой базы, поддерживал последнюю руками своих сатрапов, в лице самодержавного царского правительства, на низком техническом уровне, срывая все попытки промышленников Северного края приступить к эксплоатации многообразных природных богатств. Шергин, в своей работе „В дебрях Севера", приводит ряд примеров технической отсталости. „Норвежцы так машинами пилят камни и лому мало, а мы попросту: отколешь глыбу пудов сто, ну и рубишь. Выйдет пуда 2 3 точил.... ладно. То так всю измельчишь в порошок. Тяжело добывать, засорили" *).

Такие же первобытные приемы техники мы видим в домашней промышленности. „Чтобы сделать чашку, мужики долбят древесину или просто выжигают „яму". Не правда-ли, куда мы шагнули под напором промышленного прогресса. Не дальше, не ближе как эпоха каменного века встает перед глазами изумленного наблюдателя со всеми ее незамысловатыми приемами, над которыми не мало потрудился первобытный человеческий ум" **).

О том, что Северный край, в частности Коми, являлся внешним рынком для Англии, это блестяще доказал В. И. Ленин, в своем „Развитии капитализма в России". „Сколько-нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории с точки зрения развития капитализма потребовало бы особой работы. Нам достаточно отметить здесь, что Россия находится в особенно выгодных условиях, сравнительно с другими капиталистическими странами, вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах ***).

Не говоря уже об Азиатской России, мы имеем и в Европейской России такие окраины, которые, вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения, крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией. Возьмем, например, „дальний север",—губернию Архангельскую: необ'ятные пространства земли и природных богатств эксплоатируются еще в самой ничтожной степени. Один из главных местных продуктов лес шел до последнего времени главным образом в Англию. В этом отношении, следов., данный район Европейской России служил внешним рынком для Англии, не будучи внутренним рынком для России. Русские предприниматели, конечно, завидовали английским, и теперь, с проведением железной дороги до Архангельска, они ликуют, предвидя „под'ем

*) Шергин. И. А. „В дебрях Севера", 54 стр., СП. 1910 г.
**) И. А. Шергин „Богатства Севера" 51 стр., СП 1909 г.
***) В. И. Ленин. „Развитие капитализма в России", т. IV 464-65 стр., II изд.

духа и предпринимательскую деятельность в разных отраслях промышленности края" *). В выноске там же. Ленин отмечает, что: „Указанное в тексте обстоятельство имеет также другую сторону. Развитие капитализма вглубь старой, издавна заселенной территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отстрачивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь. Например, одновременное существование самых передовых форм промышленности и полу-средневековых форм земледелия представляют из себя, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и прочее) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собой разумеется, что такое земедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем".

Буржуазные историки и экономисты не только не заметили того факта, что Коми фактически являлась лесной и рыбной колонией иностранного капитала, в частности англо-норвежского, но и всячески прикрывали колониальный характер Коми по отношению к царской России, которая де-факто и де-юре являлась колонией последней, при одновременной эксплоатации ее иностранным капиталом.

В эпоху капитализма не только север, Сибирь, Туркестан, но и губернии центрально-земледельческие, малороссийские, средневолжские, новороссийские, нижневолжские и восточные— являлись колонией царской России. В. И. Ленин, „рассматривая район зернового хозяйства южную и восточную окраину Европейской России, степные губернии Новороссии и Заволжья, земледелие коих отличается экстенсивным характером и громадным производством зерна на продажу", замечает, что „этот интересный факт громадного роста земледельческого производства в описываемом районе об'ясняется тем, что степные окраины были в пореформенную эпоху к о л о н и е й (разрядка В. И. Ленина) центральной, давно заселенной Европейской России. Обилие сво-

*) В. И. Ленин „Развитие капитализма в России", т. III, 464-465 стр., II изд. СП., 1926.

бодных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширили посевы" *).

Это мнение В. И. Ленина о том, что наше Поволжье во второй половине XIX века представляло собою колонии центральной России, совершенно умалчивается буржуазными исследователями, занимающимися над проблемами колонизации.

Эти исследователи, отрицавшие колониальный характер Поволжья и, в частности севера, где производилась хищническая эксплоатация основного народного богатства—леса, рыбы, ценных зверей, как то: белок, песцов, соболей, горностаев, выдр и т. д., где местное население эксплоатировалось во славу капитала по 18-21 час в день, мы считаем прикрашиванием, обеливанием колониальной политики царской России. Конечно, были и такие историки, которые, отрицая за северными „окраинами" Европейской России их колониальное положение, все же иногда делали совершенно правильные выводы, что „колонизационная политика" России по отношению к нашим северо-восточно-южным „окраинам" носила колониальный характер. Так, известный знаток колонизационного вопроса И. Л. Ямзин, автор солидной работы „Учение о колонизации и переселениях" считает, что „всей предыдущей историей классового общества это рациональное понимание колонизации и ее значения было совершенно затемнено, и колонизационная политика в капиталистическом обществе свелась к колониальной политике, т.-е. к искусству извлечения выгод из колоний в пользу метрополии"**).

Здесь И. Л. Ямзин старается заменить колониальную политику царского правительства „колонизационной" политикой, чтобы тем самым скрыть содержание колониальной политики, доказать, что царское правительство вело политику экономического возрождения национальных „окраин".

Неправильно это утверждение не только потому, что ни о какой „колонизационной" политике царского правительства по отношению к национальным „окраинам" нельзя говорить, т. к. все данные говорят именно о колониальной политике, но и потому, что между терминами „колониальный" и „колонизационный" в условиях империализма никакой разницы нет, ибо всякая „колонизация" представляет собой колониальную эксплоатацию, и ее цель—хищническая эксплоатация природных богатств, превращение в сырьевую базу капитализма.

Коми во второй половине XIX века мало чем отличался от Туркестана, Сибири и Кавказа. Если Туркестан являлся, как говорит видный исследователь Туркестана, Т. Галузо, хлопковой колонией России, то с полным правом мы можем считать Коми лесной колонией России и, в частности, фактической колонией

*) В. И. Ленин, „Развитие капитализма в России," т. III. 194 стр. Изд. 2 ГИЗ. 1926 г.

**) Ямзин, И. Л. и Вощинин, В. П. „Учение о колонизации и переселениях", 5 стр. ГИЗ. 1926 г. М.

иностранного капитала, с той только небольшой разницей, что с конца XIX века управляли ею уже русские.

По методам эксплоатации Коми мало чем отличался от любых колоний западно-европейских империалистов, в частности, Индии, Китая, и т. д. Империалисты, пользуясь экономической зависимостью царского правительства, от последних открыто грабили и расхищали природные богатства Северного края. Печорская панама является блестящей иллюстрацией того, что Коми грабили не только русские и иностранные капиталисты, но и чиновники царского правительства и иностранных представительств.

Сущность печорской панамы состоит в следующем: товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством Никитин, 22 марта 1899 года, будучи директором лесного департамента, заключил крайне невыгодный контракт со шведской фирмой „Ульсен, Стампе и К°, о „предоставлении последней заготовки и сплава свыше 1½ миллионов распилочных бревен в Печорском крае, с пространством около 7.000 десятин, по 1 р. 07 коп. за сосновое бревно. В действительности вся эта операция была произведена в Двинском районе, по пониженным печорским ценам, вследствие чего государственная казна потерпела большие убытки, где еловые бревна оценивались не менее 3—3 р. 50 коп. бревно и выше, где перевозка каждого бревна к устью реки Северной Двины обходилась в 80 коп., вместо 4 рублей в Печорском крае. Следовательно, сущность злоупотребления состояла в том, чтобы, под видом дешевого как по стоимости самых бревен, так и по сплаву их,—печорского леса, экспортировать за границу двинский лес. На одной разнице, благодаря расценкам двинского леса по печорской таксе, казна потерпела чистый убыток 5.200.000 рублей. По перевозке леса компания заработала 4.800.000 рублей, а чистая прибыль от всей этой операции выразилась не менее 10.000.000 рублей.

Открыл это злоупотребление лесной ревизор Скатковский, который пишет „в лесной департамент полную фактов докладную записку и обвиняет своего прямого начальника Павловского, управляющего государственным имуществом в Вологодской губернии, в преступлениях по должности, приносящих громадный убыток казне, а Никитин молчит, игнорируя его записку". „Отчего? Разве она мало доказательна,—спрашивает редакция „Биржевых Ведомостей"—Нет, ни один из фактов, сообщенных Скатковским, опровергнут не был и не мог быть опровергнут. Нельзя отрицать того, что делается на глазах сотни людей. Что же делает Никитин? Когда Скатковский, понявший, что в лесном департаменте ему правды не найти, пишет министру А. С. Ермакову, а последний запрашивает лесной департамент. Никитин начинает отписываться и старается убедить, что невыгодное „по Скатковскому" дело должно принести казне 75% барыша, и ниже редакция замечает, что „пока шла переписка,

фирма совершила свои лесные операции, Северная Двина продолжала считаться Печорою, а казна продолжала нести миллионные убытки, общая сумма которых достигает десятков миллионов рублей. Только спустя 7 лет сенат приступил к рассмотрению этого злоупотребления. Уже Красовский раскрыл ряд подлогов в лесном ведомстве. Дальнейшее следствие также натолкнулось на десятки подобных дел. Словом, все это дело—бесконечный ряд подлогов *).

То, что в течение 7 лет ничего не предпринималось, чтобы не только приостановить дальнейшее ограбление природных богатств края, но и призвать к порядку товарища министра Никитина и всю компанию за мошенничество,—которое было известно не только совету министров, правительствующему сенату, прокурору и жандармерии, но и самому Николаю II,—ярко свидетельствовало о том, что в этом деле были замешаны более влиятельные персоны, чем Никитин. Поэтому редакция газеты „Архангельск" критически спрашивает: „Скажите, пожалуйста, в Печорском крае фигурирует одна только фирма „Ульсен, Станпе и Ко? нет. Тут есть еще именитый контрагент, известный французский виконт и другие**).

Таким образом, в этой „печорской панаме" оказались замешанными высшие центральные власти, которые вкупе с французскими империалистами расхищали природные богатства кр я, а центральная власть, во главе с Николаем II, прикрывала эти преступления и с дипломатической вежливостью оставила дело без последствий.

Исследователи, считая Коми эпохи царизма „окраиной", „провинцией", прикрывают ее колониальный характер, фальсифицируют действительное положение. Что значит, что Коми являлась колонией в прошлом, а в эпоху капитализма-империализма—она уже не являлась колонией, а просто провинцией? Это значит скатиться к теории деколонизации.

Социальная сущность теории деколонизации состоит в том, что колонии, якобы, благодаря прогрессивной политике современных империалистических государств, деколонизируются, т. е. постепенно, путем развития собственного капиталистического производства, выходят из подчинения и делаются совершенно независимыми в экономическом отношении от прежде угнетавшей их метрополии.

Идеолог австро-марксистской школы Карл Реннер, в своей статье „Мировые хозяйственные основы социалистической политики после войны",—пишет, что „ожидания русского социализма и его приверженцев вне России, что исход войны будет иметь непосредственным последствием мировую революцию—потерпели

*) Газ. „Архангельск" № 11, 1907 г., 4 стр.
**) Там же, № 19 1907 г.

крушение.. Случилось нечто прямо противоположное. Именно, благодаря войне весь мир до конца капитализируется. Влияние войны прежде всего сказывалось в том, что она вызывает бурное капиталистическое развитие колониальных стран, восстающих против гегемонии иностранного капитала (Индия, Китай) и одновременно развивающих свой собственный капитализм. Тенденция развития настолько ясна, что можно сделать вывод: вся поверхность земного шара капитализируется. Весь свет становится капиталистическим, а не социалистическим" *).

Это мнение, конечно, не выдерживает никакой критики. Рост добывающей и даже обрабатывающей промышленности еще далеко не означает индустриализацию колоний. Индустриализация, в современном смысле слова, это прежде всего, создание крупной машинной индустрии и развитие собственного станкостроения.

Можем ли мы говорить, что в колониях идет производство орудий производства? Нет, не можем. Мы можем говорить только о том, что в колониях идет частичное развитие обрабатывающей промышленности. В Индии и в Китае развивается текстильная промышленность. Это не только не опасно для метрополии, а более выгодно. Дешевизна колониальной рабочей силы, наличие дешевого сырья, отсутствие транспортных расходов, быстрая реализация произведенных товаров в самой колонии дает империалистам возможность получать большую прибыль. Таким образом, развитие той же текстильной промышленности в самой метрополии, удаленной от колонии, является иногда менее выгодным, чем в колониях—благодаря более высокой стоимости рабочей силы в метрополиях, больших транспортных расходов по передвижению сырья из колонии в метрополии и передвижения части произведенной товарной продукции из метрополии в колонии. Следовательно, частичный рост обрабатывающей промышленности вовсе не является фактором, свидетельствующим о том, что в колониях идет процесс деколонизации.

То, что никакой деколонизации в колониях, в указанном нами смысле, не происходило и не происходит, свидетельствуют и решения VI конгресса Коминтерна, который указал что „Иностранный империализм, насильно привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие и отнял у них возможность достигнуть того уровня, какого достигла Европа и Америка, благодаря империалистической политике, стремящейся задержать промышленное развитие в колониях, туземный пролетариат в прямом смысле стал существовать лишь недавно"**).

Это указание конгресса на-голову разбивает все утверждения Каутских, Куновых, Реннеров и др. о том, что в условиях империалистической эпохи происходит процесс деколонизации.

*) Ж. Коммунистический интернационал, № 34—43, 1928., 34 стр. М. Выдержка из К. Реннера.

**) Там же, 34 стр.

Происходил ли процесс деколонизации Коми в условиях капиталистического строя, в частности, в эпоху империализма? Ясно, нет. Блестящей иллюстрацией этого положения, которое ярко подтверждает решения VI конгресса Коминтерна,—являются результаты колониальной политики царизма. Так, край баснословных лесных богатств не имел ни одного лесопильного завода, ни одной спичечной и бумажной фабрики. Различные ископаемые богатства, как-то: нефть, железо, уголь, медь и др. строительные материалы оставались мертвым кладом до великой Октябрьской революции. О чем это говорит? Это говорит о том, что Коми как в эпоху феодализма, так и капитализма представляла собою типичную колонию русского самодержавия.

Характерной чертой Коми,—как колонии эпохи империализма—является ее значение, как крупнейшего рынка по извлечению сырья и, в частности, для ввоза русских и иностранных капиталов и товаров. Извлечение сырья является характерным признаком колонии не только для эпохи феодализма и капитализма, но оно остается характерным и для эпохи империализма. На это обстоятельство обратил внимание и В. И. Ленин, указывая, что „Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предприятий. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов, и мы видим, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железнорудные земли или нефтяные источники и т. д. Владение колонии одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей в борьбе с соперниками. Чем выше развитие капитализма, тем сильнее чувствуется недостаток сырья, тем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний" *).

Это указание В. И. Ленина на-голову разбивает все утверждения буржуазных историков о деколонизации колоний в условиях капиталистического строя. Напротив, в связи с дальнейшим развитием капитализма, роста фабрично-заводских предприятий нужда в колониях для извлечения сырья и сбыта товаров метрополии значительно возрастает. Поэтому царское правительство всячески срывало все начинания коми капиталистов в развитии производительных сил и техники и искусственно поддерживало ее на положении своей сырьевой колонии.

Колониальная политика русского самодержавия, которая тесно переплеталась с национальным гнетом, сыграла крупную роль в деле развития рабоче-крестьянского движения, что мы и видим в Северном крае и, в частности, Коми во время революции 1905 года.

*) В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия развития капитализма, 68 стр, 2 изд.. 1932 г.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМИ В НАЦИЮ И ИДЕОЛОГИ КОМИ БУРЖУАЗИИ

I Коми, как нация

Коми народ в конце II половины XIX в. находился в процессе оформления в нацию. В эпоху феодализма коми еще состоял из отдельных племен, как-то: коми-пермяков, вычегжан, сысолян, печорян, разбросанных по отдельным районам северо-востока Европейской России, не имевших еще экономической связи между собою. Эти разрозненные отдельные коми племена, с развитием капиталистических отношений и постепенного роста экономических, культурных и иных связей, постепенно складывались в одну народность „Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации" *).

Мы уже в главах, посвященных развитию капитализма, указывали, что во второй половине XIX века Коми переживал процесс развития капиталистических отношений. Рост местной Коми промышленности создавал новые общественные классы—национальную коми буржуазию и пролетариат.

В первой половине XIX века мы видим уже первые попытки нарождающейся буржуазии приступить к эксплоатации природных богатств Печоры и установить свое господство на местном рынке. Эти замыслы не могли осуществиться вследствие отрицательной политики России по отношению развития производительных сил колоний. Все попытки северной буржуазии, в частности, коми, приступить к эксплоатации грандиознейших ископаемых богатств, севера, как-то: нефти, угля, железных, медных, серебряно-свинцовых руд и т. д.—последовательно разбивались о гранитные скалы сопротивления и саботажа со стороны царского правительства, которое в интересах русского и иностранного капитала поддерживало Коми на положении своей сырьевой колонии. Коми буржуазия, в лице Латкина и др., а также и та часть русской буржуазии севера, в лице хотя бы Сидорова, Рубцовой и других, являлась недоста-

*) И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос—Сборник „Марксизм и национальный вопрос", 272 стр. Изд. „Пролетарий", 1923 г.

точно сильной по своему удельному весу в общей хозяйственной жизни Северного края, чтобы заставить царское правительство считаться с теми капиталистическими группами, мечтавшими о развитии железнодорожного строительства, эксплоатации ухтинской нефти, каменного угля и т. д. Это, конечно, не значит, что эти капиталисты были революционно настроены по отношению к самодержавию. Напротив, они пресмыкались перед царским правительством, довольствовались теми формами применения капиталов, какие тогда существовали в Коми в форме торговли, организации мелких промышленных предприятий мануфактурного типа и т. д., В течение всего этого периода коми буржуазия ни разу не выступала против русского самодержавия. Даже в революцию 1905 года она была лояльной по отношению к русскому самодержавию. И только февральскую революцию 1917 г. коми буржуазия пыталась использовать в своих классовых целях, для установления своего классового господства в виде буржуазно-демократич. республики.

Интерес зарождавшейся коми буржуазии состоял в том, чтобы, во-первых, энергично отстаивать свои узко классовые материальные интересы путем эксплоатации коми трудящихся различными приемами докапиталистической и капиталистической эксплоатации и, во-вторых, поддерживать самые тесные и мирные отношения и сотрудничество с органами полицейско-жандармского режима в деле защиты своих экономических интересов от могущих быть революционных вспышек и поддержания существующего капиталистического строя.

Коми буржуазия мечтала о развитии крупной промышленности и об установлении своего господства на национальном рынке. Жаков, являвшийся крупнейшим идеологом коми буржуазии, в своих литературных произведениях как раз подчеркнул эти стремления последней сделаться господами на местном рынке, в эксплоатации местных природных богатств и сбыта своих товаров. Сын Латкина, известного коми промышленника 40-50 х г., О. Латкин, на страницах „Известий АОИРС“ констатировал, что ввоз точильных брусьев из-за границы, на сумму свыше 7 миллионов рублей ежегодно, задерживает развитие национального точильного производства. Латкин указывал, что имеется возможность не только создать свою местную брусяную промышленность, но и выступить по сбыту этого товара конкурентом на международном рынке.

Что из себя представляет нация? „Нация—пишет Сталин—это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, об'единенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“ *).

*) И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Сб. „Марксизм и национальный вопрос“, 269 стр., изд. „Пролетарий“, 1923 г.

Коми народ в течение всей своей исторической жизни выработал свой национальный язык, который сохранился до сих пор, несмотря на то, что царское правительство столетиями преследовало коми язык, изгоняя его из учреждений, школ и из бытовой обстановки. „Общность языка,—пишет Сталин—как одна из характерных черт нации" *).

Другой важной чертой нации является территория, которая, как и язык, так же присуща коми. По данным исторических документов мы знаем, что Коми уже с X-XI в. в. занимал бассейны рек Камы, Вычегды, Вашки, Выми, Сысолы, Ижмы. Эти же бассейны, за исключением Камы, входят в Коми автономную область. Таким образом наличие общей территории, как и общего языка, позволяет нам рассматривать коми, как нацию. „Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык",—пишет Сталин,—прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории.

Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь на новой территории с течением времени образовала новую, северо-американскую нацию. Разные территории повели к образованию разных наций. Итак, общность территории, как одна из характерных черт нации **).

Характерным признаком нации является и экономическая общность людей. В эпоху феодализма, когда отдельные племена коми жили в условиях господства замкнутого натурального хозяйства, слабой экономической связи между собою, ясно, еще не представляли собою нации, хотя уже и выработали общий язык и жили разрозненными племенами на общей территории. Только установление общих экономических связей между отдельными районами в условиях развитых товарно-денежных отношений способствовало об'единению отдельных экономических районов в одно хозяйственное целое. „Общность территории—пишет Сталин—сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, спаивающая отдельные части нации в одно целое ***).

Не менее важным признаком нации является и общность психического склада, сказывающаяся в общности национальной культуры, создавшейся в течение всей исторической жизни. „Нации,—пишет Сталин, отличаются друг от друга не толь-

*) Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Сб. „Марксизм и национальный вопрос", 267 стр., изд. „Пролетарий", 1923 г.
**) Там же, 268 стр.
***) Там же, 268 стр.

ко по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом немалую роль играет тот же своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования. Конечно, сам по себе психический склад, или, как это называют иначе, „национальный характер" является для наблюдателя чем то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры общей нации, он уловим и не может быть игнорирован *).

Коми народ, переживая в прошлом те же общественно-экономические формации, что и русские, естественно в течение всей своей исторической жизни создавал свою материальную и духовную культуру, которая с течением времени изменялась, совершенствовалась, в связи с изменением производительных сил и производственных отношений. Случайная семья, которая возникла в условиях первобытно-коммунистического общества, пережила ряд изменений и сложилась в форме парной семьи. Язык, который у коми первоначально представлял собою язык жестов, мимики и звуков, постепенно сформировался в культурный язык. К духовной культуре Коми относится не только язык, письменность, народная медицина, религия, но и фольклор, в форме мифов, легенд, заговоров, сказок, песен, пословиц, поговорок и загадок. Последние представляют собой устное поэтическое творчество народа, отражающее собой различные этапы исторической жизни Коми, сложившиеся в своеобразных условиях коми экономики, наличия колониально национального гнета, примитивной общественной техники и слабого развития производительных сил.

Таким образом, мы можем подвести некоторые итоги. Все эти перечисленные выше признаки позволяют нам утверждать, что коми в начале XX века являлся уже вполне сформировавшейся нацией.

К. Ф. Жаков, как идеолог коми буржуазии.

К. Ф. Жаков являлся крупнейшим идеологом коми буржуазии и пользовался широкой известностью в Коми, особенно среди интеллигенции националистического толка. Последняя рассматривала Жакова как национального героя, который в условиях царского самодержавия „сквозь строй" всех препятствий, „без помощи других" исключительно своими собственными силами достиг вершин научной мысли. Автору не раз приходилось слышать от ряда коми научных работников, что они не только высоко ценят

*) Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Сб. „Марксизм и национальный вопрос", 269 стр. Изд. „Пролетарий", 1923 г.

К. Ф. Жакова, как первого коми ученого, но и считают его первым, кто показал им пример учебы, пример завоевания знаний. „Я—говорит один такой молодой ученый, почитатель Жакова—пошел учиться исключительно под его влиянием".

Как только дошла до Сыктывкара весть о смерти этого национального героя, сбежавшего после Октябрьской революции от нежно любимых им парм величавого севера в Латвию, ревностные почитатели Жакова 11 марта 1927 года организовали в здании Обисполкома специальный вечер воспоминаний, посвященный чествованию жизни и деятельности этого эмигранта, на котором его окончательно увенчали в национальные герои коми. Выступивший с воспоминанием о К. Ф. Жакове видный националист коми, В. Ф. Попов, товарищ Жакова по Тотемской учительской семинарии, обрисовал его как человека и ученого, Д. Т. Янович поделился своими воспоминаниями о студенческих годах К. Ф., Н. П. Чеусов выступил как земляк и сосед К. Ф., А. А. Чеусов сказал о Жакове, как выразителе мировой скорби, А. С. Сидоров подчеркнул национальные черты в творчестве Жакова, Е. М. Мишарин, тогда председатель Коми Обисполкома, отметил „ту классическую энергию, с которой Жаков добивался знаний и которая вообще свойственна зырянам" *).

Националисты, воспевая Жакова, как ученого, сравнивая его не на шутку с Ломоносовым, называя его сыном коми народа—тем самым создавали авторитет, популярность имени Жакова среди различных слоев населения, особенно среди коми интеллигенции. Именно та исключительная внимательность, которой пользовался Жаков среди некоторой части интеллигенции, который якобы не только правдиво описывал, как историк, быт и жизнь коми народа, но и обладал чрезвычайно сильной революционной идеологией, находившей свое выражение в критике существовавшего ранее капиталистического строя, и т. д., все это ставит перед историками Коми задачу изучения Жакова,—как историка и этнографа коми, изучения его историко-этнографических произведений с точки зрения марксистско-ленинской методологии и четкого выявления того, выразителем каких общественных классов являлся Жаков, насколько он об'ективно правильно отражал в своих работах жизнь и быт коми.

В оценке К. Ф. Жакова, как ученого, существует несколько мнений. Некоторые считают его только художником слова, другие его считают этнографом и философом. Будучи тем и другим, Жаков являлся крупнейшим идеологом коми буржуазии. Правда, больших специальных исторических работ Жаков не писал, но все же он имеет ряд небольших истори-

*) Ж. „Коми му", № 5 (27) 1926 г., 48 стр.

чес ких работ, наиболее интересными являются: „Судьба угрофинских племен в историческое и в доисторическое время", опубликованная в Известиях АОИРС, № 17-1911 г., оставшаяся автором незаконченной. „Историко-статистический очерк зырянского населения",—опубликованная в 1909 году в I томе „Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края", „Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере" и т. д. и ряд разных этнографических работ, которые представляют собою также исторические работы, поскольку этнография сама является подсобной исторической дисциплиной.

Научная и литературная деятельность Жакова началась около 900-х годов, когда мы видим усиленное капиталовложение в лесную промышленность, массовое втягивание пролетаризированного коми крестьянства на фабрично-заводские предприятия края. Жаков, выступивший на литературном поприще в предреволюционные годы 1905 года, отражая в своих произведениях идеологию буржуазии, являлся наиболее видным идеологом коми буржуазии, борцом за существующий капиталистический строй, проповедником классового мира, проповедником буржуазной морали, терпения, смирения трудящихся перед богом, перед сильными буржуазного мира.

Жаков потому и пользуется широкой популярностью среди коми интеллигенции националистического толка, что он верно схватил те основные задачи, которые стояли перед нарождавшейся молодой буржуазией коми, стремившейся к приложению своих капиталов в экономику края, для постепенного превращения коми в об'ект капиталистической эксплоатации местной коми буржуазии. Господство иностранного капитала в лесной промышленности севера вызывало нотки сожаления у Жакова. Описывая путешествие из Архангельска в Мезень и замечая лесопильные заводы, расположенные по обоим сторонам реки, Жаков с грустью замечает, что „иностранцы—хозяева их. Мне стало грустно, когда глядел на бесконечные плоты бревен, приплывших сюда вместе с зырянами из глуби далекой Вычегды. Зачем, разве не привольно там было этим соснам на пармах дремучих, на куполообразных холмах? А зырянам, разве нет дела около пашен и лугов, что плавают они по рекам в летнее время" *).

Отмечая факт господства иностранного капитала в лесной промышленности Северного края, симпатии Жакова были не на стороне иностранного капитала, эксплоатировавшего природные богатства Коми, а на стороне национальной коми буржуазии, которая так же могла бы хорошо извлекать доходы, как и иностранцы. Как народник либерального толка, Жаков не только

*) К. Ф. Жаков—Гараморт на крайнем Севере, 17 стр.

не отрицал факта развития капитализма, но, в интересах обогащения местных капиталистов, он примиренчески относился и к господству иностранцев в лесной промышленности. „Они возили мои сосны, которыми некогда любовался я, бродя вдоль темных ручьев в дебрях густых. Рассердился бы я на эти железные пароходы, на которых Робинзоны Крузо в куртках и в шляпах возят единственное богатство Севера, если бы не знал, как много дохода получают из лесу и казна, и кулаки, и богачи, и кое что мужики за свою тяжелую работу" *).

Жаков совершенно правильно отметил тот исторический факт, что за последнее время (1910-1914 г. г.) иностранцы стремились вывозить лес кругляком, чтобы обрабатывать их на своих лесопильных заводах, что в дальнейшем могло привести к совершенной ликвидации деятельности лесопильных заводов и превращению севера в голую сырьевую базу иностранных капиталистов. Не замечая того, что север уже давно находился на положении колонии русских и иностранных капиталистов, Жаков задумывался над тем, „как бы выйти из положения, чтобы не сырьем продавать нам богатства свои" **). Прогрессивные жаковские мысли, с точки зрения развития капитализма в Коми, в смысле развития обрабатывающей промышленности, безусловно отражали точку зрения капиталистов коми и севера, мечтавших сбросить гнет иностранного капитала и сделать север об'ектом исключительной эксплоатации северных и коми капиталистов.

Рассматривая с положительной точки зрения проведение архангельской железной дороги, он с радостью констатирует, что „Север оживляется и в будущем обещает быть великой страной. В последние 10 лет (с проведением железной дороги) население Архангельска удвоилось, и квартиры вздорожали вдвое. Развивается и самосознание, к радости моей. „Не переселение, а расселение туземцев нам нужно, повышение культуры края"—так говорят северяне... Это да буди и буди" ***).

Предсказывая великую будущность северу в условиях капиталистического строя, который с проведением архангельской железной дороги встанет на собственные ноги, Жаков, идеолог коми буржуазии, по примеру казенного российского историка Карамзина, попытался „научно" показать, что северные финны, в том числе и коми, в древности являлись не только единственными обитателями севера, собственниками всех его многообразных природных богатств, но и имели в своей истории богатое прошлое. Описывая мифическую древнюю Биармию, ее баснословные богатства, развитую культуру, ее торговлю с арабами и Византией, Жаков, исходя из буржуазного сравнительно-исторического метода, указывает, что культура Биармии была род-

*) К. Ф. Жаков—Гараморт на крайнем севере, 18 стр.
**) Там же, 18 стр.
***) Там же, 21 стр.

ственна, подобна культуре древней Перми, и в этом смысле величавые картины саг, рисующие Биармию, очень ценны для восстановления характера быта восточных финнов, в частности, финнов пермской группы (вотяков, зырян, пермяков" *).

Существовала ли такая биармийская государственность, о которой пишут исландские саги (повести и предания), на основании которых финские и русские этнографы и историки создали богатую литературу о Биармии? Нет, не существовала. Для доказательства существования биармийской государственности мы не имеем никаких исторических документов, кроме преданий, сохранившихся в исландской литературе. На территории Коми никакой биармийской государственности не существовало, да и не могло существовать, хотя бы потому, что в это время отдельные финские народности переживали родово-племенной строй, как и славянские племена. Если бы подобная финская государственность в IX-X в. в. существовала, то она должна была бы быть известна русской летописи, новгородской торгово-ростовщической буржуазии, которая уже с XI века начинает эксплоатировать природные богатства Коми, организовывать свои торгово-промышленные фактории, а также и Московскому государству.

Именно, полное отсутствие исторических документов, подтверждающих существование биармии, ярко указывает на то, что никакой государственности в это время на Севере не было, кроме отдельных финских и славянских племен. Об этом свидетельствует и Отер, который первый в IX веке побывал на побережьи Белого моря, в частности, в устье Северной Двины, где он также не заметил никакой единой финской государственности, которая бы об'единяла все финские племена от Ботнического залива до Уральских гор. Свидетельство Отера о том, что финны и биармийцы говорили почти на одном языке, довольно ясно и четко указывает, что финны и биармийцы не составляли единого народа и единой государственности. Уже это одно на-голову разбивает теорию финских фашистов о некогда существовавшей единой финской государственности на территории Севера.

Показав культурное родство коми с биармийцами, Жаков на основании лингвистических данных попытался установить древнюю территорию, где коми жили до московского завоевания. Считая, что наименования урочищ, оканчивающихся на „ на" — „ма," „ кар", — „наз", — „ ны ", по мнению Кастрена и Веске, являются показателями того, где жили зыряне, Жаков на основании приведенных суффиксов и флексий намечает в основных чертах

*) К. Ф. Жаков—Историко-статистический очерк зырянского населения. Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края. Том I, П. 1909 г., 5-6 страница.

и древние границы Коми, а именно: „В области Сухоны: Тотьма, Полюк, Толшма, Ельшма, Сикгома, Шерошма и т. д. В области притоков Волги: Кострома, Клязьма, Москва, Протва и т. д. В бассейне Кубина: Казнона, Мишма, Мурма, Ухтома, Мола. На юг от Белоозера Вязьма, Шулма, Конома, Сизьма и проч. Притоки Мезени: Ирва, Вошель, Дерта, Иоль. Притоки Камы и Вычегды почти все имеют переменные (зырянские) названия .Итак, на огромном пространстве жила Пермь, быть может, в разное время от Москвы до Мезени, от Камы и притоков Тобола—до Белоозера. Таков район древней Перми"*).

Если в 1908 году Жаков „ восстановил" более или менее „скромную" территорию былого расселения Коми, то в 1914 году, под влиянием финских ученых Кастрена, Вихмана и других финских ученых, он более шире раздвинул эти древние границы Коми, начиная ее с Вислы до Уральских гор „Названия рек и озер, — пишет Жаков,—показывают границы до того района, внутри которого кочевали, переселявшись в разное время угро-финские племена. Около Вислы на западе есть озеро, которое называется Гон (зырянское слово гӧн-озеро). Самое название Висла имеет об'яснение: дело в том, что слог „ла" часто заменяется слогом „ва". Так, в Пермской губернии речка Юрла из Юрва (головная речка, главная). Висла-Висва—текучая, быстрая река. Возможно, что финно-угорские племена доходили до этих мост. На юге граница угро-финского района доходила до Дона, даже имеется зырянская этимология слова Дон, около Керчемьи, в Устьсысольском уезде, есть озеро, которое называется Дон-ты и слово Дон происходит от глаголов доналы, пламенеть, блистать. Такие названия, как Москва, легко об'ясняются из финских корней. Древне-зырянское слово мӧс-корова, а ва-вода. На востоке границы района шли за Уральские горы, на север тянулись к Ледовитому океану" **).

Жаков не только „установил" Коми территорию и „показал", что коми в различные периоды до московского завоевания занимали в разное время довольно значительную территорию, „простиравшуюся от Уральских гор до берегов рек Дона и Вислы", а Москва, нынешняя столица народов СССР—была в прошлом, по мнению Жакова, простой стоянкой древних коми.

Так, Жаков „реставрировал" древние границы Коми и в противовес историкам русского великодержавнического направления показал, что коми до московского завоевания были уже культурным народом, имели торговые связи с арабами, с Византией и другими иностранными государствами, „мирно сожительствовали с различными финскими племенами". Эти националистические черты произведений Жакова имели большой

*) К. Ф. Жаков. Историко-статистический очерк зырянского населения, 6-7 стр.
**) К. Ф. Жаков. Судьба угро-финских племен в историческое и доисторическое время—ж. „Известия АОИРС" № 17-1911 г.

успех не только среди молодой коми буржуазии, у которой голова кружилась от успехов ее древних предков, владевших громадными территориями, доходившими от Уральских гор до Висли и Дона, но и среди коми интеллигенции националистического толка, которая, чувствуя и переживая национально-колониальный гнет русского самодержавия, мечтала о восстановлении былого величия Коми.

Чем об'яснить, что коми интеллигенция, в частности сам Жаков,—в условиях капиталистического строя активно не встала на путь националистического движения, не возглавили борьбу за отделение Коми от царской России в самостоятельную автономию. Это об'ясняется целым рядом обстоятельств. Прежде всего сама коми буржуазия, зависимая во всем от русских капиталистов, к тому же весьма незначительная по своему составу, еще не была подготовлена к этой борьбе. Да и сама коми буржуазная интеллигенция также не была способна на эту борьбу, т. к. зависела от местного чиновничества, в аппарате коего она работала. Да и сам Жаков также оценивал положение коми интеллигенции, которая в своей практической работе отражала великодержавнические тенденции. „Если есть два, три человека из туземцев, достигшие „интеллигентного" поста,—пишет Жаков,—то эти „господа" ничего не умеют делать, как только буквально исполнять предписания из Вологды" *).

„Бичуя" коми интеллигенцию за ее смычку с царским чиновническим аппаратом,—Жаков констатировал и другой факт, что коми интеллигенция отошла от крестьянства, замкнулась в узкие интеллигентские кружки деревни—проводит время в пиршествах и попойках. Побывав в Серегово, около 1905 года, Жаков дал убийственную характеристику коми интеллигенции эпохи царизма, не только в смысле отрыва ее от народа, среди которого она, по мнению Жакова, должна была вести воспитательную работу в деле поднятия его культурности, но и в бессмысленном проведении времени, в форме частых попоек. Бывший товарищ Жакова по Тотемской учительской семинарии, К. И. Грибков, на вопрос К. Жакова „Вы поди уже умеете говорить по-зырянски", ответил, что „я не говорю и не прислушиваюсь к народному языку. Ученики в школе должны говорить по-русски. С народом ничего общего не имею, к счастью, потому, что здешний народ груб и бестолков, особенно по деревням". „Как же Вы живете, разве Вам не скучно? Как, одному?"—„У нас здесь, слава богу, не в глуши, где действительно с ума можно сойти. Здесь становой приятнейший человек, то он у нас в гостях, то мы у него. Здесь два священника молодые, развитые люди. Опять же фельдшер, недавно кончивший, наконец, писарь, урядник—даже целая компания".—„Значит, у Вас свой круг, который ничего не имеет

*) К. Ф. Жаков—Историко-статистический очерк зырянского населения, 15 стр.

общего с народом и народ не ведает Вас". — „Совершенно справедливо" *).

К. Ф. Жаков во время беседы с Грибковым констатировал и другой отрицательный факт из жизни коми интеллигенции, это ее стремление к карьеризму, получить повышение по службе. Втягивая Грибкова в дело собирания народных сказок, преданий, последний отказываясь, ответил: „Помилуй меня бог! Что Вы? Во-первых это небезопасно, во-вторых, это мне совершенно не интересно. Нет, это пустяки. Уже если мне взяться за дело, если бы мне удалось, это земское дело. Вот членом бы этак управы Я это понимаю, я люблю общественное дело. Оно живое. А науки—избави меня бог" **).

Эта убийственная критика коми интеллигенции великодержавнического направления ясно указывала на то, что коми буржуазная интеллигенция являлась плохим борцом за демократизм, за улучшение жизни коми рабочих и крестьян в условиях царской России. Таким образом, националистические идеи Жакова оказались черезчур „смелыми", почти „революционными", на осуществление коих верноподданническая коми интеллигенция итти не могла. Она боялась даже собирания сказок и преданий, считая это дело опасным и не лояльным по отношению к царскому правительству, которому буржуазия служила верой и правдой.

Чем же об'яснить, что идеи Жакова, казавшиеся ранее для коми интеллигенции „непонятными", сделались популярными для нее после февральской революции? Это об'ясняется тем, что идеи Жакова, казавшиеся ей неосуществимыми в условиях царского самодержавия, казались осуществимыми после февральской и в начале Октябрьской революции. Общество „Коми котыр", которое образовалось после Октябрьской революции, состоявшее из наиболее видных коми националистов (Д.А. Батиеваи др).—являлось первым активным шагом по осуществлению националистических взглядов Жакова,по проведению в жизнь того, о чем так страстно мечтал всю жизнь Жаков. „Ах, желал бы я побывать на пестрых коврах цветов на новой земле, посмотреть на коричневые горы ее, послушать сказки новые", говорил Жаков. —Но „думы и заботы великие удерживают меня от дальних странствований. Много детей у меня на Севере, как соберу их под крышу одного великого мировоззрения, как передам им вдохновение свое и любовь к жизни справедливой и языкам первобытным, как научу их я стоять на своих ногах... и твердой поступью итти к совершенству. Заботы великие наполняют душу мою во все дни мои" ***).

---

*) К. Ф. Жаков—На Север, в поисках за Памои бур мортом, 34 стр., 1905 г
**) Там же, 36 стр.
***) К. Ф. Жаков—Гараморт на крайнем Севере—22 стр. П. 1914 год.

Таким образом, образовавшееся в 1918 году общество „Коми котыр" боролось за осуществление буржуазной автономии, как и усть-сысольские коми националисты—типа Д. Попова, В. Ф. Попова и других, боролись за создание буржуазно-демократической республики, т. е. за полный отрыв Коми от Советского Союза, тем самым выполняя программные задания Жакова.

Отсюда становятся понятными и причины тех симпатий, которыми пользуется Жаков у коми-националистов. Чествование Жакова, организованное коми националистами в 1927 году, представляло собою фактическое чествование крупнейшего коми националиста, к тому же белоэмигранта, бежавшего после Октябрьской революции от „родного народа" в Латвию; А. С. Сидоров, выступивший с воспоминаниями о Жакове, подчеркнул не только национальные черты творчества Жакова, но и указал, что Жаков имеет большое национальное значение. Коми националисты не только расхваливали Жакова, называя его сыном коми народа, постоянно поддерживавшим связь „со своим народом" (с коми буржуазией и кулачеством—В. П.), но, по мнению националистов, Жаков являлся „символом возрождения культурной жизни коми народа, символом его юности, который якобы „своим геройством, простотой, энтузиазмом и жаждой жизни... долго еще будет воодушевлять сердца коми" *).

За это искреннее признание коми-националистов, конечно, следует поблагодарить, ибо открытая игра лучше, чем темная, да и „благороднее". Но для коми рабочих и крестьян знаменем возрождения является знамя Ленина, под знаменем которого они ныне строят бесклассовое коммунистическое общество.

Жаков, являясь идеологом коми буржуазии, ратовал за классовое примирение между эксплоатируемыми рабоче-крестьянскими массами и эксплоататорами. Классовая борьба была крайне невыгодна для буржуазии. Она не только уменьшала их прибыли, но и грозила существованию самого капиталистического строя. Чем же иным является, как не призывом к классовому примирению, следующее любимое изречение Жакова: „Нет крестьян и дворян на земле—есть люди, живущие под небом голубым на дивной земле" **).

Д. Т. Янович эту цитату, довольно якобы „дерзкую" для того времени, рассматривает исключительно как проявление любви последнего к людям без различия сословий. „Человек"—пишет Д. Т. Янович—как самоцель, вне его сословной оболочки, вне его этнографической обстановки, был для него драгоценнее всего на свете" ***). Это утверждение Яновича, противоречит тем системам взглядов, которые развивал Жаков в своих произведениях о ненужности и вредности классовой борьбы. Не клас-

*) Ж. „Коми му" № 5 (27)—1926, 49 стр.
**) Ж. „Коми му", № 1-2—(23-24), 1926 г., VI стр.
***) Там же, VI стр.

совая борьба, а смирение, терпение эксплоатируемых масс перед сильными капиталистического мира, любовь к богу, к ближнему, вот что красной нитью проходит почти во всех его работах. Жаков не мечтал о борьбе, она ему была чужда и непонятна, а, напротив, мечтал о том, как бы „взлететь под далью земной в синюю высь просторную, оставив за собою все трагедии мира, все неразрешенные вопросы, и там, в вышине, распростерши крылья мечты великой, мирно летать в сладком покое" *). Вот о чем мечтал Жаков. Улизнуть в синюю высь и „мирно летать в сладком покое", чем бороться с капиталистическим строем, с его безработицей, с полицейско-жандармским режимом, оставив рабоче-крестьянские массы на с'едение капиталистам и деревенским паукам—кулакам.

Жаков свой уход от классовой борьбы, несмотря на то, что его „непокорный дух" стремится вырваться на свободу оправдывает тем, что „Образ отца моего Фалалея и матери Устиньи успокаивали меня... Они говорят: сын наш, успокойся, в долголетии твоем исполнишь все задачи свои, и странствия великия дадут тебе покой" **). Как послушный сын, Жаков вполне успокаивается на этих „добрых" советах своих родителей, мечтая прожить 80 лет при помощи пера, при великом терпении, не знающем пределов, и выполнить все свои задачи. Жаков не унывает и при неудачах. Если борец потерпел поражения в борьбе за улучшение общественной жизни вместо возобновления борьбы Жаков, призывает всех неудачников на лоно матери природы и в созерцании природы найти утешение в постигшей неудаче. „Но есть лекарство и для неудачников—созерцание природы,—пишет Жаков.—Ничего нет краше солнца на небе и луны на голубом своде. Как прекрасны чередования утра, дня, вечера, ночи, и как удивительны смены времен года. В волшебном жилище мы живем у нашего творца. Достаточно человеку, утомленному душой, предаться созерцанию и удивлению перед таинственностью природы, хотя бы на полгода, чтобы снова помолодела душа"***).

Жаков не только не боролся за интересы рабочих и крестьян, но он буквально не выносил никакой борьбы. Гараморт, после беседы с тенями древних мудрецов о том „как жить на свете", после величественного выступления Сократа—с горестью констатировал, что „у древних мудрецов не было вражды друг к другу, как в наши дни; в те времена люди любили истину, как себя." ****). Жаков был настолько оторван от действительной жизни, кипевшей классовой борьбой, настолько пассивен в борьбе за улучшение положения рабочих и крестьян, что уче-

*) Жаков—Гараморт на крайнем Севере—23 стр.
**) Там же, 23-24 стр.
***)Там же, 14 стр.
****) К. Ф. Жаков—Как жить на свете, 5 стр., П. 1914.

ный Аристотель и тот сделал ему довольно коварное замечание, что „Напрасно избегаешь ты людей, ибо ты политическое животное" *).

Отмечая факт жесточайшей эксплоатации рабочих и крестьян капиталистами, что „Крестьяне не имеют земли и невежественны, рабочие получают малую плату за труд свой, многие опутаны формальностями и стонут" **), Жаков не только не звал их к борьбе с капиталистами за улучшение своего экономического положения, но в лице мудреца Эпиктета дает им совет научиться „жить малым" ***) т. е. тем, чем владели рабочие и крестьяне, не пытаясь улучшить свою жизнь за счет экспроприации экспроприаторов. Особенно поучительный ответ на вопрос „Как жить на свете",—вложил Жаков в уста своего отца, который, присутствуя при беседе Гараморта с тенями древних мудрецов, и на вопрос сына „Милый Фалалей, научи же меня, как жить на свете", получил очень поучительный ответ: „Помаленьку живи, с богатыми и с сильными не стремись сравняться, а живи трудами своими. Если по совести будешь жить, без зависти и злобы, долго проживешь на земле и упрочишь доброе имя свое. А доброе имя всего ценнее, сын мой. Не спорь и не сражайся много. Тихо живи" ****). Этот ответ на вопрос „как жить на свете"—ярко свидетельствует о том, что Жаков является крупнейшим борцом за классовое примирение.

Жаков, как идеолог коми буржуазии, все вопросы коми истории рассматривал сугубо с классовой точки зрения. Признавая факт завоевания коми Вычегодско-Камского бассейна в XV веке Московским государством, Жаков указывает, что после этих событий—„Дальнейшая история зырян отличается удивительно мирным характером, что можно об'яснить малочисленностью и большим пространством земель" *****). Это утверждение Жакова лишено всякого основания. Как в прошлом, в эпоху завоевания коми Московским государством, так и после этого, история коми, как и русская, протекала в условиях обостренной классовой борьбы. Эпоха феодализма, которую переживал коми в прошлом, являлась сплошной борьбой коми крестьянства против феодальной эксплоатации, каковая борьба буржуазными учеными называлась бунтом или разбойничьими нападениями на имущих со стороны эксплоатируемой части крестьянства. Признавая мирный характер истории коми, автору пришлось отметить и эти „разбойничьи" нападения коми крестьян на своих феодалов. „Нападение было при Анне Ивановне—пишет Жаков—какими то разбойниками на Суханова, который жил на берегу Сысолы при

*) К. Ф. Жаков—Как жить на свете, 5 стр., П. 1914 г. 7 стр.
**) Там же, 7 стр.
***) Там-же, 8 стр.
****) Там-же, 9 стр.
*****) К. Ф. Жаков—Историко-статистический очерк зырянского населения, 14 стр.

ее впадении в Вычегду" *), закончившееся полным разгромом Сухановых. Следовательно, утверждение Жакова о якобы мирном ходе коми истории является неверным и опровергается самим Жаковым. Жаков не только идеализировал эпоху феодализма, когда якобы не было никакой классовой борьбы, а было мирное сосуществование всех классов, но такую же идеализацию мы видим и в отношении капиталистического строя, который отличался якобы таким же мирным характером, как и эпоха феодализма. „Очень редки были протесты против чиновников, управляющих страною,—пишет Жаков.—Известны только два бунта в Ижме, при императоре Николае I и в Устькуломе. Последний кончился тем, что устькуломцев секли на льду плетьми" **).

Обе отмеченные Жаковым факта о мирном ходе коми истории в условиях феодальной и капиталистической формации не соответствуют действительности. Да и сам Жаков не мог не заметить борьбу крестьянства против феодалов и государства; Жаков вынужден был констатировать эту борьбу, величая ее разбойничьими нападениями и бунтом. Эта великодержавническая характеристика классовой борьбы крестьянства против своих эксплоататоров ярко свидетельствует о том, что Жаков далеко стоял от классовой борьбы, рассматривая ее как уголовное преступление. Рассматривая восстание устькуломских крестьян против царского правительства, которые избили городского стряпчего, 3 дня держали в бане окружного старшего начальника и решительно отказались от уплаты налогов, не как наиболее ожесточеннейший момент классовой борьбы, а как бунт, для усмирения коего были вызваны царские войска, Жаков ни одним словом не обмолвился о своем отношении к этому революционному выступлению крестьянства. Но зато он, наименовав эту классовую революционную борьбу крестьянства бунтом, дал очень положительную характеристику офицеру, руководившему поркой крестьян на льду при 40° морозе, который, несмотря на свою пылкую страсть к чернооким северянкам, не ожидав „пламенной" злобы от красивой северной девушки — понял, что она фанатичка, безумная и игрушкой быть не может. Теребя свой ус, умный и рассудительный, выдержанный вояка решил, что и без Анны много женщин в деревне, и потому спокойным голосом промолвил „Идите, никто вас не тронет" ***).

Жаков сделал классически буржуазные выводы из восстания устькуломского крестьянства. Всякое восстание по Жакову—это верное поражение восставших. Анна пророчица, которая раньше являлась душой этого восстания, чьи пламенные речи вдохновляли устькуломцев стрелять в солдат так же метко, как

*) К. Ф. Жаков—Историко-статистический очерк зырянского населения 14 стр.
**) Там-же, 14 стр.
***) К. Ф. Жаков—В хвойных лесах, 27 стр., 1908 г.

охотники до этого метко стреляли в глаз медведя, в ухо зайца и в голову белки,—после подавления восстания, у устькуломской героини Анны,—по мановению пера Жакова,—исчез не только пророческий дар призывать крестьян к борьбе с самодержавием, но последняя превратилась в проповедницу классового мира: „Посмотрите на вершины отдаленных каменных гор и подумайте о старых временах,—проповедывала дочь северных парм.—Живите без ссор, помогая друг другу. Бросьте водку, табак, чай и картофель. О великом Ене (боге) чаще думайте". Так учила она, путешествуя по пармам" *). Таким образом у прежней, некогда гордой революционерки, пленительницы умов устькуломских революционеров,—вместо продолжения борьбы с царским самодержавием мы видим проповедь классового мира, о необходимости жить без ссор, дружно, больше думать о боге, о смирении, терпении. Жаков, как идеолог коми буржуазии, естественно не мог вкладывать революционное содержание в героев своих произведений, которые бы призывали к дальнейшей борьбе рабочих и крестьян против царского самодержавия, за землю и волю.

Являясь народничествующим ученым либерального направления, отрицательно относившимся к классовой борьбе, Жаков дал неправильную оценку и развитию капитализма в Коми, подчеркивая одни лишь отрицательные явления последнего, совершенно не замечая его прогрессивных сторон; Жаков указывал, что приход русских в Коми край ознаменовался всеми отрицательными атрибутами капитализма, голодом, порабощением и эксплоатацией. Развитие капитализма внесло полный разлад в семейную жизнь. Работа на заводах и фабриках оторвала не только от семьи отца, но и мать, и детей, втянув их в орбиту капиталистической эксплоатации. Все эти явления капиталистического строя породили сожаление о старой угасающей культуре.

Культура капиталистических заводов: ужасающая эксплоатация, нищенская заработная плата, вычеты, скверные санитарно-гигиенические условия труда и т. д. сделали Жакова настолько чуждым к заводской жизни, что для него нигде не было „так хорошо, как у себя, в родимой баньке" (среди своего семейства) **).

Жаков, вместо того, чтобы призывать рабочих и крестьян к активной борьбе с капиталистами и русским самодержавием, больше учил о любви, всепрощении, терпении, смирении трудящихся по отношению к эксплоататорским классам—являвшимся классовыми врагами трудящихся. Вместо того, чтобы разоблачать колониальные методы извлечения сверхприбылей, Жаков и ему подобные ученые ушли в столицы, оставив трудящихся на с'едение деревенским и городским капиталистам.

*) К. Ф. Жаков—В хвойных лесах, 27 стр., 1908 г. 298 стр.

**) К. Ф. Жаков,—Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере, 46, 51 стр. 1906 г.

Рассматривая капитализм, как регрессивное явление—подобно либеральным народникам, Жаков правильно схватил основные отрицательные черты капиталистического строя, но дал совершенно неправильное, с научной точки зрения, об'ясиение целому ряду фактов, вытекающих из сущности капиталистического строя. Основная его ошибка состоит в том, что не усмотрел в развивающемся капитализме его прогрессивных сторон, которые в своем дальнейшем развитии подготовляли условия для осуществления социализма. Являясь народником либерального направления, Жаков естественно не мог многое понять в капитализме, не мог разглядеть прогрессивной роли молодого капитализма.

Социалистическая революция, совершившаяся в России и, в частности в Коми, явилась для Жакова совершенно чуждой. В условиях царской России он жил больше в столицах, чем в родных ему пармах. После Октябрьской революции этот „сын коми народа", каким изволил называть себя Жаков,—вместо того, чтобы отправиться к своему народу, помочь ему свергнуть власть своих прежних эксплоататоров, он немедленно сложил свои пожитки, оставив своих детей и жену на произвол, эмигрировал в буржуазную Латвию, где до самой смерти подвизался в одурачивании сознания латвийских рабочих и крестьян, своими духовно-нравственными лекциями проповедуя бытие бога, вместо классовой борьбы терпение и смирение эксплоатируемых против своих угнетателей. Вот темы его лекций, прочитанных им в эмиграции: лимитизм, бессмертие души, религия и национализм, о разуме, о красоте, о добром, о смысле жизни и др.

Являясь идеалистом философии, в частности, сторонником созданной им собственной философской системы, известной под названием лимитизма, которая представляет собою мешанину из трансцендентального идеализма Канта (познание ничего не имеет общего с бытием), скептицизма и агностицизма Юма и Беркли (нельзя определить соответствует ли познание бытию или нет) и т. д., связывающая науку с религией, Жаков являлся крупнейшим противником материалистической теории познания. Составитель краеведческой хроники, посвященной памяти Жакова, желая сблизить этого „великого" мыслителя с материализмом Маркса, указывает, что„ основная мысль его философии развития—гомологичность (одинаковость) законов развития материального мира и психики—есть не чистый идеализм, а согласование его с материализмом" *).

Дело здесь, конечно, не в признании одинаковости развития материального и духовного мира, а в идеалистическом понимании Жаковым материального и психического мира. Лимитизм был создан Жаковым исключительно для противопоставления материализму. Философский путь Жакова это путь не от идеализма к материализму, а, наоборот,—от материализма к идеализму Канта,

*) Коми му, № 5 1926 год, 48 стр.

Юма и Беркли. Он это и сам признает, что „до 1901 г., пишет он, я был последователем Канта с 1890 г., а до этого был чистым материалистом и, кроме атомов, ничего в природе не признавал" *).

Отход Жакова от исторического материализма к идеализму Беркли и Юма не случаен. Отход является результатом не только шаткости его материалистического мировоззрения в прошломно, главным образом, постепенного превращения его в идеолога буржуазии, которое, в основном, и создало условие для перехода его от материализма к идеализму. Обслуживая интересы буржуазии по укреплению капиталистического строя путем проповеди классового мира, несопротивления злу, терпения и смирения эксплоатируемых рабов против своих эксплоататоров, идеализм оказался более приемлемой идеологией, чем революционный материализм. „Да, мало работаю я,—пишет К. Ф. Жаков.—Одно хорошо только делаю, что усердно на лекциях своих проповедую лимитизм. Даже просеминарий образовал по лимитизму. Не легко жить на этом свете, но буду двигаться, хотя и тихо, к исполнению заповеди божьей"**).

Проповедуя лимитизм, Жаков развивал в массах идею существования души, идею существования бога, веру в загробную жизнь. „И спят теперь—пишет Жаков—Фалалей и Устинья за селом, около мельницы, в березовой роще, на кладбище, спят милые, безгрешные, праведные люди в ожидании конца жизни великой земли. Конец будет земле и грехам ея, и начнется новая жизнь на солнце, которое будет планетой, вращающейся около звезды Веги, и там Мамонт обнимет вновь друзей своих в лучах нового солнца. Я же в ожидании всего великого живу, обновляя свою душу созерцанием картин неба и земли***".

Являясь чрезвычайно набожным человеком, аккуратно посещавшим церковь, проповедуя слово божие, развивая в массах идеи конца мира, наступление страшного суда, Жаков выполнял большое политическое дело. Не отличаясь в этом отношении от попа, как поп без рясы и креста—он отравлял классовое самосознание рабочих и крестьян, призывая их вместо борьбы к смирению, терпению, любви по отношению к своим эксплоататорам во имя будущей жизни на небесах, которая якобы предназначена для лиц, терпевших много унижений и страданий на грешной земле. А когда рабочие и крестьяне России и в частности Коми победили своих классовых врагов, Жаков не перенес этого события, сбежал в Латвию, где и умер—как белоэмигрант, вдали от нежно-любимых им парм Северного края. Если для коми националистов „Жаков является до сих пор символом возрождения к культурной жизни коми народа, символом его юности, который своим героизмом, простотой, энту-

*) К. Жаков, Лимитизм, 1-я лекция, предисловие, Клан Стругас, 1917 год.
**) Жаков. Гараморт—На крайнем Севере, 34 стр. СП. 1914 г.
***) К. Ф. Жаков, Под шум северного ветра, 28 стр. П, 1919 год.

зиазмом и жаждой жизни и позна ния долго еще будет воодушевлять сердца коми" *), то для рабочих и крестьян знаменем возрождения культуры является знамя ЛЕНИНА, а Жаков был и останется буржуазным националистом вкупе с коми националистами из Коми Котыр и коми обновленцев, идеологом коми буржуазии и кулачества.

Г. С. Лыткин, как идеолог русского великодержавного национализма.

Г. С. Лыткин пользовался такой же большой популярностью среди коми буржуазной интеллигенции, как и К. Ф. Жаков. Если К. Жаков являлся крупнейшим идеологом нарождавшейся коми буржуазии, отражавший националистические тенденции последней, то Лыткин является крупнейшим идеологом русского великодержавного национализма. Русское самодержавие, искусственно насаждая в завоеванных колониях православие и самодержавие, естественно нуждалось в услугах местной национальной интеллигенции, которая, зная язык, социально-экономические условия труда, быт и нравы населения, могла лучше выполнять работу по руссификации коми населения, чем чиновники царской России, совершенно не зная коми языка. Лыткин является наиболее видным проводником великодержавнической политики царского правительства по отношению к Коми.

Для того, чтобы внедрить в быт коми населения православие, Лыткин еще с детства мечтает изучить русский язык, чтобы путем создания переводной литературы ознакомить широкие массы коми крестьянства с основами христианской религии, а также сделать доступным для них чтение книг духовно-нравственного содержания.—„Разсказы о святительских подвигах святого Степана, просветителя Вычегодских и Сысольских зырян, слышанные мною от моей матушки,—пишет Лыткин —побудили меня, еще ребенка, охотно посещать божественную литургию, хотя она была мне и непонятна, так как совершалась на славянском языке. Непонимание церковно-славянского и русского языка вызвало во мне желание сделаться священником, чтобы потом об'яснить другим то, что поется и читается в церкви. Ради изучения, по крайней мере, русского языка, я поступил в Устьсысольское приходское, затем уездное училище. Из 50-ти слишком учившихся в приходском училище окончили в уездном только 4, из коих двое были зыряне, остальные товарищи не вынесли непосильной работы и вышли, не кончивши курса; я же вынес ее потому только, что хотел быть учителем русского языка, чтобы потом научить других этому языку" **).

---

*) Коми му. № 5—1926 год, 49 стр.

**) Г. С. Лыткин—Зырянский край при епископах Пермских и зыряпский язык. Предисловие. П. 1889 г.

Таким образом, Лыткин ставит себе вполне резонную задачу—изучить русский язык и, овладев им, поучать этому языку и других. Это искреннее стремление Лыткина—внедрить русский язык в быт коми населения, являющееся вполне прогрессивным явлением, националистами не замечается, и Лыткин рассматривается ими исключительно как борец за родной коми язык, как противник великодержавнического русского языка. „Пренебрежительное отношение педагогов того времени к коми языку,—пишет коми националист А. А. Чеусов,—с юношеских годов направило Георгия Степановича на путь борьбы за право родного языка. Вся его дальнейшая жизнь являет пример бескорыстной любви изучения своего народа и его языка" *). Это открытая фальсификация Лыткина, ибо Лыткин определенно указывает, что коми язык является только основой для освоения русского языка. Вот что говорит по этому вопросу Лыткин: „Дети должны быть обучены сначала чтению и письму зырянской азбуки, когда дети достаточно освоятся с зырянской грамотой, необходимо перейти к изучению сначала русской гражданской азбуки, затем русских числительных имен, далее, к чтению русского перевода произведений творчества зырян. Эти упражнения дадут детям-зырянам некоторый запас сознательно усвоенных русских слов и оборотов, опираясь на который дальнейшее дело обучения можно вести по русским книгам так, как ныне ведется" **).

А. А. Чеусов, видимо влюбленный в своего духовного отца Лыткина, совершенно не заметил того, что Лыткин не являлся тем защитником коми языка, каким его изображают коми националисты. Лыткин рассматривал коми язык как средство лучше усвоить русский язык и внедрить последний в быт коми, как господствующий язык. Об этом же он еще яснее указывает, что в „Вологодской гимназии и в С. Петербургском университете, при изучении восточных языков, не покидала меня мысль быть когда нибудь полезным подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы ему возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде. На это же указывал и Н. П. Левитский, мой бывший наставник по Вологодской гимназии, ныне директор народных училищ Вологодской губернии, он писал мне в 1881 году: „Для зырянских училищ необходима всего более такая книжка-учебник, при помощи которого зырянин—дитя мог бы скорее научиться читать, писать и говорить по-русски. Эту мысль я мог привести в исполнение только в последние 6-7 лет, в свободные от уроков часы, по вечерам, праздникам и в каникулы" ***).

*) Ж Комн. му" № 4-5, 1924 год, 43 стр.
**) Лыткин. Зырянский край, предисловие, 14 стр.
***) Там же, 1-2 стр.

Здесь Лыткин настолько ясно и конкретно говорит, что коми язык он рассматривал как подсобный язык для лучшего усвоения русского языка.

Как типичный чиновник, идейно преданный русскому самодержавию, Лыткин ревностно выполнил казенный заказ Левитского и дал работу, которая должна была помочь коми молодежи основательно изучить русский язык.

Изучение коми языка Лыткин считал нужным не только как средство лучшего усвоения русского языка, но и как средство ознакомления коми рабочих и крестьян с основами христианской религии, жизнью и деятельностью „святых угодников" и т. д., чтобы путем чтения книг духовно-нравственного содержания воспитать коми в духе смирения, терпения и любви к ближнему.

Так, им были переведены с русского на коми язык следующие книги: 1) Евангелие от св. Матвея, 2) от св. Марка, 3) от св. Луки и 4) от св. Иоанна, 5) Деяния св апостолов, 6) псалтырь, 7) последование вечерни, 8) последование утрени, 9) божественная литургия св. Иоанна Златоуста и 10) акафист и служба св. Степану. Вот перечень „научных" трудов, над которыми работал Лыткин.

Работая над переводами сам, как чиновник миссионерского ведомства, Лыткин стремился создать кадр переводчиков, привлекая к этой работе местные педагогические силы. Так, он указывает, что „мною исправлен перевод книги „Начатки христианского православного ученья", мысль о необходимости перевода которых принадлежит г. обер-прокурору. Разделяя ее вполне, но занятый составлением настоящей книги „Зырянский край и зырянский язык", я поручил этот перевод Ф. И Забоевой, учительнице Вильгортской сельской школы, что она выполнила вполне добропорядочно" *).

Эти работы Лыткина не прошли мимо внимания русских правительственных верхов. На них обратила свое внимание княгиня Александра Иосифовна, которая указала г. обер-прокурору святейшего синода на необходимость поощрения этой полезной работы. Императрица Мария Федоровна „в ознаменование 500 летия со времени утверждения учения Христова в зырянской стране и в память присоединения Вычегодско-Сысольского края к Московскому государству, немедленно повелела разослать 200 экземпляров этого перевода (божественной литургии — В.П-) в зырянские народные училища"**).

Таким образом, в лице Лыткина мы видим крупнейшего проводника русской великодержавнической политики по насильственной руссификации населения, по развращению классового мировоззрения коми рабочих и крестьян литературой духовно-нравственного содержания. Самый большой труд Лыткина (50

*) Лыткин. Зырянский край, предисловие, 2 стр.
**) Там же, предисловие, 3 стр.

печатных листов) „Зырянский край и зырянский язык" представляет собой крупнейшую работу по обслуживанию руссификаторской политики самодержавия. „Эта книга—пишет Лыткин в своем предисловии — предназначена мною для народных зырянских школ, как пособие при изучении зырянами русского языка. Желательно, чтобы уменье читать зырянскую книгу в народных школах, предшествовало бы умению читать русскую книгу, чтобы изучение русского языка было осмысленно, чтобы оно было не одним только зубрением, как было в годы моего „учения-мучения" *).

Из приведенных данных видно, что Лыткин является крупнейшим представителем русского великодержавного национализма, борцом за великодержавный русский язык. В лице Лыткина царское правительство встретило в коми вполне преданного для него человека, прошедшего высшую школу, который не хуже министерства народного просвещения и царской полиции внедрял в быт коми русский язык, рассматривая коми язык, как подсобный для изучения русского языка. Лыткин являлся идеологом той части национальной коми буржуазии, которая в торгово-промышленном отношении была тесно связана с русской торгово-промышленной буржуазией, которая в тесной связи с русской буржуазией была заинтересована в эксплоатации природных богатств края и труда коми колониального крестьянства. Кузьбожевы, Комлины, Оплеснины, Камбаловы являлись надежными сторонниками царизма по руссификации местного населения. Эти эксплоататоры не терпели коми речи в своих торгово-промышленных предприятиях. Коми язык для них являлся таким же вредным и опасным, как болезнетворная бактерия. Как звон золотых монет, ограбленных ими с крестьян и рабочих, ласкал их слух, так и русская речь пленила их, как нежная музыка. Лыткин, являясь идеологом этой консервативной части коми буржуазии, все исторические явления, совершавшиеся в Коми, рассматривал так, как это было выгодно этой части буржуазии.

Для той части коми буржуазии, которая была тесно связана с торгово-промышленными кругами России, как и русскому самодержавию, было крайне выгодно подчеркнуть, что коми была присоединена к Российской державе не путем завоевания, а мирным путем, путем постепенного слияния коми с русскими. Чтобы выполнить эти задания российского самодержавия, Лыткин ссылается на так называемого Степана Пермского, „история кафедры которого есть в то же время история незаметного, мирного утверждения влияния Московского государства в Вычегодско-Сысольском крае", населенном зырянами, данниками В. Новгорода**).

*) Лыткин. Зырянский край, предисловие, 3 стр.

**) Лыткин, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык СП. Пятисотлетие Зырянского края, I стр. П. 1889 г.

Таким образом завоевание Коми, совершенное Московским государством в XV веке, прикрыто теорией мирного слияния этих двух народов, а Степан Пермский, крупнейший ставленник Московского государства, который помог закабалить коми за Московским государством, был им об'явлен самой светлой личностью тогдашней эпохи. Так как в исторической литературе существует мнение, что Степан не происходил родом из Коми, и чтобы защитить свою концепцию, что слияние русских и коми произошло по инициативе „зырянина" Степана, Лыткин пытается доказать, что Степан является родом из Коми, хотя и проживал в Устюге. „Я внутренне убежден в том,—пишет Лыткин,—что Степан по мужской или женской линии зырянин как братья Кирил и Мефодий—славяне. В характере Степана много зырянского: добросердечие, правдивость, трудолюбие, твердость, пытливость и трезвость ума; его переводы на русский язык обнаруживают, что он и думал по-зырянски, а не по-русски"*).

Таким образом, чтобы отвергнуть утверждения некоторых ученых, рассматривавших Степана как ставленника Московского государства, и подтвердить, что слияние произошло по инициативе Степана, как коми, Лыткин, не имея возможности сослаться ни на какой исторический материал, ссылается на свои внутренние убеждения и изображает Степана пермского националистом из коми, „мирными трудами" которого якобы произошло присоединение коми к Московскому государству, вопреки всем историческим документам. Вся концепция лыткинских произведений носит строго великодержавнический характер и все его исторические установки взяты из данилевско-катковской телеги и представлены нам в виде неопровержимой „научной" истины. Это не значит, конечно, что Лыткин совершенно не отражал черты, носившие характер местного национализма. Он, как коми интеллигент, признававший право на существование, изучение и даже допущение коми языка в школы, уже тем самым являлся известным выразителем идеологии местного национализма.

Таким образом мы можем подвести некоторые итоги. В лице Г. С. Лыткина и Жакова мы видим крупнейших представителей нарождавшейся коми буржуазии. Ратуя за развитие коми добывающей и обрабатывающей промышленности, за колонизацию ее пустующих пространств местными коми крестьянами, Жаков является виднейшим идеологом местного коми национализма. В требованиях Жакова мы имеем прогрессивные и отрицательные черты. Требования Жакова, как сторонника развития производительных сил коми, носили прогрессивный характер. Но совершенно регеессивным является его требование

*) Лыткин— Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СП. 1889 г. Пятисотлетие Зырянского края. 5 стр.

о колонизации пустующих пространст в Коми местным коми крестьянством. Здесь мы видим характерную черту в Жакове, присущую всем апологетам буржуазного национализма—это обособиться от других наций в узкие рамки местной национальности, чтобы культивировать буржуазный национализм и ослаблять братские узы трудящихся классов различных национальностей. „Марксизм—пишет В. И. Ленин—непримирим с национализмом, будь он самый „справедливый" и „чистенький", тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом"*).

Жаков являлся сторонником сохранения самобытной национальной культуры, Жаков морально страдал, когда крестьяне оставляли свои пармы и шли зарабатывать подати на уральские горные или архангельские лесопильные заводы. Он хотел сохранить быт коми народа на той ступени развития, какая была характерна для эпохи феодализма: в форме народной медицины, всевозможных поверий, заговоров, религии, сохранившихся у коми в бытовой обстановке. Являлось ли сохранение такой национальной культуры прогрессивным? Нет, не являлось, ибо это способствовало бы поддерживанию коми на уровне культуры древнейших общественно-экономических формаций.

Что представляла собою коми национальная культура? Ничто иное, как культуру попов, капиталистов, куляков, культура угнетения и эксплоатации. „Что такое национальная культуру при господстве национальной буржуазии—пишет Сталин.—Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме, культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии"**).

В условиях нарождающегося капиталистического строя, роста экономических и политических связей с рабочими других наций, коми рабочие и крестьяне стремились к новой, более передовой культуре, культуре интернационализма. „Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д.—пишет В. И. Ленин—рабочая демократия противопоставляет требование безусловного единства и полного слияния рабочих всех национальностей во всех рабочих организациях: профессиональных, кооперативных, потребительских, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние

*) В. И. Ленин. Заметки по национальному вопросу. „Сбор. „Марксизм и национальный вопрос", 211. стр

**) И. Сталин. О борьбе с уклонами в национальном вопросе. „Сборник „Ленинизм и национальный вопрос", 163 стр., вып. 7, 1931 г. Изд. Северный Кавказ.

может отстоять демократию. Отстоять интересы рабочих против капитала, который уже стал и все более становится интернациональным,—отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплоатации *).

Что значило об'единить „всех финнов" в одну финскую государственность с точки зрения Жакова? Это значило установить господство национальной буржуазии. С точки зрения формальной это требование на первый взгляд кажется прогрессивным, т. к. всякое национальное движение, направленное против царского самодержавия, против средневековья, против империалистической политики метрополии в известной мере ослабляло империализм.

Но в том то и дело, что нельзя рассматривать национальный вопрос формально, с точки зрения абстрактных прав на самоопределение. Требование Жакова сводилось к тому, чтобы обособить так называемые „финские племена", изолировать их от общего революционного движения, разгромить нарастающее революционное движение против местной, национальной буржуазии. В требованиях Жакова не было установки на укрепление интернациональной связи рабочих, на единый революционный фронт, наоборот, требования Жакова держали курс на укрепление финской буржуазии.

Если Жаков являлся апологетом коми буржуазного национализма, то Г. С. Лыткин в известной степени представляет его прямую противоположность, как идеолог русского великодержавного национализма.

Если у идеологов местного коми национализма мы встречаем бешенную ненависть, ко всему русскому, то великодержавные идеологи, напротив, считали, что единственно-культурным языком является русский язык, что язык коми является грубым пережитком, скудным, бедным, не имеющим форм, „чтобы передать простые понятия. Самой жизнью он осужден на вымирание, и чем скорее это случится, тем лучше. Уже теперь есть села: Серегово, Устьвым и друг., где зырянский звук навсегда замолк. То же скоро случится и во всем крае, ибо зырянин, живя с русскими, сильно обрусел, если естественному течению не будут ставиться преграды, то зырянская речь совершенно смолкнет" **).

Отрицание за коми языком самостоятельного значения, считая его грубым пережитком прошлых формаций, является крайне характерной чертой русского великодержавного национализма. Эта точка зрения крайне реакционна, хотя бы уже потому, что коми язык вполне достаточно обслуживал культурно-экономические нужды коми в эпоху царизма, обслуживает и теперь в условиях социалистического строительства. Реакционна

*) Ленин, В. И. Заметки по национальному вопросу, сб. „Марксизм и национальный вопрос", — 203 стр.

**) Шергин—Богатства Севера, 10 стр. П. 1909 г.

эта точка зрения и потому, что последняя, не признавая равноправия коми языка, обосновывала руссификаторскую политику царского правительства, которая проводилась путем всевозможных насильственных мероприятий.

Но самый факт ассимиляции, безусловно, являлся прогрессивным явлением, ибо она (ассимиляция) в основном являлась результатом хозяйственных и культурных сношений с русскими, способствовала ломке национальных перегородок и национальной узости. Колонизация коми русскими, ввоз русских рабочих для работы на местных предприятиях края, все это чрезвычайно способствовало ассимиляции коми населения. В. И. ЛЕНИН совершенно правильно указывает по отношению к Украине, где „уже несколько десятилетий вполне определился процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающий из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих на фабрично-заводские предприятия края. Факт „ассимиляции" в этих пределах великорусского и украинского пролетариата—несомненен. И этот факт безусловно прогрессивен. Капитализм ставит на место сухого, заскорузлого, оседлого и медвежьи-дикого мужика великоросса или украинца, подвижного пролетария, условия жизни которого ломают специфически национальную узость как великорусскую, так и украинскую. Допустим, что между Великоруссией и Украиной станет со временем государственная граница, и в этом случае историческая прогрессивность „ассимиляции" великорусских и украинских рабочих будет несомненна, как прогрессивное перемалывание наций в Америке" *).

В. И. ЛЕНИН совершенно правильно указывает, что эта всемирно-историческая тенденция капитализма, выражающаяся „в ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым 10 летием проявляется все могущественнее, которая составляет один из-величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм"**).

Но националистическая деятельность Жакова и Лыткина с точки зрения общей революционной борьбы пролетариата за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата сыграла отрицательную роль. Она способствовала росту буржуазного национализма, развивала идею национальной замкнутости, разобщенность, сеяла рознь и недоверие к пролетариату одной нации к другой. Следовательно, последняя способствовала раздроблению рабочих, вместо сплочения их в единую пролетарскую организацию, для борьбы с капиталистическим строем за социализм наций, всякие привилегии одной из наций—или одному из языков—безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безус-

*) В. И. ЛЕНИН практические заметки по национальному вопросу—Сбор. „Марксизм и национальный вопрос" 209 стр.

**) Там-же, 207 стр.

ловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется или задерживается национальной грызней. Но содействовать буржуазному национализму за этими строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами,— значит изменять пролетариату и остановиться на сторону буржуазии" *).

Русский великодержавный национализм и право Коми на самоопределение

Русский великодержавный национализм являлся важнейшим политическим орудием русского самодержавия по идеологической обработке общественного мнения колониальных народов царской России, в интересах русского самодержавия и православия, по всем политико-экономическим вопросам.

Для того, чтобы отвести всякую мысль о праве угнетаемых наций на политическое самоопределение, т. е. о праве народов совершенно отделиться от России и образовать самостоятельную политическую единицу, русские великодержавники старались показать, что народы, населяющие царскую Россию издавна жили вместе, что эти народы никогда не были завоеваны русским народом, а происходило мирное сближение этих народов с русским народом на почве экономических и природных условий местности. Наиболее четко и ясно высказал эту точку зрения С. В. Ешевский, который в своей статье „Русская колонизация Северо-Восточного края", указывает, что на „громадной равнине Северо-Восточной Европы сталкивались и перемешивались представители самых различных ветвей человеческого рода. Здесь не было физических преград к их смешению, не было условий для замкнутого, изолированного существования, тех условий, которыми, например, об'ясняется на Кавказе вековое сожительство на весьма тесном пространстве нескольких различных по происхождению племен в их первобытной чистоте, со всеми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здесь слитию, об'единению" **).

Отметив мирное слияние отдельных народов с русскими, вопреки всем историческим документам, наоборот, ярко подтверждавшим о завоевании огнем и мечом этих народов более сильным русским народом, Ешевский пытается заранее смягчить это завоевание, указывая, что „Племена финские, на счет которых особенно распространялась русская народность, не исчезли с лица земли, не вымирали, приходя с нею в соприкосновение, как гибнут племена Америки при столкновении с англо-саксонскою расою, как умирают туземцы Океании вследствие поселе-

*) В. И. ЛЕНИН. Критические заметки по национальному вопросу— Сбор. „Марксизм и национальный вопрос"—24 стр. Изд. Пролетарий 1931 г.

**) С. В. Ешевский—Сочинения по русской истории, 295-296 стр. М. 1900 год.

ний между ними европейцев. Чужеродцы не обращались в рабов, не причислялись к существам низшей породы, не истреблялись огнем и мечом; на памяти истории нет истребительных стремлений русского племени. Процесс слияния совершался путем мирным, естественным" *).

Обелив завоевательную политику Московского государства, которая огнем и мечом устанавливала свое господство над завоеванными народами, ешевский пытается оправдать слияние отдельных народов с русским тем, что русские являлись носителями более передовой Европейской культуры. „Принимая в себя чужие племена, претворяя их в свою плоть и кровь, русское племя клало на них неизгладимую печать европеизма, открывало для них возможность участия в историческом движении народов европейских. В этом отношении Русь была тем же передовым бойцом за Европу против Азии, каким она была, приняв на себя первые удары страшного монгольского нашествия, грозившего снести с лица земли только что образовавшиеся и еще неокрепшие начала европейской гражданственности" **).

В чем заключался политический смысл научных выступлений Ешевского и ряда других идеологов русского великодержавного национализма (Каткова, Данилевского и т. д.)? В том, чтобы подчеркнуть, что национальные меньшинства, жившие с испокон веков в пределах единой и неделимой России, благодаря низкой общественной технике, и т. д. неспособны к самостоятельной политической жизни и в будущем, зависимые во всем от русской техники, культуры и экономики, как не имевшие в прошлом своей государственности и культуры, должны жить вместе с русскими и впредь. „Весь, карелы, зыряне, мордва, черемисы, чуваши, так же как и остяки, вогуличи или самоеды, пишет—Данилевский,—не могут составлять государства. Но они и притязаний на это никаких не имели: не имеют сознания исторического или политического характера своей народности, его следовательно и вовсе не сушествует" ***).

Рассматривая коми дикарями, неспособными ни к какой самостоятельной жизни, без опеки России, идеологи русского великодержавного национализма тем самым подчеркивали, что коми не имели права на политическое самоопределение, т. е. не имели права на отделение от России и создание своей политической единицы, совершенно независимой от царской России.

Являлось ли утверждение русских великодержавников правильным? Нет, не являлось. Коми народ, как и другие народы, стонавшие под нациально-колониальным гнетом русского само-

*) С. В. Ешевский—Сочинения по русской истории, 296-297 стр. М. 1900 г.
**) Там же, 296 стр.
***) Данилевский—Россия и Европа, 239 стр.

державия, имел полное право отделиться от России и образовать самостоятельную политическую автономию.

„Нация,—пишет Сталин, может устроиться по своему желанию, т. е. она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии, она имеет право вступать с другими нациями в федеративные отношения, она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна и все нации равноправны" *).

Отделение Коми от царской России в самостоятельную государственную единицу имело большое значение в деле дальнейшего развития капитализма. Буржуазия в Коми, сделавшись господами положения, скинув национально-колониальной гнет, безусловно, получили бы более широкие возможности для дальнейшего развития капитализма, чем при царизме. Безусловно, все те начинания Сидорова, Рубцовой, Латкина и других северных промышленников по развитию производительных сил в Коми, как то: разработки богатейших энергетических ресурсов края, нефти и угля, а также железа, меди, олова, различных строительных материалов и т. д., были бы в известной мере осуществлены. Эксплоатация полезных ископаемых без сомнения вызвала бы к жизни и строительство железных дорог, постройку новых грунтовых дорог, улучшение водных путей сообщения.

Таким образом, отделение Коми от царской России являлось бы крайне положительным фактором, ибо это создавало наилучшие условия для развития капитализма. Ликвидация национально-колониального гнета, устранения всяких препятствий для развития научной и технической мысли, в отношении обслуживания нужд капиталистического производства, создания условий для развития национального языка, как важнейшего средства для человеческого общения и производства, открывало широчайшие возможности для развития капитализма. „С точки зрения национальных отношений,—пишет В. И. Ленин,—наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство на почве буржуазных отношений могло исключить эксплоатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремление к созданию национальных государств, это значит, что „самоопределение нации в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения и иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства" **).

---

*) И. Сталин—Марксизм и национальный вопрос Сборник „Марксизм и национальный вопрос", 275 стр.

*) В. И. Ленин—О праве нации на самоопределение, Сборник „Марксизм и национальный вопрос", 229 стр.

Социалистические оппортунисты разных оттенков, которые признавали право нации на самоопределение только в своих декларациях, в практическом поведении этого вопроса указывали на то, что отделение нации от угнетавшаго ранее его государства вредит интернациональным идеям, зовущим к об'единению всех трудящихся в одну мировую семью народов, что, поддерживая принцип о праве нации на самоопределение—это значит поддерживать буржуазный национализм, это значит становиться на позиции буржуазного демократизма.

Рассуждая таким образом можно пожалуй и Лондонский международный конгресс 1896 г. обвинить в буржуазном национализме, [признавший в своих решениях на полное право любой нации на самоопределение. Вот решение Лондонского международного конгресса: „Конгресс об'являет, что он стоит за полное право самоопределения (*Seldstbestimmungsrecht)* всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех стран вступать в ряды сознательных *(Klassenbewust)*, сознающих интересы своего класса рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии" *).

Здесь право нации на самоопределение так ясно выражено, что не должно было бы возбуждать никаких сомнений. Но нашлись люди, которые заметили в этой резолюции противоречие: во-первых, право на отделение и во-вторых предосторожность рабочим от увлечения националистическими лозунгами. Здесь нет никакого противоречия. „Видеть здесь противоречие—пишет В. И. Ленин —могут лишь совсем плоские умы, неспособные понять, например „почему единство и классовая солидарность шведского и норвежского пролетариата выиграли, когда шведские рабочие отстояли свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство" **).

Это указание В. И. Ленина крепко бьет по всем идеологам русского великодержавного национализма, которые, во имя сохранения единой и неделимой царской России, всячески опорачивали марксистский лозунг—о праве нации на самоопределение, играли якобы на ослабление интернациональных связей рабочих у отделившихся наций. Марксисты—ленинцы тем и отличаются от марксистов 2 ½ интернационала, что они доводят теоретическое признание права за любой нацией на самоопределение до его конца. Блестящей иллюстрацией этого положения о неразрывности теории от практики служит разрешение национального вопроса после Октябрьской революции в России, когда коми и другие нации получили право на самоопределение и создали свои автономные области и республики.

*) Сборник—Марксизм и национальный вопрос—249-250 стр. 1923 г.
**) Там же, 252 стр.

Осуществление автономии в условиях капиталистического строя вещь не невозможная, не утопическая; задача социал демократов заключалась в борьбе с привилегией великоруссов иметь свое национальное государство, свой язык, культуру, как и привилегией любой нации, независимо от того, осуществимо ли создание самостоятельного государства той или иной нации, в силу целого ряда обстоятельств или нет. В. И. Ленин совершенно правильно указывает, что „суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов не известных заранее. И, не пытаясь „гадать" попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации" *).

Оппортунисты в национальном вопросе право нации на самоопределение опорачивали и тем, что, в условиях капиталистического строя, отделившаяся нация бессомненно попала бы на положение колонии России. Политическое и экономическое положение рабочего класса при этом не только не улучшилось бы, а ухудшилось бы значительно, ибо буржуазия, путем применения всевозможных приемов первоначального накопления капиталов, усилила бы эксплоатацию для извлечения с населения нужных для него капиталов для расширения производства. Эти моменты наиболее ярко подчеркнула Роза Люксембург. Она пишет: „наилучшее национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию, теоретической защите, но не соответствующая действительности" **). Здесь Роза Люксембург признает право на самоопределение только теоретически, но в корне отвергает ее практически, подменяя вопрос о государственной самостоятельности нации в эпоху капитализма вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. В. И. Ленин совершенно правильно указывает, что „это также умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т. е. собрание народных представителей в буржуазном государстве, принялся вкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всех порядках буржуазной страны. Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колонии „великих держав", либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в

*) Сборник—Марксизм и национальнй вопрос 238 стр.
**) Там же, 228 стр.

Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство буржуазное ,а потому оно само стало угнетать другие нации и порабощать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия до краха капитализма сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства" *).

Многие обычно относят национальный вопрос к числу наиболее трудных вопросов. Это не совсем так. Мы должны помнить, что национальный вопрос — вопрос буржуазный, что трудность здесь создается тем, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма—вот в чем задача. „Такое положение вещей,—пишет В. И. Ленин,—ставит пролетариату России двоякую или вернее двухстороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским, признания не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права нации на самоопределение, на отделение, а, на ряду с этим, и именно, в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарской организации, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности" **).

Эту же двоякую задачу пролетариата подчеркнул и Сталин. Подчеркивая право нации на самоопределение Сталин указывает, что „социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилия над нацией, она будет отстаивать лишь право нации определить самой свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных учреждений и обычаев этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся данной нации освободиться от них". ***).

Предположим, что в Коми попы вздумали бы отделиться от русских и вернуться к старым докапиталистическим порядкам, то ясно, что это явилось бы шагом назад к средневековью. Могли ли марксисты поддерживать это требование? Ясно, нет, несмотря на то, что коми на самоопределение имели полное право. Марксисты должны поддерживать самоопределение нации только в том случае, если последнее является выгодным в интересах большинства населения, т. е. трудящихся, если создаст лучшие условия для развития капитализма, будет способствовать обострению классовой борьбы пролетариата с буржуазией и установлению интернациональных связей рабочих всех стран.

*) В. И. Ленин—О праве нации на самоопределение, сб. „Марксизм и национальный вопрос, 229 стр.
**) Там же, 263 стр.
***) Там же, 275 стр.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Основные предпосылки революции 1905 года

Революция 1905 года не прошла и мимо Коми, как одной из отдаленнейших царских колоний. Выступление коми рабочих и крестьян в революцию 1905 года против русского самодержавия ярко свидетельствовало о том, что коми рабочие и крестьяне включились в общий фронт революционной борьбы за осуществление тех общих демократических задач, которые стояли тогда перед трудящимися массами. Но к величайшему сожалению надо констатировать, что этот героический период борьбы коми трудящихся против царского самодержавия, против диктатуры крепостников-дворян и местной бюрократической машины управления до сих пор не изучен. Это положение об'ясняется главным образом тем, что коми историки больше занимались эпохами докапиталистических формаций, вопросами этнографии и археологии, чем изучением истории революционных движений, изучением быта и жизни рабочего класса и крестьянства, стонавшего под национально-колониальным гнетом русского самодержавия.

Рассматривая революцию 1905 года в Коми, необходимо указать на полное отсутствие собранных исторических документов, отражающих ход революции 1905 года. Поэтому, полное и подробное освещение этой эпохи классовой борьбы в Коми возможно будет только тогда, когда будут собраны соответствующие материалы. Именно, в виду почти полного отсутствия собранного исторического материала и заставило меня остановиться лишь на общих вопросах революции 1905 года.

Основной движущей силой революции 1905 г. является пролетариат в Коми. Почти во всех работах, посвященных материальному быту коми, мы встретим указания о том, что основным занятием коми являлась охота, рыбная ловля, отчасти и сельское хозяйство и в дополнение ковсему этому еще и „шаманство". Но мы ни звука не услышим о том, что коми работали и в фабрично-заводской промышленности. В местной фабрично-заводской промышленности, по мнению этих ученых, работали исключительно русские рабочие. Указывая это, ученые мужи тем самым подчеркивали и то, что коми еще пребывают в положении своей первобытной дикости, занимаясь „характерными работами для эпохи дикости", рыбной ловлей,

охотой и шаманством. Рассматривая данные первой всеобщей переписи населения 1897 г., мы видим, что число коми рабочих, участвовавших в фабрично-заводской промышленности по Печорскому, Устьсысольскому, Яренскому уездам *), являлось довольно значительным, что мы видим из следующих данных:

Виды промышленности	Рабоч. коми			Раб. русских			Всего		
	м.	ж.	итог.	м.	ж.	итог.	м.	ж.	итог.
1. Лесопильная и деревообдел. промышленность	226	143	369	107	51	158	333	194	527
2. Горная промышлен. чугунолитейная и железоделат. и др.	278	220	498	559	587	1146	837	807	1644
3. Соляная промышленность (Сереговские зав.)	128	16	144	—	—	—	128	16	144
4. Различные строительн. работы, постройка судов и др.	188	143	331	77	52	129	265	195	460
	820	522	1342	743	690	1433	1563	1212	2775

Эти статистические данные нам указывают, что коми рабочие в общей массе рабочих в местной фабрично-заводской промышленности края занимали не последнее место, число коих доходило до 1342 человек. Втянутыми в производство оказались не только мужчины, но и женщины, труд коих оплачивался чрезвычайно низко, колебаясь в среднем до 1905-1908 г. г. от 30 до 50 коп. в день. Из 1342 человек рабочих приходилось на женщин 522 человека. Так, на лесопильных заводах было занято 143 женщины, на горных заводах 220 женщин, в солеваренной промышленности 16 женщин и в различных строительных работах 143 женщины.

Коми в конце второй половины XIX века имел уже резервную армию. Уход в 1890 году 5224 человек, из них 2250 человек ремесленников и кустарей и 2965 человек на фабрики и заводы, ярко подчеркивает о наличии в крае резервной армии безработных, которая со второй половины XIX века все возрастала, что мы видим хотя бы на примере Кажимских горных заводов, где было:

В 1846 году — 4000 рабочих
В 1891 году — 3052 рабочих
В 1893-94 г. г. — 2069 рабочих
В 1905-06 г. г. — 629 рабочих

*) 1-ая всеобщая перепись населения Росс. имп. 1897 г. Архангельск. губ. тетр. III, 113-115 стр., изд. 1904 г. и Вологодская губ. тетр. II, 146-147 стр. П., 1904 г.

Таким образом, в одной железоделательной и чугунолитейной промышленности Устьсысольского у. за 60 лет сократилось число рабочих на 3.371 человек. Такой же процесс сокращения числа рабочих происходил и в других отраслях промышленности. Одним из наиболее главных причин наличия в крае резервной армии труда является постепенное сокращение производства местных заводов, которые в силу целого ряда причин, не могли конкурировать с товарами метрополии, ввозившимися в изобилии на север. Царское правительство рассматривая Северный край, в частности Коми, как свою колонию, не было заинтересовано в развитии местной промышленности, сознательно тормозило дальнейший рост производительных сил.

Положение рабочего класса было чрезвычайно тяжелым. Продолжительность рабочего дня на Кажимских горных заводах по существовавшим горным законам равнялась в среднем 12-ти часам в сутки. Часть рабочих занималась рубкою леса, пилкой дров, выжиганием угля. Другая часть рабочих занималась извлечением руды, третья группа рабочих занималась плавкой руды, литьем чугуна, листового железа и т. д. Кажимские капиталисты, вступая в договорные отношения с рабочими, стремились к тому, чтобы заставить рабочих работать возможно большее число часов и назначить им наименьшую заработную плату. Рост рабочего движения на Уральских заводах, направленный против чрезмерной продолжительности рабочего времени, заставил правительство издать ряд законов, ограничивавших права заводчиков чрезмерно увеличивать длину рабочего дня, доходившего до 15 час. в сутки.

Положение рабочих, работавших по 15, а иногда даже по 18 час. в сутки, усугублялось еще тем, что последние вынуждены были работать под давлением капиталистов и по праздничным дням, таким образом лишались возможности отдохнуть от работы и в эти дни.

Правительство, для того, чтобы узаконить эти тенденции капиталистов, вносит в государственный совет законопроект об отмене праздничных дней в горной промышленности. На основании того, что число праздничных дней в сельских местностях нередко достигает до 120-140 дней в году, во время которых крестьяне бездействуют, и, по сложившимся в крестьянской среде бытовым условиям, празднование нередко соединяется с разгулом, который иногда выходит далеко за пределы празднуемого дня, государственный совет постановил: „1. Добровольные занятия работою в воскресенье, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданские, предоставляются усмотрению каждого, и никакая власть не должна чинить трудящимся каких-либо препятствий и 2. Исключить из статьи 300 общего учреждения губерний (свод зак. т. II 1892 г. и 24 устава о предупреждении и пресечении преступлений (св. зак. т. 14 изд. 1890 года), содержащиеся в них указания на воспрещение производства в вос-

кресные и праздничные дни публичных работ". Этот закон был утвержден 10-го мая 1904 года. Если закон не совсем отменил запрещение производить работу в воскресные и праздничные дни, то он отменил законы, которые карали за работу в праздничные дни, т. е. предоставил капиталистам широкие возможности для эксплоатации рабочих.

Особенно тяжелым было положение кажимских рабочих тем, что по техническим соображениям здесь не могли допускаться перерывы для отдыха в течение всего рабочего дня.

Инструкция от 8 декабря 1897 г. дает полный перечень работ, не допускавших перерывов в течение рабочего дня как в простые, так и в праздничные дни, а именно: „углежжение и коксование, сушка дров, строительных материалов, плавка во всякого рода плавильных печах, работы по поддержанию в действии устройств, необходимых для непрерывности указанных операций, напр., прокатка литных металлов, обжигание руд, поддержание водоснабжения, отопления, освещения и т. д." и производства, недопускающие перерывов только в течение недели: „кричное, пудлинговое, сварочное и прокатка получаемых при этих производствах сортов железа"*). Положение кажимских рабочих усугублялось еще тем, что они, кроме 12-18 час. рабочего дня вынуждены были нести еще и сверхурочные работы. Закон 2 июня 1897 г. указал, что „сверхурочною считается работа, производимая рабочими в промышленном заведении в такое время, когда по правилам внутреннего распорядка (ст. 142, уст. пром., св. зак. т. XI ч. П, изд. 1893 г.) ему не полагается работы, сверхурочные работы допускаются не иначе, как по особому соглашению зав. пром. заведением с рабочими. В договор найма могут быть включаемы условия только о таких сверхурочных работах, которые оказываются необходимыми по техническим условиям производства" *). Таким образом, мы видим, что закон разрешал капиталистам включать в договоры о найме о необходимости сверхурочных работ, что сильно перегружало рабочее время рабочего.

Что касается продолжительности рабочего времени в замшевом производстве, то надо заметить, что и здесь рабочий день был очень велик, Юрий В., занимавшийся исследованием положения рабочих замшевого производства, указывает, что „рабочее время на „заводах" непомерно длинно. В Ижме и Мохче часто работают с 1 часу ночи до 10 час. вечера, т. е. 21 час. Обыкновенно же рабочий день на „заводах" этих сел длится с 3-х час. утра до 7 ч. вечера, т. е. 16 час. В праздничные дни работают на 1—1½ меньше, чем обыкновенно. Перерыва для обеда никакого, кроме того, что нужно для еды. В селениях Красноборского района рабочий день в среднем не больше

*) 1109 стр.
*) 1088-1089 стр.

15-16 час. в сутки; здесь случается,—работают по 12 час. в сутки, то это иногда". „Причину такого продолжительного рабочего дня он об'ясняет тем, что „такой непомерно длинный рабочий день обусловливается тем, что, получая плату сдельно с каждой выделанной шкуры и зарабатывая слишком и слишком мало, рабочие направляют свои силы к тому, чтобы успеть выработать как можно больше шкур *). Здесь промышленники действовали чрезмерно умно для накопления своих богатств. Сдельная плата была самой выгодной для капиталистов, ибо низкий размер поштучной работы заставлял рабочих выделывать возможно большее количество шкур, чтобы иметь возможность кое-как поддерживать свою жизнь. Благодаря такой чрезмерной эксплоатации, замшевые капиталисты могли накапливать свои богатства, промышленные обороты коих каждый год достигали до 1/4 милилона рублей в год.

Не лучшим положение рабочих в отношении продолжительности рабочего дня было и на лесопильных заводах. На шведском заводе Альфреда Лидбека, расположенном на берегу одного из притоков реки Печоры, рабочие работали по 12 час. в сутки. Доктор Мартынов С. В. производивший подворно-экономическое обследование селений Печорского у., указывает, что „рабочий день начинается на „бирже", т. е. вне зданий завода, в 6 час. утра и оканчивается в 7 час. вечера, на самом заводе с 6 час. утра до 6 час. вечера. Перерыв по 1 часу делается 2 раза в день как для тех, так и для других рабочих, причем в это время они должны и отдыхать и сами себе сварить пищу, так как особых кашеваров или кухарок для рабочих не имеется"**).

Такой-же продолжительности рабочий день существовал и на лесопильном заводе фирмы Ульсен, Стампе и К°, находившемся вблизи устья реки Печоры, на котором работало около 480 рабочих. В нефтяной и солеваренной промышленности, которые действовали на основании общих горных законов, как и Кажимские горные заводы, рабочий день продолжался не менее 12 час. в сутки, а во избежание ломки смен, здесь существовала так называемая 30-ти часовая двухдневка.

Заработная плата рабочего класса в Коми была очень низкая. На Кажимских горных заводах в 1890-1891 году поденная плата чернорабочим равнялась 30-40 коп. Мастера получали до 65 коп. в день, подмастерья до 45 коп. Следовательно, месячный заработок ***):

---

*) Вологодские губ. ведомости, № 45. 18 ноября 1896 г. 11 стр.

**) Ст. Замшевое производство Печорского края" Юрия В. (Арх. общ. изуч. русского севера) 515 стр., А., 1911 г., № 18.

***) Вологодские губ. ведомости, № 45, 18 ноября 1896 г. II стр.

1. Мастера	— 15 р.	60 коп.
2. Подмастерья	— 10 р.	80 коп.
3. Простого рабочего	— 9 р.	60 коп.
4. Чернорабочего	— 8 р.	40 коп.

Еще хуже было материальное положение рабочих на замшевых заводах на Печоре. В большей части замшевое производство носит сезонный характер,—обычно начинается зимою и кончается ранней весною. Вследствие этого, а также при наличии в крае полной безработицы, капиталисты обычно нанимали рабочих возможно дешевле, и рабочим в силу того, что им негде было больше получать работу, приходилось наниматься на работу на самых кабальных условиях, предлагаемых промышленниками. На Ижме в 1903-1905 г. некоторые рабочие получали по 36 коп. за каждую выделанную шкуру и по 30 коп. в селениях Красноборского района. Юрий В., занимавшийся исследованием состояния замшевого производства, указывает, что „в месяц три человека, работающих сообща на одном заводе, успевают при том высоком (18-21 час.) дне выработать ровно 200 шкур замши. Количество весьма изрядное, могущее дать, если бы работа велась на себя, безбедное существование всей семье рабочего; месячный заработок троих рабочих равняется 72 руб. (для Ижмы и Мохчи). На долю каждого рабочего за тяжелый месячный труд пришлось бы по 24 р. месячного заработка, получаемого от предпринимателя" *). Но даже и этих 24 руб. в месяц рабочий не мог получить, т. к. на выделку 200 замшевых шкур расходовали ворвани на 14 руб., керосину на 5 руб., извести на 2 руб., или всего на 21 руб., т. е. общий расход на каждого участника выражался в сумме 7 руб. Следовательно, если мы примем заработок каждого за 24 руб. в месяц, то в конечном счете заработок каждого из них выразится в сумме 17 руб. Если принять во внимание, что не каждой группе удается приготовить 200 шкур в месяц, то их заработок будет гораздо меньший. На лесопильных заводах заработная плата была немногим выше, чем на Кажимских и замшевых заводах. Так, рабочие получали до 15-20 руб., квалифицированные рабочие до 25 руб. в месяц, мастера до 30-35 руб.

Чрезвычайно низкая заработная плата была и в брусяной промышленности. Так, в 1890 годах рабочий в течение 3—4 летних месяцев зарабатывал по 46 р. 57 коп., т. е. в месяц по 11 р. 64 коп. **). В 1911 году, вследствие эксплоатации промысла артельно-производительной кооперацией, под влиянием революции 1905 года, заработная плата была повышена. Женщина поденно получала по 50 коп., а мужчина по 1 р. 50 коп. в день, а иногда

*) Известия Арханг. общ. изуч. русского севера, 1911 г. № 18, ст. Юрия В. „Замшевое производство Печорского края"

**) Вологодские губернские ведомости, № 45, 1890 г. II стр.

ти до 2-х руб., смотря по наличию материала. Если материала в достаточном количестве не было, заработная плата снижалась. В солеваренной промышленности 14-ти часовой труд оплачивался в 1908 г. от 12 до 20 руб. в месяц *). Такая же низкая заработная плата существовала и по заготовке леса. Корреспондент газеты „Архангельск" сообщает, что в 1911 году в верховьях реки Вычегды цены по заготовке бревен были у всех фирм почти одни и те же, разница только зависела от сплава. Бревна $5^1/_2$ вершков сосновой породы на катища вывозились по 40-70 коп., смотря по расстоянию возки **). Считая, что каждый рабочий сможет вывезти только 4 бревна в день по 70 коп. бревно (на дальнее расстояние), то он заработает в день 2 р. 80 коп. Если вычесть из его дневного заработка содержание лошади 1 р. 40 к. (1 п. сена—40 коп., овса 20 фун. по 5 коп.—1 руб.) и на его харчи 60 коп., то он получает в день заработок 80 коп., при 16-18 часовом рабочем дне.

Не лучшими были и санитарно-гигиенические условия труда на заводах. Особенно тяжелой мы считаем работу на замшевых заводах, как наиболее вредной для здоровья промышленности. Замшевое производство было сконцентрировано не только в руках специальных промышленников, но и в руках местного кулачества. Последние, пользуясь своими капиталами и дешевой рабочей силой своих односельчан, часто закупали большие партии шкур оленей и отдавали их на обработку местным рабочим. Работа по выделке замши производилась в специальных избах (заводах), где страшная жара, духота, тяжелые ядовитые испарения, получаемые в процессе работы. На крупных заводах, например, на Ижемском замшевом заводе у Филиппова, Зинига и др., хотя работа совершалась круглый год, применялась механическая мялка, приводимая в действие электричеством, условия работы были не лучше.

Процесс производства здесь состоит из 3-х основных работ: мочки, сушки и мялки. Сначала оленьи шкуры поступают в мочильню, где они бросаются в громадные бочки с известью для освобождения шкуры от шерсти. В мочильне, по данным Юрия В. „Громадные бочки стоят наполненные известью. От мокнущих в них шкур идет запах не то гниения, не то какого то брожения. Пахнет ужасно какой то киселью, прелью. Для вошедшего со свежего воздуха невозможно дышать. Что то ударяет в голову, во рту делается кисло, жгуче. Нос не может работать: количество кислорода, необходимого для правильного дыхания, не имеется в наличности в помещении. Приходится дышать ртом, хочется сплевываться. Сплевываешься—во рту станет сухо, горло подергивается. А кисель и жгучесть не пропадают.

*) Аксамитный, А. Водный путь к р. Ухте и ее нефтяным месторождениям И стр. П. 1909 г.

**) ИАОИРС № 8-9, 1911 г. 715 стр. А. 1911 г.

Запах из мочильни разносится по всему помещению. Больше того, когда на праздники открывают для проветривания помещения „завода", то, скажу не преувеличивая,—говорит Юрий В.,—саженей 200-250 от завода невозможно пройти мимо без того, чтобы не стало позывать к тошноте".

Специальных приспособлений для работы в мочильне не было „Вынимают шкуры,—говорит Юрий В.,—из извести палками. С палки же шкура срывается, приходится подхватывать руками. Руки из'едены известью, полопалась и сморщилась кожа на них. При жаре пот льет градом. Хочешь смахнуть его—известь попадает в лоб, в глаза, в волосы. Вытащенные из извести шкуры в сушильне развешиваются на палки и начинают с них соскабливать шерсть. Держать приходится руками. Соскребываемая шерсть, перепревшая в извести, распадается на части, попадает на пол, покрывает одежду, носится в воздухе, попадает в нос, в рот, в желудок. В горле першит. Хочется выплюнуть—не выплевывается. Запиваешь водой—шерсть идет с водою в желудок". Не лучше приходилось работать и в сушильне. „Печь накаливается, когда есть сушка, почти до-красна: рукой дотронуться нельзя. Температура при сушке не меньше 40-45° по Реомюру. Но так как градусников не имеется, то накаливается печь до тех пор, пока не станет с работающих пот лить градом, пока не сделается так душно, что можно в обморок упасть. Тогда печь закрывается. Посторонний человек упал бы без чувств. Нет сил дышать в духоте, в жаре. А рабочие работают. Привыкли! Только в жаре скоро обессиливаются, клонит ко сну. Если уже не в мочь работать, скинут рубахи, штаны и работают в одних кальсонах, засученных выше колен. Картинка, напоминающая древних рабов в шахтах".

Что касается работы в мяльне, то здесь такая же духота, такая же пыль, как и везде. Ее неудобство состоит в том, что это отделение завода совершенно изолировано от остального завода. „Часто рабочий,—замечает Юрий В.,—выбегает с охапкою шкур в мяльню из сушильни. Выбегает в чем был, и если голый, так голый. А холод бывает нестерпимый. Зимою 1910/11 г. морозы стояли на редкость дружно. Термометр падал на 45—48° ниже нуля по Реомюру. Вот и сосчитайте, каковые колебания температуры испытывает рабочий, выходя из сушильни в мяльню и обратно. 80-90°! Железный организм и тот сломился бы". Что представляет собою рабочий после нескольких лет работы в замшевом производстве,—тот же Юрий В. указывает, что они „в большинстве в 36-40 лет уже старики, ни на какую работу неспособные. Поправленное к осени здоровье с осени же начинает спускаться. Через месяц рабочий делается неузнаваемым. Щеки впадают, обнаруживаются скулы. Лицо бледнеет, а часто у многих желтеет. Кожа натягивается. Глаза вваливаются, из глубины блестят зловещим признаком смерти. В декабре еле-еле двигают ноги. Все начинают жаловаться на сердце, которое то

учащенно бьется, то замирает. Иные жалуются на спину: „Ломит проклятая". В феврале вы увидите уже живых мертвецов, сгорбленные фигуры, из груди вырывается сухой отрывистый кашель. Не видно смеху на устах, голос спал. Приходит весна. Заводы кончают работать, а рабочий бессилен что либо сделать по хозяйству. Мало-по-малу втягивается. Воздух, свет поднимают силы. Рабочий набирается сил. А с осени опять старое" *).

Также в скверных условиях протекала работа и на Печорских лесопильных заводах. Отсутствие вентиляции в помещении сильно способствовало различным заболеваниям горла, дыхательных путей, зрения и т. д. Отсутствие необходимых предосторожностей при тех или иных машинах, часто вызывало ушибы и несчастные случаи. Особенно тяжелой была работа рабочих, работавших во дворе осенью или зимой. Приходилось работать, претерпевая холод и ветры, вследствие чего среди рабочих господствовали простудные заболевания. Не лучшими были условия труда и на Кажимских заводах. Извлечение руды производилось самым первобытным образом, без применения машин, при помощи примитивных орудий. Вследствие этого было много несчастных случаев повреждения рук, ног. Особенно тяжелой была работа сплавщиков чугуна, которые стояли у раскаленных до-красна плавильных печей, вследствие чего получали простудные заболевания. Аксамитный, посетивший Сереговские солеваренные заводы в 1908 году, указывает, что „работа на промысле происходит в адских условиях, в варницах страшная жара и холодный сквозной ветер, неудивительно, что рабочие почти все простужены, с больными глазами. Общее впечатление от Сереговского завода—грязь и запустение" **).

„В брусяном промысле в 1911 г.,—пишет корреспондент газеты „Архангельск",—рабочие работают под открытым небом (головы повязаны платками), немногие в шалашах. Кругом облака пыли от ударов топорами, от возимого на санях мусора" ***).

Итак, санитарно-гигиенические условия труда рабочих были чрезвычайно тяжелые. Капиталисты, движимые исключительно получением прибыли, совершенно не интересовались санитарным состоянием своих заводов. В стране, где пышным цветком цветет безработица, где в ее распоряжении находится резервная армия труда, желающая продать за бесценок свою рабочую силу, капиталистам не было никакого смысла создавать более культурные условия труда на своих предприятиях; если рабочий

*) ИАОИРС № 18, 1911 г., ст. Юрия В. „Замшевое производство Печорского края" 522-523 стр., А. 1911.

**) Аксамитный А. Водный путь к р. Ухте и ее нефтяным месторождениям. С. 11 стр. П. 1909.

***) ИАОИРС № 17, 1911 г., 467 стр., А. 1911 г.

класс, вследствие чрезмерной эксплоатации в адских условиях труда, частично вырождался, их мало беспокоило, т. к. места выбывших из строя рабочих занимались другими, дожидавшимися очереди получить работу, на любых кабальных условиях Редакция газеты „Архангельск" (№ 293-1910 г.) в передовице поместила редакционную статью о вырождении коми населения вследствие чрезмерной их эксплоатации и антисанитарных условий труда рабочих. И эта тревога архангельцев вполне обоснована. Рабочие, работавшие десятилетиями на этих заводах, страдавшие всевозможными заболеваниями, не могли создавать и здоровых детей, все они были малосильные, больные сердцем, легкими и т. д. В конце концов, эти дети становились взрослыми, попадали на эти же заводы, становились еще менее жизнеспособными, чем их отцы. Этот пышный цветок капитализма, вызывавший частичное вырождение рабочего класса, мог возникнуть только на почве безраздельного господства капиталистов в крае первоначального накопления капиталов, полного порабощения рабочего класса.

Рабочие замшевых заводов жилищами были обеспечены плохо. Все они жили в небольших домиках, состоявших из одной комнаты в которой помещалась и кухня, спальня и столовая. Поэтому страшная теснота, грязь, отсутствие достаточного количества возуха, света крайне вредно отражались на состоянии здоровья рабочих, особенно детей. Совершенно такую картину мы видим на лесопильных заводах и, в частности, на шведском заводе Альфреда Лидбека. Доктор Мартынов С. В., обследовавший состояние рабочих жилищ этого завода, указывает, что „помещением для рабочих как в зимнее, так и в летнее время служат маленькие тесовые бараки или, лучше сказать, шалаши, размером 8-×5½ арш., высотою 2 арш. 6 вершков, часть пространства отнимается печкой, имеющей 2 арш. длины, 1½ арш. ширины и 1 арш. высоты, остальное занимают нары, 4 аршина глубиною, идущие вдоль всей стены. Таким образом остаются лишь узенькие темные проходы, где не без затруднения может пройти только один человек. В таких бараках очень тесно, темно и грязно. Вонь, духота и жар здесь невыносимы, т. к. здесь же рабочие варят себе пищу. Как некому приготовить пищу, так некому смотреть за чистотою помещения, сами рабочие целый день заняты при заводе, а особых людей или кухарок не имеется. Только, благодаря настояниям урядника, нанимаются по временам за счет конторы женщины, которые моют полы и приводят бараки в некоторый порядок. Но при этом сам же представитель русской государственной власти на шведском заводе должен найти таких женщин, нанять их и посмотреть, как они работают, а контора завода только соглашается уплачивать деньги,. „Другая часть рабочих,—замечает доктор Мартынов,—помещается в казармах. Та же нечистота, грязь, испорченный воздух, недостаток световой поверхности, отсутствие всяких

соображений о необходимости определенного кубического об'ема воздуха на человека, отсутствие присмотра за соблюдением чистоты, приспособлений для сохранения вещей или хранения воды для питья" *).

Итак, жилищные условия рабочих находились в вопиющем противоречии с существовавшимизаконами. Постановление 4 июля 1894 г. о мерах охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих указывает, что „Жилые помещения для рабочих, пользующихся ими от хозяев, должны быть светлы и сухи и устраиваться отдельно от мастерских, по возможности, на местах возвышенных и сухих и с таким расчетом, чтобы на каждого живущего в казармах рабочего приходилось воздуха не менее $1^1/_2$ куб. саж., а в семейных квартирах не менее 3 куб. саж. на семью, состоящую не более, как из 2-х взрослых членов и 2-х детей до 12-тилетнего возраста, для семей же большего состава—по расчету, увеличивая на 1 куб. саж. содержания воздуха на каждого взрослого и на каждых 2-х детей до 12 летнего возраста". Далее, закон указывает, что „Нары для спанья рабочих должны удовлетворять следующим условиям: а) каждое отдельное место должно быть не менее $2^3/_4$ аршина длины и 18 вершков ширины, б) между местами должны быть перегородки не менее 4-х вершков вышины, в) нары должны быть из досок с гладкою поверхностью, без щелей и г) в изголовных концах следует устроить поддержки для подушек". В п. 7 этого постановления указывается, что „помещения для рабочих и их принадлежности (полы, кровати, нары) должны быть содержимы в опрятности, стены их должны быть очищаемы, окрашиваемы или выбеливаемы по меньшей мере один раз в год. Для сушки одежды и обуви рабочих должны быть отводимы особые от спален помещения" **). Здесь мы видим, что эти самые элементарные требования закона, которые считались обязательными для заводчиков, совершенно не выполнялись. Послушаем самих рабочих, как описывали они свои жилищные условия архангельскому губернатору. Они, в своей жалобе указывали, что когда приехали на завод „привели нас к судну; мы и смотрим—это не судно, а какая нибудь старая ломанная баржа, на ней народу нет. Кое как забрались по трапам, зашли в эту баржу, все разбито, изломано, грязно, мусора до колена человеку, трюмы полны воды, воздух какой то сырой, тяжелый и вредный для каждого человека. Мы взяли метлу и лопаты, мусор весь вывалили через 2 дня: воду выкачали, потом каменщики склали плиту для варенья команде пищи и кипятка ***). Такую же жалобу мы имеем и от крестьян села Ухты, которые указывали, что „жить там было негде, квартиры никакой не было и сперва поселились

*) С. В. Мартынов—Печорский край, ч. II, 141—142 стр. П. 1905 г.

**) Савич, Г. Г. „Русское горное законодательство" ч. I, 1185—1186 стр. П. 1905 г.

***) Мартынов, С. В. „Печорский край" ч. II, 153 стр. П. 1906 г.

мы на другую сторону реки, в деревне Екушах, а когда стал плохой лед и распутица, перешли в завод. Но квартиры опять не было на заводе и жили мы в бане 11 чел. Баня топилась по белому, но была очень грязная и маленькая. И в бане тесно, да и на улице холодно, а как нибудь поместиться надо, тесно ли, нет, что же поделаешь. Помещались как нибудь на полке, под полками, на лавке и на полу. Не хорошо только, что швед ничего не дал—ни соломы, ни оленьей шкуры, и спали мы в своих саванах и малицах; подушек тоже не было, а под голову клали чулки или что нибудь еще. А другой раз нашу баню чужие мужики протопили: мы пришли с работы, а все мокро и хлеб мокрый—есть нельзя" *).

Не в лучшем положении находилось и питание рабочих. Ввиду отдаленности заводов от торговых центров, законы обязывали заводчиков организовать при заводах лавки для снабжения рабочих предметами первой необходимости. Все предметы первой необходимости должны были содержаться в чистоте, должны быть годными для питания. Или, как указывает та же инструкция от 4 июля 1894 г., что „пища для рабочих, пользующихся ею от завода или промысла должна быть вполне доброкачественная и питательная. Хлебопекарни и кухни при казармах не должны быть устраиваемы в помещениях для спанья рабочих". Закон говорил о доброкачественной пище, а заводчики давали т. н. „сверхдоброкачественную" пищу, которую рабочие характеризовали так „что поешь, то и несет с обоих концов". „Зайдя в лавку,—пишут они в своей жалобе в архангельскому губернатору,—все равно, что в скотный хлев, но у хорошего хозяина гораздо чище. В лавке на полу навалено опилку в 2 вершка, весь перемешанный с грязью товар валяется на полу, который есть в большом неубранстве; мы говорим: „это холерный магазин". Взял и черного хлеба; хлеб оказался не печеный, а вареный, на под'ем тяжелый, горький и совершенно сырой, можно из него делать какую угодно фигуру. Этот хлеб существовал $1^1/_2$ недели; мы с большим трудом от голода ели его. Мясо, солонина, тухлая настолько, что нисколько нельзя есть; когда варишь на плите, душина вышибает всех из помещения своим вонючим ароматом. Рыба тоже. Если взять за хвост, поднять кверху, ее тело отваливается от костей" **).

Рабочие, доведенные до отчаяния, и замечая, что администрация и представитель русской государственной власти—урядник Лайкевич, кушают хорошее мясо, указывают, что „мы просили заводского урядника А. Г. Лайкевича, он сказал: я сам варю солонину—она хорошая; мы ему приказали из той же бочки взять кусок мяса и сварить. Он взял мясо, пошли варить в баржу. Когда на плите мясо сварили, он сказал: „Да, ребята, дей-

*) Мартынов, Печорский край ч. II, 153 стр., П. 1905 г. г.
**) Там же, 154—155 стр.

ствительно его есть нельзя, суп душный и кровяной. Этого мяса голодная собака есть не будет, а не то что человек". Дальше они указывают, что „принесли солонину к управляющему, швед говорит: „мясо хорош, можно кушать".—Урядник сказал, что больше худого мяса давать не будет. Живя дальше, мясо еще стало хуже, народились на мясе червяки. От этого содержания у нас силы не стало досок носить, получается какая то ломота в ногах ниже колена" *).

Не лучше обстояло дело и на нефтяных промыслах. „В 1909 г. на Ухте, В. Л. Бацевич, занимаясь бурением, в то же время не забывал заниматься продажей водки и не по казенной цене, а взимая по 58 коп. за бутылку. Черный хлеб Бацевич продавал рабочим по 5 коп., наживая копейку на копейку. Инженер Загерин, тоже работавший на Ухте, продавал хлеб по 3 коп. за ф. (цена ржаной муки около 7 р., весом 4 п. 20 ф., считая на мешок припеку 2 п., то Б. выручал не менее 13 рублей). Представьте, Б. весил хлеб, баранки каким то ключиком, что и уличная торговка".

Так описывает коммерческую деятельность нефтяных промышленников на Ухте корреспондент газеты „Архангельск" на страницах губ. ведомостей. Мало того, что лавки драли с рабочих в 2-3 дорога, но они часто закабаляли рабочего за заводом, путем предоставления ему товаров за счет будущих работ, по баснословно высокой цене. Юрий В., исследовавший экономическое положение рабочих в замшевой промышленности, указывает, что „в результате такой новой эксплоатации рабочих получаются удивительные курьезы, если бы, разумеется, можно было, глядя на это, смеяться. Работает человек целый сезон, товару во время работы забирает мало, сахар, чай, керосин, к Рождеству да к престольным праздникам ситцу или сатину себе да жене на платье да еще кое-чего, а приходит время расчета за всю свою работу или, вернее сверка—кто кому должен: рабочий предпринимателю или, наоборот, оказывается и весьма не редко, что никто иной как рабочий должен купцу—предпринимателю—ростовщику. Постоит огорошенный человек у прилавка да и скажет: „ну, вам лучше уж знать",—да так и уйдет ни с чем.

Впрочем, не ни с чем, а с новою кабалою на шее, т. к. этот долг придется на будущий год отрабатывать, если хочешь получить работу. Если рабочий не сможет сам отработать свои долги и умрет раньше, чем успеет сделать это, за него будет отрабатывать его сын, если будет иметь, подобно отцу, несчастье нуждаться в работе над выделкою замши. А участь сына уже предрешена. Не отработает сын—внука заставят. Силою, конечно, не заставляют много, довольно поставить условием, что, если хочешь работать, отрабатывай долг деда и отца.

*) Мартынов, Печорский край, ч. II, стр. стр. 15

Капиталисты в деле накопления капиталов широко пользовались и правилами внутреннего распорядка, штрафуя рабочих за каждый пустяк. Стоит только ознакомиться с табелями взысканий, чтобы понять весь ужас положения, рабочий боялся сделать шаг, чтобы не быть оштрафованным. Штрафовали рабочих за совершенно случайную и порчу машин, за невыход на работу, по болезни, с удержанием заработной платы за неисполнение приказаний несоблюдение правил внутреннего распорядка, за грубость старшим, за нарушение тишины и порядка, за курение табаку в недозволенных местах и за неосторожное обращение с огнем, за отлучку от машин и своего отдела без надобности и т. д.

Итак, мы видим, что за всякий неосторожный шаг рабочего могли оштрафовать. Штраф по точному смыслу закона 1886 года есть „денежное в зыскание, налагаемое в видах поддержания порядка собственной властью заведующих фабрикой". Следовательно, штраф нельзя рассматривать как известную компенсацию за убытки, причиненные рабочими капиталистам. „Назначение штрафов,—говорит В. И. ЛЕНИН—не вознаграждать за убыток, а создавать дисциплину, т. е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйское приказание, слушаться во время работы. Величина штрафа зависит поэтому не от величины убытка, а от степени неисправности рабочего, штраф тем больше, чем больше неисправность, чем крупнее неповиновение хозяину, отступление от хозяйских требований. Если кто идет работать на хозяина, то, понятно, что он становится человеком подневольным, он может хозяина слушаться, а хозяин его может наказывать. Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали. Рабочие работают на капиталистов и капиталисты их наказывают. Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем" *). Итак, социальная сущность штрафов состоит в командовании капиталистов над рабочими, где последние собственной властью оберегают установленные ими порядки, карают за их нарушение наиболее сильным оружием капиталистического общества—рублем, требуя этим от рабочего рабского подчинения капризам того или иного самодура-предпринимателя.

Передовая часть рабочих поняла не только экономическую, но и социальную сущность штрафа, посредством которого капиталисты держали в подчинении рабочие массы, превращая рабочих в своих рабов. Поэтому, в эпоху первой рабоче-крестьянской революции 1905-1907 гг., они самым энергичным образом выступают против штрафов, требуя их отмены.

Тяжелое экономическое положение рабочих, выражавшееся в продолжительном рабочем дне, доходившем до 21 часа в сутки, в низкой заработной плате, плохом питании, в антисанитар-

*) В. И. ЛЕНИН. Сочинения, том I, 365 стр., II изд. М., 1926 г.

ных условиях труда, вызвали массовые заболевания рабочих. Одним из наиболее распространенных заболеваний на шведском заводе являлась цынга. Доктор Мартынов указывает, что в 1903 году из 300 человек заболело 50 человек, т. е. шестая часть рабочих. Крестьянин из Ухты, работавший на шведском заводе, пишет, что от плохой пищи „все заболело в ногах и во рту. Работать совсем не мог. Больницы не было, а на вышке комната была маленькая, в ней и лежал, а кормиться не было чем. Кормись, чем хочешь. Денег тогда не платили, потому что не работал, а покупать все надо... плохое дело" *). Дальше он указывает, что „приезжал доктор (говорит о докторе Мартынове В. П.), по казармам ходил, больных смотрел и бранился на шведов. Пристав и крестьянский начальник были. Только ничего не могут сделать со шведом: все обещает только. Жалуется он и на забитость рабочих, указывая, что, когда начальство придет—народ ничего не говорит, а когда его нет, то хвалится, что начальству будет жаловаться" **).

О причинах цынги на шведском заводе доктор Мартынов указывает, что „цынга относится к болезням, встречающимся лишь при исключительно неблагоприятных обстоятельствах жизни. Такое мнение основывается не только на одних лишь отзывах врачей, но и на расспросах самих крестьян. Сам я также за исключением шведского лесопильного завода не видал ни одного случая этой болезни, даже в таких расположенных на крайнем севере селениях, как Пустоозерск, Тельвисочное, Куя. На Новой Земле, в самоедских становищах Малая Кармакулы и Белужья губа, я также не нашел цынги. Да и вообще известно, что между самоедами, населяющими лежащие у океана тундры, скорбут распространения не имеет. Недостаток растительной пищи, считаемый многими за причины развития цынги, также по отношению к Печорскому краю теряет свое значение, население которого здесь и понятия не имеет о растительной пище и кроме хлеба не употребляет никаких овощей и почти никогда не болеет цынгой. Здесь не один лишь недостаток пищи, но и другие этнологические моменты имеют влияние на появление и самую интенсивность скорбута" ***).

Шведские капиталисты, считавшие себя господами положения в колонии, самым грубым образом нарушали законы государства, которые категорически обязывали заводчиков при каждом промышленном предприятии иметь небольшую больничку, фельдшера, врача и самые необходимые медикаменты. Здесь не только ничего этого не было, кроме фельдшера „светилы медицинского мира на крайнем севере", но не было даже отдельной маленькой комнатушки для того, чтобы иметь возможность

*) Там же 170—171 стр.
**) Там же 171 стр.
***) Мартынов, Печорский край, ч II, стр. 171-172

изолировать наиболее остро-заразных больных, чтобы не заразить рабочих всего барака.

Архангельский губернский с'езд врачей, происходивший в 1907 г., указал местной администрации, что „рабочие живут в отвратительной обстановке, бедно, грязно, рискуя не только здоровьем, но весьма часто и жизнью, получая за свой труд жалкие гроши, в то время, когда их эксплоататоры, которые питаются и жиреют их потом и кровью, живут роскошно и почти не болеют, разве только от всевозможных излишеств" *).

Итак, подведем итоги. Положение рабочих в Коми во второй половине XIX в. было очень тяжелым. Продолжительный рабочий день, доходивший до 21 часа, чрезвычайно низкая заработная плата, обсчитывания рабочих, штрафы, удержания заработной платы и т. д. позволяют нам утверждать, что еще в конце XIX века в Коми господствовали приемы первоначального накопления капиталов. Удлинение рабочего дня, понижение заработной платы, проводившиеся обычно в колонии с помощью государственной власти, представляют собою типичные методы первоначального накопления. Так, когда в 1906 году рабочие всех 19-ти лесопильных заводов г. Архангельска, в числе 10.000 человек, об'явили забастовку и получив ответ от ассоциации заводчиков, что заработную плату „в виду тяжелого положения лесной промышленности в Архангельской губ., увеличить в настоящее время не представляется возможным", архангельский губернатор доносил министру внутренних дел, что „этот ответ лесопромышленников был отпечатан мною в большом количестве экземпляров и разослан на заводы, с приглашением рабочих приступить мирно к работам и с предупреждением, что всякого рода насилия будут подавляемы мною самыми решительными мерами"**). Таким образом местная, угодливая капиталистам власть, нетолько не потребовала выполнения законов со стороны иностранных заводчиков, но и сама открыто встала на защиту этих капиталистов. „Нарождающейся буржуазии,—говорит Маркс, нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы урегулировать заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинить рабочий день и таким образом удерживать рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления капитала***). Следовательно, русская государственная власть имела

*) Газета „Архангельск" № 9—от 20 января 1907 г.

**) Дело по описи № 5 —1907, канц. арханг. губернатора „О стачках и забастовках по всей губернии", 31-36 л.

***) Маркс, К. Капитал, т. 1, кн. 1, 656 стр. Л. Гиз, 1930 г.

чисто служебное значение для жизни иностранных капиталистов, монопольно эксплоатировавших природные богатства края.

Если высшая администрация являлась послушным орудием иностранного капитала в крае, то низшая полицейско-административная власть была на побегушках у этих капиталистов. Урядник Лайкевич, являвшийся на шведском заводе первым представителем русской государственной власти, должен был нанимать лиц, которые бы мыли полы, топили баню и приводили в порядок рабочие жилища. Баня потонула бы в грязи, шутливо замечает доктор Мартынов, если бы „не старания урядника, исполняющего на шведском заводе роль и санитара". „К сожалению, надо сказать—пишет дальше Мартынов,—что попытки урядника завести надлежащую посуду, кадушки, шайки, ведра и т. п., сделать предбанник, назначить особых людей для надзора за нею и ее регулярной топки, остаются бесплодными"*).

Следовательно, все законы русского правительства, которые пытались лицемерно ограничивать произвол капиталистов в смысле установления определенного рабочего времени, обеспечения рабочих сухими, светлыми и просторными комнатами, с определенным количеством воздуха на каждого рабочего, а также обеспечения их медицинской помощью,—в условиях колониальной эксплоатации населения коми иностранным капиталом оставались украшением русского самодержавия. Рабочий, в условиях колониальной эксплоатации не представлял собой большой ценности. Поэтому, не в интересах капиталистов было содержать больницы, светлые, сухие просторные жилища, платить им сносную заработную плату.

Русское правительство, лицемерно разыгрывавшее роль распространителя культуры и прогресса среди его отдаленных колоний, населенных различными национальностями, тщательно скрывало не только колониальное положение крайнего севера, но и положение трудящихся масс колоний. Путем строгой цензуры, воспрещения разных с'ездов и т. п. правительство принимало все меры к тому, чтобы не сделать гласными целый ряд отрицательных явлений, выросших на почве колониальной эксплоатации. Когда врачи Архангельской губ. обратились к губернатору с просьбой созвать губернский с'езд врачей (по представлению губернской врачебной инспекции) для обсуждения вопросов, в связи с массовыми заболеваниями рабочих и крестьян, то последний, нехотя разрешил с'езд, выступив на с'езде с поучением, что „политикой заниматься не стоит", т. е. иначе сказать „доискиваться основных причин того, что породило это трагическое положение, нельзя", а нужно заниматься только тем, как бы вылечивать те или иные заболевания „Вы

*) Мартынов, С. В.—Печорский край, II, 143 стр., 1905 г.

собрались уврачевать наши болезни—заявил губернатор—при исследовании вам приходится больного раздевать донага. Подобного рода аналогия возможна и в данном вопросе. Я убедительно просил бы вас не скрывать всех тех язв и виновника их, из боязни какой либо ответственности. Нужно найти виновника и давайте его сюда".

Об'являя „свободу критики" печального положения края (массовые заболевания в крае, вырождение населения, отсутствие медицинской помощи для населения и т. д.) и наигравшись левыми, насквозь лживыми фразами, губернатор пришел к основному выводу, что заниматься исканием причин такого состояния губернии не стоит, а нужно ограничиться лишь только описанием и лечением их, так как искание этих причин может привести к желательным результатам.—„Французы, говорил губернатор, когда изучают какое нибудь явление, устанавливают два положения" le ponrghoe (почему) и le coment (как), т. е. ищут прежде всего причину, а потом средство. Но, во избежание уклонений в сторону, которые могут возникнуть при искании le ponrghoe и непроизводительной траты времени. Я бы предположил рассматривать вопрос ее coment, как непосредственно лечить болезни и не доискиваться причин"*. Это выступление архангельского губернатора характерна тем, что местная власть не хотела сделать достоянием гласности основные причины частичного вырождения населения, развития массовых заболеваний, ибо прекрасно знала, что этой причиной являлись: русское самодержавие и господствовавший на севере иностранный капитал, который с помощью аппарата власти самым бесчеловечным образом эксплоатировал трудящиеся массы этой отдаленной колонии и создал условия для их частичного вырождения.

В газете „Архангельск" помещена редакционная статья, в которой редакция приводит факты о частичном вырождении зырянского населения на Печоре. „Не так давно,—пишет редакция газеты,—кончился прием новобранцев по Печорскому уезду. И характерная, жуткая картина открывается перед тем, кто не хочет закрывать глаза на факты и цифры... Нынче нужно было набрать 150 челов. (60 приходилось на Устьцилемский участок и 90 на Ижемский). Призывалось в нынешнем году 377 человек (159 падает на Устьцилемский участок и 223 на Ижемский). Увеличение числа призываемых об'ясняется очень просто. Еще в прошлом году я слышал от одного из чиновников, участвовавших в приемке, что набор с каждым годом делается все труднее, в виду возрастающего количества негодных новобранцев. Особенно в этом отношении отличается Ижемский участок, сплошь населенный зырянами. Нынешний призыв показал это с очевидностью.

*) газ. „Архангельск" 12 января 1907 г. № 2,2 стр.

1) Если в Устьцильме пошли солдаты лишь лобовые, то в Ижме не только были взяты все годные к несению военной службы лобовые, но не хватило и третьей льготы. Пришлось брать часть из четвертой и только тогда количество в 90 человек было набрано сполна. 2) В прошлом году в Устьцылемском участке, было оставлено на год для поправления здоровья 10 человек нынче оставленных около 15 человек. Ижемский участок прошлый год дал оставленных 30 человек, нынешний же около 50 человек. 3) Количество окончательно забракованных соответственно с прошлым годом значительно увеличивается. Главными причинами оставления до будущего года, а также и для браковки, являлось недоразвитие, и в особенности малосилие (болезнь сердца, малокровие и т. д.). И опять в этом отношении отличаются по преимуществу зыряне. Невольно задаешься вопросом, где же причина вырождения зырянского населения? И стоит только вглядеться в жизнь зырянина, чтобы найти и причины. Бедность становится теперь постоянной спутницей многих семей после падежа оленей, болезни на почве питания, при скверных условиях труда в некоторых областях местного производства, водка, поглощаемая в неимоверных количествах—вот главнейшие причины, уменьшающие физические силы зырянского населения Ижемского и отчасти и Устьцилемского участков"*). Редакция газеты „Архангельск", забившая тревогу о вырождении зырянского населения Печорского у., была без сомнения права, что основной причиной вырождения зырян являлись скверные, антигигиенические условия работы как в фабрично-заводской, так кустарно ремесленном производстве, скверное питание, низкая заработная плата, продолжительный рабочий день, доходивший в замшевой промышленности до 21 часа в сутки.

Таким образом положение рабочего класса, его полное бесправие являлось крупнейшей предпосылкой революции 1905 года. Рабочий класс, являясь вождем и гегемоном революции 1905-1907 г. г. в Коми, повел за собой и коми крестьянство, которое явилось важнейшим союзником пролетариата в Коми в революцию 1905-1907 г. г.

Положение крестьянства.

Не лучше было и экономическое положение крестьянства, которое, ограбленное реформами второй половины XIX века, должно было платить налоги: за землю, на содержание мирских начальников, мостов, дорог, попов и т. д. Особенно тяжелыми являлись выкупные платежи за землю, за которую крестьяне переплатили, начиная с 1866 года, в 2-3 раза больше, чем стоила вся представленная им пашенная и сенокосная земля.

*) Газета „Архангельск" № 293 от 30 декабря 1910 г. Ред. ст. „Вырождение зырянского населения в Печорском у.

В результате этих всевозможных налоговых обложений крестьяне оказались настолько обобранными, что к 90-м годам мы видим значительный рост крестьянских недоимок, вследствие чего волостные власти, по распоряжению земства, принимали ряд репрессивных мер по извлечению этих недоимок. В 1897 году по приговору крестьян Нювчимского общества, удержано с крестьянина И. П. Русанова 15 р. 50 к. из заработка, полученного им от завода за 1897 год.

Нювчимское общество, в целях скорейшего взыскания налогов, под воздействием крестьянских начальников и впоследствии земских начальников, практиковало отдачу недоимшиков на заработки: на завод, на сплав леса и т. д., чтобы потом, в административном порядке взыскать с него за причитающиеся с него недоимки. Так, отданы были на завод для временной работы крестьяне Д. М. Лытков и Г. С. Другов и таким образом с них было взыскано 10 руб. долгу. Волостным правлением практиковалось и отобрание земли у крестьянства за те же недоимки. Так, тот же Нювчимский сельский сход в 1897 году постановил отобрать 1/4 душевого надела у крестьянина С. А. Сажина за недоимок в сумме 17 рублей. Этот же сельский сход практиковал применение денежных штрафов и арест недоимщиков. В том же году крестьяне В. Ф. Шатов и В. С. Латкин были подвергнуты в общей сложности аресту на 3 дня, за невзнос недоимка в общей сумме 4 рублей *).

Из этих данных мы видим, что сельский сход, на котором главную роль играли кулаки, под воздействием сельской и волостной администрации распоряжался личностью крестьянина также свободно, как и помещики до крестьянских реформ, подвергая их аресту, отдавая для заработков на заводы, отбирая земли у неисправных налогоплательщиков и передавая их более зажиточным слоям крестьянства. Это лишний раз свидетельствует о том, что крепостное право частично продолжало сохраняться и после крестьянских реформ.

Экономическое положение крестьянства к революции 1905-1907 г. г. нисколько не улучшилось. Взимание различных налогов, взыскание недоимок не только не упало в годы революции 1905-1907 г. г. по сравнению с другими дореволюционными годами, но имело тенденцию к дальнейшему росту, что мы видим из следующих данных:

Годы	Взыскано		Осталось к 1-му января		
	Недоимок	Оклад	Недоимок	Оклад	Всего
1904	111938—35 к.	405372—28 к.	7034—51 коп.	350023—07 к.	357058—58
1905	230158—38 к.	78296—43 к.	119796—24 к.	678041—33 к.	797830—55
1906	258523—67 к.	557947—39 к.	503116—62 к.	391946—69 к.	895003—31

*) Архив Нювчимской сельской управы за разные годы—17-18.

Одновременно с этим коми крестьянство продолжало вносить и другие всевозможные пошлины и налоги, как-то: за право рыбной ловли, охоты и т. д. Государство, в лице казны (как и помещики), после революции 1905 года, в частности в 1909-1910 году „извлекало налог за сбор ягод, грибов, мха и опавших листьев" *).

Налоги были взвинчены до крайних пределов, в результате чего трудящаяся часть крестьянства работала исключительно для того, чтобы только быть в состоянии оплатить причитающиеся с них налоги. Это свидетельствовало и Устьсысольское земство, во главе с черносотенцем—председателем ее Оплесниным, которое в своем постановлении в 1898 г указывало, что „Земля, владеемая крестьянами Устьсысольского у., не только есть имущество непроизводительное, но оно не дает даже дохода на уплату одной только подати за пользование ею и все повинности; лежащие на крестьянах, уплачиваются не с доходов земли, а с посторонних заработков, причем, нередко при отсутствии этих заработков для уплаты повинностей и массы накопившихся недоимок за прежние годы, крестьяне вынуждены были пред'являть к продаже необходимые хозяйственные принадлежности" **).

Это вполне справедливое и вынужденное указание земства на плачевное состояние крестьянского хозяйства, о благосостоянии которого оно должно было заботиться, М. А. Большаков старается сгладить тем, что опорачивает тот статистический материал, которым оперировало земство. Искажать факты, говорить о росте недоимок, продаже крестьянского имущества для уплаты налогов—не входило в планы реакционного Устьсысольского с'езда. Большаков упорно доказывая, что земская статистика совершенно ошибочно указывает доходность с десятины 70 коп., спрашивает: „Почему, в самом деле, население продолжает вести земледелие, которое не дает прибыли, но и не покрывает лежащих на земле платежей, служа иногда причиной „продажи необходимых хозяйственных принадлежностей". Почему население не только продолжает держаться разоряющих его клочков пашни, но еще целыми десятками лет ведет упорную борьбу, стараясь увеличить размер земельной площади на домохозяйство".—„Есть другие данные — продолжает Большаков— полученные путем наблюдений и конкретных учетов, следовательно, более вероятные, которые устанавливают чистую доходность с десятины луговой земли 7 р. 36 коп., с десятины пахотной—39 р. 94 коп." ***).

---

*) ИАОИРС № 9-1909 года—редакционная передовая статья.

**) Сб. обществ о желательных реформах, 12 л., постановление Устьсысольского Земского собр. за 1869,-1898, 23 стр.

***) Итоги экономического исследования кр. населения Устьсысольского уезда, Вологодской губ., под редакцией Л. Рума, т. I, 23 стр. Пермь 1903 г.

Мы не питаем особенного доверия как к земской статистике, так и той, которая получена Румом на основании конкретных исчислений. Земская статистика с ее знаменитыми средними цифрами—была подвергнута соответствующей критике еще В. И. Лениным, как совершенно неправильно отражавшая состояние крестьянского хозяйства, поскольку она, выводя средние цифры, сваливала в одну кучу доходность кулацких и бедняцких хозяйств. Ясно, что кулацкие хозяйства имели большую доходность, далеко превышавшую те 39 р. 94 коп., ясно также и то, что бедняцкие хозяйства имели 70 коп. с десятины чистой прибыли. Мы считаем, что цифры, полученные Румом на основании конкретного исчисления, на которое ссылается Большаков, представляют собою именно средние цифры того или иного селения с преобладанием кулацких хозяйств. Такой же неточностью страдают и земские цифры. Они отражают собой состояние крестьянского хозяйства целого уезда, в котором совершенно обезличены хозяйства различных слоев крестьянства, но, несмотря на это, эти средние цифры имеют большое значение, так как они отражают состояние большинства бедняцких крестьянских хозяйств, доходность коих не превышала указанных цифр.

Итак, подведем итоги. Налоги, систематически возраставшие в течение XIX века, особенно увеличившиеся ко времени второй массовой экспроприации крестьянских земель,—когда правительство, в целях извлечения налога, облагало крестьянское население севера налогами за сбор ягод, грибов, опавших листьев, мха и т. д.—представляет собой ни что иное, как методы первоначального накопления капиталов. Налоговая система государства и представляла собою самую универсальную машину для систематического ограбления крестьянства, чтобы за счет пота, крови и страданий крестьянства вести империалистические войны, бороться с развивающимися революционными движениями, содержать бюрократический аппарат местного управления, постоянную армию и т. д.

Крестьяне страдали не только от налогов, но и от малоземелья. Карликовые земельные наделы, доходившие до $^1/_4$ и даже $^1/_8$ десятины на каждую душу, естественно не могли обеспечивать землей бедняцкие и середняцкие слои деревни.

Основной причиной малоземелья являлись не только крестьянские реформы второй половины XIX в., которые фактически ограбили крестьян, не только захваты земли купечеством, монастырями и т. д., но и земельная монополия государства, в лице казны, которая владела в коми свыше 20 милл. десятин земли. Крупнейшими земельными монополистами в коми являлись монастыри, заводы и отдельные предприниматели, которые владели довольно солидными земельными участками, доходившими до 100.000 дес., тогда как общее количество надельной земли по Яренскому, Устьсысольскому и Ижмо-Печорскому у. у. выражалось в сумме 442.350 дес.

Крестьяне, желавшие получить пустопорожние земли, обычно получали неизменный отказ со стороны казны. И. А. Шергин указывает, что „Недавно зашли ко мне крестьяне Сереговской волости, Яренского уезда, П. и Н. Немчиновы, которые об'яснили, что они, облюбовав участок земли около 40 десятин, подали в Управление Государственных Имуществ Вологодской губернии прошение об отводе или продаже им названной земли под пашню и покосы. Управление уведомило, что „ходатайство их о продаже участка из Шеньменской дачи не может быть удовлетворено по лесохозяйственным и лесоохранительным соображениям, так как просимый участок предназначен к обслуживанию местных крестьян и Сереговского солеваренного завода дровяным лесом". *).

Шергин, отмечая целый ряд фактов в ряде своих работ, когда казна под всевозможными предлогами отказывала в земле безземельным крестьянам, чрезвычайно резко критикует земельную политику царского правительства, что „только слепой политикой" лесоохранительного ведомства" об'ясняется вопиющий факт, что зыряне Пезмогской, Небдинской, Под'ельской, Корткеросской волости, Устьсысольского уезда, имея даже под боком миллионы десятин золотоносной земли, ежегодно, с наступлением осени трусят за тысячи верст на горные заводы Урала, где, чтобы прокормиться ржаной мукой, бродят круглую зиму по-горло в снегах и весенних водах, наживая ревматизм. Между тем просвещенное начальство строит переселенческие планы, намеревается в скором времени двинуть в Устьсысольский край безземельную бедноту других губерний, а местным зырянам улыбается радужная перспектива—сделаться вечными безземельными батраками богословских заводов" **).

Шергин совершенно правильно заметил, что коми крестьянам улыбалась вечная перспектива быть безземельными батраками Уральских горных заводов. Царское правительство, последовательно проводя в жизнь политику, выгодную капиталистам, самым решительным образом отказывало землепросителям. Иностранный капитал, господствовавший на севере в лесной и рыбной промышленности, также является противником наделения крестьян землей, ибо, в противном случае, оно лишилось бы рабочих рук по рубке и сплаву леса, а для работы на лесопильных заводах Архангельской губ. пришлось бы выписывать иностранных рабочих. Поэтому русский и иностранный капитал всячески препятствовал дополнительному наделению крестьян землею, чтобы иметь в крае кадры безземельного и малоземельного крестьянства для применения их в развивающейся лесопильной и рыболовной промышленности.

Коми крестьяне, страдая малоземельем, и замечая, что правительство искусственно поддерживает их на этом положении,

*) И. А. Шергин. В дебрях Севера, 33 стр. П. 1910 г.
**) Там же, 33 стр.

на вопрос Шергина „Что же вы не просите свободные земли под поля, покосы,—отвечали:—„Э-эх, господин,—не про нас эти земли. Просили начальство о наделении, но бесполезно. Ходил, тут по Вычегде знахарь. Так вот он говорил „Подайте хоть вы хоша выше пресветлой Сената, а ничего не выйдет, потому зарок на эфти самые земли наложен, на пятьсот лет и сорок ден. Кладов де этих тамотко зарыт—упаси боже... Ну, мы все значит и махнули рукой: больше уже ни беспокоимся" *).

Таким образом земельная монополия казны, монастырей и других земельных собственников являлась крупнейшим препятствием для развития и расширения сельского хозяйства коми крестьянства. Особенно остро ощущалось малоземелье в 90-х годах в связи с усиливающейся товаризацией крестьянского хозяйства. Товаризация сельского хозяйства вызвала увеличение посевов хлебов и посевной площади, что в свою очередь отразилось на росте цен на землю и арендной платы на нее. Таким образом, процесс товаризации сельского хозяйства наталкивался на монополию земли в лице казны, которая в Северном крае и, в частности в Коми, являлась основным земельным монополистом.

Земельная монополия, сдерживая процесс капитализации сельского хозяйства, лишала крестьянские хозяйства коми деревни дополнительных земель, в которых они нуждались.

Земельная монополия била не только по интересам крестьянства в целом, но и по интересам рабочих.

Коми крестьянство, в основном бедняцкая его часть, страдало и от эксплоатации капиталистов. Вырубая и сплавляя леса русских и иностранных капиталистов, крестьяне работали почти за бесценок, получая наличными за всю зимнюю и весеннюю работу 30-40 рублей и меньше, т. е. в среднем 9-10 рублей в месяц. На эти работы крестьяне шли потому, чтобы иметь возможность путем хотя бы незначительного заработка оплатить налоги за землю, за различные земские, волостные и государственные сборы.

Бедняцко-середняцкие массы крестьянства страдали и от попов. Попы являлись крупнейшими эксплоататорами крестьянства, предоставляя свои земли в аренду бедняцко-середняцким слоям крестьянства, а также эксплоатируя их труд в своих имениях. Ульяновский монастырь—этот крупнейший миссионерский центр по Вычегде, занимался эксплоатацией не только крестьян-чернорабочих, но и сапожников, столяров, портных по их специальности, обещая за это поминовением их души после смерти или их родных.

Не отставали от монастырей и попы, которые под покровительством царских законов грабили крестьян не хуже русских и иностранных капиталистов.

*) И. А. Шергин. В дебрях Севера, 328 стр.

„Попам и церквам в Прилузском районе принадлежали самые лучшие пашни и заливные луга по реке Лузе.

Свои наделы попы Об'ячевской волости давали исполу местным крестьянам для обработки. Крестьянин, обрабатывающий поповскую землю, должен был унаваживать своим навозом, засеять своими семенами.

Церкви Об'ячевской волости принадлежали сотни десятин лучших лугов. Церковь ежегодно давала с аукциона эти луга в аренду, зарабатывая на этом большие капиталы" *).

Одним из наиболее распространенных методов эксплоатации крестьянства попами являлись праздники, особенно храмовые, когда крестьяне по установившейся традиции, поддерживаемой церковью, резали скот в честь святого, имени которого построена церковь. От этих праздников, конечно, больше всего страдали бедняцко-середняцкие массы деревни. И. А. Шергин указывает, что в Палевицах „у одной старушки-вдовы переловили чуть не всю живность, но на бледно-морщинистом лице заметно было чувство удовлетворения заветной мечты—„Богу"—мотнула головой старушка, на которую с каким то болезненно-грустным выражением глядели недостойные соседи" **).

Широко практиковали попы и хождение по домам. „Будь хоть золотая пора, мужик не посмеет отлучиться из дому под страхом заслужить гнев „попа".. И вот „отлученный" вымаливает милость „попа", как средневековый король у подножья трона наместника св. Петра, но „поп" остается неумолимым, пока не явится на столе вычегодская стерлядь"***).

Святые отцы не только пьянствовали, но своим примером внедряли пьянство в быт коми крестьянства. „В одном селе,—пишет Шергин—я видел шествие с образом спасителя, а сзади процессии довольно неустойчиво частил ногами батько, поддерживаясь рукой за руку другой рясы, дабы сохранить равновесие... Издали получалось впечатление воздушного танца" ****).

Попы, как и кулаки, занимались эксплоатацией бедноты и путем закладов. Шергин указывает, что „как то раз я встретил знакомую бабу сильно опечаленной. Из расспросов оказалось, что она заняла у попа рубль под заклад шубы. Настала зима, а денег нет, но вот скопляется нужная сумма. „Схожу к попу за шубой", но поп, проверив монеты, кинул: „А пятачек где?" „Отпори воротничек, когда будут деньги—возьмешь", всхлипнула заемщица *****).

Попы, чтобы множить свои капиталы, пользуясь религиозностью крестьянства, строили часовни, ставили кресты, мотиви-

*) Воспоминания Д. И. Шулепова.
**) И. А. Шергин. Богатства Севера, 34 стр. П. 1909 г.
***) Там же, 34 стр.
****) Там же, 34 стр.
*****) Там же, 35 стр.

руя их тем, что часовня, крест нужны для охраны здоровья крестьян, домашних животных и т. д. Чтобы поиграть на религиозных чувствах крестьянина, попы, не хуже любых др. сочинителей советских фальшивок, бросали в лесу иконы и затем выдавали их за милость господа бога, ниспославшего к нам угодника божия вымаливать грехи грешников. Шергин указывает, что „в лесу, недалеко от села Палевицы, нашли нерукотворенный образ. Ежегодно в ночь под Иванов день вспыхивает здесь божественный огонек... Уже раз „затеплился пламень", то сколько вы ни выражайте сомнений, верующий только покачает головой насчет вашего невежества... Блудный сын, омраченный помыслами лукавого. Народушку повалило со всех концов земли... Выстроили часовню... П-цкий батюшка, имеющий десятка два-три тысяч, лучшие луга, быков, коров, уже предчувствовал золотой поток, можно сказать, праздником светлым вся бы жизнь пролетела, но не было разрешения владыки" *).

Попы, пользуясь своим положением, делали над крестьянами, что хотели, и в своем приходе поп являлся в „буквальном смысле неограниченным властелином. Однажды совершался обряд крещения, и родители просили назвать новорожденного Иваном, но батька поналег на Луку... Крещается раб божий Лука— произносит священнослужитель. Иван, батюшка, Иван перебивают родители, Ллукка—сердито ударяет он младенца о край медного сосуда. Несчастный и сейчас носит шрам под глазом— реальный знак пастырской кротости"**).

Не только попы, но и дьяконы имели такую власть, что жаловаться на них архиерею было тяжким преступлением, и уличенные в этом, конечно, получали за эту „дерзость" здоровый нагоняй. Шергин нарисовал чрезвычайно яркую встречу дьякона с „ябедником". „Ярко виднелись два силуэта: куцый мужиченко в сером армяке, подпоясанном алым кушаком, трепетал перед грозной тенью в рясе, которая, казалось, сгущаясь в темную тучу, готовилась поглотить армяк с алым кушаком. Владыку жалобой задумал беспокоить?—горячилась ряса. Что, чья взяла? В пирог вместо рыбы редьку закатал, а за углом ха, ха, хамово племя, распротобестия, у-у, архинадувало. Думал растригой сделать, а на-ж те вот, владыко благочинием рукоположил, приказал воспринять новое бремя управления, ибо в книжной части узрел воочию образец трудолюбия"***).

Если дьяконы еще не били прихожан, то попы, как чином повыше (большому кораблю—большое и плавание), били мужиков и в церкви. Так, тот же мужик в армяке, подпоясанном алым кушаком, получив в церкви удары паникадилом, пришел

*) А. И. Шергин. В дебрях Севера, 36 стр.
**) Там же, 35 стр.
***) Там же, 39 стр.

к Шергину с жалобой на попа. „Я к вам,—заговорил пришедший, беспокойно двигаясь на стуле, словно вместо сиденья кто то подложил ему горячих углей. В глазах посетителя застыл какой то невыразимый ужас.—С попом я не в ладах, оттого у меня и глаза стоячие,—пояснил он, угадывая мою мысль. В чем же дело—не дело, а даже можно сказать политика. Дьячек батьке козла подпустил; соорудил это он с дьячихой-то агроматный рыбник, прикрасив сверху так, что хоть министру на стол подавай". Потом взял да и метнул в общую гору, что скопляется на празднике из даяний прихожан. При дележе то выходит батька первым делом ухватился за рыбник, не знаю уже по ошибке или по натуре, а тут заместо рыбы—редька. Так вот теперича он на меня дыбом, ономнясь долго ходил около меня в церкви все ребром, ребром, а потом хвать кадило и давай накачивать"*).

Крестьяне подвергались надругательствам не только со стороны „св. отцов", но и от земских начальников. Земские начальники пользовались настолько большой властью в царских колониях, что могли делать, что только хотели. Могли в любое время арестовать крестьянина, изнасиловать его дочь и жену, могли выслать его из места его жительства на жительство туда, куда это было желательно для земских. Земские, как и помещики XVIII в., распоряжались и детьми крестьян. Так, когда один поборник просвещения, заручившись согласием на принятие двух слепых мальчиков—националов в училище слепых в г. Перми, купил им необходимую обувь и одежду, хотел их увезти, волостной писарь непреминул сообщить о сем земскому начальнику Яновичу. Были поданы лошади. Родители благословили детей иконою. Вдруг вваливается несколько полицейских, с писарем и старшиною во главе, и заявляют, что „господин земский начальник В. М. Янович приказал составить протокол, по чьему то-де распоряжению мальчики отправляются учиться" **).

Земские не только преследовали родителей, которые отправляли своих детей учиться, заставляя их таким образом нищенствовать, но последние мало считались и с такими влиятельными персонами на фоне деревенской жизни, как с попами. „В один из праздничных дней отец Василий Лобовиков сидел у открытого окна. Яновичу это не понравилось, и он крикнул батюшке, чтобы он закрыл окно и ушел. Отец Василий ответил, что, он в своем доме хозяин—Как, грубить мне—закричал Янович и, вытребовав двух полицейских стражников, велел увести батюшку в кутузку" ***).

---

*) А. И. Шергин. В дебрях Севера 40-41 стр.

**) Я. Камасинский. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы, 160 стр. М. 1905 г.

***) Там же, 157 стр.

„Земский начальник Об'ячевского участка Демидов в обязательном порядке заставлял всех граждан, малых и больших, снимать шапки при встрече с ним. Если кто либо, не заметив его, не снимал шапки ему, то тут же при всех давал пощечину, грозя арестом.

Даже, проходившие мимо его квартиры, обязаны были снимать шапки, иначе их ждал арест.

Кто отказывался выполнять это и земский начальник это заметит, то немедленно выбегал из квартиры, догоняя „непослушного" записывал его фамилию и через волостное правление взыскивал штраф" *).

Яновичи, Бронские всевластно господствовали в деревне. Что стоило им изнасиловать крестьянскую девушку или женщину? Ровно ничего. А когда некоторые высшие чиновники Пермской губ. пошли жаловаться лично к министру внутренних дел Плеве на земских, которые от крестьянских девушек перешли к оскорблениям их жен, то Плеве, благосклонно выслушав, посоветовал просителю перейти в другое место и прибавил, что г. г. земские начальники Янович и Бронский не могут подвергнуться взысканию.—А как же судили известного всей читающей России земского начальника Протопопова?—возразил проситель (автор этой статьи В. И.) Извините—возразил г. Плеве,—это дело земского начальника было на Руси первым и последним" **).

Из этих данных мы видим, что экономическое и правовое положение крестьянства было крайне тяжелое. По существу его положение в конце XIX века мало чем изменилось по сравнению с крепостническим состоянием. Земские начальники и крестьянские начальники (последние на Печоре) так же полновластно распоряжались крестьянами, как и помещики XVIII века. Да не только земские и крестьянские начальники, но и менее влиятельные лица, приезжавшие из Вологды и Архангельска, часто ездили на коми крестьянах, как на китайских кули ныне ездят империалисты западно-европейских государств. Угрюмый (кличка одного соц.-демократа) на страницах газеты „Архангельск" писал из Печоры, что, приехавший агитатор—черносотенец Р., не прочь со своих лекций домой прокатиться, за отсутствием собственной лошади—на крестьянах, запряженных вместо лошади. Ведь „братья" его только что прослушали из уст „великого мужа" слова смирения, а потому можно запречь вместо лошади смиренного „братца". И вот его благовестие, с полным сознанием, что принес благо своим присутствием, уезжает на саночках, запряженных смиренным „братцем", который надувает свои легкие, чтобы его доставить домой" ***).

---

*) Воспоминания Д. И. Шулепова.
**) Сборник. Около Камы. 161 стр.
***) Газета „Архангельск" № 16, от 28 января 1907 года.

Это тяжелое экономическое и правовое положение крестьянства в условиях национально-колониального гнета и являлось важнейшей предпосылкой революции 1905-1907 г.г.

Важнейшей предпосылкой революции 1905-1907 гг. являлся и национальный гнет. „Национальный гнет", пишет тов. Сталин —это та система эксплоатации и грабежа угнетенных народов, те меры насильственного ограничения права государственности угнетенных народностей, которые проводятся империалистическими кругами. Все это в целом дает картину той политики, которую принято называть политикой национального гнета"*)

Особенно ярко выражался этот национальный гнет русского самодержавия в отношении национального коми языка. Царское правительство, признавая громадное значение коми языка, как важнейшего орудия по созданию национальной коми культуры, поднятия грамотности населения и т. д. естественно не было заинтересовано в поддержании и развитии национального коми языка. Оно требовало, чтобы во всех учреждениях и организациях говорили только по-русски, вся переписка должна была вестись исключительно на русском языке.

Особенно в тяжелом положении оказались крестьяне, которые совершенно не знали русского языка. Присутствуя на суде, на заседаниях волостного правления, не зная русского языка, коми являлись простыми созерцателями всего того, что происходило на этих заседаниях, не понимая иногда ни слова по-русски. Не лучше обстояло дело и при обучении националов в школах. Национальный коми язык не только не изучался, но самый разговор детей во время перерывов на коми языке преследовался всяческими средствами: оставляли детей без обеда, ставили низкие показатели по успеваемости и поведению.

Не зная совершенно руского языка, учащиеся школ в большинстве совершенно механически запоминали изучаемые молитвы, содержание прорабатываемых статей без всякого сознательного его усвоения. Устьсысольский купец и промышленник М. М. Латкин, член Устьсысольского уездного училищного совета, в своем докладе после знакомства с работой небдинской школы указывал совету, что „при входе моем в классную комнату мальчики встали и первый сидящий на скамье протароторил (более подходящего выражения не нахожу) по всему вероятию молитву, потому что все обернулись к образу и крестились на него. Из прочтенной молитвы я не мог разобрать ни одного ясного слова: это был какой то ряд звуков или крайне испуганного, или запыхавшегося, пробежавшего большое пространство. Я спросил чтеца, что он сейчас прочел? Он отвечал: молитву. Какую и кому? Ни он, ни остальные в классе не могли мне об'яснить. Я снова заставил нескольких прочесть молитву перед начатием

*) И. Сталин—доклад на Петроградской общегородской и всероссийской конференции РСДРП(б), апрель, 1917 г. (ст. „Ленинизм и национальный вопрос, вып. VII —3 стр. Изд. „Северный Кавказ" 1931 г.)

учения, не торопясь и внятно,—но сколько я ни старался, не мог однако этого добиться, до такой степени они привыкли протароторивать ее. Предложенную мной статейку из „Родного Слова" старшие, по несколько лет учившиеся в школе, протаротороили довольно бойко, так что механизм чтения сносен; но никто из них не в состоянии был не только рассказывать осмысленно по-русски, но даже по-зырянски"**).

Также обстояло дело и в Коми-Пермяцком крае, где учащийся механистически „заучивая рассказы из священной истории, скоро забывает и знает историю лишь сначала; остановите его в средине, потребовав об'яснения, и он становится втупик. Понятно, что к призывному возрасту знания по закону божию у инородца улетучиваются, и на вопрос, что он знает, инородец заявляет:„-молитвы кое-как знаю, а историю позабыл". Несмотря на 40 летний рост земских школ Пермяцкого края, религиозно-нравственное мировоззрение инородца мало чем отличается от типов Решетникова: Пилы и Сысойки" **).

Препятствуя развитию национального коми языка, царское правительство не заботилось и о просвещении. Первое приходское училище было открыто в гор. Устьсысольске в 1835 году, а в 1840 году было открыто уже уездное училище, для подготовки волостных писарей, счетоводов. Министерство государственных имуществ, открывая эти учебные заведения, указывало, что Окружным Управлением замечено, что „обучающиеся для приготовления в писаря мальчики избираются часто с столь малыми тупыми способностями, что не обещают никакой пользы от своего воспитания и продолжая учение долгое время, обременяют только общество безвозвратными издержками. Дабы на будущее время отвратить бесполезные в подобных случаях расходы, Первые Департамент государ. имуществ предписал вменить в непременную обязанность наставников внимательно наблюдать за способностями таковых мальчиков и уведомлять о том Управление Государственных Имуществ"***).

Из этих данных мы видим, что царское правительство открывало эти учебные заведения с коммерческой целью, для обслуживания необходимых нужд местного хозяйства, выкидывая из училища тех, кто не отвечал тем практическим требованиям, которые пред'являлись учащимся.

Не изменился взгляд царского правительства на просвещение и позже. Приходские школы во второй половине XIX века были такой же редкостью, как и городские училища. Усиленно насаждалсаи церковно-приходские школы, которые имели своей основной целью научить учащихся „закону божию", чтению „душеспасительных" книг и кое-как подписывать свою фамилию. Большего царское правительство и не хотело. Разви-

*) П. П. Ползунов, История Устьсыс. Гор. училища, 110—111 стр. У. 1912 г.
**) Шестаков, Верхнекамские инородцы, 5 стр. Архангельск 1912 г.)
***) П. П. Ползунов, История Устьсыс. Гор. уч. стр. 22

вать грамотность, вооружать трудящиеся массы колоний знанием не входило в интересы правительства и торгово-ростовщических классов колонии, ибо управлять и эксплоатировать безграмотные массы населения куда легче, чем грамотные, разбирающиеся в вопросах политики и экономики. Этим обстоятельством и об'ясняется в основном тот факт, что в 1906 году на каждые 1000 человек учащихся существовала одна школа. Не лучше обстояло дело и в Устьсысольском уезде, где процент учащихся по отношению ко всему населению является очень низким, что мы видим из следующих данных:

УЕЗДЫ	Наличное население:			% грамотности
	Мужч.	Женщ.	ИТОГО	
1. Архангельск	30.197	30.760	60.957	38,9%
2. Кольский	4.674	4 617	9.291	29,1
3. Онежский	17.954	21.383	39.337	27,5
4. Холмогорский	16.632	19.359	35.991	27,1
5. Яренский	21.618	24.214	45.832	21,0
6. Шенкурский	35.140	41.619	76.759	20,0
7. Устюжский	68.575	75.795	144.370	18,2
8. Пинежский	13.976	14.812	28.788	20,7
9. Сольвычегод.	56.144	61.491	117.635	17.8
10. Кемский	16.264	19.128	35.392	15,4
11. Мезенский	32.194	12.835	25 029	14,8
12. Устьсысольск	41.080	48.760	89.840	14,5
13. Никольск	110.519	117.864	228.383	12,9
14. Печорский	16.753	18.239	34.992	12,6

Из приведенных данных видно, что процент грамотности населения Устьсысольского и Печорского уезда и т. д. являлся чрезвычайно низким по сравнению с другими уездами крайнего севера. Такая низкая грамотность населения в Коми и в других губерниях Северного края искусственно поддерживалась царским правительством для того, чтобы лучше и спокойнее эксплоатировать националов. Вся политика царского правительства по просвещению националов сводилась к тому, чтобы

воспитывать их как послушных, покорных, богобоязненных граждан, где изучение „закона божия“ и др. подобных предметов играло главнейшую роль. Поэтому крестьянская молодежь, которая по выходе из церковно-приходских школ едва умела подписывать свои фамилии, скоро забывала все начатки знаний, полученные ими в области письма и чтения.

Если правительство не заботилось о просвещении, то оно всячески способствовало поддержанию и развитию среди трудящейся части населения различных верований, поверий, колдовства и т. д.

„Колдуны“ и „знахари“, являвшиеся в то же время по своему имущественному положению в своем большинстве эксплоататорами коми деревни, пользуясь невежеством и культурной отсталостью населения, изображали из себя лиц, которые якобы имели сношения с дьяволами и могли не только лечить всевозможные заболевания, но и мстить своим врагам.

Эти крупные эксплоататоры коми деревни, внедряя в быт населения веру в чертей, леших, веру в силу колдовства, тем самым поддерживали народ в духовном рабстве, являлись важнейшим союзником русского царизма.

Национально-колониальный гнет русского самодержавия чувствовался и в области использования коми рабочих. Коми вынуждены были главным образом работать в качестве простых чернорабочих. Используя коми рабочих на черновой работе, при чрезвычайно низкой оплате труда, царское правительство в известной степени задерживало и процесс формирования национального коми пролетариата. Чтобы не допустить об'единение русских и коми рабочих для совместной борьбы с капиталистами за улучшение своего экономического и политического положения, оно сеяло вражду между ними, которая выражалась в лучшей оплате труда русских рабочих, в создании в бытовой обстановке различных оскорбительных прозвищ, вроде „зыря“, „комики“ и т. д.

Коми край, как колония русского самодержавия, являлся в течение всего феодального и капиталистического строя типичной ареной первоначального накопления капиталов. Купцы открыто грабили коми промысловиков, шкуры чернобурой лисицы, соболей скупали за бутылку спирта, а предметы первой необходимости, как-то: хлеб, сахар, обувь, одежду продавали по баснословно-высокой цене, о чем мы уже говорили в соответствующем месте. Грабили не только кулаки и купцы, скупщики, но и отдельные чиновники.

„Был у нас член управы,—говорит Шергин,—прослуживший два трехлетия. Жалованье получал он 400 р. в год; конечно, не жирно, но ведь и работы не ахти сколько. Средств до этого он не имел, а как поступил—зажил сразу на тысячу. Строил дорогу, перестраивал прочие сооружения, а когда не

был избран на следующее трехлетие, то оказалось, что он сделал сбережений тысяч около десятка... Ну это господь с ним, бережливость дело хорошее, но „деятель" не угомонился: он пред'являет права на стипендии своим детям и на вечную благодарность... Крохотная пьявка, а как присасывалась к общественному пирогу—не оторвешь"*).

Рассматривая Коми в качестве своей колонии, царское правительство преследовало всякую мысль о политическом самоопределении Коми. Вся политика русского самодержавия была направлена к тому, чтобы воспитать националов в духе верности и покорности к российской державе.

Поддерживая среди населения темноту, невежество, различные суеверия, усиленно внедряя водку в его быт, правительство этим стремилось к тому, чтобы уничтожить все стремления его к борьбе за улучшение своего жизненного положения. Действительно, эта работа не прошла даром, ибо в рабочих петициях мы совершенно не находим о предоставлении автономии тем национальностям, которые жили в Северном крае. Но несомненно, что национальный гнет, выражавшийся не только в области игнорирования родного языка, отсутствии школ, библиотек и литературы на родных национальных языках, но и в чрезвычайно тяжелых жизненных условиях этих националов, в их чрезвычайно низкой оплате труда по сравнению с более культурными русскими рабочими и т. д. являлся важнейшей предпосылкой революции 1905-1907 г. г.

Русско-японская война является как бы итоговой предпосылкой для революции 1905 г. Война, начатая царизмом в интересах торгового капитала для новых колониальных захватов в Корее, была встречена весьма неодобрительно самым многочисленным и самым прогрессивным классом капиталистического общества—рабочими. Рабочий класс был самым решительным противником этой войны. Рабочие прекрасно знали, что их гонят на войну не во имя защиты интересов отечества, а для новых колониальных захватов.

Устьсысольская социал-демократическая организация в своей прокламации, выпущенной в г. Устьсысольске (теперешний г. Сыктывкар) в ночь на 14 июля 1905 г., указывала рабочим и крестьянам, что „скоро вас погонят в далекую вам Манчжурию. Вас будут заставлять поливать своей кровью далекие и чужие поля. Ваши собственные останутся невозделанными и, что посеяно, должно большей частью пропасть. Мало того, что не соберете посеянного, но вспомните, товарищи, сколько вы затратили трудов, сколько перетерпели невзгод. Вас за ваш труд теснил лесничий, ловил, гонял, не давал трудиться, труд часто пропадал

*) Шергин, Богатства Севера, 65 стр. П. 1909 год.

даром, благодаря царившему произволу. Но этого мало. Царю и его министрам—нужна ваша собственная кровь" *).

Прокламация вскрыла коми рабочим и крестьянам основные причины этой войны, что „Манчжурия нужна царю, министрам и купечеству. Нашему русскому купечеству нужен рынок, куда бы они могли сбывать свой гнилой товар" (тем же).

Социал-демократическая организация указывала также и на то, что казна, земство и отдельные чиновники „мужика совсем разорили, он покупать совсем не в состоянии. Почему? Да потому, что правительство самым хищническим образом расхищает добытые почти кровью ваши деньги в виде разных налогов" (там же).

Если торговому капиталу был нужен выход к морю для вывоза сибирского хлеба, царю—богатые рудники, то правительству было нужно использовать эту войну и для борьбы с развивающимся рабочим движением. Поэтому прокламация предупреждала рабочих и крестьян в Коми, что царское правительство пытается использовать рабоче-крестьянские массы, призванные в армию, для расправы с революцией. „Вас может быть будут заставлять стрелять в рабочих, называя их бунтовщиками, но вы тогда стреляйте по тем, кто будет вас заставлять. Они истинные ваши враги. Помните раз навсегда, что рабочие не ваши враги, а враги ваши те, кто живет вашим трудом. Вам будут командовать: „бей рабочих". Вы кричите мощным голосом: „бей полицию",—„долой министров",—„долой самодержавие", „да здравствует политическая свобода" (там же).

Но, раз первая империалистическая война началась, рабочий класс России и ее колоний, в частности Коми, принял активное участие, чтобы превратить эту войну—в войну народа против эксплоататоров, в войну для свержения самодержавия и установления демократической республики. В этой борьбе рабочий класс оказался не одиноким. Крестьянство, которое война больно ударила новыми налогами, повинностями, рекрутскими наборами, чрезвычайно неблагоприятно отразившимися на состоянии сельского хозяйства, являлось революционным сторонником рабочих в борьбе против самодержавия. Военные действия неблагоприятно отразились и на состоянии кустарных промыслов, изделия коих сбывались как на местном, так и на русском рынке. Таким образом, рабочий класс и крестьянство, кустари и ремесленники были решительными противниками войны, от которой страдали их экономические интересы.

Поражение России в войне с японским империализмом вызвало недовольство и русской промышленной буржуазии. После падения неприступного Порт-Артура, русская буржуазия становится в оппозицию самодержавному строю, обвиняя его не за то

*) Дело прокурора Вологодского Окружного суда за 1905 г.—О найденных в г. Устьсысольске прокламациях.

что оно начало эту войну, а за то, что оно плохо воевало, что оно оказалось неспособным защищать русский капитализм от внешних врагов. Буржуазия, будучи бесправной в политическом отношении, не принимавшая никакого участия в управлении государством, замечая рост общего недовольства народа самодержавным строем, переходит от оппозиции в известной степени к открытой поддержке всех революционных сил России, направленных к свержению самодержавия и установлению демократической республики. Таким образом, русско-японская война затронула интересы всех классов общества и чрезвычайно сильно обострила положение между представителями феодально-дворянского класса, с одной стороны, и буржуазно-демократической частью населения, с другой, и вызвала т. н. революцию 1905 г. В. И. Ленин, оценивая русско-японскую войну, писал, что „русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура—есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не окончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необ'ятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу*).

Таким образом, русско-японская война, способствовавшая возникновению революционного движения в 1905 г. и открывшая пути силам революции, таившимся в самой системе капиталистического общества, сыграла крупную революционную роль, как одна из наиболее видных предпосылок для революции 1905 года.

II. Характеристика революции 1905 г.

Революция 1905 г. —вызванная классовой борьбой рабочих и крестьян России и ее колоний против русского самодержавия, помещичьего землевладения и национально-колониального гнета—являлась первой буржуазно-демократической революцией в России. Рабочие и крестьяне, угнетаемые русским самодержавием, эксплоатируемые всевозможными докапиталистическими и капиталистическими приемами эксплоатации стремились сбросить гнет своих угнетателей и путем революционной борьбы под руководством большевиков завоевать землю и волю. В. И. Ленин, в статье о Толстом указывает, что „Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушения помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. Это была крестьянская буржуазная революция, ибо об'ективные усло-

*) В. И. Ленин, Собр. сочин., т. VI, 1925 г., 37 стр., Гиз.

вия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке капитализмом средневекового землевладения, о „расчистке земли" для капитализма, об'ективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного действия крестьянские массы*).

В революцию 1905-1907 г. г. все крестьянство в целом решительно выступило против земельной монополии дворянства, казны, монастырей, удельного ведомства и т. д. В Шенкурском уезде крестьяне захватывали удельные, государственные земли, распахивали и сеяли хлеб, косили сено, рубили и увозили лес. В Коми крестьяне жгли леса отдельных капиталистов и казны, отказывались от уплаты податей, самовольно рубили лес и т. д. Земельная монополия дворянства, казны, уделов и монастырей била не только по интересам крестьянской бедноты, но и деревенской буржуазии, которая в условиях товаризации своего хозяйства нуждалась в новых землях для дальнейшего расширения своих запашек. Отсутствие достаточного количества земли являлось крупным препятствием для дальнейшего развития капитализма. „Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутина полукрепостной деревни,—пишет В. И. Ленин,—пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями. Диалектика истории сделала то, что крестьянство, которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка, в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями, вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II-й Думы). Эти радикальные и подкрашенные даже идеями мещанского социализма требования вызывались вовсе не „социализмом" мужика, а экономической необходимостью разрубить запутавшийся узел крепостнического землевладения, расчистить дорогу для свободного фермера (предпринимателя в земледелии) на свободной от всех средневековых перегородок земле**).

Здесь В. И. Ленин ясно подчеркивает, что в ликвидации земельной монополии дворянства, монастырей, казны, уделов и т. д. были заинтересованы все слои крестьянства.

Революция 1905 года являлась буржуазно демократическим движением и потому, что другой не менее важной задачей рабочего класса и крестьянства являлось свержение русского самодержавия. Царское самодержавие являлось тормозом капитализации страны. Самодержавие, осуществляя политику реакционного дворянства и финансовой олигархии, не хотело и слышать об установлении общественно-демократического строя.

---

*) В. И. Ленин. Соб. сочин, т. XI, ч. II-я, 115-116 стр. М. 1923 г. Гиз.

**) В. И. Ленин. Собр. соч. т. XI, ч. I-я ст. „Новая аграрная политика" 17 стр. ГИЗ II изд. 1923 г.

России, которое создало-бы более благоприятные и легальные условия борьбы рабочего класса и крестьянства со своими эксплоататорами-капиталистами и помещиками и тем самым подготовиться к грядущим боям за социалистическую революцию. Своеобразие русской революции,—пишет В. И. Ленин—заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которую она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения,—все меры, которые почти в полном об'еме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 г. г.*).

В. И. Ленин, отмечая буржуазно-демократический характер первой русской революции, которая имела своей целью свержение русского самодержавия, уничтожение дворянской земельной монополии и осуществление демократического строя, указывает, что „революция 1905 г. была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляли главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий"**).

Разрешение национального вопроса в смысле признания за народами России права на политическое самоопределение, т. е. право на полное отделение их от России и создание самостоятельной государственности — также являлось важнейшей задачей буржуазно демократической революции. Что представляла собой царская Россия? Тюрьму народов, где 57% всего населения стонало под национальным гнетом русского самодержавия, не имея права пользоваться родной речью, иметь школы и литературу на родном языке, подвергаясь насильственной руссификации. Как только началась революция 1905 г., мы видим и рост национально-освободительного движения в Польше, в Финляндии и в других колониях русского самодержавия.

Характерной чертой революции 1905 г. является ее международный характер. „Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывает, что могучее восстание 1905 г. оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в наступательном движении сотен и сотен миллионов людей, неискоренимо. Косвенным пу-

*) В. И. Ленин—о революции 1905 г.—доклад 22 января 1917 г. на собрании рабочей молодежи в Цюрихе, 7-8 стр. Изд. Моск. раб. М. 1931 г.

**)Там-же, 8 стр.

тем русская революция оказала свое влияние и на страны расположенные на Западе. Не следует забывать, что как только 30 октября 1905 г. в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии"*).

Отмечая буржуазно-демократический характер революции 1905 г., это не значит, что большевистская партия только и занималась этими вопросами. Способствуя разрешению этих вопросов, большевистская партия стремилась к осуществлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которая имела своей целью не укрепление новых буржуазных порядков, а готовить рабочие и трудящиеся массы крестьянства к дальнейшим боям за социалистическую революцию. „У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства—пишет В. И. Ленин—есть, как и у всего на свете, прошлое и настоящее. Ее прошлое самодержавие, крепостническая монархия, привилегии. Ее будущее—борьба частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм"**). Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая по мысли В. И. Ленина должна была быть осуществлена временным революционным правительством, созданным рабоче-крестьянскими массами, через вооруженное восстание, путем сочетания и соединения действий „снизу" и „сверху",—и должна была подготовить условия для осуществления социалистического строя.

Гегемоном в революции 1905 г. в Коми являлся рабочий класс, который при помощи крестьянства активно боролся с русским самодержавием и капиталистами, для улучшения своего экономического и политического положения. Рабоче-крестьянское движение, широкой волной разлившееся в 1905-1907 г.г., ярко свидетельствовало о том, что и рабочие и крестьяне в Коми в революцию 1905-1907 г. встали в общий фронт борьбы трудящихся с капиталистами и русским самодержавием, о чем мы и будем говорить ниже.

Рабочее движение.

Кровавое воскресение 9-го января 1905 года является началом первой русской революции, после которого мы видим массовый рост рабоче-крестьянского движения не только в России, но и в ее колониях. Не остались в стороне от этой революции и коми рабочие и крестьяне. Здесь мы также видим рост рабочего движения в лесопильной и горной промышленности. Но, в отличие от центральной России, вследствие отдаленности

*)В. И. Ленин — о революции 1905 г. — доклад 22 января 1917 г. на собрании рабочей молодежи в Цюрихе, 7—8 стр. Изд. Моск. раб. М. 1931 г. 29 стр.
**) В. И. Ленин, собр. сочин. т. VIII, 84-85 стр.

края от центральных губерний, плохой связи с центром, террора русского самодержавия и отсутствия ячеек социал-демократической организации на крупнейших заводах края—рабочее движение начинается лишь в конце 1906 года.

В Устьцильме политические ссыльные, в знак протеста против отказа выдачи им теплой одежды, 19 ноября 1906 года в числе 50-ти человек организовали демонстрацию по селению с двумя красными флагами и пением революционных песен. Печорский уездный исправник доносил архангельскому губернатору, что на его предложения о прекращении демонстрации—политические ссыльные ответили, что „они ежедневно будут три раза в день устраивать демонстрации до тех пор, пока требование их о выдаче пособия на теплую одежду не будет удовлетворено. После этого я предупредил их, что если они добровольно не прекратят этих демонстраций, то я вынужден буду разгонять их силой" *).

Эта демонстрация политических ссыльных, по словам исправника, была организована на экономической почве, но надо заметить, что она носила ярко выраженный политический характер, ибо в основном демонстрация была одновременно и выражением протеста против существующего монархического строя в России.

Такой же политический характер имела демонстрация, организованная социал-демократами и рабочими, сочувствующими низвержению русского самодержавия и на Нювчимском железо-делательном и чугуно-литейном заводе М. Попов, в своей заметке „О политическом прошлом Нювчима" указывает, что „отрывочные вести о кровавой расправе царского правительства с питерскими рабочими вызвали среди нювчимцев глубокое возмущение. Вера в царя значительно ослабла. Наглядным показателем этого явилась демонстрация рабочих, организованная зимой 1906 года в честь открытия первой государственной думы. На думу ими возлагались большие надежды, думали найти в ней защиту. Поголовно все население с красными флагами и пением революционных песен стройно обошло весь рабочий поселок. Движение сопровождалось летучими выступлениями. Основными лозунгами были: „Долой самодержавие",—„Да здравствует Государственная Дума" и т. д. Демонстрация прошла с большим под'емом. Активную роль в организации и проведении описанного выступления играл гражданин того же завода Савельев М. И. (Савельев активную роль играл на заводе как после февральской, так и Октябрьской революции в 1918-1920 г. г., состоял в партийном комитете заводской организации ВКП(б). Впоследствии выбыл из рядов партии" **).

*) Дело по описи № 7 по канцелярии архангельского губернатора о беспорядках в Печорском уезде.

**) Ж. „Коми му", № 10-11, 44-45 стр. 1927 года.

Первая широкая рабочая демонстрация вызвала большой переполох среди местных полицейских чинов, и последние немедленно сообщили об этом уездному начальству, куда на другой день „приехал перепуганный сообщением урядника земский начальник Городецкий. Рассказывают, что весть о демонстрации до сведения Городецкого доведена была при выходе его из бани. Очевидно, взбешенный этим сообщением, но и Нювчим приехал с повешенным на шее полотенцем. Не заходя к управляющему, где обыкновенно останавливался, он из повозки отправился в литейный цех и там держал речь перед рабочими. Указывал на рискованность таких выступлений, угрожал возможностью плохих последствий в случае повторений. Впоследствии по этому же делу приезжал в завод для производства следствия тов. прокурора Вологодского Окружного Суда с уездным исправником и секретарем уездной полиции" *).

Выступление нювчимских рабочих ярко свидетельствовало о том, что революция 1905 года проникла в царские колонии, вызвала рабочих к активной борьбе с русским самодержавием за установление демократического строя.

Ярко политический характер носила рабочая демонстрация и на лесопильном заводе Стелла-Поляре на Печоре, организованная 1-го мая 1907 года. Для того, чтобы организовать демонстрацию на 1-е мая, рабочие завода об'явили в день 1-го мая однодневную забастовку. Около 400 человек (из общего числа рабочих 900 чел.) утром, около 9-ти часов, взяв 9 красных флагов с разными надписями: 1) РСДРП, 2) Один за всех и все за одного, 3) 1 мая, 4) Да здравствует мир и свобода, да здравствует русский народ, да здравствует 1-е мая, 5) Да здравствует рабочий мирской труд и т. д. „подошли к конторе завода, где остановились. Один из рабочих стал говорить речь о мирном проведении праздника 1-го мая, порицая служащих в конторе и администрацию за то, что они не присоединились к ним, рабочим, в тот день, отправились вокруг завода с пением революционных песен и, обойдя завод, мирно разошлись по казармам, а вечером устроили разные игры и забавы. На другой день с утра приступили к работам" **).

Слух о готовившейся демонстрации видимо так испугал администрацию завода, что последняя пыталась сорвать эту демонстрацию, агитируя среди рабочих о ненужности и вредности демонстрации. Наименее сознательная и политически отсталая часть рабочих, около 500-т человек, не приняла участия в забастовке и в демонстрации рабочих. „Не принимавшие

*) Ж. „Коми му", 10—11, 60 стр. 1927 г.

**) Дело по описи № 7 по канцелярии архангельского губернатора, 43 л

участия в хождении из боязни, чтобы их силою не принудили ходить сфлагами—часть заперлась в казармах, часть ушла в соседние деревни" *).

Крупная забастовка рабочих была и на Сереговском соленаренном заводе, где рабочие в 1907 году пред'явили ряд экономических требований как по увеличению заработной платы, уменьшению рабочего времени и т. д. Политические ссыльные Яренска при участии рабочих в 1907 году организовали демонстрацию с красными флагами.

Революция 1905 года проникла и в царские тюрьмы, революционизируя и тюремных служителей, которые ослабили режим внутреннего управления „где рассказывают, заключенные ходили ряженными..." **).

Рабочее движение в Коми, выразившееся в организации ряда демонстраций, почти на всех крупнейших заводах носило политический характер, ибо оно в основном было направлено против русского самодержавия.

Только ученые великодержавнического направления не замечали в Коми рабочего класса, его героическую борьбу против русского самодержавия. Цембер с своей статье „Революция 1905-1907 г. г." указывает, что „В глухом зырянском крае первая русская революция отразилась слабо. Зырянский край с своим центром г. Устьсысольском издавна служил местном ссылки всех несогласных и недовольных царским правительством" ***).

Напротив, из приведенных данных видно, что революция 1905 года нашла достаточно яркое выражение в Коми. Идейным руководителем в революцию 1905-1907 г. г. была РСДРП, которая и руководила классовыми боями коми пролетариата и крестьянства.

Крестьянские движения.

Тяжелое экономическое и политическое положение крестьянства вызвало классовую борьбу крестьянства. Основными вопросами, вокруг которых развернулась классовая борьба крестьянства—является борьба за землю, за лес, за политические свободы. Крестьяне отказывались от уплаты причитающихся земельных налогов, захватывали и сжигали казенные леса и т. д. Так крестьянин села Устьвым, Устьвымской волости, Яренского уезда Иван Васильевич Туркин, систематически занимался агитацией среди окрестного крестьянства волости, указывая, что за землю мы давно уже переплатили и являемся ее полными собственниками. Когда 24 сентября 1906 года, по распоряжению полиции и земства было назначено собрание крестьян в волостном правлении для обсуждения вопросов о скорейшей выплате налогов,

*) Дело по описи № 7 по канцелярии архангельского губернатора, 43стр.
**) И. А. Шергин. Богатства Севера, 22 стр. II. 1909 г.
***) Газета „Югыд туй", № 247 1930 г

Иван Васильевич Туркин, обращаясь к десяткам, созвавшим крестьян на собрание, указал „Чего вы тут шляетесь и гоните народ, никто вас не послушает, ступайте-ка вы прочь. Платить подати не будем, земля наша и мы сами ее обрабатываем" *).

На усть-ижемском сходе крестьян довольно большую агитационно-пропагандическую работу среди крестьянства вел крестьянин деревни Вертенской, Красноборской волости, Ижмо-Печорского уезда, Алексей Иванович Терентьев, который указывал, что пора крестьянам отказываться от уплаты казенных налогов, которые идут не только на содержание чиновников, но и на содержание их нянек.

Крестьяне должны также отказаться от уплаты всех штрафов, которые наложены правительством, требовать уничтожения штрафов, отмены податей за надельные земли и т. д. А. И. Терентьев выступил ярым противником наделения землей представителей духовенства. Когда на красноборском сходе крестьян священник Владимир Колмаков просил крестьян о прирезке ему дополнительной земли; Терентьев, обращаясь к участникам схода, доказал, что поп и без того богат, и что „если попу мало земли, то мы и всю отберем" **).

Большую агитационную работу провел Терентьев и в Брыкаланском обществе, где также убеждал крестьян ходатайствовать перед государственной думой об уничтожении лесных пошлин и дорожной повинности, взимаемых с крестьян, т. к. лес и земля давно должны принадлежать народу, а не царю и его приближенным.

Земельная политика царского правительства, заключавшаяся в экспроприации земли трудящихся слоев крестьянства и концентрации ее в руках духовенства, купечества и зажиточно-кулацкой части деревни, настолько затрагивала интересы крестьянства в целом, что ею возмущались и интеллигентные слои коми деревни. Так, начальник Леонтьевского почтово-телеграфного отделения, Городилов, агитировал среди полицейских стражников, что в настоящее время. Россия разделена на две части: удобной землею пользуются царь и князишки. Царь имеет около 2 миллионов десятин самой лучшей земли, из коей частью пользуются князишки и набивают свои карманы, а плохой землей наделили бедняков. Они, бедные, трудятся, а обиралы-министры рвут с них последнюю шкуру, словно с собак" ***).

---

*) Дело № 27, 29—1906 г. прокурора Вологодского Окружного Суда о крестьянине Яренского у., Устьвымской волости И. В. Туркине.

**) Дело по описи № 7—1906 г по канцелярии архангельского губернатора— о беспорядках в Печорском уезде, 90-918.

***) Дело № 20-1906 г. прокурора Вологодского Окружного Суда о начальнике Леонтьевского почтово-телеграфного отделения Городилове.

Агитация среди крестьянства имела большой успех. В целом ряде волостей крестьяне на сходах говорят о чрезвычайно высоких налогах на землю, о земских и разных государственных сборах и выносят соответствующие постановления. Земские и крестьянские начальники, получая подобные, с точки зрения царского правительства незаконные приговоры, конечно их отменяют, штрафуя крестьян за проявление своеволия и непослушание власти. На Красноборском волостном сходе крестьян А. И. Терентьев на указание крестьян, что правительство штрафует за составление „незаконных приговоров", трактующих об отмене платежей за землю, об освобождении крестьян от подводной и дорожной повинности и т. д., указал, что если „штрафуют крестьян за теперешние приговоры, то ведь можно и не платить, а если пришлют хотя и 20 солдат, то мы тоже не боимся" *).

Крестьяне в борьбе за землю, за лес не только выносили приговоры, но кое где переходили и к более решительным действиям. Крестьяне Вымских волостей, имея под боком колоссальные лесные площади, не имели права пользоваться ими, чтобы заставить царское правительство предоставить эти леса в распоряжение крестьянства, жгли эти леса. Шергин, путешествуя в 1906-1907 гг. по Выми, указывал, что „в июне 1907 года, верстах в пятнадцати на северо-востоке от Серегова пылали вымские леса. Это горела дача Суркова, а ныне в июне пылали рядом с выгоревшей дачей казенные леса. Точь в точь продолжение прошлогоднего пожара. Надо заметить, что леса эти в стороне от деревень. Не правда ли, что-то подозрительно?—спросил я моего знакомого, служащего по лесной части. Поджигают, нарочно—ответил он. Какая же цель, разве паленый лес казна сплавляет дешевле.—Почти в одной цене, но лесное управление отводит делянки часто вдали от сплавных речек, в страшной глуши, откуда вывозка леса трудна до невозможности, а тут спалил где надо и дело в шляпе. Горелый лес казна должна сбывать как можно скорее, пояснил знакомый" **).

Экономическая борьба постепенно переходила в политическую борьбу, что мы видим в попытке крестьян Ижмо-Печорского уезда в организации крестьянского союза. Основным вопросом, который стоял перед крестьянским союзом, являлось разрешение земельного вопроса, ибо это являлось одним из кардинальнейших вопросов революции 1905 г., как первой буржуазно-демократической революции.

Решение 1 учредительного с'езда Всероссийского крестьянского союза (организованного 31-го июля 1905 г. в Москве)—конфисковать без права выкупа: монастырские, помещичьи, государственные, церковные, удельные, кабинетные земли—создало

*) Дело по описи № 7 1906 г. по канцелярии Архангельского губернатора о беспорядках в Печорском уезде—91 стр.

**). И. А. Шергин—Богатства Севера—80 стр. П. 1909 г.

большой авторитет вокруг этого союза. Этим обстоятельством и можно об'яснить тот факт, что крестьянство, не только центральной России, но и ее колоний, принимало участие через своих уполномоченных в работах 1-го крестьянского с'езда.

Организаторами этого союза как в центре, так и на местах являлись социалисты-революционеры, считавшие крестьянство в целом движущей силой революции 1905 года. Инициатором организации крестьянских союзов на территории Ижмо-Печорского уезда—как филиалов Всероссийского крестьянского союза—явился крестьянин Алексей Иванович Терентьев, который на очередном сельском сходе красноборского общества выступил с агитацией за создание на местах филиалов Всероссийского крестьянского союза. Печорский уездный исправник в своем рапорте на имя архангельского губернатора доносил, что А. И. Терентьев „дождавшись окончания назначенных к слушанию дел, встав на лавку, обратился к сходу с речью, в которой предложил учредить в состав всех волостей Печорского уезда крестьянский союз, с целью ходатайствовать перед государственной думой об отпуске крестьянам лесных материалов бесплатно и об освобождении их от натуральных повинностей по содержанию Устьцилемского и Койнасского земско-почтового тракта, избрать от Красноборского общества доверенного для переговоров об означенных, ходатайствовать с остальными четырьмя обществами Красноборской волости с тем, чтобы последние избрали таких же от себя доверенных для возбуждения вопроса на красноборском волостном сходе о присоединении к союзу и ходатайствам остальных шести волостей уезда". „Такое предложение Терентьева—читаем мы дальше в рапорте того же исправника,—было принято сходом сочувственно; приговор о союзе и ходатайствах состоялся, и Терентьев, согласно его же просьбы, был выбран сходом в доверенные" *).

Организовав крестьянский союз в Красноборском обществе, Терентьев едет в другие волости, чтобы склонить их на вступление во Всероссийский крестьянский союз. В Усть-Ижемском обществе он имел такой же успех, как и в Красноборском обществе. По требованию Терентьева—очередной сход крестьянства, назначенный на 21 октября—переносят на 10-е октября, на котором Терентьев выступил с докладом, конкретно об'яснил задачи и цели крестьянского союза и просил выделить своих уполномоченных. Доверенными от крестьян оказались выбранными местные крестьяне Прокопий Иванов, Канев, с которыми Терентьев едет в Щельяюрское сельское общество.

Приезд Терентьева в Щельяюрское общество, с целью агитации за вступление крестьян в крестьянский союз, вынудил сельскую администрацию сорвать выступление Терентьева и тем

*) Дело по описи № 7—1906 г. по канцелярии архангельского губернатора о беспорядках в Печорском уезде.

самым воспрепятствовать вступлению крестьянства в означенный союз. Сход, назначенный на 22 октября, сельская администрация по прямому распоряжению волостной администрации отменила, известив крестьян об отсрочке созыва схода на неопределенный срок.

Но массы крестьянства, с'агитированные Терентьевым и сочувствующие этой организации, решительно потребовали, чтобы сход был созван в указанное число. Печорский исправник в своем рапорте доносил тому же губернатору, что „после об'езда Терентьевым деревни и подговором крестьян сход по требованию последних состоялся в тот же день, но уже специально для решения вопросов, предложенных суждению крестьян Терентьевым, предложившим на сход приговоры Красноборского и Усть-Ижемского сходов. Одинаковый приговор постановил Щельяюрский сход, избрав в доверенные одно-общественника своего, Емельяна Федорова Ануфриева" *).

Терентьев с Е. Ф. Ануфриевым отправился в Няшебожское сельское общество, где, по требованию Терентьева, 24 октября состоялся сход крестьян. Крестьяне решили также примкнуть к крестьянскому союзу. Доверенным общества был выбран Егор Артемьев Чупров, с которым Терентьев „перебрался в последнее общество Красноборской волости, Брыкаланское, где тоже пытался собрать сход. В этом обществе сельский староста заявил Терентьеву, что в виду осенней распутицы сход состояться не может, но обещался собрать таковой через 2 недели" **).

Из этих данных мы видим, что идеи создания крестьянского союза, участие крестьянства в этом союзе—рассматривались как шагом вперед в борьбе с самодержавием за землю и волю. Но являлся ли крестьянский союз той организацией, которая действительно помогла бы крестьянству завоевать землю? Нет, не являлся. Если учредительный Всероссийский с'езд крестьянского союза вынес ряд радикальных решений по земельному вопросу, вроде конфискации помещичьих, государственных и церковно-монастырских земель без выкупа в пользу крестьянства, то первый Всероссийский с'езд крестьянского союза, собравшийся в ноябре 1905 г., в момент решительных боев пролетариата с царизмом и подготовки вооруженного восстания, вынес ряд резолюций, которые указывали на мирное разрешение земельного вопроса с помещиками и государством.

Тактика, которая рекомендовалась с'ездом для крестьянства в его борьбе за землю в форме мирного разрешения земельного вопроса, а также применение более „радикальных" мер—в форме отказа от аренды, от покупки земли и, наконец, земледельческой стачки и т. д., все это напоминало собою толстовскую тактику непротивления злу, чем революционное разрешение этого вопроса.

*) Дело по описи №-7-1906 г. по канцелярии архангельского губернатора о безпорядках в Печорском уезде

*) Там-же.

Попытка разрешить земельный вопрос мирными средствами—в условиях надвигающейся реакции после издания Октябрьского манифеста и перехода самодержавия в наступление против завоеваний рабочего класса,—ярко свидетельствовала о том, что крестьянский союз и его руководители социалисты-революционеры оказались неспособными на решительные действия против царизма, на насильственное отнятие крестьянством помещичьих и государственных земель. Эти решения крестьянского союза свидетельствовали о том, что социалисты-революционеры не были способны возглавить революционную борьбу крестьянства за землю и волю. Они оказались революционными только на словах, в своих воззваниях, в которых они призывали массы крестьянства активно бороться против русского самодержавия, а на деле, в момент, когда нужно было об'единение всех революционных сил России, в том числе революционного крестьянства, чтобы направить против царизма об'единенные удары рабоче-крестьянских масс—эсеры решили воздержаться от общего революционного выступления. Здесь именно эсеры показали свою настоящую буржуазную сущность, неспособную на революционное разрешение исторических вопросов.

Действительным вождем и организатором крестьянских масс для борьбы с самодержавием являлись социал-демократы. Усть-сысольская социал-демократическая организация, работавшая среди коми крестьянства, выпустила ряд воззваний, в которых призывала крестьянство бороться с русским самодержавием. Социал-демократия призывала крестьян к действительной революционной борьбе, к созданию революционных комитетов в деревнях, вместо эсеровских крестьянских союзов, к насильственному захвату помещичьих и государственных земель, к отказу платить за землю, к захвату власти на местах, к отказу от войны и т. д.

Именно, благодаря работе социал-демократической организации в Коми, мы видим ряд революционных выступлений коми крестьянства. Так, коми крестьяне, сплавляя лес для лесопильного завода „Стелла-Поляре", пред'явили ряд экономических требований по улучшению их экономического положения, т. е. увеличения заработной платы, уменьшения рабочего времени и т. д. Когда эти требования рабочих были отвергнуты и рабочие пред'явили требование о производстве расчета, „услужливая" администрация фирмы Стелла-Поляре, чтобы меньше платить рабочим, сделала подлог, подчистив в расчетных книжках действительный день поступления на работы, поставила на 4 дня позже действительного начала работы. Этот подлог так возмутил рабочих, что последние немедленно бросили работы по сплаву.

Стачка сплавщиков леса видимо не особенно понравилась фирме, ибо она била по карману иностранных капиталистов. Стелла просит приказчиков сообщить ему подробно, какие тре-

бования были выдвинуты рабочими и что предлагают рабочим его приказчики и в конце своих многочисленных телеграмм рекомендует приказчикам разрешить этот конфликт миром. Приказчики, нечистые на руку, факт подлогов в расчетных книжках скрывали от фирмы, и сам руководитель фирмы Стелла, узнав об этом факте от архангельского губернатора, телеграфирует в Ижму приказчику своей фирмы Евдокимову, что „чиновник Алашев лично доложил губернатору, что в расчетных книжках рабочих сделана подчистка и переделано число и что рабочие требуют только за 4 дня—за недоданное вследствие переправки числа и $^4/_5$ путевых. Телеграфируйте, в каком положении дело рабочих, кто из служащих сделал подчистки? Губернатор просит обратить внимание на такой поступок. Если по условию рабочих следуют дорожные деньги, то почему не выдаете? Стелла" *).

Это предложение о производстве расчета было сделано просто по формальным соображениям, чтобы, в случае чего, можно было свалить ответственность за стачку на своих приказчиков, подтверждается и тем обстоятельством, что его приказчики, несмотря на эти формальные предложения произвести расчет согласно договора—решительно отказались выплатить требование фирмы. Это в свою очередь заставило рабочих искать помощи у архангельского губернатора. 5 июня 1907 г. рабочие обратились к последнему с ходатайством, чтобы он дал в административном порядке распоряжение о производстве расчета 82 рабочим, выдать им, согласно договора, на путевые расходы деньги и продовольствие на дорогу, но и последовавшая телеграмма от губернатора на имя ижемского пристава о немедленном расчете забастовавших рабочих не имела успеха.

Рабочие, доведенные до отчаяния, обращаются в суд, предполагая, что суд встанет на сторону справедливых требований рабочих и заставит администрацию выполнять взятые на себя обязательства по выполнению заключенного с рабочими договора, но и здесь терпят полное поражение. 6 июня 1907 года состоялось решение судьи по иску рабочих. Последний всецело встал на защиту интересов фирмы, признав требования рабочих незаконными, а подчистки, сделанные конторщиками, недоказанными. Потерпев поражение в борьбе за улучшение своего экономического положения, вследствие об'единенного выступления местной ижемской администрации, приказчиков фирмы Стелла-Поляре и местного судьи Ижмо-Печорского уезда,— рабочие сплавщики и тут оказали энергичное сопротивление, отказавшись признать решение суда правильным, взяли расчет за проработанные дни и путевых по 2 рубля, согласно договора, и ушли по домам, оставив плоты несплавленными.

*) Дело по описи № 7 1907 г. по канцелярии архангельского губернатора о беспорядках в Печорском крае.

Такую же энергичную борьбу сплавщиков леса за улучшение своего экономического положения мы видим у крестьян, сплавлявших лес у другой иностранной фирмы „Ульсен Стампе и К°. Так, 15 мая 1907 г. „73 яренских рабочих, придя Пороменскую запань, самовольно взяли 4000 бревен леса, 2 конца снастей, 3 лодки, проплыли Ижму"*). Какие-же причины вынудили рабочих приплыть в Ижму, бросив плоты на произвол водной стихии? Оказывается, что здесь случилась такая-же картина нарушения договора с рабочими со стороны приказчиков, что и у Стелла-Поляре. Здесь также были допущены подчистки в расчетных книжках рабочих, нежелание администрации произвести расчет с рабочими, нежелавшими работать у капиталистов, нарушивших договора, заключенные с рабочими. Чиновник Алашев, посланный из Архангельска специально для выяснения всех вопросов в связи с ростом стачечного движения лесосплавов, доносил губернатору, что „приказчики Ульсена отказались уплатить сплавщикам Вологодской губернии путевые расходы, чем нарушили договор. Сплавщики прекратили работы, 80 человек в Ижме сидят без куска хлеба и денег. Нельзя-ли повлиять на Ульсена, удовлетворить законные требования рабочих, пока рабочие ведут себя скромно, но голод может довести их до преступления**).

Просьбы чиновника скорее урегулировать эти столкновения крестьян с капиталистами ярко свидетельствуют о той напряженной классовой борьбе, которая кипела в деревне, в частности в лесной промышленности. Отсутствие исторических документов о стачечной борьбе коми крестьянства на других бассейнах Коми края не дает нам возможности рассмотреть эту борьбу и на других участках Коми. Последнее станет возможным после изучения волостных архивов за соответствующие годы, которые несомненно дадут обильный материал по истории классовой борьбы коми крестьянства против иностранной и русской буржуазии.

Коми крестьяне в революцию 1905-1907 г. г. боролись не только против власти капиталистов, но и попов, эксплоатировавших крестьян не хуже, чем это делали казна и помещики. Рассматривая свои назначения с точки зрения экономической выгодности „как место злачное и обильно благами зело", где можно было бы жиреть за счет эксплоатации мирян, попы не только открыто грабили крестьян, извлекая с последних за крестины, за похороны, венчание деньгами, продуктами, но старались всеми возможными средствами обзавестись общественной землицей, путем покупки, аренды, прямого захвата. А. И. Терентьев, на Устьижемском сходе, отражая недовольство крестьян местным священником Владимиром Колмаковым,

*) Дело по описи № 7, 1907 г. по канцелярии архангельского губернатора о беспорядках в Печорском крае, 35 л.

**) Там-же, 36 л.

который за всякую мелочь по „духовному обслуживанию" крестьян драл столько, сколько ему думалось, потребовал от схода, чтобы сход вынес приговор, ограничивающий эксплоататорские тенденции попа путем установления таксы на требы от 1 руб. до 3 рублей. Мнение Терентьева было поддержано почти всем сходом и сход вынес постановление, ограничив право попа взимать за церковные требы свыше 3 рублей. Этот приговор бедняцко-середняцких масс крестьянства, естественно, был встречен в штыки со стороны попов волости и вскоре начальником по крестьянским делам был отменен, как незаконный. Когда тот-же поп В. Колмаков обратился с ходатайством к сходу о наделении его дополнительной землей, то Терентьев, выступив на сходе, указал, что никаких дополнительных наделов поп не получит, и что если попу мало земли, то у него и это необходимо отобрать и передать тем, кто ее совсем не имеет, а поп может обойтись и без земли.

Рабочие и крестьянские массы выступали не только против попов, но и религии, которая отравляла ядом классового примирения сознание рабоче-крестьянских масс и вместо борьбы с эксплоататорами, звала массы трудящихся к смирению и терпению. Николай Иванович Цивилев, работая в деревне Кируль, у местной церкви агитировал перед рабочими, что „никакого бога нет, и бога люди выдумали сами, что нет также никакого царства небесного и оно наступит тогда, когда народ возьмется за ум, свергнет самодержавие и будет управлять сам"*).

Отмечая вред религии, которая отравляет классовое сознание рабочего класса и крестьянства, Цивилев Н. И., на замечание Евгения Шумилова о красоте церковной ограды и церкви, указал, что и „эту ограду нужно разрушить, потому что ни к чему она сделана, да и самую церковь нужно разрушить, а на месте ее построить хороший дом"**).

За эту агитацию Н. И. Цивилев, по доносу сторожа устьсысольского народного дома М. С. Габова и нижнего чина Евгения Шумилова, был арестован и предан суду.

Борьба коми крестьянства, в революцию 1905 года была направлена не только против экономического гнета, который они терпели от правящих классов, но и за установление политических свобод, за свободу союзов, собраний, печати, за 8-мичасовой рабочий день и за свержение русского самодержавия.

---

*) Дело № 55-1905 г. Прокурора Вологодского Окружного Суда о мещанине гор. Устьсысольска Степане Осипове Латкине, Александре Иванове Бессонове, запасном нижнем чине Николае Иванове Цивилеве и канцелярском служителе Устьсысольского казначейства Василии Степанове Юрьеве, обвин. по 2 п. 129 ст. Угол. Улож.

*) Там-же.

Организовавшаяся в Устьсысольске эсеровская партия в своей прокламации „В борьбе обретешь ты право свое" ярко вскрыла бесправное положение коми крестьянства, „500 лет прошло,— читаем мы в этой прокламации, выпущенной эсерами в марте 1907 года,—как русская земля свободно вздохнула от татарского ига. Но, не долго русскому народу пришлось радоваться избавлению от внешних врагов. Скоро его положение стало чуть ли не хуже, чем было раньше, при владычестве татар: народ попал в еще более тяжелое и позорное рабство, в рабство к помещикам, купцам и чиновникам".

Коми крестьяне открыто выражали свое недовольство существующим политическим строем А. И. Терентьев на ижемском сходе указывал, что „правительство грабит крестьян, на эти деньги содержит уйму чиновников, которые получают большие оклады". „Кроме того даже няньки у чиновников получают жалованье от казны" и что надо просить государственную думу сбавить таковые. Эти указания Терентьева были понятны крестьянству. Налоговой пресс правительства к моменту революции 1905 г. настолько усилился, что драли с крестьянства за всякую мелочь, вследствие чего бедняцко-середняцкие массы крестьянства оказались совершенно неплатежеспособными, что выразилось и в росте недоимок.

По отдельным деревням мы также видим выражение недовольства против русского самодержавия. Еще в начале русско-японской войны крестьянин Устьсысольского уезда, Вотчинской волости и села, Петр Мартынов Другов ругал первого помещика в России—царя площадной бранью, при чем указывал, что „Если бы государь был здесь, то он его убил бы" *). В другой раз тот же П. М. Другов, после ряда оскорблений членов царствовавшего дома, при аресте его нижними полицейскими чинами, обращаясь к ним дал им чрезвычайно ценную характеристику: „Вы, слуги царские—все сволочи и собаки. И государь ваш сволочь и собака"**).

Устьсысольская администрация, замечая частые выступления Другова, направленные против русского самодержавия, и, чтобы показать населению, что в лице Другова массы видят не ненавистника существующего царского строя, а умалишенного, который, благодаря своей ненормальности, и делает подобные выступления, поместила его в Кувшиновскую психиатрическую лечебницу в Вологде для определения состояния его умственных способностей. По испытании „последнего в Кувшиновской лечебнице для душевно-больных врач высказал заключение, что Другов в настоящее время психически здоров, но, с другой

**) Дело прокурора Вологодского Окружного Суда о крестьянине Петре Мартынове Другове, обвин. по 246 и 248 ст. ст. Угол. Улож.

*) Там же.

стороны, в нем замечаются физические признаки вырождения (главным образом ненормальная форма черепа)" *).

Таким образом, чтобы смягчить эти революционные выступления крестьян по отдельным селениям, царская администрация об'являла их сумасшедшими и упрятывала по психиатрическим больницам. Политический гнет русского самодержавия, выражавшийся в том, что рабоче-крестьянские массы не могли свободно выражать свои мнения, критиковать жандармско-чиновничий произвол, иногда за самое невинное слово, асказанное по адресу полиции или жандармерии, предавал суду и высылал в места более отдаленные. Крестьянство под влиянием социал-демократической организации приходило к мысли, что единственный путь изжить это положение—есть путь борьбы с самодержавием, что только свергнув русское самодержавие и установив буржуазно-демократическую республику, рабочий класс и крестьянство получат более широкие возможности борьбы за социалистический строй, в форме свободного существования различных политических партий, свободы союзов, печати, собраний. Поэтому коми крестьяне принимали активное участие в выборах во вторую государственную думу, рассматривая деятельность членов государственной думы, как одно из средств политической борьбы рабоче-крестьянских масс с русским самодержавием, чтобы дальше продвинуть революцию, подчиняя парламентскую деятельность общим задачам рабоче-крестьянских масс в эпоху буржуазно-демократической революции. Об этом свидетельствует и та политическая сознательность, с какой крестьяне отдаленной Печоры давали советы и наказы своим выборным. На 24 января 1907 года на выборы двух представителей в губернское избирательное собрание, для выбора членов государственной думы II созыва, с'ехались в Устьцильму уполномоченные от всех 14 волостей Печорского уезда. Корреспондент газеты „Архангельск" указывает, что „Идея народного представительства сильно интересует местное население. —Мне приходилось говорить,—пишет дальше корреспондент,—с некоторыми там уполномоченными. На мой вопрос: „Кого думаете выбирать",—мне ответили: „Нужно выбирать такого человека, который бы там, в губернии, не зевал, а смотрел, чтобы в думу попал наш брат, т. е. такой, который умел бы постоять за нас, бедняков-крестьян, а не за богачей" **).

Здесь крестьяне чрезвычайно четко и ясно указали свои классовые задачи—выдвинуть в члены государственной думы крестьянина, который будет защищать интересы деревенской бедноты. Тот же корреспондент указывает, что на волостном сходе в Кедве, когда избрали уполномоченного, крестьяне дали

*) Дело Прокурора Вологодского Окружного Суда о крестьянине Петре Мартынове Другове, обв. по 246 и 248 ст. ст. Угол. Улож.

**) Газета „Архангельск" № 42, 7 февраля 1907 г.

наказ своим выборным: „Смотрите, выбирайте стойкого человека, чтобы не испугался он штыков и нагаек, а боролся бы за землю и волю для всего народа" *).

Эти данные ярко свидетельствуют о том, что крестьяне не рассматривали участие в работах государственной думы как наилучший способ управления страною, а видели в нем как средство борьбы за землю и волю, подчиняя свое участие в государственной думе для осуществления обще-демократических задач.

Выбранными оказались Григорий Иванович Терентьев, старшина Красноборской волости—прогрессист и М. Н. Хозяинов—крестьянин с. Мохчи, тоже прогрессист, причем оба коми.

Партийные организации в Коми.

Ко времени революции 1905 года социал-демократических организаций, кроме отдельных социал-демократов, в Коми не было. Партийные организации начали создаваться уже в самый период революции 1905 года из отдельных лиц, находившихся в политической ссылке в Коми. „Политическая деятельность социал-демократов состоит в том—пишет В. И. Ленин,—чтобы содействовать развитию организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, „бунтов" и стачек в организованную борьбу всего русского рабочего класса, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России" **).

В начале революции 1905 г. мы видим в Устьсысольске уже сорганизовавшуюся группу РСДРП. Группа выпустила за время революции 1905-1907 г. ряд прокламаций, в которых знакомила рабочих и крестьян с переживаемым политическим моментом, мобилизовала внимание трудящихся к основным политическим вопросам, являвшимся наиболее актуальными, и призывала их активно бороться за учредительное собрание, за 8-часовой рабочий день, за политические свободы: свободу печати, собраний, слова, союзов и т. д.

В одной из прокламаций, обращенной к „запасным солдатам", устьсысольская социал-демократическая группа мобилизовала внимание рабочих и крестьян Коми вокруг созыва учредительного собрания. „Много у нас неправды и зла от царского

*) Газ. „Архангельск" № 24, 7 февраля 1907 г.

**) В. И. Ленин. Сочинения, том I, изд. 2 „Что такое друзья народа" 193 стр. М. 1926 г.

правительства:—читаем мы в указанной прокламации,—пока народ сам не добьется нового управления—учредительного собрания. Пусть каждый гражданин помогает в этой борьбе стоящей во главе их социал-демократии. Пусть солдаты и запасные станут за своих рабочих и крестьян и направят штыки и ружья против своих притеснителей и палачей, как это сделали недавно севастопольские матросы. Рвите свои цепи, освобождайтесь. Долой царское самодержавие, долой войну, да здравствует учредительное собрание" *).

В другой своей прокламации, выпущеной ею в г. Устьсысольске, устьсысольская группа РСДРП мобилизовала внимание рабоче-крестьянских масс вокруг русско-японской войны, именуя ее империалистической, нужной царю, его министрам, купечеству для завоевания Манчжурии в качестве рынка для сбыта гнилых товаров русских капиталистов.

Указывая, что мужика совсем разорили всевозможными налогами, прокламация призывала рабочих и крестьян в Коми не итти на войну, бороться против всякого произвола. „Вас может быть будут заставлять стрелять в рабочих, называя их бунтовщиками, но вы тогда стреляйте по тем, кто будет вас заставлять . Они истинные ваши враги. Помните, рабочие не ваши враги, а враги ваши те, кто живет вашими трудами. Вам будут командовать „бей рабочих". Вы кричите мощным голосом „Бей полицию", „Долой министров", „Долой самодержавие", „Да здравствует политическая свобода" **). (На подлиннике печать соц.-демокр.).

Другой партийной организацией, которая работала в Коми, в частности в гор. Устьсысольске, являлась партия социалистов-революционеров, организовавшаяся приблизительно к тому же времени, что и социал-демократическая группа. Последняя развивала свою работу главным образом среди крестьянства, привлекая для агитации среди крестьянства наиболее передовые слои деревенской интеллигенции, которые и вели агитацию среди крестьянства. Печорский исправник доносил архангельскому губернатору, что „крестьянин Кедвинской волости и села Афанасий Денисов Сметанин письменным заявлением заявил приставу 2 стана, что крестьянин той же волости и села Григорий Тимофеевич Рочев, на крыльце дома Кедвинского волостного управления в присутствии двух сходчиков, крестьян деревни Картальской, Ивана Степанова Сметанина и Григория Александрова Сметанина, выразился дерзкими словами, сказав, что государь император „душегубник" ***).

---

*) „Дело прокурора Вологодского окружного суда за 1905 г. о найденных в г. Устьсысольске прокламациях в ночь на 14 июля" 3 л.

**) Там же, 2 л.

***) Дело по описи № 7 по канцелярии архангельского губернатора о беспорядках в Печорском у., 2 л.

Этот же Рочев распространял среди крестьянства различные прокламации. Кедвинский волостной писарь Максим Иванович Лобанов указывал, что „летом минувшего 1905 года он видел у Григория Тимофеева Рочева 2 листа неизвестно где им добытых прокламаций самого преступного содержания, подстрекающие крестьян к бунту, неповиновению властям, поставлениям от правительства, и непризнанию верховной самодержавной власти“ *).

Политический ссыльный Антон Демидович, эсер, живший в селе Среднебугаевском, агитировал среди крестьян, что государь император скоро будет убит революционерами, при этом указывал, что „он уедет в село Устьцильму и получит там с почты и оттуда привезет в Бугаево целый ящик револьверов и с товарищами учинит большое кровопролитие, будут убиты исправник, становой пристав и другие чины полиции“ **).

Социалисты-революционеры агитировали и среди ненцев. Печорский уездный исправник доносил архангельскому губернатору, что полицейский урядник II участка, Авдушев, летом сего года проходя в село Среднебугаевское мимо квартиры политического ссыльного Федора Милосердова, слышал через открытое окно, что Милосердов сказал сидевшему с ним в комнате самоедину Ивану Гурьеву Вылко: „Государь скоро будет убит“. В другой раз он же, Авдушев, подошел, на улице того же села к Милосердову, разговаривавшему с местным крестьянином Михаилом Яковлевым Кисляковым, и слышал как Милосердов выразился: „Все равно государя убьют, мы получим транспорт оружия и дадим вам“ ***).

Эсеры, работавшие среди крестьянства, чрезвычайно много уделяли внимания террору. Вся их агитация, как мы видим выше, была построена на том, что государь-император, исправник, становой будут убиты и что положение крестьянства от этого улучшится. Таким образом, на ряду с устной агитацией и распространением политических прокламаций, эсеры проповедывали крестьянству и метод террора в борьбе с капиталистами. Политический ссыльный, проживавший в городе Устьсысольске, Александр Давидович Добромильский занимался не только распространением различных эсеровских прокламаций и литературы, но и приготовлением взрывчатых бомб большой разрушительной силы. Товарищ прокурора по Устьсысольскому и Яренскому уездам писал прокурору Вологодского окружного суда, что „А. Д. Добромильский получает из разных мест прокламации и оружие, учится делать бомбы большой разрушительной силы, для чего выписывает бертолетовую соль, гремучую ртуть, пироксилин и динамит. Тот же Добромильский имеет

*) Дело по описи № 7 по канцелярии архангельского губернатора о беспорядках в Печорском у., 2 л.

**) Там же, 68 л.

***) Там же, 6 л.

намерение агитировать среди новобранцев, внушить им деяния, противные присяге. При обыске у него найдены: 1 экземпляр прокламации „Памяти погибшим товарищам", 1 экземпляр прокламации РСДРП „Чему учат социалисты-революционеры", бюллетень ЦКПСР" *).

Большое количество прокламаций при аресте было найдено у политического ссыльного Михаила Ивановича Ткаченко, который распространял по городу Устьсысольску воззвание бывших членов государственной думы „Народу от народных представителей", причем у Ткаченко было отобрано найденных 13 экземпляров, Ф. Данил. Бардника 8 экз." **).

Эсеры в деле распространения нелегальной литературы среди крестьянства пользовались и силами учащихся городского училища. Полицейский урядник 1 стана Устьсысольского уезда, от 23 апреля 1907 г. за № 40—доносил приставу 1 стана Устьсысольского уезда, что 22 апреля, в день святой пасхи, ученик Устьсысольского городского училища из крестьян Устьсысольского уезда, Визинской волости, деревни Кочан-Ибский, Степан Иванов Семенчин привез с собою в деревню для распространения нелегальную литературу. Из привезенной литературы 2 книги он отдал Ивану Григорьевичу Безносову (Безносов затем донес об этом уряднику. В. П.) и одну прокламацию. Излюбленной песней молодого революционера в деревне являлась популярная песня, которая пелась революционно-настроенной частью интеллигенции „Вся Россия тоскует, а Николка вином торгует" ***).

Из переписки видно, что С. И. Семенчин часто бывал в городе на квартире политического ссыльного Золенштейна и, естественно, впитывал в себя все те революционные идеи, которые вкладывал в него Золенштейн. Семенчин настолько оказался пропитанным революционными идеями, что не только открыто распространял нелегальную литературу, пел в деревне революционные песни, но и ученические его тетради оказывались полны разными революционными песнями. Кроме того, довольно большая синяя тетрадь оказалась вся исписанной, куда им были переписаны целые брошюры—„Молодая Россия", „Тайные общества", „Утопический социализм", „Царь и незыблимость основных законов Российской империи",—прокламация „Крестьяне и рабочие".

Как эсеры, так и социал-демократы вели большую работу и среди солдат. Социал-демократы выпустили два специальных воззвания, в которых призывали солдат и запасных нижних чинов, в случае, если получат приказание от начальства применять огнестрельное оружие для подавления революции, обратить это ору-

*) Дело 1907 г. прокурора Вологодского Окружного Суда о политическом ссыльном А. Д. Добромильском, 1 л.

**) Дело № 43—1907 г. прокурора Вологодского Окружного Суда.

***) Дело № 129—1907 г. Прокурора Вологодского Окружного Суда — о Степане Иванове Семенчине.

жие против царского правительства и его отдельных чиновников, работающих над удержанием первой русской революции.

23 мая 1906 г., когда командир роты на плацу производил учение с первым взводом и об'яснял ратникам „кто такой ратник", заставил всем хором повторить за собой—„Ратник тот же солдат, верный сын своему самодержавнейшему отцу,—государю и отечеству"—к взводу подскочил политический ссыльный Данил Андреев Маслюченко, который указал командиру, что „нельзя так учить, так как никакого царя нет и они народу служат" *).

О том, что нижние чины устьсысольского гарнизона были втянуты в политику, свидетельствует не только распространение среди них социал-демократической литературы, но и посещение ими народного дома, в частности читальни, посещение ими собраний и т. д., о чем, конечно, преданные полиции лица замечали и доносили кому следовало. Так, сторож народного дома Матвей Степанов Габов рассказывал, что „14 июля 1905 г. утром он заметил, что квартирующие в народном доме запасные нижние чины читали какие то бумаги и вели по этому поводу оживленные разговоры. При приближении Габова, запасные прекратили разговоры, и один из них, положив листки в карман, вышел из народного дома" **).

Распространение эсеровской прокламации — „В борьбе обретешь ты право свое", — наделавшей столько шума в Устьсысольске и больших хлопот местной полиции и жандармерии—было частично выполнено нижними чинами устьсысольского гарнизона. Это ясно говорит о том, солдаты местного гарнизона были втянуты в революцию и ей сочувствовали.

Довольно большая группа социалистов-революционеров организовалась в Ювчимском заводе, где в течение всей революции 1905-1907 г. мы видим ряд демонстраций. Эта группа начала складываться с 1907 г. при участии и некоторых социал-демократов, например, тов. Орехова (Иваново-вознесенский рабочий—впоследствии большевик) и других.

М. Попов, в своей заметке „О политическом прошлом Ювчима" указывает, что первое нелегальное собрание, организованное по инициативе политических ссыльных, произвело на рабочих неизгладимое и сильное впечатление.

Это было в феврале 1907 г. Заранее были приглашены на это собрание более надежные рабочие. Состоялось оно вечером при слабеньком освещении, в 1/4 версты от завода, за мельницей, на конном дворе. Участвовало до 30 рабочих. В качестве докладчиков выступали приехавшие из Устьсысольска тов. Владимиров (студент учительского института, эсер,) Орехов (Иваново-вознесенский рабочий, социал-демократ, впоследствии больше-

*) Дело № 21—1906 г. Прокурора Вологодского Окружного Суда о Д. М. Маслюченко, по обв. его по 129 стр. Угол. улож.

**) Дело пр. № 55—1905 г. прокурора Вологодского Окружного Суда.

вик) и Лодыгин Н. (и теперь проживающий в г. Устьсысольске, тогда эсер). В апреле, в том-же сарае, проводилось собрание, также при участии Лодыгина и Бучинского (студент юридического факультета Харьковского университета, эсер), где было уже не менее 80 человек рабочих" *).

Нювчим, как крупнейший рабочий центр, представляющий собой большую организованную силу для борьбы с русским самодержавием—привлекал внимание представителей почти всех политических партий, начиная от социал-демократических, эсеровских и кончая анархической. М. Попов указывает, что „В 1907 г. Орехов (соц.-демократ) проводил собрание в литейном цехе; анархистка-террористка, носившая кличку „Гутя" устраивала собрание-митинг в лесу, в местности под названием „Курья," около кладбища. Очевидно, оказалось на рабочих и ее влияние, так как некоторые из них в одно время деятельно готовились взорвать квартиру устьсысольского исправника Баженова. Приготовлены были на заводе разрывные бомбы для этой цели, но по неизвестным причинам этот террористический акт не состоялся" **).

Заинтересованность рабочих политической борьбой, их желание свергнуть русское самодержавие и осуществить буржуазно-демократический строй вызвали стремление рабочих создать и политическую партию для осуществления указанных задач.

Отсутствие достаточного количества социал-демократов и преобладающее количество эсеров, посещавших Нювчимский завод—дало перевес сил на заводе партии социалистов-революционеров, которые в 1907 г. организовали ячейку эсеровской партии, во главе с дьяконом Кашиным, который, благодаря отсутствию социал-демократов на заводе, почти полностью овладел рабочим движением, чтобы в дальнейшем предать это движение, расстроить его так, чтобы оно больше не возрождалось, как это было сделано и попом Гапоном, предавшим рабоче крестьянские массы 9 января 1905 г. Рабочие, работавшие с Кашиным, не разглядели в нем классового врага, основной задачей которого было разбить рабочее движение в Нювчиме. Работая среди крестьянства, эсеры не смогли мобилизовать крестьянские массы на более серьезную борьбу с самодержавием, в форме поддержки крестьянством подготовлявшегося большевиками в Москве и Петербурге вооруженного восстания для захвата власти и установления временного революционного правительства и созыва учредительного собрания, для определения формы правления в России. Этим они и показали свою мелко-буржуазную сущность неспособную на решительные и организованные выступления на царизм.

---

*) Попов М. Заметки о политическом прошлом Нювчима, ж „Коми му" № 10-11 (44-45) 1907 г., 60-61 стр.

**) Там же, 61 стр.

Вождем, способным возглавить борьбу рабоче-крестьянских масс с царизмом, являлась социал-демократия, которая, как мы уже видели выше, работала среди рабочих, крестьян и солдатов и в своих прокламациях давала большевистские лозунги о поддержке рабочими и крестьянами коми революционной борьбы московских, питерских и иваново-вознесенских рабочих, борющихся с царизмом по установлению демократического строя в России. Социал-демократия, в отличие от эсеров, стремилась организовать крестьян и солдат и повести их с пролетариатом на низвержение русского самодержавия и установления демократического строя. Она призывала создавать революционные комитеты, захватить не только государственные и частновладельческие земли, но и политическую власть на местах—путем вооруженного восстания.

Кашиновщина, как своеобразная гапоновщина.

Развитие и углубление рабочего движения на Нювчимском заводе, в связи с собраниями в лесу, в цехах, мастерских, организованных социал-демократами и эсерами, показало жандармерии, что Нювчимский завод является огромной и мощной силой для борьбы с русским самодержавием, который при поддержке остальных Кажимских горных заводов и рабочих других промышленных предприятий и крестьянства представлял силу, способную взять власть в свои руки.

Поэтому жандармерия через своих тайных агентов знала о революционных настроениях рабочих завода, о их тайных собраниях, устраиваемых в цехах, в лесу, в сараях и готовящейся организации ячейки партии социалистов-революционеров и, зная популярность дьякона Кашина — способствовала выдвижению его в руководители ячейки партии эсеров. Вот речь „руководителя" эсеровской ячейки, дьякона Кашина: „Товарищи! Вы конечно знаете о том, что революция, вспыхнувшая в прошлом 1905 году, несмотря на предупредительные меры царского правительства (обыски, аресты, расстрелы и виселицы), всколыхнула народные массы и заставила их иначе смотреть на окружающую обстановку. Особенным проявлением этого „революционного духа" отличаются, естественно, рабочие, как наиболее угнетенный и эксплоатируемый класс. Сейчас на всех фабриках и заводах, не исключая даже мелких, организуются так называемые комитеты и общества взаимопомощи. Целью этих комитетов является учиться самим и учить других, с тем, чтобы постепенно находить и выделять из своей среды наиболее активных и стойких борцов для революционного дела. Я полагаю, что и у нас, в Нювчимском заводе, необходимо по примеру других организовать такой комитет. Фактически это будет конечно революционный комитет, юридически-же мы должны будем назвать его „обществом трез-

вости". Для организации комитета мы, естественно, не можем получить разрешения от начальства (то будет подпольная организация), тогда как в организации общества трезвости мы найдем от них даже поддержку. Под видом общих собраний общества трезвости мы будем проводить на самом деле собрания революционные. Я упустил из виду предупредить о том, что и настоящее собрание является конспиративным. Поэтому все присутствующие должны сохранить все то, что здесь говорилось, в тайне. Итак, товарищи, я призываю вас исполнить свой долг перед революцией и смело войти в ряды революционных борцов на борьбу за народное дело. Долой самодержавие: у меня здесь есть обязательство, которое вступающие должны подписать. Это будет своего рода список, по которому мы будем знать количество своих членов". Свою довольно большую речь коми Гапон закончил следующими словами: „Большинство из присутствующих повидимому вступили в организацию. Приветствую от всей души новых членов партии социал-революционеров. Должен заявить, что все подписавшие обязательство считаются отныне членами партии С-Р и, как таковые, должны подчиняться мне, как партийному организатору"*).

Уже это первое выступление дьякона Кашина свидетельствовало о том, что рабочие Нювчима имеют перед собой не вождя-революционера, а агента, который стремился идеологически овладеть рабочими завода и захватить в свои руки все движение. Здесь мы абсолютно не видим никаких конкретных задач-которые предполагал осуществить организатор эсеровской ячейки. Нет в его выступлениях и призывах к борьбе для осуществления обще-демократических задач, как то: установления 8-ми часового рабочего дня, осуществления свободы печати, собраний, союзов, во имя осуществления которых рабочие России и ее колоний организовали революцию. Наоборот, дьякон Кашин, вместо призыва к борьбе с капиталистами (за демократический строй и за социализм), выступил в качестве проповедника классового мира. Он не только призывал рабочих бороться с заводчиком, но, организуя рабочих под фирмой „Общества трезвости", думал получить от капиталистов поддержку в таком благом начинании. Уже один тот факт ,что организация существовала не нелегально, а открыто, пользовалась помощью завода в смысле удовлетворения ряда рабочих требований — ясно свидетельствовал о том, что дьякон Кашин являлся ставленником местной администрации и жандармерии.

В этом убеждает нас целый ряд фактов. Прежде всего, когда рабочими был поставлен вопрос об организации боевого комитета, то в самый боевой комитет вошли наиболее малограмотные и политически малоразвитые рабочие, а более

*) М Попов— Заметки о политическом прошлом Нювчима ж. „Коми му". № 10-11 (44-45) 1927 г. 61-62 стр

сознательные и политически выдержанные рабочие не попали в боевой комитет ячейки. М. Попов указывает, что „Боевой комитет был организован вскоре после организации самой ячейки и состоял преимущественно из товарищей, наиболее отсталых и неразвитых. Исключение только составляли разве братья Улитины, а все остальные были неграмотны. Кроме того это были люди „боготворившие" Кашина и целиком ему преданные. Не мудрено, почему их подобрал Кашин, человек в высшей степени властолюбивый. Под его командой только и могли быть такие люди. В задачи их входила почетная для „революционеров" роль меченосцев партии. Они занимались только тем, что пороли провинившихся по их мнению членов партии, жгли для чего то леса, разрушали заводские сооружения и т. д. Словом, по действиям их можно было скорее считать бандитами, чем революционерами, и на самом деле это были бандиты, во главе с атаманом в рясе Кашиным" *).

Подбирая коллектив боевой дружины из неграмотных и политически отсталых рабочих, дьякон Кашин тем самым создавал преданный ему коллектив, который можно было бы руководить в нужном направлении, который можно было бы использовать для дискредитации идей революции 1905 года и самих революционеров. Чем иным являются бандитские действия боевой дружины, выражавшиеся в сжигании леса, в разрушении заводских сооружений, как не своеобразным методом отпугивания сознательных рабочих от революционной борьбы, как не дискредитированием идей революции, которые по справедливому выражению М. Попова представляли настоящих бандитов, во главе с атаманом в рясе Кашиным.

Чтобы отпугнуть нювчимских рабочих от организации, Кашин ввел суды и экзекуции для наказания провинившихся в чем либо рабочих, не только принадлежащих к „партии" эсеров, но и посторонних рабочих. Попов дает следующую картину обстановки суда: „Поздняя ночь в лесу. Сажень за 100 от места суда стоят двое или трое, смотря по важности преступника, „боевиков", с закрытыми капюшоном лицами, вооруженными ружьями и револьверами. Подошедшего преступника берут под обе руки и ведут перед грозные очи суда. Все судьи также с закрытыми лицами. Только один председатель держится открыто. После допроса суд сразу же выносит решение (заранее приготовленное) и сейчас же приводит в исполнение. Во время допросов тут же приготовляются орудия казни: подвязывание петли на сук дерева и т. д. Повешенных, конечно, не было, приготовления делались, очевидно с целью застращивания), случаев же избиения, порки сколько угодно. Наказанные (например, Василий Карманов) возвращались домой почти без языка"**).

*) И. Попов—Заметки о политическом прошлом Нювчима, ж. „Коми му", № 10-11 (44-45) 1927 г. 63 стр.

**) Там же, 63 стр.

Какую цель преследовали суды, введенные Кашиным, экзекуции, застращивания виселицей и т. п.? Исключительно ту, чтобы отпугнуть самих членов эсеровской ячейки от организации, чтобы этим путем взорвать эту организацию изнутри. И, действительно, эта миссия Кашиным была выполнена блестяще. „Целый ряд рабочих, подвергавшихся гонению боевиков, был вынужден бежать из завода и устраиваться для работы на других заводах. Общее собрание членов организации, состоявшееся в избушке, около выжигательных печей, зимой 1908 г. было заключительным. Все рядовые члены ячейки решительно заявили о своем выходе из партии. Остался один боевой комитет (надо было игру доводить до конца, В. П.), но и он развалился в связи с выездом из завода Кашина *).

Провокатор дьякон Кашин, как и петербургский поп Гапон, работал без сомнения по заданию охранки, ибо вся его работа состояла в том, чтобы идеологически и фактически овладеть революционным движением рабочих и организованно его уничтожить.

Кашиновщина и являлась своеобразным методом борьбы с рабочим движением, выработанным охранкой. Охранка, имея во главе Кашина—могла знать, что делается в организации, настроение рабочих. Участие в организации самого управляющего Нювчимским заводом Косолапова П. Ц.—(сына управляющаго всеми тремя Кажимскими заводами)—на квартире которого составлялись прокламации для размножения по деревням —Шошке, Пажге, Гарье, Лозыми, Ибу и печатались на гектографе в доме Кашина и управляющего заводом Косолапова,— еще раз свидетельствует о том, что эта организация была направлена против рабочих и революции.

Как и гапоновская организация, Кашин в практической работе выдвигал экономические требования, „настаивал перед администрацией об облегчении труда рабочих. Управитель завода Косолапов П. Ц. (человек либерально настроенный) пошел навстречу требованию рабочих и, несмотря на ярое сопротивление его отца, проживавшего в то время в Кажиме, освободил рабочих литейщиков от чистки литья. Это считалось тогда огромнейшим достижением“ **).

Таким образом, провокатор Кашин работал в тесном контакте с заводской администрацией, отвлекая внимание рабочих завода от политической борьбы к экономической борьбе. Имея своей целью овладеть рабочим движением, подобно попу Гапону, Кашин входит в доверие политических ссыльных, которые и выдвигают „в роли организатора эсеровской ячейки (местного дьякона Кашина“ ***). То, что до своего выдвижения на пост

*) М. Попов—Заметки о политическом прошлом Нювчима, ж. „Коми му“, № 10-11 (44-45), 64 стр.

**) Там же, 62 стр.

***) Там же, 61 стр.

руководителя эсеровской организации на заводе Кашин предложил свои услуги охранке, то в этом не было никакого сомнения. Ведь работал же поп Гапон в охранном отделении. Попы, по своей должности должны были ставить в известность соответствующее начальство о всем, что угрожало существованию самодержавного строя, о политической деятельности отдельных лиц и т. д. Исповеди служили хорошим методом получения нужных сведений от набожных рабочих и крестьян, когда поп, под видом христианского смирения и прощения грехов, выпытывал от исповедывающихся верующих, нет ли где крамолы и т. д. В эпоху революции 1905-1907 г. в охранке работали не только попы, но и многие профессора. Так, с предложением своих услуг явился к начальнику Московского охранного отделения Зубатову известный в России профессор Озеров, который получал инструкции от Зубатова в деле борьбы с крамолой. В зубатовских организациях работали и рабочие, привлеченные им на свою сторону. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Кашин оказался провокатором, который вошел в эту организацию, для того, чтобы разбить это движение в корне. Это ему удалось выполнить, потому что в Нювчиме в это время не оказалось социал-демократов. Без социал-демократического руководства наиболее сознательная часть рабочих начаал оставлять завод и переходить для работы на другие заводы края.

Разложив эсеровскую организацию, разогнав наиболее политически развитых и сознательных рабочих, коми Гапон—дьякон Кашин—был произведен в священники и поехал в Олонецкую губернию морочить головы рабочих и крестьян.

Основные причины поражения и значение революции 1905-1907 г. г.

Поражение революции 1905 г. об'ясняется целым рядом причин. Основной и главной причиной поражения революции 1905 года является то, что удары рабоче-крестьянских масс не были облечены в единое организационное целое. Царское правительство, пользуясь разрозненностью рабоче-крестьянского движения, первоначально нанесло удар по рабочему движению, а затем расправилось с теми крестьянскими волнениями, которые вспыхнули после поражения революции 1905 года.

„Крестьяне,—пишет В. И. Ленин—действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно энергично вели наступление, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции“ *).

Другой важной причиной, способствовавшей поражению революции—было поражение московского вооруженного вос-

*) В. И. Ленин, о революции 1905 года Изд. Моск. раб. 24 стр. М. 1931 года.

стания и провал подготовки петербургского вооруженного восстания, подавление коих быстро сказалось и в Коми. Немедленно после поражения вооруженного восстания начинаются аресты, обыски, преследования и т. д.

Не менее важной причиной поражения революции 1905 года явилась в общем и пассивность армии, которая в нужный момент не поддержала рабочее и крестьянское движение и оказалась в сфере влияния монархической власти. Выступление отдельных героических частей армии, сочувствие революции солдатских масс—не могли повлиять на общий ход революционной борьбы.

Крупную роль в поражении революции 1905 года играл и иностранный капитал. Парижская биржа, на второй день после подавления самодержавием московского вооруженного восстания, предоставила русскому правительству миллиард рублей золотом для борьбы с революцией.

Почему французские банки дали деньги именно на второй день после подавления революции 1905 года? Потому что самодержавие было выгодно иностранному капиталу в то время. Россия, имея громадную армию, могла быть надежным отпором против всяких политических переворотов в Западной Европе, рассматривалась в качестве европейского жандарма для расправы с революциями, как это она делала не раз в течение XIX века.

Франция предоставляла заем царскому правительству и потому, чтобы путем финансирования русской промышленности, экономически сильнее подчинить Россию в качестве ее своей полуколонии. Царизм, пользуясь абсолютной властью и послушной бюрократической администрацией, мог легче проводить мероприятия, выгодные для иностранного капитала.

Революция 1905 года потерпела поражение и потому, что в это время не было крепко сплоченной большевистской партии, которая начала строиться уже в процессе самой революции.

Хотя революция 1905 года и была разгромлена об'единенными силами дворянства и буржуазии при помощи армии и жесточайшего террора, но только на время, чтобы в ближайшем будущем вновь вспыхнуть с невиданной силой В. И. Ленин указывает, что „Русская революция—именно благодаря своему пролетарскому характеру в том особом значении этого слова, о котором я уже говорил,—остается прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в гораздо более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только жестокие бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны,

что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплоатируемых" *).

Революция 1905 года имела большое значение. Под руководством В. И. Ленина, в боях с меньшевиками и др., выросла и выкристаллизировалась большевистская партия, под руководством которой рабочие и крестьяне России и Коми пошли на штурм самодержавия. „Сотни революционных демократов „внезапно" выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Пролетарская борьба вызвала большое брожение, частью и революционное движение в глубинах пятидесяти-стамиллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другой. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию. Таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа" **).

В. И. Ленин еще до революции 1905 года вел непримиримую борьбу с различными уклонами внутри большевистской партии, в особенности с центризмом, каутскианством во II интернационале, тем самым создавал сильную большевистскую партию, которая в феврале 1917 года свергла царизм и осуществила Октябрьскую революцию и создала замечательное сотрудничество народов,—называемое СССР.

Революция 1905 года имела большое значение в смысле политического воспитания масс. Рабочий класс и крестьянство в Коми на примерах борьбы убеждались, что победить самодержавие можно только при совместном выступлении пролетариата и крестьянства, т. е. при наличии рабоче-крестьянского блока, и что только свергнув самодержавие и установив демократический строй—рабочие и крестьяне улучшат свое положение. Следовательно, революция 1905 года, как буржуазно-демократическая, была выгодна не только для буржуазии, но и для пролетариата и крестьянства. Благодаря революции 1905 г. правительство отменило выкупные платежи, предоставило скидки крестьянству за пользование казенным лесом и т. д. Коми крестьяне, пользуясь манифестом 17 октября, стремились к созданию филиалов всероссийского крестьянского союза, отказывались от уплаты налогов, высказывались за отобрание церковных земель и т. д.

Революция 1905 г. ярко вскрыла основные противоречия капиталистического общества и, в частности, противоречия между пролетариатом и буржуазией. Революция 1905 года показала, что буржуазия неспособна на революционную борьбу

*) В. И. Ленин, О революции 1905 года, 30 стр.
**) Там же, 7 стр.

против самодержавия, что буржуазия стремилась не к ликвидации монархического строя в России, а к его сохранению, с известным ограничением его самодержавной власти.

Революция 1905 года на примере классовой борьбы подтвердила, что основными революционными классами, реально борющимися против самодержавия—за новый демократический строй—является рабочий класс и крестьянство, что основным методом, посредством которого можно добить самодержавие, является метод вооруженной борьбы, в форме вооруженного восстания, с привлечением на свою сторону армии.

Революция 1905 г. создала и новые формы пролетарской борьбы: стачки, революционные комитеты, советы рабочих депутатов.

Революция 1905 г. имеет не только местный российский характер, но и международный, вызвав национально-освободительную борьбу не только в целом ряде стран Востока, но и Европы. „Как только 30 октября 1905 г. в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии“ *).

Революция 1905 г. сыграла важную роль в деле подготовки дальнейших боев с русским самодержавием. Наступившая реакция (после поражения первой русской революции) только задержала рост новых революционных движений, но не приостановила его, что мы и видим вскоре после революции 1905 года.

---

*) В. И. Ленин, О революции 1905 г., 29 стр.

Реакция и под'ем нового рабочего движения.

После поражения революции 1905-1907 г. г. мы видим рост реакции, которая начинает особо проявляться после поражения московского вооруженного восстания. Царское правительство, пользуясь черносотенными организациями, устраивает погромы, избиения революционных рабочих и крестьян. Эти погромы являлись резко выраженным классовым наступлением дворянства, купечества, попов, чтобы укрепить монархический строй в России и окончательно разбить революцию.

Реакция, установившаяся в центральных губерниях, конечно нашла свое выражение и в Коми.

Местная царская администрация, чтобы водворить нарушенный порядок, комплектовала из реакционно-настроенной части коми общества полицейских, урядников, стражников и прочих верных стражей царской России. Шергин указывает, что „Не мало оживляет яренский гарнизон чрезвычайно усиленная охрана, составляющая такой внушительный процент общего числа яренских душ, что перед численностью ее последние бледнеют; так и мелькают в глазах стражники конные, пешие, городовые, урядники, околодочные, становые, помощник исправника, а на вершине этой колокольни стыдливо колеблется сам капитан-исправник. И надо сказать, что без охраны тут не проживешь и часу. „Товарищи"—сейчас об'явят Яренск пролетарской республикой и что вы с ними поделаете" *).

Довольно усиленная охрана была установлена даже в таком далеком уезде, как Печорском, где на 142 политических ссыльных было 78 полицейских чинов, т. е. почти на два политического ссыльного один полицейский стражник. Почти во всех крупнейших селах Печоры были назначены урядники и вооруженные стражники. Особенно усиленно охранялась Устьцильма, где было много политических ссыльных, где было „установлено 11 постов, по 3 человека на каждый, из них у казначейства и винной лавки по два поста, при полицейскому правлении, при арестантском помещении, у камеры мирового судьи, почтово-телеграфной конторе, у воинского присутствия, у моста среди селения и лавки и т. д. На патрульную службу назначаются 6 человек в сутки, так что службою были заняты ежедневно по 43 человека. В селах Ижме и Мохче были три поста—9 человек.

*) И. А. Шергин, Богатства Севера, 22 стр. П. 1909 г.

Печорский исправник, докладывая архангельскому губернатору о принятых мерах охраны порядка и спокойствия во вверенном ему участке, жаловался, что „Большинство стражников оказалось слабыми в знании строевой службы и мало дисциплинированными. В целях поднятия строевых знаний стражников, в бытность в селе Устьцильме, отряды Архангелогородского резервного баталиона обучались в строю почти ежедневно унтер-офицерами этого отряда, а теперь строевые учения производятся со слабыми по знанию строя стражниками два раза и с остальными один раз в неделю. Проходятся: построения, ружейные приемы и гимнастика*).

В результате этого террора чрезвычайно сильно ухудшилось как положение политических ссыльных, так крестьян и рабочих. В одном Устьсысольске и его окрестностях было сконцентрировано по словам старожилов до 1000 человек ссыльных, были чрезвычайно усилены полицейско-жандармские силы, которые следили за малейшим шагом, движением политических и за малейшие провинности ссылали в более отдаленные уголки.

Не лучше было и положение крестьянства. Последнее было настолько терроризовано полицейскими чинами, что крестьяне не смели собираться на созываемые сельские сходы, рассматривая их как провокацию со стороны полиции, чтобы обвинить их потом в любви к общественным собраниям и политике. Такой-же гнет испытывали и коми рабочие. Корреспондент газеты „Архангельск“ указывает, что недавно мне пришлось присутствовать при расчете рабочих на заводе Ульсен, Стампе и К⁰,— рабочие заняли всю площадку в ожидании расчета. Чего бы кажется еще ждать управляющему: раз рабочие собрались для расчета, то нужно бы начинать таковой, но он делать это нисколько не спешил. Рабочие просили управляющего скорее начать расчет, заявляя ему, что многие из них голодны и торопятся домой, но управляющий не торопился и, сидя за барьером, преспокойно кушал чай, время от времени кидая им замечаная: „Тише, не шуметь“,—„не напирать“,—„осадите“, и т. п. Терпение рабочих истощается. Среди толпы рабочих глухой ропот. Вдруг, один из толпы рабочих пробирается поближе к барьеру и, обращаясь к управляющему, заявляет: „Вы вот $1^1/_2$ часа тут прохлаждаетесь, людей морите, заставляете ждать, пока чай напьетесь, разве так хорошо. Что, скоты мы, разве, какие, чтобы над нами так издеваться“. Не успел еще этот смельчак окончить своей речи, как его постигла „кара“, за нетерпение его в ту-же минуту расчитали в „чистую**).

Установившийся террор, массовое увольнение рабочих, аресты, высылки совершенно не означали, что революция не возродится вновь с еще большей силой, еще с большей сплоченностью чем раньше.

*) Дело № 7 по канцелярии архангельского губернатора.
**) Газета „Архангельск“ № 109, 27 мая 1907 г.

Рабочий класс, испытав весь ужас господства капиталистов в Коми, после революции 1905 г. начинает сплачиваться, организовываться и готовиться к новым классовым боям. Коми рабочие лесорубы, как и рабочие в России—временами переходили и в наступление против капиталистов, требуя увеличение заработной платы, уменьшение рабочего времени и т. д. Ярким примером этого положения является стачка коми лесорубов и сплавщиков на Лузе. Весной 1913 года на реке Лузе сплавлялось большое количество леса, заготовляемого заграничной фирмой Сурков и Ко „Зарплата, как и всегда, была низкая, снабжение скверное, прозодежда не выдавалась. Невыносимые условия заставили лесорубов Прилузского района об'явить забастовку. Лесорубы были настойчивы в своих требованиях. Требования выражались в увеличении зарплаты по 10 копеек на каждое бревно или же в установлении поденной зарплаты по 1 р. 20 к. в день. (До этого времени не практиковалась поденная плата, а постоянно была сдельная-потогонная). Доверенные лесопромышленной фирмы Сурков и Ко прибегли к вербовке рабочей силы из соседних волостей—Об'ячево и Читаево. Но ношульцы были настойчивы в своих требованиях и решили не допускать к работе вновь завербованных крестьян. Для этой цели поставили своих людей в „дозор", предупреждать приезжающих, чтобы последние к работе не приступали за более низкую оплату, в противном случае будут приниматься репрессивные меры. Приезжие сплавщики из соседних волостей вынуждены были солидаризоваться с ношульцами. Время шло, река быстро спадала, лес оставался на берегах. Сплавщики были настойчивы в своих требованиях—„довольно работать за мизерную плату, даешь повышение по 10 коп. на каждое бревно".

Доверенные лесопромышленной фирмы и власти вынуждены были прибегнуть к вооруженной силе. Из Устьсысольска (Сыктывкара) в Ношуль прибывает 14 стражников и 2 урядника во главе с приставом. Правда, с появлением этой „армии" ношульцы „сдались", спустя три дня приступили к сплаву. Но время было потеряно, лес остался на берегах на все лето.... Крестьяне много раз восставали, но без организующей силы промышленного пролетариата всегда терпели неудачу" *).

Таким образом мы видим, что коми рабочие уже в 1912-1913 гг. переходили к открытой борьбе с капиталистами. Эта забастовка ярко отражает настроение рабочего класса и крестьянства, которые от обороны переходили в наступление. Начавшаяся империалистическая война еще более углубила классовые противоречия между трудом и капиталом, которые и разрешились в февральской революции 1917 года.

---

*) Воспоминания Д. И. Шулепова

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I. Предпосылки февральской революции, ее движущие силы и характеристика.

Революция 1905 года являясь первой буржуазно-демократической революцией в России, не смогла разрешить тех общедемократических задач, которые стояли перед трудящимися массами России и, в частности, Коми. Земля, за которую боролись крестьяне в Коми, в результате поражения революции 1905 года, осталась в руках отдельных землевладельцев и, в частности, в руках самого богатого и влиятельного помещика в России—казны.

Вопрос о земле не только не утратил своего значения после революции 1905-1907 годов, но, в условиях обостряющейся классовой борьбы за землю, становился все более и более актуальным. Борьба коми крестьянства за землю, на почве не разрешенного аграрного кризиса после революции 1905 года, на фоне все увеличивающейся эксплоатации крестьянства была одной из основных причин революции 1917 года.

Другой наиболее важной предпосылкой революции 1917 года является классовая борьба коми пролетариата, работавшего главным образом на крупнейших промышленных предприятиях Северного края, в частности лесопильной промышленности Архангельской губернии, на Кажимских горных заводах, в Сереговском солеваренном заводе и т. е. Если коми крестьяне в революцию 1905-1907 годов боролись за землю и волю, то коми рабочие совместно с пролетариатом в России боролись за низвержение самодержавия и установление буржуазно-демократической республики, они боролись за осуществление свободы союзов, собраний, печати, за установление 8 часового рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д. Все эти требования рабочий класс и крестьянство осуществить не могли вследствие поражения революции 1905 года. Следовательно, основные вопросы рабочего движения, поставленные революцией 1905 года, остались не только не решенными, но являлись и крупнейшими предпосылками для дальнейшего роста и углубления классовой борьбы против самодержавия, как диктатуры крепостников-помещиков, что видим по выступлению нювчимских рабочих, которые, при первых же известиях о февральской революции в центре, ответили выступлениями против за-

водской администрации, организацией временного революционного комитета. „Рабочие,—пишет М. Попов,—с большим энтузиазмом встретили сообщение о падении династии Романовых. Управление заводом по доверенности Бутлерова находилось тогда в руках братьев Гостунских. Взаимоотношения их с рабочими были крайне обостренными. Они поставили завод на боевую ногу и требовали во всем строжайшей дисциплины. Малейшие пререкания вызывали административные меры воздействия, вплоть до посылки на фронт. При появлении на производстве Гостунский, например, подавал команду так „встать", что рабочих особенно возмущало. 19 марта 1917 года в Нювчиме был уже организован временный революционный комитет. В состав его были избраны преимущественно рабочие и часть служащих заводской конторы" *).

Громадную роль в деле дальнейшего обострения классовой борьбы пролетариата и крестьянства против царизма сыграла империалистическая война. Мобилизация, повсеместно начавшийся голод и все увеличивающийся налоговой гнет, в результате ряда поражений царизма—все это способствовало дальнейшему углублению классовой борьбы среди трудящихся коми. „Если первая революция 1905 года через 12 лет привела к революции 1917 года, —пишет В. И. ЛЕНИН,—то необходим был еще великий, могучий, всесильный „режиссер", который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны—породить невиданной силы всемирные кризисы: экономические, политические, национальные и интернациональные... Этим всесильным „режиссером", этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война... Империалистическая война с об'ективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами" **).

Важнейшей предпосылкой февральской революции 1917 года являлся и национально-колониальный гнет, выражавшийся в том, что царское правительство в целях укрепления своей власти не допускало и мысли о самоопределении народов, в частности, народа коми, стонавшего под национально-колониальным гнетом русского самодержавия. Для этой цели оно искусственно часть коми трудящихся причислило к Вятской губернии, часть к Пермской, Архангельской, Вологодской, Тобольской и т. д. „чтобы этим отнять возможность об'единения и борьбы коми трудящихся за свое национальное освобождение от гнета русского самодержавия. Господство русского и

*) М. Попов—Заметки о политическом прошлом Нювчима, 64 стр., журнал „Коми му", № 10-11 1917 года.

**) В. И. ЛЕНИН—На пути к Октябрю, 8-7 стр., „Прибой", 1925 год.

преследование коми языка, систематическая насильственная руссификация местного населения—путем создания церковно-приходских школ, библиотек, снабженных различным хламом религиозно-нравственного содержания, все это представляло собою крупнейшие противоречия, которые и вырвались наружу в первые же дни февральско-мартовской революции 1917 года.

Февральско-мартовская революция совершилась в Коми значительно позже, вследствие отдаленности ее от центральной России и отсутствия социал-демократических организаций. Причина успеха февральской революции 1917 года, конечно, об'ясняется не только теми революционными предпосылками, не только беззаветной борьбой Коми трудящихся против самодержавия и его местного бюрократического чиновничьего аппарата, но и тем опытом, который получили в борьбе с царизмом в революцию 1905-1907 годов.

„Без революции 1905-1907 годов,—пишет В. И. Ленин—контрреволюции 1907-14 годов невозможно было бы такое точное „самоопределение" всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действий"*).

В другом месте В. И. Ленин дает такую оценку революции 1905 года на дальнейшее развитие рабочего движения. „Революция 1905 года,—пишет В. И. Ленин,—чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда „с последним словом" социализма на Западе, так и в смысле революционного действия масс. Без такой „генеральной репетиции", как в 1905 году, революция в 1917 году как буржуазная революция, так и пролетарская Октябрьская, были бы невозможны" (В. И. Ленин—Полн. собр. сочинений, т. XVI, ст. Третий интернационал и его место в истории, 185 стр. М. 1925 г.).

Итак, основной предпосылкой буржуазной революции 1917 года являлась борьба крестьянства за землю, борьба рабочего класса против царизма, за установление буржуазной демократической республики. Кто мог сознательно активно, беззаветно бороться за осуществление этих задач? Этим сознательным борцом мог быть только рабочий класс. Рабочий класс, под руководством коммунистической партии, в союзе с крестьянством и являлся основной движущей силой февраль-

*) В. И. Ленин—На пути к Октябрю, 6 стр. „Прибой", 1925 г.

ской революции 1917 года. „Революционные рабочие и солдаты, —писал В. И. Ленин,—разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не возмущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по коньюнктуре, исторические моменты на помощь к ним приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и Ко, желавших только смены одного монарха другим" (В. И. Ленин, На пути к Октябрю—10 стр. изд. „Прибой", 1925 г.).

Это, конечно, не значит, что в февральскую революцию, буржуазия не принимала никакого участия. Участие буржуазии в этой революции об'ясняется неспособностью царизма осуществить победу над немцами, его неспособностью ликвидировать развивавшуюся классовую борьбу, вследствие чего в условиях все обостряющейся классовой борьбы политическая власть в Коми могла быть захвачена пролетариатом. Следовательно, буржуазия принимала участие в революции потому, чтобы разбить развивающееся революционное движение и захватить власть в свои руки. „Государственной думе ничего не оставалось другого делать,—писал Родзянко,—как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать анархию и создать такую власть, которую послушались бы все и которая способна была прекратить нарождавшуюся беду".

Эти данные ярко свидетельствуют о том, что буржуазия в февральскую революцию—движущей силой революции не являлась и быть ею не могла. В. И. Ленин дает на этот вопрос совершенно четкий и ясный ответ: „Англо-французские и русские капиталисты хотели только „сместить" или даже „напугать" Николая II, оставив неприкосновенную старую государственную машину: полицию, армию и чиновничество*).

Итак, подлинными движущими силами февральской революции 1917 года являлись рабочие в союзе с крестьянством Кто-же являлся союзником пролетариата в этой революции? Ответ на этот вопрос В. И. Ленин дает в своих „Письмах издалека", что у пролетариата „два союзника, во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полу-пролетарского и, частью, мелко-крестьянского населения в России. Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. С этими двумя союзниками и пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст, измученным войной народам, мир, хлеб и свободу" **).

*) В. И. Ленин—Собрание сочинений, том XX, II-е издание ГИЗ, 35 стр.
**) В. И. Ленин—тамже 19-20 стр.

Отмечая, что крестьянство является одним из союзников пролетариата в борьбе за социализм, В. И. Ленин в тоже время подчеркивает и громадную роль крестьянства и в февральскую революцию в смысле окончательного обеспечения победы: „Исход нашей революции,—писал В. И. Ленин, действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы"*).

Плоды мартовско-февральской революции, совершенной рабочим классом, под руководством коммунистической партии и в союзе с крестьянством, при вынужденном участии в этой революции буржуазии, были использованы не рабочим классом, а буржуазией в лице временного правительства, сплошь состоявшего из представителей буржуазии, т. е. капиталистов, к которым присоединились и помещики.

Когда вести о февральской революции долетели до теперешнего Сыктывкара и когда устьсысольский городской глава Суханов ознакомил состав городской думы с текущими телеграммами об отречении от престола Николая II и Михаила Александровича и об учреждении в Петрограде новой власти в лице временного комитета государственной думы под председательством Родзянко и предложил на разрешение собрания вопрос: „подчиняется ли городская дума новому правительству, возражений ни от кого из присутствующих не последовало, и городская дума единодушно присоединилась к новому правительству" (Известия Коми Обкома РКП-(б) № 7-8, 1923 год, 50 стр.). Местная буржуазия поспешила принять на себя звание членов Устьсысольского уездного временного комитета, чтобы с помощью этой власти получить право господства над трудящимися массами и, пользуясь, вооруженной силой старой свергнутой власти, восстановить спокойствие и порядок, которые казались нарушенными в крае.

В более отдаленных районах Коми области „царская полиция еще долгое время стремилась делать вид, как будто бы никакой революции и не произошло.

Урядники в волостях Прилузского района еще долгое время после февраля носили погоны и оружие. Полицию обезоруживали прибывающие с фронта солдаты. В Об'ячевской волости урядник Шишкин в апреле месяце еще носил погоны, которые были сорваны с плеч Шишкина публично, вернувшимся солдатом из Кронштадта, Багиным Я. Т.

*) А. Бубнов, Гражданская война, партия и военное дело, 11-12 стр.

Участковый земский начальник Об'ячевского участка, находясь в раз'езде в селе Верхолузском, узнав о февральской революции, здесь же сошел с ума от нервного сотрясения *).

Ход февральской революции.

Февральская революция, совершившаяся в центральных губерниях России, быстро сделалась известной и на местах. Образовавшийся под председательством Родзянко временный комитет государственной думы немедленно обратился к буржуазии с призывом образовать временную власть в лице губернских и уездных временных комитетов, которые должны были быть носителями законной власти, после свергнутой царской администрации. Этот маневр был расчитан главным образом на то, чтобы путем быстрой организации буржуазии лишить возможности трудящиеся массы принять участие в организации новой власти и тем самым считать февральскую революцию законченной. Образовавшийся 7 марта 1917 года Устьсысольский уездный временный комитет, сплошь состоявший из эсеров, представлял собою местный орган буржуазного временного комитета, который управлял всей социально-экономической жизнью Коми.

Это, конечно, не значит, что февральская революция в Коми была совершена по телеграфу, что прошла она мирно, спокойно. Так представляют себе эту революцию буржуазные идеологи разных оттенков, когда желают представить ее стихийной, совершенной почти без борьбы, за исключением одного неприятного для буржуазии факта—ареста Николая II. Легенда о якобы бескровном и мирном ходе февральской революции нужна для буржуазных историков в смысле противопоставления ее „жестокой и кровавой" Октябрьской революции. Также представляет себе февральскую революцию в Коми области и Цембер. „В 1917 году, в январе-феврале месяце,—пишет Цембер—были обычные собрания городской думы, обсуждались и решались самые обыкновенные вопросы о движении сумм устьсысольского городского общественного банка, об организации в городе ассенизационного обоза, об отводе плановых мест и т. д. В другой специальной статье „10 лет тому назад", посвященной исключительно февральской революции, повествует нам также о том, что „февральская революция, так же, как и Октябрьская, дошла до Устьсысольске с опозданием. Первая дошла с опозданием на несколько дней, а вторая на несколько месяцев. Верхушка устьсысольских чиновников: исправник, председатель земской управы, председатель уездного сезда земских начальников, получив известия об отречении

*) Воспоминания Д. И. Шулепова.
**) Известия Коми Обкома ВКП(б) № 7-8 1923 г., 49 стр.

царя, шептались между собой несколько дней, скрывая февральские события, но когда скрывать уже не было возможности, решили об'явить населению" *).

Г. А. Старцев дополняет Цембера. Он говорит, что февральская революция вызвала даже сожаление у населения.

„Революция в феврале 1917 года—пишет Г. А. Старцев,—в стране Коми прошла почти незаметно. Неподготовленностью к ней населения можно об'яснить то, что свержение царя в первые месяцы революции вызвало не только сочувствие совершающемуся факту, но, частично, как бы сожаление. Даже учительство говорило об этом шопотом" **).

Что значит, что февральская революция прошла незаметно в Коми? Это значит утверждать, что рабочий класс и крестьянство в Коми не принимали никакого участия в совершении февральской революции, что последняя совершилась сама собою, без всякой классовой борьбы.

Утверждать, что население не было подготовлено к февральской революции 1917 года, это значит отрицать значение революции 1905 года, которая, по мнению В. И. Ленина, являлась основной предпосылкой февральской и октябрьской революции.

Наконец, у каких групп населения коми февральская, как буржуазно-демократическая революция, могла вызвать нотки сожаления? Можно смело утверждать, что это оригинальное открытие является личным убеждением Г. А. Старцева или позаимствовано у эсеров.

Рабочие и крестьяне, совершившие февральскую революцию, не могли сожалеть об этом. Царское самодержавие, веками угнетавшее рабочих и крестьян, расправлявшееся тюрьмами и ссылками, являлось для рабочих и крестьян также ненавистным, как и эпоха рабства.

Утверждать, что население сожалело о свержении самодержавия—это значит утверждать, что в Коми крае не было никакого национально-колониального гнета, рабочим и крестьянам жилось хорошо.

Гибель русского самодержавия не могла вызвать сожаления и у буржуазии, которая после свержения самодержавия пришла к власти и сделалась господином положения в крае.

Крайне оригинальными являются и те об'яснения, какие дает Старцев причинам, вызвавшим пассивное отношение населения к февральской революции, которая, якобы, была „вызвана не тем, что у зырян не было особых интересов и собственных мнений, а тем, что они были подавлены старым строем, были боль-

---

*) Цембер—Февральская революция в Устьсысольске, журнал „Коми му" № 10-11 1927 года.

**) Революция в деревне. Очерки, под редакцией профессора В. Г. Тана-Богораза, 105 стр.

ны болезнью векового угнетения и раболепия, пока они оставались такими, понятно, иного, да и вообще никакого ответа событиям дать не могли" *).

Считать, что февральская революция вызвала сожаление у населения—это значит клеветать на рабочий класс и крестьянство, это значит стать на позиции эссеровщины.

Такое представление о февральской революции в Коми не соответствует действительности.

В какой спокойной обстановке проходила в Коми области февральская революция, свидетельствует доклад устьсысольского воинского начальника, подполковника Колпакова, сделанный им Устьсысольскому уездному временному комитету, о необходимости принятия мер „для ограждения безопасности города, о малочисленности состоящей в его распоряжении команды и о затруднительном его положении, в которое его поставил исправник, предложивший ему принять в свое ведение стражников", за что сей „храбрый" воин от уст Н. И. Забоева заслужил благодарность, а временный комитет отметил свою признательность „вставанием с мест" при выражении Забоевым ему приветствия.

Свидетельствует ли рапорт полковника Колпакова о спокойствии в Коми? Нет, не свидетельствует. Наоборот, этот рапорт ярко указывает на то, что в крае неблагополучно, что кое-где начались волнения, направленные против буржуазного временного правительства. Яркой иллюстрацией этого факта являются волнения рабочих Нювчимского завода. М. Попов в своей статье „Заметки о политическом прошлом Нювчима" указывает, что „первым делом Нювчимского революционного комитета было увольнение от работы Гостунских, это было в половине апреля 1917 года. Согласно постановления рабочих, Гостунский (управляющий, В. П.) был обязан подпиской о немедленном выезде из пределов Нювчима. Требование комитета было выполнено, он был вынужден выехать в Петроград к владельцу Бутлерову. Не подчинившаяся таким-же требованиям, его сестра вызвала еще большее негодование рабочих, принявшее форму демонстрации с плакатами „долой Гостунских", пришлось поэтому уехать и ей**).

Такую-же активную борьбу мы видим не только со стороны рабочих горных заводов, но и широкой массы рабочих лесной промышленности, работавших по рубке и сплаву леса. Показательным в этом отношении является выступление помоздинских лесорубов. Получив отказ от доверенного Шведской фирмы Шалит об увеличении расценок, лесорубы единодушно отказались от работы и, собрав сход 16 декабря, вынес-

*) Революция в деревне. Очерки, под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза, 106 ст.
**) М. Попов—Заметки о политическом прошлом Нювчима, журнал „Коми му", № 10-11 1927 года, 54 стр.

ли постановление об установлении твердых цен на заготовляемые бревна. Когда-же неорганизованная часть лесорубов, в числе 40 человек. пыталась сорвать стачку и явилась в лес к месту работы, то они встретили жесточайший отпор со стороны организованных рабочих, которые об'яснили что лесорубы должны быть солидарными между собою в борьбе против иностранных капиталистов, наживавших громадные капиталы путем пониженной оплаты труда коми лесорубов.

Эта стачка лесорубов вызвала бешеную ненависть со стороны капиталистов и, в частности, местных органов временного правительства—Устьсысольского временного уездного комиссара в лице Митюшева, который энергично выступил против стачки, требуя решительных мер против рабочих и создание благоприятных условий для рубки и сплава леса для фирмы Шалит.

Коми лесорубы и не думали слушаться представителей временного правительства, они последовательно и решительно доводили до конца начатую борьбу. Когда в первых числах января, четверо несознательных рабочих, подкупленные конторой Шалит, привлекли к работе крестьян других волостей и малосознательную часть стачечников, большинство стачечников 3 января 1918 года собрали сход крестьян-лесорубов и постановили не только не подчиниться капиталистам и дать сорвать стачку, но и предать суду лиц, агитировавших за срыв стачки. „Поэтому,—писали помоздинские лесорубы, мы признаем это соглашение некоторых наших товарищей с капиталистами тайным, нарушающим обще-народное право и поэтому постановили осудить на настоящем собрании пред всеми нами их противные и провокационные действия. В наказание же за это и в пример остальным и будущим поколениям постановили арестовать упомянутых лиц—поручив это дело волостной милиции, и обязать сельских милиционеров наблюдать за ними по очереди“ (Дело помоздинской волостной земской управы, № 31, об аресте 4-х граждан по постановлению общего народного собрания, 41 стр).

Это постановление коми лесных рабочих представляет собой образец революционного героизма. Факт подкупа отдельных рабочих подтверждается приказчиком Андроновым. Андронов, уличенный рабочими в предоставлении взяток 4-м лесорубам, должен был в этом открыто сознаться, что „после окончания условия они попросили у меня на литки и я дал им 10 рублей, а они говорят мало и я им добавил 3 рубля“. „Итак,—заканчивает свое показание конторщик, именующий себя „большевиком“ в оправдание взяточников, что „они ни

*) Гостунский впоследствии вступил в ВКП(б) и работал в Коми до 1927 г.

в чем не виноваты"—прошу вас, граждан, устроить суд справедливый и всенародный. Конторщик большевик Андронов"*).

Когда постановление рабочих об аресте 4-х провокаторов под давлением лесорубов было приведено в исполнение, то против этого решения рабочих выступили все силы буржуазии. Протестовал против этого, незаконного с точки зрения царских законов, постановления народный судья 3-го участка Устьсысольского уезда. Начальник устькуломской милиции Суханов, оказавшийся во время латкиновщины ярым белогвардейцем, немедленно потребовал освобождения арестованных провокаторов из под ареста, и, получив в этом отказ, завел уголовное дело, а стачечников за нарушение общественного порядка и спокойствия потребовал преданию суду.

Коми лесорубы даже под давлением всех этих антипролетарских сил остались спокойными. Об этом свидетельствуют рапорты волостного милиционера, в которых он рисовал революционное настроение лесорубов и об'яснял невозможность выполнить распоряжения об освобождении арестованных в виду крайне воинственного и боевого настроения лесорубов. Рапортом от 9 января 1918 года помоздинский волостной милиционер доносил Устькуломской милиции, что в виду насилия лесорубов ему приходится арестовать 4-х человек и что он 9 января подал заявление об увольнении из милиции. А когда волостной милиционер отказался произвести этот арест, то „за невыполнение общенародного собрания об арестовании 4-х лиц,—пишет волостной милиционер в своем рапорте за № 4, собирают в воскресенье сход и хотят с ними вместе арестовать меня за то, что я не арестовал их. Прибывшие солдаты обещают за такие проступки смертную казнь". Волостной милиционер вынужден был арестовать этих 4-х граждан. На решительные распоряжения начальника устькуломской районной милиции Суханова об освобождении из под ареста указанных лиц, неизменно отвечал: „освободить арестованных не осмеливаюсь, народ сильно взволнован". Об этом-же подчеркивают и сами арестованные в своем показании, что „8 января под давлением и угрозами солдат мы были арестованы местным волостным милиционером, а также председателем управы В. Т. Чисталевым, которые действовали под давлением грубой силы, рискуя в противном случае подвергнуться насилию**).

Правда, таких фактов мы пока имеем мало, но из этого вовсе не следует, что их не было. Фактов было очень много, только до сих пор мы не сумели собрать эти факты. Если прежней буржуазной статистикой волнения рабочих и крестьян порой и не фиксировались, то это совершенно не значило, что на Шипке было все спокойно. Поэтому одних этих фактов до-

*) Журн. „Коми му", № 10, 11, 1927 г., 10 стр.
**) Тамже 41-42 стр.

статочно для того, чтобы навсегда покончить с теорией о мирном развитии февральской революции, чтобы покончить с теорией осуществления февральской революции по телеграфу. В такой же обстановке острой классовой борьбы происходил февральский переворот и в Яренске. Когда в марте 1917 года был организован временный комитет Яренского уезда, то на первом же заседании 7 марта были вынесены следующие постановления: 1) вся полицейская стража г. Яренска и его уезда немедленно передается в полное распоряжение начальника гарнизона, 2) полицейские, городовые передаются в распоряжение городского самоуправления. „В целях пополнения комитета представителями демократии; предложить: а) мещанскому обществу, рабочим и служащим г. Яренска, воинским чинам местного гарнизона не пожелают ли они избрать своих представителей в состав местного комитета" *).

За этим постановлением последовали по этой линии и другие постановления. Буржуазия, с помощью эсеров и меньшевиков, немедленно принялась за укрепление своей власти. Еще В. П. Попов, один из видных организаторов этой власти, выступивший 6 марта на предвыборном собрании, указывал, что „основной задачей новой власти является охрана завоеваний революции, т. е. „то жемчужное зерно, которое достигнуто переворотом. Каждый входящий в комитет должен помнить, что он составляет частицу временного правительства, т. к. комитету принадлежит вся исполнительная власть в уезде, за исключением судебных функций" **).

Сделавшись господином положения, Яренский уездный временный комитет, состоявший, как и Устьсысольский, почти сплошь из эсеров и меньшевиков, считал революцию законченной. Буржуазия фактически получила все, чего она добивалась. Тов. Коковкин совершенно правильно замечает, что „работники земства считали революцию законченной. Один из руководителей временного комитета, Добряков, в своей приветственной речи так определил положение: „Мы, современники, явились свидетелями величайшего исторического действия в февральско-мартовские дни, когда под вулканическим напором народного гнева вековой строй рухнул... совершилось то, что было предметом чаяния и надежд многих поколений. Совершилось то, что искупило бесчисленные жертвы и страдания. Совершилось то, что открывает нам светлое будущее" ***).

Это и понятно, с точки зрения буржуазии. „Высота и величие реформы земства на основе величайшего завоевания демократии — всеобщего избирательного права, — говорил Добряков, — заставляет нас, гласных, с честью и достоинством выпол-

*) Журнал „Коми му", № 9 (31), 30 стр., 1926 года.
**) Там же 29-30 стр.
***) Воспоминания т. Коковкина, 3 стр.

нять возложенные доверием населения священные обязанности гражданина — гласного... Мы должны помнить, что органы самоуправления являются лабораториями народной культуры, эту культуру мы должны ценить, как не только фундамент социалистического строительства, но и как ценность настоящего" *).

Если в Устьсысольске и в Яренске февральская революция осуществилась в первых числах марта 1917 года, то в более отдаленных уголках Коми, в частности на Печоре, она произошла значительно позже. В селе Мохча временный волостной комитет был организован в апреле 1917 года, и выборы волостного комитета происходили с большим под'емом. Терентьев, в своей рукописной пока работе, указывает, что „местная интеллигенция—учительство, либеральные купцы и даже кулаки—демонстрировала с красными флагами под пение "Отречемся от старого мира", разрушала и срывала портреты Николая II" **).

Двоевластие.

Февральская революция, совершенная рабоче-крестьянскими массами как в центре, так и на местах, с самого начала таила в себе зародыши Октябрьской революции. „Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта первая революция наверное не будет последней",— писал В. И. Ленин в своих „Письмах издалека" ***).

После февральско-мартовской революции мы видим и в Коми возникновение Советов. Так, в Яренске в первых числах марта возник Совет солдатских депутатов, который впоследствии сформировался в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. В Устьсысольске также вскоре после февральской революции возникает Совет крестьянских депутатов, первый с'езд которого состоялся в августе 1917 года.

Приблизительно в то же время мы видим и возникновение Совета солдатских депутатов при устьсысольском гарнизоне. По всей вероятности, к этому же времени относится и возникновение Совета рабочих депутатов.

Все эти три организации—Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов—разрозненно возникали в период марта-апреля 1917 года. Цембер, в своей статье „К материалам по истории революции в Коми крае", указывает только дату учредительного с'езда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который состоялся 18 января 1918 года.

Дата 18 января безусловно указывает только на то, что Советы в зародышевой форме существовали значительно раньше, рядом с Устьсысольским уездным временным комитетом. Можно

*) Воспоминания т. Коковкина, 3 стр.
**) Терентьев--Отрывки из гражданской войны на Печоре, 6 стр.
***) В. И. Ленин—На пути к Октябрю, 5 стр. Л. „Прибой" 1920 г.

определенно утверждать, что возникновение их относится к началу зимы, когда продовольственный вопрос стоял чрезвычайно остро. То, что продовольственный вопрос являлся самым злободневным вопросом уже с ...я месяца 1917 г., об этом ярко свидетельствуют те прения, которые велись на заседаниях Устьсысольского временного уездного комитета 26-28 мая 1917 года. Так, представитель от крестьян Благовещенской (Лозымской) волости заявлял, что „нужно в городе и в деревне сахар выдавать поровну", каковое мнение и было поддержано представителем от совета солдат, причем последний спрашивал, „в какое время получено управой 30.000 рублей прибыли и тем не поступает ли управа наравне с купцами?" *) Выступивший с ответом В. Ф. Попов указал, что „наше дело распределять сахар". В этих выступлениях солдат мы видим ясные большевистские нотки, что продукты должны были распределяться в первую голову среди трудящихся и, в частности, крестьян.

Представители от совета солдат первые обратили внимание на такое зло, как на самокурение водки, с которым нужно было покончить в условиях свирепствовавшего голода. Так, Н. В. Лодыгин указывал на с'езде, что „констатирован голод в Нючпасском и Кажимском заводах".**) Солдат из Маджи Н. Н. Елфимов сообщил, что арестованы приборы для самокура и сданы в местный комитет, что пленные немцы поддерживают самокурение и входят в близкие сношения с шинкарями". ***).

Эти выступления представителей совета солдат Устьсысольского уезда свидетельствуют о том, что они совместно с трудящимися крестьянами волостей уже отражали волю трудящихся о правильном распределении продуктов питания, о необходимости вести борьбу с винокурением, о недопустимости повышения цен на хлеб и т. д.

Продовольственное дело, находившееся в руках буржуазии, больше шло по линии извлечения барышей, чем по линии удовлетворения нужд крестьянского населения. Эти „порядки", установленные буржуазией в продовольственном вопросе, вызвали вмешательство самих трудящихся в урегулирование продовольственного дела в уезде.

Ранее самостоятельно существовавшие Советы крестьян, солдат и рабочих об'единяются в единый Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских депутатов. Вот в каких чертах рисует депутат Юрьев условия организации Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Перечислив бывшие ошибки продовольственного подкомитета и других учреждений по рас-

---

*) Журнал заседания Устьсысольского Уездного Комитета за 26, 27, 28 мая 1917 года.

**) Там же.

***) Там же, 4 стр.

пределению продуктов, депутат Юрьев считал, что „эти ошибки и послужили первоначальным предметом горячих обсуждений граждан 8 пригородных слободок (десят), соединившихся вместе для образования организации, именовавшей себя „Советом Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов", поставившей целью поддержание порядка и спокойствия в городе и заботу о правильном распределении продовольствия" *).

Что касается точной даты возникновения Советов, то Напалков в своем воспоминании указывает, что они были организованы 20 декабря 1917 года „группой демобилизованных солдат с примкнувшими к ним мещанами, при поддержке солдат местного гарнизона. Совет сразу же приступает к действиям— дает распоряжение реквизировать товары у купцов, запечатывает магазины" **).

Это ясно говорит о том, что Советы существовали еще во время властвования Устьсысольского временного уездного комитета. Одновременно с существованием власти буржуазии возникла в Коми области, правда, еще в зародышевой форме, организация пролетарской власти в лице Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов. „Рядом с этим правительством (временным правительством—В. П.),—пишет В. И. Ленин,— в сущности простым приказчиком миллиардных „фирм"—Англии и Франции,— с точки зрения данной войны, возникло новое, несфициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это— Совет Рабочих и Солдатских депутатов в Питере" ***).

Сущность двоевластия эпохи февральско-мартовской революции в Коми состояла в том, что еще не признанная местной буржуазией рабоче-крестьянская власть активно вмешивалась в политику Устьсысольского уездного временного комитета.

„Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это— революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью. Это—власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся

*) Журнал учредительного с'езда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов 17 января 1918 года.

**) Воспоминания тов. Напалкова.

***) В. И. Ленин—На пути к Октябрю, 11 стр. Изд. Прибой, 1926 года.

суть. Эта власть—власть того же типа, какого была Парижская коммуна 1871 г." *).

„Активные действия Совета,—говорил на учредительном с'езде Советов Юрьев,—выразились в произведенной им, при содействии местного гарнизона и милиции, реквизиции товаров у купцов, скрытых ими. Товары эти должны быть распределены между населением. Часть найденных товаров была опечатана на месте в магазинах. Но гражданин С. О. Латкин, председатель уездной управы, об'явил открытую борьбу с проявлениями народной воли, открыв запечатанные магазины" **).

Председатель земской управы Латкин, впоследствии оказавшийся вождем белогвардейского налета на Коми, „препятствовал получению сведений о происходящих важнейших политических событиях",—докладывал учредительному с'езду тов. Малыгин. „Где же свобода печати и слова? Организованный нашими стараниями Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов он именовал самозванным и противился его распоряжениям. Между тем, как председатель совета, я всегда стоял за свободу, порядок и лучшее устройство жизни для всех, почему и приглашал для работы интеллигентов, крестьян и служащих".

Это двоевластие очень ярко вырисовывается и из тех об'яснений, которые дал тут же, на с'езде, будущий авантюрист Латкин. „Мне бросили обвинение,—говорил он на учредительном с'езде,—во-первых, в разрешении торговли, закрытой Советом Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов, но как же я мог поступить иначе, когда ко мне при ходили местные жители и крестьяне далеких деревень и просили распоряжения открыть магазины для закупок необходимейших товаров. Просьба была настойчива, и мне ничего не оставалось больше, как только исполнить желание населения. Во-вторых, по вопросу уничтожения литературы. Я не отрицаю факта, я только исполнил постановление чрезвычайного земского собрания не входить в сношения с большевиками и противодействовать их распоряжениям. На сем основании я распоряжался лишь земским хозяйством, в чем и представлю отчет текущему очередному земскому собранию. ***)

Несколько иную картину мы видим в Яренске. Если в Устьсысольске соглашательские созеты вели более или менее активную борьбу с представителями земства и временным уездным комитетом, то в Яренске между советом и временным комитетом (вследствие того, что совет сплошь состоял из эсеров и эсерствующих) мы видим единство действий. Яренские эсеры, руководившие всей социально-экономической жизнью уезда (председатель управы В. И. Зиновьев, ярый противник большевиков

*) В. И. Ленин—На пути к Октябрю, 21 стр, Изд. Прибой, 1925 г.
**) Журнал учредительного с'езда 17 января 1918 года, 5 стр.
***) Там же, 6 стр.

и совет ской власти и другие), пользуясь политической отсталостью крестьянства, систематически обрабатывали общественное мнение населения в пользу буржуазного временного правительства, распространяя клевету на большевиков и особенно на В. И. Ленина. Единство действий подтверждается и бывшим Яренским военным комиссаром Коковкиным, что „с существованием уездного совета крестьянских депутатов (эсеровского) земское собрание мирилось, да и совет, судя по протоколу сессии совета 6-7 августа 1917 года, был вполне лойяльный к управе и земству, а председатель управы в то же время был председателем совета крестьянских депутатов. Большевиков в уезде еще не было.*)

Власть в уезде и в самом совете принадлежала не представителям трудящихся, а ее классовым врагам—эсерам, которые впоследствии, при активной поддержке иностранных интервентов, залили кровью поля и леса Севера во имя капиталистической реставрации, во имя установления господства капиталистов и помещиков над рабочими и крестьянами в Коми. „Доверчиво бессознательное отношение к капиталистам,—писал В. И. Ленин в апреле 1917 года,—худшим врагам мира и социализма,—вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа соглашения (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между временным правительством и советам рабочих и солдатских депутатов, соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а советам—посулы, почет (до поры до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания.**)

Итак, суть двоевластия и заключалась в сосуществовании двух различных по своему составу социальных классовых группировок. Это двоевластие не было случайностью, оно было заложено в той классовой борьбе, которая особенно сильно развернулась в Коми в эпоху февральской революции. Созданию Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов предшествовала работа большевиков, участников революции 1905-1907 г. г. Напалков, в своей статье „История революционной борьбы в Керчемье в 1617-1920-х г. г.“, пишет, что „предпосылками резкой борьбы являлось наличие в пределах Керчемьи нескольких человек из участников еще в революционном движении в 1905-1906 г.г., которые имели известный кадр своих сторонников. Эти товарищи и были руководителями бедняцкого движения“***).

---

*) Коковкин—„От февраля к Октябрю“,—рукопись, 4 стр.
**) В. И. Ленин собр. сочин. Т XIV, ч. I, 42 стр.
***) Напалков—История революционной борьбы в селе Керчемье в 1917-1920 гг., стр. 1).

Политика эсеров и меньшевиков в эпоху февральской революции

Рабочий класс в союзе с крестьянством, под руководством большевиков, еще в революцию 1905-1907 г. г. ставил ближайшей задачей низвержение самодержавия и установление буржуазно-демократической республики. Следовательно, в эпоху февральской революции пролетариат вместе с крестьянством боролся в первую очередь за осуществление тех демократических задач, которые ему не удалось осуществить в революцию 1905-1907 г. г. т.-е. установить буржуазно-демократический строй, разрешить земельный вопрос и т. д., в то же время ведя борьбу за социалистическую революцию.

В Коми с давних пор земельный вопрос стоял чрезвычайно остро. И когда трудящиеся массы через своих крестьянских депутатов подняли этот вопрос на заседаниях Устьсысольского уездного временного комитета 26-28 мая 1917 года, правый эсер В. Ф. Попов указал, что в данный момент вопрос еще разрешать нельзя, что „земельный закон будет издан учредительным собранием сообразно местным условиям, причем все нуждающиеся получат зем ю. Ко времени созыва учредительного собрания на местах должен быть собран материал, сведения о землепользовании, для чего и создаются земельные комитеты. Все оброчные статьи будут даны населению, но население должно ждать учредительного собрания, и пока не будет издан общий закон, необходимо воздерживаться от захватов“ *). Это лишний раз свидетельствует о том, что меньшевики и эсеры были неспособны и не хотели провести социализацию земли, т.-е. то основное мероприятие, которое привлекало к ним массы крестьянства. Так, на Учредительном с'езде 17 января 1918 года С. Н. Малыгин указывал „о телеграмме народных комиссаров, задержанной С. О. Латкиным, где говорилось, что частновладельческие земли с живым и мертвым инвентарем принадлежат трудовому народу“. Эти декреты о земле не только скрывались, но и на заседаниях этого с'езда оправдывалась политика эсеров, тормозившая проведение в жизнь декрета советского правительства о передаче земли крестьянству. Кассандров, выступивший в прениях после С. Н. Малыгина, попытался обелить Латкина, заявляя, что „это самый обыкновенный живой человек. С. О. Латкин, правда, делал ошибки, но в своих действиях он твердо стоял на почве известной резолюции чрезвычайного земского собрания, как исполнитель велений последнего, действовал прямолинейно и проявил энергию, какую желательно было бы видеть и в исполнителях новой народной власти“**).

---

*) Журнал заседания Устьсысольского временного уездного комитета, за 26 28 мая 1917 года.

**) Журнал Учредительного с'езда 17 января 1917 года, 7 стр.

Это выступление Кассандрова ярко иллюстрирует настроение членов Устьсысольского уездного временного комитета, которые не спешили с проведением земельной реформы и откладывали ее проведение до учредительного собрания. Совет крестьянских депутатов, несмотря на эсеровское руководство, под давлением масс резко протестовал против этой политики и саботажа декрета советской власти и совершенно правильно требовал насильственного захвата государственных, церковно-монастырских и частновладельческих земель.

Такой же соглашательской тактики держался Устьсысольский временный уездный комитет по вопросу о войне и мире, считая продолжение войны против Германии вполне законным и целесообразным. „Нам нужен мир, но мир достойный для свободной страны и свободного народа. Чтобы скорее прекратить всемирную бойню, находим необходимым, чтобы наша доблестная армия, в единении с нашими союзниками, немедленно перешла в наступление для изгнания врагов из пределов земли русской. Ленина же и его сторонников, на немецкие деньги проповедующих поражение России и ядом своих учений отравляющих малодушных и истомленных людей, признаем злыми врагами нашей свободы и требуем против них принятия решительных мер, включительно до высылки из пределов России, обратно в об'ятия их кровожадного друга—германского императора“ *). Таким образом, тактика большевистской партии об'являлась тактикой германского империализма, а гениальный вождь мировой пролетарской революции—т. Ленин был об'явлен агентом германского императора.

Примерно такой же империалистической тактики по вопросу о войне и мире держались яренское земство и соглашательский совет крестьянских депутатов. „Если полмесяца тому назад политическая тактика временного правительства и крестьянской демократии определялась борьбой и соглашением с воинствующим внутри страны анархическим большевизмом,—читаем мы в № 4 „Яренской газеты“, от 1 июля 1917 года,—то в настоящий момент политика войны должна определяться всецело требованиями войны и армии. И наша борьба с большевизмом должна вестись не как самоцель, а лишь в силу государственных интересов, требований войны. Русская армия наступает! Этим все сказано. Пусть это наступление будет последним, решительным, завершающим актом величайших в мире войн и революций“**).

Важнейший вопрос революции—о формах государственной власти эсеры также откладывали до учредительного собрания. Так, Устьсысольский временный уездный комитет в заседании

*) Журнал заседания Устьсысольского уездного временного комитета 26-28 мая 1917 год, 14 стр.

**) Газета „Яренская жизнь“, № 4, от 1 июля 1917 года.

28 мая 1917 года принял следующую резолюцию: „Устьсысольский уездный временный комитет, всецело доверяя и повинуясь временному правительству, как единому и единственному носителю государственной власти, выражает ему глубокое доверие и глубоко убежден, что оно свято выполнит принятые им на себя обязательства, и что только при поддержке всего свободного народа оно доведет родину до созыва учредительного собрания и предохранит ее от анархии и разложения. Да здравствует временное правительство, да здравствует учредительное собрание, да здравствует демократическая республика!" *).

Яренские эсеры также считали, что путь к демократической республике лежит через учредительное собрание. Газета „Яренская жизнь" писала: „Наши наименьшие требования к настоящему политическому положению: демократическая, республиканская форма правления, при которой верховная власть принадлежит всему народу, земля—трудовому народу, только учредительное собрание—хозяин земли. Для нас не может быть и сомнения в том, что самым лучшим и единственно справедливым будет правление демократически-республиканское" **).

Считая революцию в основном законченной, эсеры, после февраля, всячески стремились поддерживать власть временного правительства. Так, резолюция, принятая 10 августа 1917 года Устьсысольским уездным крестьянским с'ездом, указывала о необходимости „поддерживать всеми силами народное временное правительство в его твердой решимости охранить страну и революцию от гибели. В частности, с'езд горячо призывает крестьянство уезда подписываться „на заем свободы", ибо только такой подпиской обеспечивается подлинная поддержка временного правительства" ***).

Следовательно, политика коми эсеров и меньшевиков периода февральской революции заключалась в укреплении власти буржуазного временного правительства и в борьбе со всякого рода недовольствами со стороны крестьянства и рабочих империалистической политикой буржуазного временного правительства.

Органы временного правительства на местах и Советы Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов, работавшие в известной степени в полном контакте друг с другом, последовательно проводили тактику гражданского мира. Вместо борьбы за улучшение экономического и политического положения рабочих и крестьян, они призывали их к терпению и смирению.

---

*) Журнал заседания Устьсысольского временного уездного комитета, 13 стр., 1917 года.

**) Газета „Яренская жизнь", № 1, от 20 июля 1917 года.

***) Журнал заседаний и постановлений 1 с'езда крестьянских депутатов Устьсысольского у. с 6 по 10 августа 1917 года.

Моральные поучения иногда доходили до того, что эсеры и меньшевики даже социализм об'являли царством божьим на земле, где царствует вечная гармония любви и всепрощения. „Что такое социализм?—читаем мы в одном из таких поучений эсеров,—это—учение, требующее выполнения библейской заповеди: „Не работаясь да не есть"; бог сотворил землю, солнце греет нас, природа за труд награждает, друг друга будем любить, когда будем все равны, на земле места много, войдем все. Обдумаем, нет ли выхода из создавшегося ложного положения и не происходит ли все зло от несовершенства людей. Будем помнить заповедь: „Будьте совершенны, как отец ваш небесный" и пойдем к царству социализма трудовым путем с лозунгом „Равенство, братство, свобода!"*)

Это—настоящее опошление революционного марксизма, подмена революционной борьбы парламентаризмом. Все это ярко свидетельствует о том, что эсеры и меньшевики являлись не чем иным, как послушным орудием в руках русских капиталистов, занимавшихся обработкой общественного мнения в пользу господствовавших классов эпохи февральской революции. Тактика эсеров—это тактика затмения классового сознания рабочих и крестьян обманными лозунгами—„Свобода, равенство и братство", не осуществимыми в условиях классового общества, тогда, как большевистская тактика в борьбе за социализм заключалась в раз'яснении трудящимся массам о переходящем характере февральской революции, об империалистическом характере буржуазного временного правительства, о необходимости концентрации всей власти в руках Советов Рабочих Солдатских и Крестьянских депутатов.

Советы рабочих депутатов хотя и работали в полном контакте с буржуазным временным правительством и входили с ним в соглашения по целому ряду вопросов, но это не значило, что большевистская тактика заключалась в немедленном свержении буржуазного временного правительства. „Надо ли тотчас свергнуть временное правительство? Отвечаю: 1) его надо свергнуть, ибо оно олигархическое, *) буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами Рабочих депутатов, и главным Советом, Питерским, прежде всего, 3) его вообще нельзя „свергнуть" обычным способом, ибо оно опирается на „поддержку" буржуазии вторым правительством, Советом Рабочих депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и

*) „Яренская газета", № 3, 1917 года.

крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы, марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма—оборончества, фразы, зависимости от буржуазии." *)

Борьба эсеров за учредительное собрание.

Эсеры и меньшевики, являясь выразителями идеологии буржуазии, дальше буржуазно-демократической республики и не шли. „Для нас не может быть сомнения в том, что самым лучшим и единственно справедливым будет управление демократически-республиканское",—писали яренские эсеры в „Яренской газете", № 1, от 20 июня 1917 года.

Эсеры, рассматривавшие учредительное собрание как „хозяина" русской земли, которое одно правомочно решить формы правления России, развивали энергичную деятельность по выборам, стремясь всеми возможными средствами провести в члены учредительного собрания исключительно эсеров. Для этой цели они вели широкую агитацию среди населения, через специальных агитаторов. Один из видных организаторов коммунистической партии и советской власти в Об'ячевской волости, Д. И. Шулепов, указывает, что „По Прилузскому району в августе 1917 года об'езжал агитатор, командированный вологодской организацией социалистов-революционеров. Этот агитатор в крупных селениях района устраивал общие собрания граждан, „сходы", на которых в своих выступлениях излагал программу социалистов-революционеров. На одном из таких собраний Об'ячевской волости агитатор указывал, что „партия социалистов—единственная партия, которая является другом крестьянства. Социалисты-революционеры приносят мир и благополучие крестьянам, хотят устроить рай земной для крестьян... Поэтому все крестьяне, должны знать, кто такие социалисты-революционеры и при выборах в учредительное собрание голосовать за них" **).

Такие же собрания эсеры проводили и по другим районам Коми области, как Устьсысольском, Яренском и Печорском уездах, где всюду стремились провести своих единомышленников, чтобы обеспечить преобладающее большинство эсерам в учредительное собрание.

---

*) В. И. Ленин—На пути к Октябрю, 22-23 стр., Прибой, 1925 года.
**) Воспоминание Д. И. Шулепова.

Такая агитация эсеров не могла не встретить самого жестокого отпора со стороны большевистски настроенных крестьян и солдат, вернувшихся с фронта. В Об'ячевской волости такими оппонентами выступили солдаты: А. А. Фоминых, Д. И. Шулепов и другие, которые тут же разоблачили классовый смысл выступления агитатора и указали, что единственной партией, которая может дать народам, измученным империалистической войной, мир, хлеб, свободу и землю,—это большевистская партия. Эти смелые большевистские выступления молодых солдат-большевиков заставили маститого агитатора —эсера наброситься с руганью на своих оппонентов, указывая: „Уважаемые граждане, перед вами выступили большевики, большевики—это драчуны. Крупные большевики, как уже выяснено, являются шпионами германскими" и т. д.*)

Таким образом, эсер-агитатор ничего существенного сказать в ответ не мог, кроме ругани и потока клеветнических измышлений на большевиков, что якобы большевики являются шпионами германского империализма, а деревенская большевистски настроенная молодежь способна только оскорблять социалистов-революционеров, „истинных друзей крестьянства".

В Коми выборы в учредительное собрание происходили в августе-сентябре 1917 года. По Яренскому уезду выбранным в члены учредительного собрания оказался Питирим Сорокин —эсер.

С. П. Гулынин, выступивший на заседании Яренского Совета крестьянских депутатов 7 августа 1917 года, ознакомив Совет с кандидатами, намеченными от партии социалистов-революционеров, и указывая на симпатии Яренского Совета крестьянских депутатов к партии социалистов-революционеров, предложил избрать кандидатом в Учредительное собрание от Яренского уездного совета крестьянских депутатов Питирима Сорокина, как уроженца Яренского уезда, Жешартской волости, и вместе с тем деятельного общественного, „научного" и партийного работника. Председатель Совета крестьянских депутатов Н. П. Зиновьев дает краткую биографию о жизни и деятельности П. А. Сорокина, состоящего приват-доцентом Петроградского университета. Выборы происходили тайным голосованием, при участии 25-ти лиц, которые все единогласно высказались за кандидатуру Питирима Сорокина**).

В чрезвычайно напряженной обстановке происходили выборы в учредительное собрание в деревнях, где друг против друга противостояли два резко выраженные полюса: в лице местной интеллигенции, которая играла видную роль в деревне,—с одной стороны, и большевистски настроенные солдаты, вернувшиеся с фронта,—с другой. „Местная интеллигенция,—читаем

*) Воспоминания Д. И. Шулепова.

**) Протокол второй сессии Яренского уездного Совета крестьянских депутатов 6-7 августа 1917 года.

мы в воспоминаниях Д. И. Шулепова,—вступала с солдатами в спор. Последняя указывала, что солдаты потому и поддерживают большевиков, что им лень стало воевать. Агитировать за сепаратный для России мир—позор. Позор таким солдатам".

Вернувшиеся с фронта солдаты, в противовес местной интеллигенции эсеровского толка, приняли активное участие: организовывали крестьянские сходы, агитировали перед крестьянами за большевиков, которые одни могут покончить с империалистической войной, дать крестьянам землю и организовать жизнь людей на социалистических началах.

В Коми области, в частности в Об'ячевской волости, кандидатами в учредительное собрание был намечен эсер Питирим Сорокин. „Выборы в Учредительное собрание в Об'ячевской волости происходили в помещении волостной земской управы. Выборы производились жульнически. В избирательной комнате, кроме членов комиссии, для водворения порядка находилось несколько десятских, которые подсовывали избирателям-крестьянам список от социал-революционеров, при этом избиратели, конечно, не знали, от какой партии им подсовывают список, им оставалось только одно—засовывать этот список в конверт и бросать в урну" *).

Эти жульнические приемы в работе членов избирательной комиссии были вскрыты матросами: Дм. Вас. Оботуровым, А. А. Фоминых, Д. И. Шулеповым, которые, явившись в избирательную комиссию, выразили протест против применения подобных приемов работы, указывая членам избирательной комиссии—фельдшеру С. И. Бызову, Юркину А. Ст. и другим, что „нельзя заниматься подсовыванием списков, так как избиратели должны сами выбирать за кого голосовать. „Наше справедливое замечание членам комиссии не понравилось. Не долго думая, члены избирательной комиссии предложили нам удалиться из избирательной комнаты, мотивируя это тем, что в избирательной комнате не разрешается агитировать за список большевиков. Мы не подчинились требованию членов комиссии и стали требовать, чтобы десятские прекратили подсовывание избирателям списков от социалистов-революционеров. Не долго думая, к нам применили физическую силу: схватили нас за шиворот и выставили из помещения. Сами же, по рассказам избирателей, продолжали подсовывать избирателям—неграмотным крестьянам—список социалистов-революционеров" **).

В результате такой работы избирательной комиссии по Об'ячевской волости эсеры получили большинство, т.-е. из 656 всех голосов эсеры получили 550, болшевики—106 голосов. Эти цифры, ясно, не отражали действительного соотношения классовых сил в деревне в августе, сентябре и в начале октября

*) Воспоминания Д. И. Шулепова.
**) Там же.

1917 г., ибо большинство рабочих и крестьян уже стояло за большевиков. Большевистские лозунги: „Долой империалистическую войну", „Мир народам", „Земля—трудящемуся крестьянству"—были единственными лозунгами, за которыми шло большинство крестьян и рабочие фабрик и заводов. Не будь предвыборного избирательного террора со стороны волостных эсеровских властей, безусловно, мы имели бы преобладающее большинство голосов, поданных за большевиков. Если мы примем во внимание тот предвыборный террор, который осуществляли эсеры по отношению к большевикам, то цифра—106 голосов, полученных большевиками, означала крупную победу.

Таким образом, если по Коми области эсеры при выборах в учредительное собрание имели большинство, то они были получены путем различных шулерских махинаций, путем неслыханного террора и не отражали действительного соотношения классовых сил.

Буржуазное временное правительство не могло не видеть, что после июльских дней происходил верный и последовательный процесс полевения рабоче-крестьянских масс. Учитывая это обстоятельство,—что массы уходят из под влияния эсеров и меньшевиков и становятся под знамена большевизма,—временное правительство стремилось отсрочить созыв учредительного собрания, то под предлогом отсутствия бумаги, то неподготовленностью местного аппарата власти для проведения выборов.

Отражение июльских дней в Коми.

Июльские дни явились переломным моментом в истории февральской революции. Если рабочие и крестьяне до июльских дней в известной степени еще поддерживали временное правительство, то после кровавой расправы меньшевиков и эсеров над мирно демонстрировавшими рабоче-крестьянскими массами массы переходят на сторону большевиков.

Участие широких масс трудящихся в июльские дни на улицах Петрограда, демонстрировавших против временного правительства, об'ясняется тем, что трудящиеся массы начали сбрасывать с себя мелкобуржуазные иллюзии. Они начали осознавать, что только передача всей власти в руки Советов и осуществление ленинских лозунгов—„Превращение империалистической войны в войну гражданскую"—даст измученным от войны народам необходимый мир и свою рабоче-крестьянскую власть в форме Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Недовольство рабоче-крестьянских масс, постепенно накапливавшееся с первого этапа февральской революции, вылилось в знаменитые июльские дни.

Июльские дни ясно показывали, что передовые слои рабочего класса уже вплотную подходили к захвату власти. Большевистская партия, когда движение пролетариата и солдат

стало перекидываться через голову большевистской партии последняя решила принять участие в этой демонстрации, хотя она сознавала, что борьба за пролетарскую диктатуру в данный момент еще преждевременна, что об'ективные условия для окончательной победы еще не созрели. Сталин, на экстренной конференции Петроградской организации РСДРП(б) 16-17 июля 1917 года, указывал: „Имела ли партия право умыть руки в выступлении пролетариата и солдат и уйти в сторону? Умыть руки не имела права; как партия пролетариата, мы должны были вмешиваться в его выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задавшись целью вооруженного захвата власти" *).

Подавление июльского выступления рабочего класса чрезвычайно обрадовало не только буржуазию, но и устьсысольских и яренских эсеров. Как и петроградские эсеры, они распространяли версию о том, что большевики, под руководством Ленина, „подготовили вооруженную демонстрацию" для „захвата власти". „Немедленные захваты, сепаратный мир—проповедуют они. Отделение крепости Кронштадта от России, севастопольские беспорядки—устраивали они. Это у них поднялась рука подготовлять вооруженную манифестацию против временного правительства на 10 июня на улицах Петрограда в то время, как там заседал столь высокий орган власти русской демократии—всероссийский с'езд Советов Рабочих и Солдатских депутатов. Кучка людей, зайдя втупик, хотела выйти на улицу с вооруженной красной гвардией",—читаем мы в газете „Яренская жизнь", № 2, 1917 года.

В действительности же эсеры исказили исторические факты. Большевистская партия никогда не думала в данный момент захватывать власть в свои руки. „Доходят до обвинения в том, —пишет В. И. Ленин,—что большевики „старались овладеть городом", что они хотели „изнасиловать" волю советов, что они „посягали на власть советов" и т. д. А факты говорят, что ни одной не только частью города, ни одним зданием, ни одним учреждением большевики, несмотря на вооружение масс, не овладели (хотя могли овладеть) и не пытались овладеть" **).

Яренские эсеры, исказив эти исторические факты, представили большевиков во главе с тов. Лениным в качестве самых опасных контрреволюционеров.

Для того, чтобы подкрепить свои утверждения, эсеры использовали и те злостные выдумки, которые были составлены врагами большевистской партии, что Ленин является агентом германского императора, что в запломбированных поездах, с красными флагами и революционными гимнами, потянулись

*) Ленин и Сталин—Июльские дни, 23 стр., Изд „Пролетарий". 1925 год.
**) Ленин и Сталин—Июльские дни 1917 года, 7 стр., издание „Пролетарий" 1921 года.

с разных сторон в Россию и званые и незваные „друзья народа“*).

Эсеры не только запугивали массы потерей завоеваний свободы и возвращением старых, дореволюционных порядков, но и демонстрацию петроградского пролетариата против капиталистического правительства Керенского они величали позором, изменой революции. „Это не революционный народ,—писали яренские эсеры,—а толпа насильников; это люди, слепо увлеченные преступной, изменнической агитацией, люди, не знающие, что они творят волю „купленных“, и идущие с пулеметами и бронированными автомобилями во имя свободы и революции—против свободы и революции, рядом с ворами, преступниками и шпионами. Петроградский военный бунт—это та самая контрреволюция, которая грозит залить молодую свободу кровью народной, растлить революцию.“**).

Этот продукт эсеровского творчества, представляющий собой повторение задов петроградских и московских эсеров, лишний раз свидетельствует о том, что они крепко были связаны с крупной буржуазией, которая с помощью временного правительства проводила империалистическую политику, как они были далеки от рабочего класса и крестьянства. Империалистическая политика временного правительства, задержка разрешения аграрного вопроса в пользу крестьянства, отказ от передачи всей власти в руки Советов вызвали вооруженную демонстрацию против временного правительства. „Пролетарская партия,—писал по этому поводу В. И. Ленин,—несмотря на „потерю“ ею нескольких сот ее членов, выиграла гигантски от 3-4 июля, ибо именно в эти тяжелые дни массы поняли и увидали ее преданность и измену эсеров и меньшевиков“ ***).

Не остался в стороне от этого вопроса и заседавший 10-го августа 1-й с'езд крестьянских депутатов Устьсысольского у., который в своей резолюции признал необходимым „поддержать всеми силами народное временное правительство в его твердой решимости охранять страну и революцию от гибели. Поддержать всеми силами боеспособность и могущество армии, всегда способной к наступлению, полагая, что только такая армия и общая наступательная политика могут спасти страну от разгрома, и временное правительство не остановится перед применением самых решительных мер для водворения революционного порядка в армии и твердо призовет тыл и страну к действительной поддержке армии“ ****).

---

*) Ленин и Сталин — Июльские дни 1917 года, 7 стр., издание „Пролетарий“ 1921 года.

**) Там же, № 8, от 14/VII-1917 года.

***) В. И. Ленин—На пути к Октябрю, ст. „Удержат ли большевики государственную власть“, 142 стр., Прибой, 1925 г.

****) Журнал заседаний и постановлений 1-го с'езда крестьянских депутатов Устьсысольского у., У. 1917 г.

Итак, июльские дни показали предательскую роль меньшевистско-эсеровских партий, которые к августу 1917 года окончательно оформились в контрреволюционную организацию Июльские дни дали то, что массы сами на фоне общей политической жизни постепенно сбрасывали с себя те оппортунистические иллюзии, которые отжили в сознании трудящихся в отношении меньшевистско-эсеровской партии, последнее привела к полной изоляции массы трудящихся от этих контрреволюционных партий. Таким образом, июльские дни подготовили условия для скорейшего осуществления пролетарской революции.

Буржуазно-националистическое движение эпохи Февральской революции.

Февральская революция вызвала к жизни и буржуазно-националистическое движение. Первой наиболее выдающейся организацией коми буржуазных националистов явилось „Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Устьсысольского уезда", сплошь состоявшее из эсеров. Последнее организационно оформилось 30 го апреля 1917 года. Инициаторами создания этого общества являлись: быв. статистик Устьсысольского земства В. Ф. Попов и др., которые и вошли в руководящий состав общества.

Общество с первых же дней своего существования открыто заявило, что оно недовольно составом вновь выбранных органов временного правительства, где преобладал буржуазно-чиновничий элемент и слабо были представлены трудящиеся массы. Поэтому руководители этого общества, создавая эту организацию, хотели подготовить условия для усиления преобладания „трудящегося и крестьянского населения" во всех местных органах временного правительства, чтобы потом, пользуясь числовым преобладанием последних, взять на себя руководящую роль в политической и экономической жизни в Коми. В своем воззвании, опубликованном в газете „Известия" (орган обновленцев), указывали, что „наблюдая местную жизнь, как она слагается при обновленном режиме и кого выдвигает в роли ее руководителей, и находя, что до сих пор трудовое и крестьянское население уезда, в силу чисто внешних причин (т.-е. отсутствия надлежащей организации), не дало из своей среды тех лиц, которые бы могли получить достойную, соответствующую числовому и экономическому преобладаниям трудового населения роль и назначение в строительстве новой жизни, тем, чтобы именно представители трудового населения и были хозяевами этой жизни и сами ковали свою судьбу и свое счастье". „Мы, нижеподписавшиеся,—читаем из выпущенных ими извещений,—решили организовать партию „обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Устьсысольского уезда",

для организации крестьянского и трудового населения уезда в один классовый союз с той целью, чтобы, во-первых, возбудить в нем живой и сознательный интерес к местной общественной жизни и, во-вторых, чтобы путем такого интереса заручиться достойным представительством от крестьянского и трудового населения уезда, представительством, способным взять на себя руководящую роль и господствующее положение во всех организациях и учреждениях местной общественной, экономической и хозяйственной жизни уезда" *).

Это первое выступление коми обновленцев уже свидетельствовало о том, что члены общества ставили себе задачей—постепенно овладеть местным аппаратом временного правительства, чтобы впоследствии быть и руководителями всей социально-экономической жизни Коми области. Вместе с тем, из этого же извещения ясно выглядывает и эсеровская физиономия обновленцев.

Политическая программа обновленцев ставила себе следующие цели:

1) Об'единение в общем стремлении создать в России республиканско-демократический строй и изыскание путей к его достижению. Мы, граждане Устьсысольского уезда, как представители трудового населения, должны помнить, что только демократическая республика даст нам возможность всецело развить скрытые культурные и экономические силы, только тогда мы можем всесторонне развиваться, когда произойдет полнейшая демократизация (народоправство) сверху донизу наших правительственных и общественных учреждений. Народ должен сам ковать свое счастье и не надеяться на лиц, назначенных сверху. *)

Уже одно упоминание о буржуазно-демократической республике, как конечной цели революционной борьбы обновленцев, выдает с головой эсеровский характер этой организации, революционность которых дальше учреждения буржуазно-демократической республики и не шла.

Второй пункт политической части программы, указывающий на подготовку „населения к предстоящему учредительному собранию и пропаганда среди его чисто демократических идей"—делает политическое лицо обновленцев настолько ясным, что не возбуждает никаких сомнений. Учредительное собрание—это альфа и омега (начало и конец) эсеров. Именно для подготовки крестьянского населения к выборам в учредительное собрание и борьбы за буржуазно-демократическую республику и была вызвана к жизни эта эсеровская партия под скромным наименованием обновленцев.

*) Дело № 13 „Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Устьсысольского уезда", 1 стр.

*) Газ. „Известия" „Общества обновления местной жизни", № 1, от 18/V 1917 года.

Экономическая часть программы также носит эсеровский характер, как-то: „широкая пропаганда кооперативных идей, учреждения и об'единения кооперативов, изыскания средств кредитования их в самых широких размерах, обследование естественных богатств уезда и изысканий способов эксплоатации их, распространения среди земледельческого населения уезда с/хоз. знаний и полезных для дела сведений; урегулирование и возможная нормировка спроса и предложения труда, освещение земельного и лесного вопроса в уезде и выработка желательных форм землевладения и землепользования для представления в учредительное собрание". При чем решение земельного и лесного вопросов общество считает возможным только с социалистической точки зрения—вся земля и лес должны принадлежать народу. *)

Такой же эсеровский характер носит и программа культурно-просветительной деятельности,—организация в городе и в уезде лекций, собеседований на текущие политические и общественно-просветительные темы, приобретение газет, книг, брошюр, учреждение в уезде школ с повышенным и более реальным уровнем знаний, с непременным преподаванием начал обществоведения, этики, морали и истории местного края" **).

Довершением их „социалистической" программы является устав общества, членом которого мог быть „всякий, достигший 18 лет, принимающий программу общества и поддерживающий общество материальными средствами", т. е. членом мог быть любой капиталист, купец, промышленник, ростовщик, принимавший программу эсеров.

Итак, перед обществом обновления местной жизни стояла задача—подготовить массы коми к учредительному собранию и осуществлению в России буржуазно-демократического строя и вести борьбу с большевистскими идеями, которые были чрезвычайно сильно распространены среди коми демобилизованных солдат и крестьянства.

Но обновленцам не повезло.

Прежде всего им не повезло с изданием газеты. Газета была явно враждебно встречена представителями местной власти временного правительства, которые зорко следили за деятельностью обновленцев, претендовавших занять руководящие посты в Коми. Столкновение обновленцев с местной администрацией произошло с первых же шагов деятельности этой организации, в частности на почве опубликования на коми языке воззвания „Комі јӧз", в котором последние усмотрели дискредитацию новой народной власти. Автор этого воззвания М. Д. Кузьбожева указала, что у власти после февральской революции

*) Газ. „Известия" „Общества обновления местной жизни", № 1, от 18/V 1917 года.

**) Там же.

остались те же старые чиновники в светлых пуговицах, которые были у власти и раньше. Поэтому, совет Устьсысольского уездного временного комитета 24/V-1917 г. указал обществу обновления, что данным воззванием внушается населению недовольство выборами должностных лиц и вселяется недоверие к новой народной власти, что может „иметь неблагоприятные последствия и в настоящее время, когда всюду замечается самоуправство и игнорирование распоряжений местной власти, и комитет просит воздержаться от распространения данного воззвания".

При таких натянутых отношениях на создание газеты было мало надежды, и начавшаяся издаваться газета „Известия" дальше трех выпущенных номеров не пошла, и ввиду отсутствия средств должна была закрыться. Таким образом, общество лишилось политического оружия в борьбе за осуществление своей программы.

Обновленцы стремились взять на себя руководство по организации выборов крестьянских депутатов Устьсысольского уезда, которые должны были состояться в начале августа 1917 года. Но на ходатайство общества, о поручении им выполнить эту работу, земская управа ответила, что „организация по созыву уездного с'езда крестьянских депутатов в г. Устьсысольске оставлена за земством". Мало и этого. Когда состоялся с'езд советов крестьянских депутатов, комитету общества обновленцев было предоставлено одно место. Таким образом, Комитет обновления местной жизни потерпел полное поражение.

Не повезло обществу обновления и по линии крестьянства. Обществу не удалось организовать крестьянство ни вокруг Устьсысольского уездного общества, ни вокруг волостных обществ, несмотря на то, что в деле организации последних были мобилизованы наиболее культурные силы деревни—учительство, библиотекари, зав. обществом потребителей, врачи и дьяконы, священники и т. д.

Не помогли и отдельные выезды агитаторов в волости. Так, в хронике „Известий" № 3, мы читаем, что „ М. Д. Кузьбожева ездила в уезд для чтения лекций по текущим вопросам. Она была в Межадоре, Ибу, Пажге, Лозыме, где по ее просьбе созывали крестьянские сходы, и она рассказывала крестьянам простым понятным зырянским языком о происходивших событиях, о войне, о временном правительстве и т. д.," (газ. „Известия", № 3).

Кузьбожева в своих докладах крестьянству указывала, что „временное правительство является единственно демократическим правительством, которое крестьяне должны поддерживать. Есть группа людей, принадлежащих к партии социал-демократов, с Лениным во главе, которая не разделяет этого взгляда как на временное правительство, так и на войну и на аграрный вопрос. Проповедуя проведение аграрных реформ до учредительного собрания, большевики вносят развал и разруху

в деревенскую среду, благодаря чему уже произошли крупные земельные беспорядки, в результате которых часть земли оказалась незасеянной, а порчей инвентаря крестьяне причинили колоссальные убытки". (Там же, № 3).

Эти агитационные выступления Кузьбожевой полностью раскрывают всю систему политических взглядов обновленцев, заключавшихся в поддержке временного правительства, в защите наступательной империалистической войны и т. д. Суб'ективно обновленцы предполагали, что их агитация имеет успех. Им казалось, что они успешно борются с большевизацией масс. Об'ективно же их агитация ускоряла большевизацию масс. Те сопоставления ленинских и эсеровских взглядов на аграрный, рабочий, военный вопросы крестьянству ясно показывали на чьей стороне правда. Эта правда была настолько ощутительна, что сама Кузьбожева с горестью констатировала, что в Коми крае из-за этой большевистской агитации произошли „крупные земельные беспорядки", в результате которых часть земли оказалась незасеянной, а порчей инвентаря причинены большие убытки.

Большую роль в деле большевизации крестьянства сыграли не только большевистски настроенные солдаты, но и ряд большевистских газет („Правда" и др), которые несли во все концы Коми области ленинские лозунги о превращении империалистической войны в войну гражданскую, о конфискации земли в пользу крестьянства и т. д. Кузьбожева, которая раз'езжала по уезду в июле м-це 1917 года, указывала, что „Правда" была рассеяна по всем деревням.

Большевистские газеты не только подготовили условия для Октябрьской революции в Коми, но и способствовали поражению обновленцев, под наименованием которых фигурировала эсеровская партия.

Итак, деятельность коми обновленцев после февральской революции была направлена на укрепление буржуазно-демократического строя и господства капиталистов над рабоче-крестьянскими массами. Обновленцы тормозили перерастание февральской буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

То, что коми обновленцы дальше буржуазно-демократической революции и не шли, блестяще подтверждается выступлениями ряда обновленцев на учредительном с'езде Советов 18I—1918 г. и на первом с'езде Советов Устьсысольского у. в марте 1918 г., где последние требовали отрыва Коми области от Советской России и создания буржуазно-демократической республики.

Эти выступления ярко свидетельствовали о том, что коми обновленцы не являлись защитниками рабочих и крестьян, какими себя изображали в своих декларациях. Требуя отрыва Коми области от Советской России и учреждения Коми буржуазно-демократической республики, обновленцы после Октябрьской революции превратились в агентуру контрреволюции и интервентов.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Предпосылки Октябрьской революции.

Февральская революция, совершившаяся в Коми, по своему социальному содержанию являлась буржуазно-демократической революцией. Она должна была покончить с империалистической войной, разрешить в пользу крестьянства земельный вопрос, ликвидировать национальный гнет. Империалистическое временное правительство ни одну из этих задач не выполнило, „Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии,— пишет Сталин,—не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая. грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета Правительство Львова — Милюкова — Керенского не только не порвало с политикой национального гнета, но организовало еще новый поход против Финляндии (разгон сейма летом 1917 года) и Украины (разгром культурных учреждений Украины). Более того, это правительство, империалистическое по своей природе, призвало население к продолжению войны для подчинения новых земель, новых колоний и национальностей" *).

Эсеры и меньшевики, господствовавшие в Коми в эпоху февральской революции, всеми силами поддерживавшие временное правительство, „в национальном вопросе нисколько не отступали от принципов самодержавия. Коми эсеры, тем не менее, будучи националистами, как показал послеоктябрьский период их деятельности, больше всего заботились о том, чтобы не подчеркивать своего национализма, а итти целиком в русле политики временного правительства. Это им удавалось как нельзя лучше, и мы не можем привести ни одного случая, когда бы ими была допущена какая-нибудь бестактность „в национальном вопросе". **)

Империалистическая война, прекращения которой требовали рабоче-крестьянские массы, продолжала свирепствовать с неослабевающей интенсивностью. Коми буржуазия, которая в условиях империалистической войны, во-всю умножала свои капиталы, устами своих представителей в Устьсысольском и Яренском уездных временных комитетах и в земстве заявляла о своей

*) И. Сталин —Об Октябрьской революции, 4 стр., М. 1932 год.
**) Н. Ульянов—Октябрьская революция и гражданская война в Коми области, 10 стр. Архангельск, 1932 г.

полной солидарности с империалистическим временным правительством на дальнейшее продолжение войны, до полной победы союзников.

Коми буржуазия была заинтересована в том, чтобы путем смычки с новой „революционной" властью не только спасти свои капиталы от „черни", но, с помощью этой власти, путем расширения торгово-ростовщической эксплоатации, дальше умножать свои богатства. Что буржуазия именно так поступала, видно из тех прений, которые велись на заседаниях Устьсысольского уездного временного комитета 26-28 мая 1917 года, когда представители солдатского совета депутатов обвиняли местное купечество в том, что последнее путем продажи одной партии хлеба в голодающие районы, выручило чистой прибыли в сумме 30000 руолей

Спекуляция хлебом в условиях жесточайшего голода, массовое повышение цен на предметы питания, понижение заработной платы рабочим, неспособность эсеровских продовольственных организаций наладить дело снабжения,—все это давало предметный урок коми рабочим и крестьянам, что февральская революция не только не улучшила их экономического положения, но резко ухудшила его.

Февральская революция не разрешила аграрного вопроса. Трудящиеся массы, которые ждали от временного буржуазного правительства и от его местных органов конфискации всех частнособственнических земель и передачи их в руки непосредственных производителей—крестьян, этого не дождались. Когда представители крестьянства на заседаниях Устьсысольского уездного временного комитета 26-27 мая 1917 года потребовали дополнительного наделения крестьян землей и захвата частнособственнических земель, им дали понять, что до созыва учредительного собрания земельный вопрос разрешен не будет, и что со всеми проявлениями самовольных захватов местная власть будет вести самую суровую и решительную борьбу.

Не разрешила февральская революция основного вопроса, касавшегося бывших царских колоний, -это ликвидацию национального гнета. Коми и при временном правительстве продолжала быть на положении колонии, в качестве сырьевой базы русской метрополии и как рынок для ввоза русских и иностранных товаров.

Таким образом, коренные задачи февральской революции как-то: прекращение войны, разрешение аграрного вопроса в пользу крестьянства, передача всей власти в руки Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, ликвидация национального гнета, не могли быть разрешены потому, что они выходили за пределы буржуазного характера временного правительства. Временное правительство не могло пойти на нарушение принципов священной частной собствен-

ности, не пошло на конфискацию церковно-монастырских и частнособственнических земель, на передачу промышленных предприятий в руки рабочих, т. к. оно было правительством капиталистов и помещиков.

Если меньшевики и эсеры, рассматривали февральскую революцию как средство для продолжения империалистической войны, для узаконения и увековечения социал-демократического строя в форме буржуазно-демократической республики, то большевики на этих достигнутых успехах не останавливались, а шли дальше. Февральская революция, по мнению большевиков, являлась первым этапом революции, которая должна была завершить буржуазно-демократическую революцию и переходить ко второму этапу революции,—к революции социалистической. „От революции демократической,—пишет В. И. Ленин,—мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути... Мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической."

Гегемоном буржуазно-демократической и социалистической революции в коми являлся рабочий класс, который в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством большевиков, и совершил социалистическую революцию и установил советскую власть, свергнув господство меньшевиков и эсеров, которые держались у власти в коми еще ряд месяцев после Октябрьской революции в центре.

Грубейшим искажением истории Октября в Коми мы считаем утверждение Цембера о том, что рабочий класс Коми не принимал никакого участия в социалистической революции. „Октябрьская революция,—пишет Цембер,—в Коми области запоздала почти на 3 месяца. Препятствием служило то обстоятельство, что власть находилось в руках мелкой буржуазии и др. противосоветских элементов. Главной причиной являлось отсутствие промышленного пролетариата, основного ядра, вокруг которого могли бы сгруппироваться революционные элементы. Находящееся на 3-х небольших железоделательных и чугунно-литейных—в Ювчиме, Кажиме и Ючпасе—не многочисленное рабочее население, всего 400 человек, почти никакого влияния не оказывало на ход событий и никакой роли не играло в Октябрьские дни" *).

Это мнение Цембера является клеветой на рабочий класс и крестьянство, которые в союзе с русским пролетариатом и крестьянством свергли русское самодержавие и установили

советскую власть. Отвергая роль рабочего класса, как гегемона в революции Цембер тем самым сходит с марксистских позиций и дает небольшевистское об'яснение истории Октябрьской революции, ибо для всякого большевика должно быть ясно, что рабочий класс является гегемоном как в совершении буржуазной, так и социалистической революций.

Основная ошибка Цембера состоит в том, что он, публикуя материалы по февральской и Октябрьской революции, совершенно не заметил революционной деятельности не только кажимских рабочих, но и лесорубов, крестьян, одетых в солдатские шинели, которые, совершив февральскую революцию, пошли дальше,—к революции социалистической и установлению своей рабоче-крестьянской власти.

От февраля к Октябрю.

Октябрьская революция, совершившаяся в центральной России, вызвала бешенную ненависть со стороны коми буржуазии и ее лакеев—эсеров и меньшевиков. С первых же дней по получении известия о падении буржуазного временного правительства коми эсеры и учредиловцы принимают ряд мероприятий по борьбе с пролетарской революцией и восстановлению власти свергнутого буржуазного временного правительства. 29-го октября 1917 года, В. Ф. Попов, один из крупнейших противников советской власти эпохи Октября, на очередном собрании городской думы знакомит гласных с теми событиями, которые произошли в Петрограде и в Москве. „Вожаки большевистской партии,—докладывал В. Ф. Попов на этом собрании,—заняв Президиум Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, подняли восстание войск, опираясь на сочувствие масс пролетариата. Большевикам удалось арестовать временное правительство, от которого прекратилось получение телеграмм 28 октября" *).

В результате такой информации, буржуазно-меньшевистско-эсеровская дума обратилась телеграммой „в Комитет спасения родины и революции", в которой писала, что „Устьсысольская городская дума обновленного состава, с представителями духовенства, узнав о насильственном захвате власти большевиками, об аресте временного правительства, и признавая, что все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии, разрушению армии и дезорганизации тыла, выражает единогласное и глубоко продуманное негодование и решимость—не останавливаться в борьбе с захватчиками власти перед самыми суровыми мерами. Гибель России, на которую ведут ее большевики, может быть устранена только единением всех сил страны вокруг „Комитета спасения родины и революции" и восстановлением коалиционного временного правительства,

*) Известия Коми Обкома ВКП(б), № 7—8, 1923 года, 51 страница.

что городская дума ставит себе священным долгом и неотложною обязанностью." *)

Устьсысольская городская дума не только ограничилась декларированием своего враждебного отношения к пролетарской революции, но, опасаясь того, что подобное может произойти и в Коми, приняла ряд мер борьбы против назревшей пролетарской революции.

Первым мероприятием ее было оказать полное неподчинение декретам советской власти, для борьбы с большевиками они пытались создать военные дружины. Эта организация, безусловно, была направлена против выступлений со стороны наиболее революционных элементов коми, в особенности демобилизованных солдат, которые, как мы видели, еще в мае 1917 года предлагали насильственный захват государственных и частнособственнических земель в пользу крестьянства. Однако „представители Совета Солдатских Депутатов высказались против организации этой дружины, находя, что при невыясненности целей, преследуемых дружиною, могут возникнуть прискорбные недоразумения" **).

Вследствие этого, коми буржуазии пока-что пришлось отказаться от вооруженной охраны для подавления революции.

Организатором противо-советских сил в Устьсысольске явился (будущий палач коми трудящихся) Латкин, избранный буржуазией, кулачеством, а также буржуазными националистами после февральской революции, председателем устьсысольского земства. Вполне понятно, что, имея таких руководителей, состоявшееся вскоре после Октябрьской революции устьсысольское чрезвычайное земское собрание вынесло постановление о полном неподчинении земских и городских учреждений советскому правительству. Латкин, имея на руках постановление земства, ревниво принялся за выполнение воли коми буржуазии. Так, довольно продолжительное время он скрывал все телеграммы и распоряжения Совнаркома, об организации советской власти на местах, о социализации земли и т. д. Но, как ни ухитрялись прислужники коми буржуазии дальше скрывать от трудящихся всемирно-исторический смысл великого Октября, — факт перехода власти в руки рабочих и крестьян скоро сделался известным для широких масс населения. На Устьсысольском уездном очередном земском собрании в январе 1918 года, один из тогдашних вождей коми буржуазии, Н. И. Митюшев, докладывал, что „теперь, кажется, нет ни одной волости, где бы не была нарушена мирная жизнь, что приходится констатировать по постановлениям волостных и земских собраний и сельских приговоров. Когда будет конец всему этому, — говорил Митюшев —

*) Известия Коми Обкома ВКП(б) № 7-8, 1923 г., 52 стр.
**) Там же, 54 стр.

когда наступит отрезвление, — никто из нас сказать не может." *)

Картина, нарисованная Митюшевым, довольно правильно отображает политическое настроение коми трудящихся эпохи социалистической революции. Это свидетельство классового врага наголову разбивает все утверждения о том, что рабочий класс не играл никакой роли в Октябрьской революции, и что после октябрьского переворота в Москве, Ленинграде, трудящиеся массы в Коми жили якобы тихо, мирно и спокойно под сенью законов буржуазного временного правительства вплоть до первого учредительного С'езда Устьсысольского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, собравшегося 17 января 1918 года (старого стиля) для создания единой советской власти по всей территории Коми.

Этот с'езд представлял собой результат самоотверженной и героической борьбы трудящихся масс коми за создание своей рабоче-крестьянской власти. С'езд открылся 17 января 1918 г. в 12 часов дня, небольшой вступительной речью председателя комиссии при Совете Солдатских Депутатов Устьсысольского местного солдатского комитета, солдата Земского. На этом с'езде было представлено земское собрание в полном составе, в числе 42-х человек, продовольственный с'езд — в числе 103 человек, от солдат — 12 человек, крестьян — 16 человек, от мещан — 9 человек, от союза служащих — 15 человек, от союза казначейских служащих — 1 человек и от союза учащихся — 6 человек, всего — 179 человек.

Приурочение созыва первого Учредительного С'езда Советов ко времени созыва очередного земского собрания и уездного продовольственного с'езда, привлечение на учредительное собрание представителей ряда организаций делалось с определенной целью. Представители коми буржуазии, сидевшие у власти, видели, что, в условиях все усиливающейся классовой борьбы, дни местных органов, не существовавшего уже в природе временного правительства, сочтены, и если они не изменят своей тактики по отношению к Советам, если не признают советской власти, имевшей к тому времени громадную популярность в массах рабочих и трудового крестьянства Коми, то они будут выброшены в мусор истории. Они или должны были бороться с Советами, или же прикинуться сторонниками Советов и под вывеской Советов продолжать борьбу.

Они выбрали последнее. Один из вождей коми буржуазии, член государственной думы, поп-расстрига Д. Попов, прямо указывал, что „бывшая до сих пор власть потеряла авторитет, а без него может наступить анархия. Я настаиваю на необходимости создания сильной верховной власти для края, выражающей волю народа, власти беспартийной, которая будет носить

*) Журнал Коми-му, № 1-2, 1924 года, 80 стр.

название Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

Буржуазии по существу нужно было удержать власть. И усилиями эсеров и меньшевиков такая власть была создана соответствующим представительством от различных групп населения. Уездный Исполнительный Комитет оказался сконструированным из следующих лиц: от солдат Устьсысольского гарнизона—Н. М. Фоминых, А. Г. Мальцев и Т. Земский; от мещан—И. Д. Заболотский, С. П. Малыгин и С. Юрьев; от общественных организаций Устьсысольска—В. Ф. Попов, И. П. Петроканский, Е. Ф. Вежев; от крестьян—А. Микушев, А. Кузнецов, В. А. Сердитов, Е. Н. Бусов, А. М. Мартюшев, В. Г. Ульныров, И. М. Чеусов.

Эсеры и меньшевики торжествовали. Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов на известный период времени оказался в их руках. Председатель, закрывая собрание Учредительного С'езда Советов, заявил, что „дело кончено, раз'езжайтесь по домам, об'явите всем, что мы сорганизовали новую власть и что этой власти надо беспрекословно подчиняться. Власть это—народная, сильная, она может за неподчинение и покарать сильно. Об'являю заседание закрытым". *) После закрытия заседания коми Милюков—Д. Попов—кричит: „Да здравствует свободный зырянский Совет!"

Такую же ненависть питали к великой Октябрьской революции и яренские эсеры и меньшевики. Они так же, как устьсысольские, господствуя в яренском Совете Крестьянских депутатов, в ноябре 1917 года выступили с резким протестом против социалистической революции для борьбы с большевизмом. Яренские эсеры и меньшевики, для борьбы с надвигающейся Октябрьской революцией в Коми организовали так называемый Яренский Уездный Комитет по борьбе с анархией и для личной имущественной безопасности граждан. Председателем этого карательного комитета был назначен яренский уездный комиссар временного правительства Добряков, которому и была поручена организация отряда добровольцев для охраны порядка и спокойствия и ликвидации всех могущих быть большевистских выступлений в городе и в уезде.

Отношение к Советам со стороны эсеров и меньшевиков, засевших в Яренском Совете Крестьянских депутатов, особенно ярко вырисовывается из работ 3-го Яренского с'езда, состоявшегося в марте 1918 года. Выступавший в прениях Исаков указывал, что „считает возможным в настоящее время передать управление страной Советам в лице Крестьянских депутатов до тех пор, пока учредительное собрание не установит прочной власти". **).

---

*) Журнал учредительного с'езда Советов 17 января 1918 года, 16 стр.
**) Журнал заседания 3-го крестьянского с'езда Яренского уезда, 4-5 стр.

На этом с'езде впервые эсеровское большинство получило серьезный удар со стороны меньшинства, руководимого большевиками Коиновым и Белых.

Т. т. И. П. Коинов и Белых заявили, что они считают Октябрьскую революцию величайшим событием в мировой истории человечества, что учредительное собрание уже отжило себя, что оно, как ненужное, ликвидировано самими трудящимися. То, что эта маленькая группа коммунистов имела успех среди делегатов с'езда, свидетельствует и та резолюция, предложенная тов. Коиновым, в которой указывалось, что вся власть должна быть в руках Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. За резолюции двух большевиков, Коинова и Белых, голосовало 15 человек, что следует признать крупной победой большевиков. Интересно отметить, что в то время, когда советская власть в центральной России уже укрепилась, тов. Коинов на 3-м крестьянском с'езде участвовал только с правом совещательного голоса, подвергался со стороны председателя собрания всяким притеснениям, лишался несколькократно слова, и так далее.

Нарастание Октябрьской революции в коми деревнях происходило в чрезвычайно бурной обстановке. Волостные земства, выбранные после февральской революции, состояли почти везде исключительно из кулаков, купцов и промышленников. Большевик Напалков, возвратившись из армии после февральской революции в свое село Керчемью, указывает, что „спекуляция, дневной грабеж процветали во всей славе при поддержке кулацкого земства. Спекуляция, в первую очередь, ударила по бедноте, которой приходилось проедать на продукты питания последние рубашки. Если же отдельные смельчаки имели смелость возражать против этой грабиловки, то они лишались и этого удовольствия. Им совершенно не продавали продуктов, а старались больше продавать в другие волости" *).

Политика кулацкого земства, заключавшаяся в повышении цен на хлеб, за помол зерна и т. д., заставила бедняцкую часть крестьянства, под руководством революционно настроенных фронтовиков деревни, об'единиться для борьбы с кулачеством в свою рабочую организацию. Этой организацией и явился рабочий комитет, будущий Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, который уже приступил к выполнению функций, возложенных на этот комитет керчемской беднотой. Из постановления рабочего комитета видно, что последний обсуждал вопросы: 1) о наложении налога на подрядчиков, 2) против повышения цен на хлеб кулаками и вывоза его из волости, 3) о мельниках, которые за помол зерна берут дорого (грабят) и об отобрании мельниц у старых хозяев, 4) о смене православного попа, как противника нового режима и очень

*) Воспоминания тов. Напалкова.

жадного, 5) о наложении подоходного налога на всех купцов и торгашей.

Эти вопросы, рассматриваемые на заседании рабочего комитета, указывают на то, что керчемский рабочий комитет являлся действительным руководителем крестьянской бедноты своего села, идейным проводником большевистской политики в борьбе с кулачеством. Ясно, что такая большевистская политика была не по вкусу кулацко-купеческому земству, поэтому все эти постановления рабочего комитета, в частности его постановление об обложении налогом 16 кулаков в сумме 4.000 руб., земством были оставлены без внимания.

Такая политика земства указывала рабочим и крестьянской бедноте, что революционные постановления трудящихся могут быть осуществлены только тогда, когда будет свергнуто кулацкое земство, будет установлена Советская власть.

Придя к таким выводам, рабочий комитет начинает готовиться к боям. Для этой цели он 25 декабря поднимает перед Устьсысольским Солдатским Комитетом вопрос об отпуске 20 винтовок для вооружения бедноты. Тогда же был разрешен вопрос об об'единении рабочего комитета с местным керчемским солдатским комитетом, после чего и был образован об'единенный комитет рабочих и солдат для борьбы за советскую власть.

Первой основной задачей об'единенный комитет считал перевыборы волостного земства, для удаления оттуда купеческо-кулацкого элемента и введения туда деревенской бедноты. Развернувшаяся по этому вопросу кампания прошла удачно. „27 декабря,—пишет А. Е. Напалков,—под давлением рабочего и солдатского комитета волостная земская управа вынуждена была собрать общенародное собрание, где представителем Комитета ставится вопрос о пересмотре гласных. Ему удается заменить тех купцов и торгашей. На основе этого перевыбора, комитет на своем заседании 30 декабря предлагает председателю земской управы созвать земское собрание обновленного состава на 31 декабря. Но на это предложение председатель управы отвечает отказом, в виду того, что выборы еще не утвержденны уездным комитетом и выборы незаконные, так как проведены не тайным голосованием, а открытым.“ *).

Получив такой ответ, керчемские большевики решили обратиться с телеграммой в Москву, на имя Совнаркома, о разрешении произвести перевыборы старых гласных, как сторонников старого режима. Полученный ответ: „Проявляйте больше революционной инициативы, действуйте в принятом вами направлении—Нарком Внутренних дел Петровский“—чрезвычайно ободрил керчемских большевиков.

„В конце декабря 1917 года,—пишет Е. А. Напалков,—засе-

*) Воспоминания тов. Напалкова, 3 стр.

дания были чуть-ли не каждый день. На некоторые дни приходилось несколько заседаний. Активность была чрезвычайно большая, особенно среди демобилизованных солдат. Путем постановлений нажимали на контрреволюционное земство, но оно продолжало делать свое, чувствуя за собой опору со стороны Устьсысольского уездного земства, возглавляемого известным палачем Коми трудящихся, белогвардейским губернатором Латкиным. Поскольку одними постановлениями ничего нельзя было сделать, то группе большевиков, Рабочему и Солдатскому Комитету, пришлось приступить к более реальным мерам,—связаться с большевиками других волостей, особенно с Устьсысольскими. Для этого в начале января был командирован от имени керчемской группы большевиков в Устьсысольск Е. А. Напалков, для участия в подготовке к свержению уездной земской власти и организации советской власти" *).

Командировка Е. А. Напалкова в Устьсысольск как раз совпала с началом работ (17 января 1918 года) учредительного с'езда Советов. После приезда тов. Напалкова в Керчемью, 2 февраля 1918 года на общенародном собрании, после его доклада об организации в Устьсысольске уездного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, были произведены выборы в керчемский Совет.

Организация Совета, его работа, под руководством керчемских большевиков, на первых же шагах встретила целый ряд препятствий со стороны рядом существовавшего волостного купеческо-кулацкого земства. Волостное земство, пользуясь поддержкой соглашательского Устьсысольского уездного Совета, имело возможность совершенно открыто проводить свою линию, считая образовавшийся Совет анархической организацией. Такая политика и подобная оценка революционной власти керчемских трудящихся лишний раз указывала керчемским коммунистам о необходимости скорейшей ликвидации волостного земства и захвата власти в руки керчемского Совета, что вскоре и было сделано.

Приблизительно в это же время происходит переворот и на Печоре, в частности в с. Мохче. Организатором Мохчинского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов являлся бывший политический ссыльный, социал-демократ большевик Зыков, убитый вскоре мохчинскими кулаками-оленеводами. Избранный после февральской революции комиссаром временного правительства он связывается с Петроградским Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и, получая оттуда указания об организации советской власти на Печоре, принимает деятельное участие по организации органов диктатуры рабочего класса на Печоре. Его работа в условиях обостренной классовой борьбы сразу-же вызвала к нему бешеную

*) Воспоминания тов. Напалкова, 4 стр.

ненависть со стороны всего кулацко-купеческого актива. Поддерживаемый большевиками-солдатами и большевистски настроенными крестьянами, требовавшими ликвидации земских учреждений и организации органов советской власти, Зыков возглавлял движение бедноты за создание советской власти. Однако, существовавший в то время при земстве царский суд арестовывает его за большевистскую агитацию и освобождает только под залог 500 руб.*)

Несмотря на репрессии, Зыков продолжает организовывать трудящиеся массы вокруг советской власти и уже 25 февраля 1918 года созывает новое общее волостное собрание. На этом собрании тов. Зыков ставит вопрос о том, кто такие большевики и какая разница между Советами и земством, и после этого доклада ему удается на этом же собрании поставить вопрос о выборе Советов и произвести выборы. Первый Совет был выбран в составе 30 человек, председателем которого единогласно был выбран тов. Зыков.**)

Мохчинские капиталисты—оленеводы, кулачество, попы и торговцы, т.-е. весь „цвет" коми деревни эпохи русского самодержавия, сразу же пошли походом против Совета, особенно против его руководителя, председателя-большевика Зыкова. Большевистская политика мохченского Совета выражалась в организации бедноты вокруг Советов, против кулаков, в конфискации имущества кулацко-купеческих групп деревни, в изъятии продовольственных запасов у имущей части села. Кулачество для борьбы с Советом организует специально кулацко-купеческие шайки, состоящие из кулацких, купеческих и поповских сынков, а также случайных лиц, подкупленных кулаками. Терентьев указывает в своей рукописи, что „Федул Вань, мохчинский кулак-оленевод, отпустил бочку мяса одному из террористов". Для того, чтобы свергнуть советскую власть, убрать с дороги большевиков, кулаки награждали наиболее „храбрых" бандитов согласием выдать своих дочерей замуж за наиболее заслуженных „героев". Руками этой банды белых террористов 19 мая 1918 года наносится серьезное ранение вождю мохчинских трудящихся Зыкову, а 27 мая выстрелом из моржовки Зыкова убивают по дороге в Исполнительный Комитет Совета. В результате белого террора кулачества, мохчинская беднота лишается одного из лучших своих вождей, павших за рабоче-крестьянскую власть.

К этому же времени относится и возникновение ижемского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, в организации которого также принимал участие и Зыков. Фронтовик П. М. Канев, по приезде домой из армии, сразу же знакомится с большевиком Зыковым и, получая от него практиче-

*) Рукопись тов. Терентьева, „Очерки из гражданской войны на Печоре".
**) Там же, 6 стр.

кие указания, вместе с Ф. П. Поповым приступает к организации Совета в Ижме. Бедняцкой части села Ижмы, под руководством большевиков, в условиях бешенного сопротивления ижемского купечества и кулачества, все же удалось организовать Совет в составе П. М. Канева, Ф. П. Попова, М. Н. Филиппова и других. На другой день избранный состав Совета явился в земскую управу для принятия дел, но встретил сопротивление; тогда прихвостни кулачества были силой удалены из помещения, и организационная комиссия переименовала себя в Совет, который стал работать под председательством Ф. П. Попова.

Ижемский Совет организует рабоче-крестьянскую милицию, сплачивает вокруг себя бедноту, особенно большевистски настроенных фронтовиков-солдат, и укрепляет свои позиции в селе. Организация советской власти, ее большевистская политика вызвали бешенное сопротивление кулачества. Почти ни одно собрание бедноты не проходило без участия кулаков. „В воспоминаиях того же Канева,—говорит т. Терентьев,—имеется любопытная обрисовка одного из общегражданских собраний в первый период существования Совета: „богатые сели особо, беднота села отдельно. Безмолвствуют. Напряженное состояние,—готовы броситься друг на друга. Весьма возможно, что на этом собрании призошла бы кровавая схватка. Как выявилось впоследствии, кулаки за тем и приходили на собрание, но Советом своевременно была разряжена атмосфера. Был об'явлен обыск у собравшихся. Закрыли было двери, чтобы не разбежались, но кулачество, почувствовав себя не на месте, стало разбегаться от обыска, предварительно уронив лампу и потушив свет, бежало через окна, уборную. После, когда все улеглось и успокоилось, на полу подобрали четыре револьвера, брошенные убежавшими кулаками, на коих и была наложена впоследствии контрибуция“**).

В такой же обстановке ожесточенной классовой борьбы происходит организация советской власти и на Ухте, организаторами которой явились демобилизованные солдаты и рабочие ухтинских промыслов. Организатор советской власти А. С. Кустышев указывает, что Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов был создан 10 августа 1918 года, куда прошли главным образом фронтовики, сразу же проводит национализацию нефтепромыслов. Кустышев указывает, что следующим этапом работы была конфискация у нефтепромышленника Головина в размере 1000 пудов нефти“ **).

Эти мероприятия вызывают ненависть кулачества и промышленников Ухты. Они пытались даже разоружить Совет, но эта попытка кончилась поражением, так как вооруженная опора Совета, сплошь состоявшая из демобилизованных солдат, ока-

*) Рукопись тов. Терентьева.
**) Там же.

зала кулачеству и купечеству такой внушительный прием, что последние отложили свою месть до более благоприятных условий. Это говорит о том, что советская власть на Ухте опиралась на рабочих и подавляющее большинство бедняцко-середняцких масс деревни. Это подтверждается и тем, что, несмотря на занятие в августе Архангельска иностранными оккупационными войсками, Ижемский Совет продолжал существовать, как и другие Советы Печоры. Итак, решающую роль в деле организации Советов в коми деревнях сыграли большевики из демобилизованных солдат, которые, возглавив бедноту, в союзе с середняком, разогнали кулацко-купеческие земства и создавали Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Буржуазно-националистическое движение.

Социальные корни националистического движения коми нужно, конечно, искать не в головах отдельных людей, а в самой экономике коми. Местный национал-шовинизм представлял собой результат национально-колониальной политики русского самодержавия по отношению к своим колониальным народам. Завоевание, колонизация, насильственная руссификация, преследование национального коми языка, игнорирование и подавление всякой мысли о политическом самоопределении народов и т. д.,—вот основное содержание национальной политики царизма.

Колониальный гнет русского самодержавия, выражавшийся в искусственном поддерживании Коми на низком техническом уровне по сравнению с русской метрополией, в задерживании развития проиводительных сил с целью использования Коми, как колонии ,в качестве сырьевой базы русской промышленности и рынка для сбыта товаров и капиталов русских и иностранных капиталистов, создавал и об'ективные предпосылки для роста буржуазно-националистического движения.

Поэтому, с первых же дней февральско-мартовской революции почти у большинства колониальных народов бывшей царской России мы видим рост националистического движения. Не остались в стороне от этого движения и коми. Но здесь, в силу целого ряда обстоятельств, буржуазно-националистическое движение возникло значительно позже, чем у других народов. Это об'ясняется тем обстоятельством, что местные коми эсеры и меньшевики, поддерживая империалистическую политику временного правительства, и не думали в данный момент заниматься разрешением национального вопроса, и разрешение последнего откладывали на более спокойное время—ко времени окончания империалистической войны.

Чем об'яснить, что коми эсеры и меньшевики не поднимали вопроса о Коми автономии в эпоху временного правительства? Это об'ясняется неспособностью их возглавлять борьбу

коми трудящихся за свое политическое самоопределение. Они боялись, что отказ временного правительства ввести автономию в Коми приведет к росту национально-освободительной борьбы коми трудящихся и к разрешению национального вопроса революционным путем, снизу, самими трудящимися. Эсеры и меньшевики ждали более удобного момента, чтобы получить автономию мирным путем из рук временного правительства.

После свержения буржуазного временного правительства в центре, декларации Советского правительства о праве каждой нации на политическое самоопределение, коми эсеры как усть-сысольские, так и яренские, начинают рассматривать разрешение национального вопроса в плоскости создания независимой от РСФСР буржуазно-демократической республики. Поставили в порядок дня завоевание Устьсысольского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, пользуясь которым можно было бы легко осуществить свои буржуазные замыслы.

Эсеры, подготавливая отрыв Коми от РСФСР, предполагали осуществить его как можно скорее. Вождь коми буржуазии, поп Д. Я. ПОПОВ, на заседании первого с'езда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов в марте 1918 года прямо заявил, что нам „не надо упускать благоприятного времени для создания автономии. Когда Россия придет в устойчивое положение, будет уже поздно, и придется жить по чужим законам. Если не будет автономии, то все богатства зря уплывут в распоряжение центральной власти, и зыряне не получат ничего. Обсудите серьезно этот вопрос, чтобы потом не упрекать инициаторов в обмане" *).

Эти высказывания не оставляют никаких сомнений о том, что эсеры подготовляли полный отрыв Коми от Советского Союза, на правах самостоятельной буржуазно-демократической республики. Коми эсеры потому и приняли активное участие в организации Советской власти в Устьсысольске и в Яренске, чтобы, пользуясь высоким авторитетом Советской власти, возглавлять эту борьбу и действовать в указанном направлении. Уже первый день заседания учредительного С'езда Советов указывает, что коми националисты настолько сильно развернули кампанию борьбы за буржуазную автономию, что этот вопрос сделался предметом суждения на целом ряде заседаний первых с'ездов Советов.

Характерным в этом отношении является выступление того же пресловутого Д.Я. Попова, вступительной речью которого и было открыто первое торжественное заседание учредительного С'езда Советов. „Мы переживаем время величайшей исторической важности, — говорил Д. Попов, — 1917 год не только для нас, русских, но и для всей Европы явился годом величайших потрясений и политических переворотов. Великая русская

*) Журн. заседаний 1-го С'езда Устьсысольского Совдепа, 17 стр.

революция принесла свободу, но новые формы жизни еще не найдены. И вот в нашем уезде также не чувствуется, что революция дала нам эти формы. Тревога за хлеб, за жизнь заставляют желать какой либо власти. Такая власть необходима для об'единения народа и успокоения, чтобы никто не препятствовал никому трудиться для себя и на пользу государства. Власть желательно создать сильную, верховную и единую. Я настаиваю на необходимости создания власти беспартийной, которая будет носить название Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов" *).

Эта программная речь вождя коми националистов, Д. Попова, содержит в себе всю квинтэссенцию националистической идеологии коми националистов. Здесь ясно указывается на то, что Октябрьская революция еще не создала новых форм жизни, и массы сами ее ищут, что нам нужно создать такую власть, которая не мешала бы дальнейшей эксплоатации трудящихся капиталистами, при чем власть эта должна быть беспартийной, т.-е. находиться в руках буржуазии. Это выступление Д. Попова было рассчитано на то, чтобы исказить действительный смысл всемирно-исторического значения Октября, представить Октябрьскую революцию анархией, и доказать, что советская власть, разрушив старые формы жизни, не создала новых форм. Какие же старые формы жизни она разрушила? Она разрушила капиталистическую форму жизни, когда тунеядцы жили за счет пота и крови своих эксплоатируемых. Да, они такую форму жизни разрушили, и сделали это правильно, ибо она была для трудящихся каторгой. Но, разрушив эти устаревшие капиталистические формы жизни, разве советская власть не создала новые формы жизни? Разве новые, коллективные формы труда, творчества, общежития, питания, управления производством не новые формы жизни и творчества? А разве советская власть не новая форма жизни, созданная самими рабоче-крестьянскими массами? Для эсеров и меньшевиков, как представителей буржуазии, власть рабочих и крестьян не была законной и приемлемой властью. Для них приемлемой была беспартийная власть, т.-е. власть буржуазии, которая не будет мешать обогащению капиталистов за счет эксплоатации трудящихся.

Коми эсерам нужна была единая верховная власть, совершенно независимая от центральной советской власти. Националист Д. Попов на с'езде так открыто и заявил: „Если мы увидим, что распоряжение высшей власти с нашей точки зрения правильное, то согласимся, если не правильное—не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения их полезности для Края, а не партийности" **).

*) Жур. заседаний 1-го с'езда Устьсысольского Совдепа, 17 стр.
**) Там же, 9 стр.

Если учредительный с'езд Советов проходил главным образом под руководством националистов, то все же на этом с'езде были и представители пролетариата, которые сумели вскрыть реакционный эсеровский лозунг беспартийности Советов и голосовали против всех тех поправок, какие вносили националисты к резолюции, предложенной представителем солдатского комитета о необходимости организации Советской власти. Так, против добавления Д. Попова, сделанного им к общей принятой уже резолюции с'езда „считаться с центральной властью постольку, поскольку распоряжения ее клонятся к общему благу местного населения"—голосовали против 6 человек. Цифра маленькая, но содержательная. Важно было то, что уже отдельные члены этого с'езда поняли, что эти националистические добавки к резолюции, предложенной солдатским комитетом, ведут к полному обособлению Коми от Советской России, поскольку декреты последней могли не приниматься в условиях Коми.

Если Д. Попов при внесении своих поправок еще окончательно не сформулировал своих основных программных мыслей в течение всего заседания, то в своем заключительном слове, при закрытии первого учредительного с'езда Советов, изложил перед с'ездом всю националистическую программу о будущности Коми. „Сегодня мы собрались для образования власти,—говорил Д. Попов,—и создали верховную власть, после чего могу я свободно сказать Вам о чрезвычайной важности автономии для нашего Края, по примеру других автономных единиц. Большинство богатств нашего Севера и открывающиеся после войны перспективы позволяют нам создавать свою автономную единицу. Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш ранее служил лишь окраиной великой России. Но теперь, когда он имеет полное право на самостоятельное существование, обладает громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море, мы должны послать делегата на имеющий быть в недалеком будущем с'езд представителей Северо-восточной губернии для выработки общего положения об образовании из губерний Уфимской, Пермской, Вятской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской особой автономной окраинной единицы. Мы должны послать нашего делегата, чтобы заявить о самостоятельности Края. В будущем у нас должен быть собственный парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах*).

---

*) Журн. заседаний 1-го с'езда Усть-сысольского Совета, 15-16 стр.

Из этой декларации коми националистов мы видим, что последние совместно с другими националистами из перечисленных выше губерний пытались образовать нечто вроде Северо-Американских Соединенных Штатов, в которых, кроме общего республиканского парламента и общего правительства, каждый полноправный член этих „Северо-Восточных Соединенных Штатов" имел-бы полное право на собственный парламент и правительство. Если на учредительном с'езде Советов эта программа националистов не сделалась предметом обсуждения за недоработанностью этого вопроса, в виду чего и была передана для проработки в Исполком Совета, то на первом с'езде Советов в марте 1918 года этот вопрос был поставлен во всю ширь и сделался предметом серьезных дискуссий.

Представитель земства, в лице Устьсысольского уездного комиссара не существовавшего уже давно в природе временного правительства, Н. И. Митюшев, соглашаясь с программой националистов, потребовал, чтобы отделение Коми от России было сделано только с согласия Коми Учредительного Собрания. Такой же точки зрения придерживался обновленец Кассандров. „Отец Дмитрий—автономист,—говорил этот обновленец,—он сторонник такого отделения, какое произвели у себя Малороссия, Финляндия и др., но у них много образованных людей, а у нас их почти нет. Все равно, придут со стороны, например, немцы, сделают по-своему, а не по-нашему. Если дело идет о зырянской республике или автономии, я, как коренной зырянин, не могу не согласиться с такой мыслью и намерением. Я не противник обособления, но считаю необходимым собрать Учредительное Собрание от всего населения, пусть оно само скажет об этом*).

А. А. Чеусов также положительно высказался о создании Коми автономии, указав, что нужно „напрячь все силы для создания великого будущего народа Коми и сохранения неприкосновенности зырянской территории." **)

Среди этого хора голосов представителей коми буржуазии, высказавшихся за полное отделение Коми от РСФСР, были и отдельные голоса высказавшихся по вопросу об отделении Коми от Советской России в более сдержанных выражениях. К числу этих ораторов необходимо указать на А. М. Мартюшева, который указывал, что „полная автономия зырянам непосильна. Мы не можем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и проч. Своих средств у нас на это не хватит и мы будем вынуждены обратиться к Российской республике за помощью, тогда наша автономия будет только на бумаге***).

Представитель крестьянства Данилов также указывал, что „если этот вопрос и обсуждался, то не во всех волостях, деревня в нем не разбиралась, да мы и сами не уяснили хорошо,

*) Прот. первого с'езда Советов от 18 марта 1918 года, 28 стр.
**) Там же, 28 стр.
***) Там же, 16 стр.

что даст нам автономия. Я нахожу, что мы уполномочены решать все вопросы, но только мы не в силах решить этот вопрос, а потому просил бы я товарищей осветить подробно, что такое автономия, чтобы по приезде домой мы могли посвятить в курс обсуждаемого вопроса пославших нас" *).

Эти скептические выступления против буржуазной автономии вызвали резкую отповедь вождя националистов, Д. Попова, который, ссылаясь на пример маленькой Японии, указывал, что последняя из незначительного государства превратилась в культурную, мощную страну в сравнительно короткий промежуток времени, пригласив на службу иностранных инженеров. Когда надобности в последних уже не было, то японцы сказали этим инженерам: Вы получали у нас по 24.000 рублей в год, не угодно ли вам будет получать по две". Ведь и мы можем пригласить необходимых людей со стороны, пока не выйдут из зырян свои инженеры, техники и ученые. У нас 14 миллионов десятин лесной площади, ежегодно можно получать из богатств Края, по моему подсчету, не менее 24 миллионов рублей. На эти деньги мы можем строить железные дороги, открывать учебные заведения, выпускать свои займы**).

Мы специально привели все эти наиболее характерные выступления ряда коми националистов, чтобы на конкретных примерах показать трудящимся Коми, куда гнули вожди буржуазии коми, куда стремились мысли представителей вековых эксплоататоров коми трудящихся. Только разобравшись в этом положении, мы сумеем понять то единство действия между лакеями коми кулачества и представителями русской и иностранной буржуазии, которое мы видели в эпоху гражданской войны на Севере и в Коми области.

Националистическое движение не было массовым движением в Коми. Это было движением буржуазной интеллигенции, отражавшей националистические интересы коми буржуазии и кулачества. Рабочие и крестьяне, бедняки и середняки совершенно не были тронуты этим движением, несмотря на то, что коми националисты пытались и деревню вовлечь в это движение. Указание Данилова о том, что деревня уже обсуждала этот вопрос, ясно свидетельствовало о том, что националисты вопросы автономии ставили на обсуждение перед крестьянством. То, что крестьянство отрицательно отнеслось к этому вопросу, указывает и то обстоятельство, что националисты не могли привести ни одного факта, ни одного документа, из которого была бы видна заинтересованность коми крестьянства в осуществлении буржуазной автономии.

Отделение Коми от Советской республики и установление в ней буржуазно-демократического строя представляла собою

*) Протокол первого с'езда Советов от 18 марта 1918 г., 18 стр.
**) Там же, 17 стр.

попытку наиболее злобствующих крайних националистов установить в Коми господство местной буржуазии и с помощью иностранной буржуазии сделаться руководителями политико-экономической жизни проектируемой ими республики.

Министерские портфели националистам типа Д. Попова нужны были не только для выполнения тех головокружительных планов по развитию производительных сил Коми, проведение коих они проектировали на с'езде, но и для установления господства иностранных капиталистов над трудящимися. Проведение Обь-Котласской и Обь-Беломорской железно-дорожной линии, постройка бумажных, химических, лесопильных заводов и т. д. потребовали-бы сотни миллионов рублей. Откуда националисты предполагали найти эти средства? Безусловно, из заграничных банков. Эти деньги они рассчитывали получить от бельгийских и французских капиталистов, которые еще в 1909-10 году из'являли согласие на вложение своих капиталов на железнодорожное строительство Северного Края и Сибири, с предоставлением им концессий для эксплоатации производительных сил этой дороги на 60 верст по обе стороны.

Бессомненно, последняя была-бы выгодна только для иностранного капитала. Коми Край мог быть довольно ценным рынком по вывозу разных ценных ископаемых, как-то: нефти, железа, угля, гипса, мрамора, леса, рыбы, пушнины и т. д. Последний могла быть и рынком для ввоза различных иностранных товаров. Таким образом, привлечение иностранного капитала в Коми на сотни лет закабалило бы трудящихся Коми области под пятой иностранного капитала; с корнем разрушило и разорило бы природные богатства Коми, благодаря применению хищнических методов эксплоатации этих богатств, составлявших характерную черту деятельности иностранного капитала в довоенной экономике России; оно на сотни лет превратило бы трудящихся Коми в колониальных рабов иностранных капиталистов. Но этого не случилось. Рабочие и крестьяне в Коми под руководством Ленинской Коммунистической партии большевиков разоблачили и разбили буржуазных националистов.

Не менее крупной буржуазно-националистической организацией в Яренском уезде явился „Коми Котыр", или иначе „Союз содействия материальному и духовному развитию зырянского края", организованный яренскими эсерами, которые, как и Устьсысольске, являлись в это время господствующей партией. В Яренске этот союз организовался уже при советской власти и безусловно представлял собой дальнейший, более активный шаг по развитию буржуазно-националистического движения. Этот союз, ставя своей задачей установление буржуазной автономии, после опубликования декларации Советского правительства о политическом самоопределении народов, населявших бывшую Российскую империю, являлся проявлением крайне реакционного буржуазного национализма, желанием буржуазных национали-

стов обособиться от Советской России и создать свою политическую единицу.

Сталин совершенно правильно указывает, что „уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата. их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство. Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на-руку интервенционистам" *).

Буржуазно-националистический характер этого союза выглядывает с первых же слов названия устава общества, носившего наименование „Союза содействия материальному и духовному развитию Зырянского края". „Союз „Коми Котыр",—читаем мы в уставе этого союза,—имеет своей целью способствовать поднятию материального и духовного благосостояния зырянского края", т.-е. разработку многообразных природных богатств края. Для этой цели „Коми Котыр" ставил своей задачей организацию научных экспедиций, исследований и изысканий. Для руководства работой этих научных экспедиций и исследований союз мог создавать „специальные комитеты, отделы, комиссии и секции", по мере дальнейшего развертывания своей деятельности".

Отражая идеологию коми буржуазии в смысле создания культурной автономии, коми националисты первым пунктом в своем уставе включили „Образование особой административной зырянской единицы". Правда, здесь устав этого союза ни слова не говорит о формах новой автономной власти, но, можно смело утверждать, что он дальше культурно-национальной автономии,—в пределах ли прежней „единой", и „неделимой" царской России или Российской буржуазно-демократической республики,—и не шел.

Важнейшей задачей коми националистов являлось „культивирование здорового национального чувства", для достиженя котрого союз „пропагандирует свои идеи в печати, устраивает библиотеки, читальни, книготорговлю, курсы, лекции, беседы и чтение, спектакли, народные праздники, выставки, музеи, изучение местного зырянского края как на русском языке, так и на зырянском языках... Содействует возникновению культурно-просветительных обществ, возникновению кооперативов и их союзов".

Из этих перечисленных выше данных видно, что „Коми Котыр", в основном, стоял на позициях культурно-национальной автономии, независимо от всякого политического строя. Интересно, что самый устав союза составлен таким образом, что последний мог быть в любой момент приспособлен к любому по-

*) И. Сталин—О борьбе с уклонами в национальном вопросе, Сборник—„Ленинизм и национальный вопрос",161 стр, вып. VII—1931 г. Книгоизд. „Северный Кавказ".

литическому режиму. Устав союза прямо указывает, что последний „может быть изменяем, дополняем сообразно политическим и другим внешним условиям существования союза, на общем собрании своих членов".

Коми-котырцы, как и все яренские эсеры, особенную любовь проявляли к земству. Когда трудящиеся массы деревни просили ликвидировать земство, в котором господствовали кулацко-купеческие элементы, и эта ликвидация предписывалась советским правительством, коми-котырцы выступили горячими защитниками земства, указывая, что земство, как единственная светлая страница русской серой действительности, должно быть сохранено. Эсеры и коми-котырцы так ужились с земством, что не мыслили себе возможности жить без земства.

Коми котырцы, отражая в аппаратах Советов идеологию буржуазных элементов в Коми, тем самым задерживали и дальнейшее развитие Октябрьской революции в Коми.

Борьба большевиков в Коми

Рост большевистского влияния в органах советской власти в Коми начинает чувствоваться еще до Октябрьской революции, в дни господства буржуазного временного правительства. Создание первого Устьсысольского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в июле 1918 года безусловно представляет результат работы большевиков в Коми. Трудящиеся массы, разочаровавшиеся в деятельности буржуазного временного правительства, которое не приняло никаких мер борьбы с голодом, по улучшению экономического положения трудящихся, разгоняли кулацкие земства и создавали свои пролетарские организации в форме Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Особенно сильно и ясно чувствовалось большевистское влияние в деревнях, где масса демобилизованных солдат, приехавших с фронта, явились крупнейшими проводниками большевистских лозунгов. Последнее особенно ярко сказывалось в речах представителей революционного крестьянства на заседаниях Устьсысольского уездного временного комитета в мае 1917 года, требовавших насильственного отчуждения частно-собственнических, владельческих и государственных земель в пользу крестьянства. В Керчемье, которая к октябрю-ноябрю имела уже много демобилизованных солдат, бывших участников революции 1905-7 годов, это влияние было настолько сильным, что Октябрьскую революцию керчемские большевики провели у себя значительно раньше, чем это сделали яренские и устьсысольские большевики. Так же обстояло дело и на Печоре.

Насильственное низвержение кулацко-купеческих земств, национализация местных промышленных предприятий, насильственное разрешение аграрного вопроса в пользу трудящихся и установление советской власти сплошь состоявших из бедняцко-середняцких масс крестьянства, все это ясно свидетельство-

вало о героической борьбе в Коми большевиков с органами буржуазного временного правительства из коми буржуазии и их агентурой в лице меньшевиков и эсеров.

Особенно ярко вырисовывается борьба с кадетами и эсерами в Устьсысольске и Яренске. Кадеты и эсеры, в условиях нарастающей Октябрьской революции, боролись за усиление позиций коми буржуазии, за сохранение земских учреждений, в коих преобладал капиталистический элемент. Яренский Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестянских Депутатов, где верховодили эсеры, получив ряд требований со стороны демобилизованных солдат о необходимости скорейшей ликвидации всех земских учреждений, являвшихся оплотом для всех контрреволюционных элементов, тем более, что ликвидация их требовалась декретом Советского правительства, не только не принимал никаких мер к их ликвидации, но упорно продолжал их поддерживать.

Выступивший с докладом о деятельности Яренского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов председатель его, Ф. С. Коковкин, подчеркнул чрезвычайно затруднительное положение исполкома, так как часто поступали в исполком приговоры волостей о необходимости ликвидации земских учреждений, но Исполнительный Комитет Совета, не имея от 2-го С'езда Крестьянских Депутатов по этому вопросу, делал запрос к центральной советской власти, на что получил ответ—упразднить земство. Несмотря на это, исполком решил оставить открытым вопрос об упразднении земства до 4-го с'езда Крестьянских Депутатов, потому что губернское и некоторые уездные земства продолжали существовать, и яренское земство работало в полном согласии с исполкомом Совета".*)

Такая соглашательская политика Яренского Совета, которая игнорировала распоряжения Советской власти о ликвидации земских учреждений и требования бедняцко-середняцких масс крестьянства, встретила жестокий отпор со стороны большевиков. Так, большевики Белых, Коинов и другие требовали немедленного осуществления распоряжений центральной советской власти о ликвидации земства, требуя, чтобы местный Совет твердо стоял на советской платформе.

Такое же ухаживание за земством мы видим и у устьсысольских эсеров. Когда керчемские большевики насильственно свергли свое купеческо-кулацкое земство и когда наиболее имущая часть Керчемьи, оставшись этими действиями большевиков недовольной, пожаловалась Устьсысольскому уездному исполнительному комитету, то эсеровский Уисполком делегировал своих членов на восстановление власти свергнутого земства.

---

*) Журнал заседания 4-го с'езда Крестьянских Депутатов Яренского уезда, 6 стр., 1918 год.

Такую-же заботливость эсеров по отношению к земствам мы видим и на Печоре. Когда трудящимся массам Мохчи, под руководством мохчинских большевиков, удается разогнать волостное земство, состоявшее из купеческо-кулацких элементов, из Устьцильмы приезжает уездный комиссар временного правительства господин Недашковский, который, признав избрание Совета недействительным, попытался восстановить власть свергнутого мохчинского земства, но благодаря героическому сопротивлению мохчинских трудящихся, эта попытка не удалось.

Показательна борьба яренских большевиков с эсерами на заседаниях 4-го с'езда Советов Крестьянских Депутатов при оценке переживаемого политического момента и хозяйственного положения страны в июле 1918 года. В связи с укреплением советской власти правые эсеры, чувствуя конец своей власти, оказывали отчаянное сопротивление большевикам, пытаясь увлечь за собой массы крестьянства, высказывались против диктатуры пролетариата в Советах, как якобы пережитка грубости, дикости и варварства. Выступивший на с'езде Зиновьев указывал, что пролетарская диктатура ничего, кроме вреда, не принесет, что все их обещания об улущении экономического положения оказались пустыми словами. Пантелеев указывал о совершенной „недопустимости диктатуры большевиков, о неимении в среде большевиков идейных товарищей, при этом указывал, например, действия т. Белых, Палевицкой волости, нарушившего порядок выборов и произведшего реквизицию товаров у частных торговцев"*).

Хорошую отповедь дают им большевики Коинов, Белых и другие, которые указывали, что советская власть, которая работает в интересах рабочих и крестьян, улучшает их экономическое положение, уничтожает капиталистов, купцов, кулаков, скупщиков, которые веками сосали кровь и пот рабочих и крестьян, с советской властью можно и нужно работать и которой надо всецело доверять.

Вождем яренских большевиков на 3-4 с'ездах Яренского Совета являлся тов. Коинов. „Широкоплечий, приземистый, сутулый, с большой головой, широкий, с четыреугольным лицом, сверкая сталью своих серых глаз,—читаем мы в рукописи С. Т. Коковкина,—Н. П. Коинов низким голосом, почти басом, действительно твердо, почти одинокий, вопреки почти всем ораторам, участвовавшим в прениях при обсуждении положения страны, вопреки воле председателя с'езда указывает, что учредиловка отжила себя, что она разогнана самим народом, что гражданскую войну и разруху в стране создали не большевики, а буржуазия и ее прихвостни"*).

Эти выступления большевиков имели большое значение. Их смелые голоса, жестоко разоблачавшие политику временного

*) Журнал заседания 4-го с'езда Советов, Яренского уезда.
*) Рукопись С. Ф. Коковкина, 4-5 стр.)

правительства, политику местных соглашательских Советов, организовали трудящиеся массы на борьбу за Октябрь. Так, когда тов. Коинов председателем с'езда был лишен слова за разоблачение политики буржуазии местного Совета и земства, с'езд протестовал против этого, признав, что право лишения депутата голоса принадлежит только с'езду. Это ясно свидетельствовало о том, что смелый голос большевика уже проникал в сознание крестьянских депутатов и будил их к борьбе с соглашательскими элементами Совета. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что если за резолюцию большевиков, предложенную на 3-м с'езде тов. Коиновым, голосовало 15 человек и 45 голосов против, то на 4-м с'езде за резолюцию большевиков голосовало уже 46 человек, т.-е. большинство с'езда. Это первое крупное поражение эсеров. Мы с полным правом можем утверждать, что 4-й Яренский С'езд Советов находился под влиянием большевиков, масса шла за большевиками, за советской властью в самый критический момент существования советской власти, во время захвата Архангельска англо-французскими войсками, во время Ярославского мятежа и выступления чехо-словаков в Поволжье.

Рост большевистского влияния в условиях обостреннейшей классовой борьбы мы видим и в недрах соглашательского Устьсысольского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Политика устьсысольских эсеров, проводивших политику буржуазии, также встречала резкое сопротивление со стороны революционной части депутатов. Так, в штыки были встречены предложения эсеров продавать хлеб по вольной цене. Эта вольная цена, за установление которой боролись эсеры и кадеты, безусловно, была выгодна только кулачеству, которое на этих операциях заработало бешеные прибыли. Когда продовольственный вопрос, стоявший чрезвычайно остро, и в ряде сел беднота буквально голодала, был поставлен на голосование вопрос об установлении твердых цен, то получился громадный перевес голосов за установление твердых цен. Такую же непримиримую позицию устьсысольские большевики заняли по вопросу о конфискации хлеба у кулачества. Предложение большевиков о насильственном отчуждении хлеба у кулачества вызвало резкое возражение эсеров. Последние усматривали в этом покушение на жизненные интересы купечества и кулачества. Вопрос о реквизиции хлеба у кулаков прошел большинством голосов с'езда. Большую роль сыграли в этом и трудящиеся Устьсысольска, требовавшие проведения немедленной реквизиции хлеба у кулачества. Это была крупная победа сторонников советской власти, крупная победа большевиков.

Непримиримую позицию занимали устьсысольские большевики и по вопросу об экспроприации купеческих капиталов для покупки хлеба голодающей бедноте. Эсеры стояли за то, чтобы деньги, полученные от купцов в долг за проценты, были бы по-

том возвращены им обратно, когда нужда в них отпадет, с определенным процентом. Как уже отмечено, иную позицию в этом вопросе занимали большевики. Выступивший в прениях товарищ Данилов указывал: „Чтобы избежать голода, нам необходимо 20 миллионов, мы пришли сюда от неимущих классов и должны изыскать для них средства. Средства есть. Мы должны позвать тех, чья жизнь построена не на трудовых, а на грабительских началах, и потребовать от них денег, а то мы с ними расправимся. Деньги они нам должны дать. Много времени, не одно столетие, они жили за счет других и должны по нашему приказу изыскать деньги". Тов. Лодыгин указывал, что в Коми много разговаривают с купцами, нужно немедленно заставить внести деньги. Он познакомил собрание, „как было поступлено с богатыми людьми у него на родине. Им было предложено внести деньги на покупку хлеба, для чего Совет дал 30 минут; купцы принесли только 40 тысяч рублей; им дали еще 15 минут,—тогда они добавили еще 16 тысяч рублей, и когда им третий раз предложили это же, и они не принесли ничего, то были посажены в тюрьму и, в конце концов, внесли полтора миллиона рублей". Ульныров, выступивший после Лодыгина, предложил „дать купцам 6 часов сроку на внесение денег, в противном случае посадить их за решетку".

В этих боевых выступлениях, безусловно, чувствовалось растущее не по дням, а по часам, влияние большевиков на массы крестьянства, в этом чувствовалось общее полевение масс в условиях надвигающейся Октябрьской революции в Коми.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОМИ.

Накануне Октября в коми деревнях кипела ожесточенная классовая борьба. Кулаки, сидевшие в волостных земствах, не только игнорировали образовавшийся Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, но и препятствовали обложению кулачества и купечества налогами, развертыванию среди деревенской бедноты массово-политической работы.

Встречая на каждом шагу препятствия от кулацкого земства к дальнейшему развертыванию работы, Керчемский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов обращается с ходатайством в Устьсысольский уездный эсеровский исполком о разрешении ликвидировать неспособное ни к какой работе кулацкое земство. Когда Совет, в котором сидели и земцы, дал понять керчемским большевикам, что волостное земство является единственной организацией, обладающей всей полнотой власти, что всякое покушение на него будет рассматриваться как контрреволюционное деяние, керчемские большевики поняли, что в борьбе с кулацкой сворой они—одни, что в этой борьбе с кулаками Устьсысольский Уездный Исполнительный Комитет встанет на сторону кулацкого земства.

Не находя иного выхода из создавшегося положения, керчемские большевики стали готовиться к бою для свержения кулацкого земства. Ко времени подготовляемого ими переворота керчемские большевики имели за собой в основном всю массу трудящихся Керчемьи. Такие важные посты, как волостной милиционер, был занят большевиком, правление кооператива было целиком под влиянием большевиков. Это подтверждается хотя бы и тем, что большевикам удалось провести 1-го марта 1918 года своего кандидата на уездный с'езд Советов.

Керчемские большевики на этом же собрании показали и свои тактические способности в борьбе с кулачеством. Так, когда выдвинутый большевиками кандидат на уездный земельный с'езд не получил большинства голосов, и, чтобы не допустить выбора кандидата от кулачества, они демонстративно уходят с собрания вместе с бедняцко-середняцкими массами и таким образом лишают возможности кулачество послать своего представителя на земельный с'езд.

Эти последние события ясно показывали, что волостное земство, несмотря на поддержку эсеровского Устьсысольского исполнительного Совета, уже не представляло собою большой силы, поэтому было решено использовать это благоприятное для большевиков положение для его свержения. „15 марта,—пишет Напалков,—большевики через свой Совет созывают общенародное собрание, где переизбирают купеческо-кулацкое земство без особых скандалов. После выбора, составу бывш. управы предлагается сдать дела и должность; тогда председатель управы отказывается, что он завтра еще соберет своих, что они еще ему скажут—пока неизвестно.

Назавтра, 16 марта, земство и Совет собираются отдельно. Таким образом собирается почти все взрослое население в здании земской управы. Представители Совета предлагают земству сдать дела. Члены управы опять отказываются, за них заступаются свои богачи, тогда завязывается спор, затем спор переходит в бой. В итоге земство и их сторонники оказались выброшенными на улицу, кто—в окно, кто—в дверь. Бой продолжается на улице. Беднота под руководством большевиков повела наступление, а богачи отступали по направлению к нижнему концу села" *).

Вооруженное восстание керчемской бедноты против собственного кулачества Устьсысольским исполнительным комитетом Советов было рассмотрено как бунт против советской власти. И, если бы тов. Напалков не был на с'езде и не информировал бы с'езд о действительных событиях, то, по всей вероятности, последний послал бы карательную экспедицию для водворения власти низвергнутого земства.

*) Рукопись Напалкова.

Трудящиеся массы Керчемьи, совершив Октябрьский переворот, немедленно приступили и укреплению своей власти, сменили старый полицейский аппарат, организовали волостной революционный трибунал для борьбы с саботажем, спекуляцией и контрреволюцией.

Эта победа керчемской бедноты привела в бешенство керчемских кулаков. Последние, пользуясь капиталами, былыми связями, группировали вокруг себя попов, бывших урядников и других грамотных „светил" деревенской жизни эпохи царизма и бомбардировали уездный исполнительный комитет слезливыми жалобами о том, что большевики, при поддержке бедняцко-середняцкой массы деревни, совершили бандитский налет на волостное земство, избили его членов, захватили все дела и имущество и сделались полными хозяевами на селе. Когда эти кулацкие голоса дошли до соглашательского исполкома, последний командировал туда начальника уездной милиции Кипровского выяснить обстоятельства дела и узнать, доверяет ли большинство населения большевистскому Совету, или нет. 15 марта 1918 года, при проверке голосов оказалось, что большинство доверяет составу Совета. Таким образом, контрреволюционная попытка кулачества и купечества свергнуть большевистский Совет не удалась. Трудящиеся Керчемьи своей сплоченностью, преданные советской власти и большевистской партии, дали бой местному кулачеству и кулацкому Устьсысольскому исполкому и вышли победителями.

В такой же обстановке ожесточенной классовой борьбы происходила и Октябрьская революция и в Сыктывкаре (Устьсысольске).

Когда наиболее революционно настроенные массы депутатов Устьсысольского исполкома категорически требовали достать деньги для приобретения хлеба путем насильственной экспроприации купеческих капиталов, то соглашательский исполком, больше прислушиваясь к Кузьбожевым и Комлиным, которые говорили, что „Лучше сожгем, а им, босякам, не дадим", старался скорее закончить эти неприятные для них разговоры и оставить нервничающих купцов в покое. Но под давлением большинства с'езда, эсеры вынуждены были потребовать от купцов денег, и когда последние в этом отказали, то были посажены за решетку.

Посадив в тюрьму Комлина, Лыткина, Потапова, Есева, Кузьбожеву и других купцов, большинством голосов с'езда (при 3-х против и 30 воздержавшихся), соглашательский исполнительный комитет впоследствии начинает понемногу освобождать их из тюрьмы. Так, когда куцец Клыков представил свою книжку из сберегательной кассы на 1000 рублей и несколько облигаций займов на 10.000 рублей, был освобожден из тюрьмы и произведен в национальные герои, который пожертвовал в пользу голодающих, на покупку продовольствия

11 тыс. рублей. В связи с освобождением Клыкова из тюрьмы потянулись с такой же просьбой и другие купцы, авось „сердобольный" Совет смилуется и над ними. Комиссар юстиции Лодыгин докладывал с'езду о необходимости освободить Лыткина из-под ареста ввиду того, что у того стала работа на его кожевенном заводе и могут испортиться его товары, чем будет нанесен убыток не только Лыткину, как владельцу завода, но и всему населению. В случае, если с'езд не освободит его, то комиссар юстиции пригрозил тем, что он слагает с себя всякую ответственность за могущие быть последствия. И вместо того, чтобы тут же поднять вопрос о национализации кожевенного завода Лыткина, соглашательский исполком освобождает его из-под ареста. Совет нашел нужным освободить из-под ареста на 1 день и купца Оплеснина, под тем предлогом, что последний говеет и причащается.

Освободив из тюрьмы купечество под теми или иными предлогами, эсеры и меньшевики ведут агитацию за освобождение ряда уголовных преступников, как-то: авантюриста и палача коми трудящихся Латкина, который был посажен в тюрьму за самовольное распоряжение открыть магазины купцов, закрытые Советом, и за распределение 3 х ящиков чая, без ведома и согласия исполнительного комитета, и отказавшегося дать сведения, между кем чай был распределен. Также был поднят вопрос и об освобождении из тюрьмы А. В. Старцева, посаженного туда за то, что он, желая сорвать созыв с'езда Советов, распространил слух, что советская власть в центре пала, что Устьсысольский Совет созывать нет надобности и т. д. Кроме того, Старцевым, за его подписью, были посланы уведомления по волостям, что с'езд откладывается и приезжать до особого уведомления не следует.

Эсеры требовали освобождения из тюрьмы и кулака Луки Осипова, который, не желая считаться с приговором крестьян Корткеросской волости, самовольно рубил лес, в результате чего крестьяне вынуждены были с применением огнестрельного оружия заставить Осипова оставить свои противозаконные действия, и передали в руки советского правосудия.

Интересным в этом отношении, является и то обстоятельство, что Устьсысольский революционный трибунал квалифицировал их деяния не как контрреволюционные, а как простое хулиганство, и соглашательский с'езд, вместо того, чтобы посадить за решетку ярых контрреволюционеров, поставил на обсуждение вопросы об их помиловании. Председатель, на основании изучения следственного материала и личного знакомства с Латкиным по совместной работе в земстве, изображает этих контрреволюционеров как настоящих революционеров, поддерживающих советскую власть. Так, „Лука Осипов отличался и раньше упрямством по своему складу ума, много терпел гонений при старом правительстве, нет ничего мудреного, что ныне

оказал неподчинение власти Советов. Латкина он знает давно когда тот еще был лет 17-18 и уже отличался наклонностями показать из себя что-то. Трудно сказать, что руководило им в его поступках: хотелось ему порисоваться или показать свое величие и силу. Большой беды нет, что Латкин, будучи председателем управы, не зная уверенно, укрепиться ли советская власть, разрешил открыть магазины, нет беды и в вопросе с чаем, так как три ящика для целого уезда—потеря незначительная. Дело—в принципе и в игнорировании создавшейся власти. Что касается осужденного А. В. Старцева, то этот по своей молодости и неопытности, по моему глубокому убеждению, если и написал эту бумажку, то несомненно, под чьим-то влиянием. Поэтому я и говорю, что Старцев не противник воли народа" *).

Для освобождения Латкина эсеры организовали забастовку земских работников требуя, чтобы „лучшие" люди в Коми сидели не в тюрьмах, а были бы использованы в аппаратах советской власти. Кулацкий исполком видимо эти требования считал правильными и освободил бандита Латкина, который за это впоследствии „отблагодарил" трудящихся коми массовыми расстрелами.

Купцы, почувствовав свободу, замечая ухаживание и расшаркивание Мартюшевых, Поповых, Богдановых, естественно, постарались компенсировать себя и за те незначительные убытки, которые они понесли случайно от рук своих агентов. Начинается ужасающая спекуляция хлебом, сахаром и товарами первой необходимости. Цены товаров поднялись в 3-4 раза дороже своей стоимости. Особенно широкая спекуляция шла хлебом, как самым ценным и дефицитным товаром. „Ибские кулаки, имея полные амбары хлеба, за деньги совершенно переставали продавать и заламывали небывалые в истории местного края цены—от 80 до 100 рублей пуд зерна и выше. Чаще всего отказывают в отпуске хлеба без обмена. Жадность ибских буржуев, по выражению голодающих крестьян, дошла до того, что покупателям, приехавшими за сотни верст с Вычегды и Вишеры, не продают никакого хлеба на прокормление иначе, как в тот же обмен. Снимай рубашку с себя, картуз с головы и получишь немного муки". (газ. „Зырянская жизнь", № 5).

В результате такой продовольственной политики, беднота коми вынуждена была голодать и питаться различными отбросами, вплоть до приготовления хлеба из пихтовой коры и т. д.

Требования трудящихся масс Устьсысольска об организации продовольственных отрядов для насильственного отчуждения кулацкого хлеба встречались в штыки со стороны кулацко-купеческого земства и эсеровского исполкома. Эсеры держали курс не только на то, чтобы препятствовать организации продоволь-

*) Журнал I-го с'езда Советов Устьсысольского уезда, 62-63 стр.

ственных отрядов, но и чтобы не допустить никаких покушений со стороны рабочих города и бедняцкой части деревни на насильственный захват кулацкого хлеба, на захват земель кулачества и помещиков.

Как заботливо и внимательно относилось кулацкое руководство уисполкома к интересам коми кулаков и помещиков, показывают човьские события. Соглашатели не только хотели сохранить кулацкие и помещичьи земли в их руках, но и предполагали предоставить капиталистам новые земельные участки. Помещики Кузьбожевы обращаются с ходатайством в городской земельной отдел о предоставлении им нескольких десятин земли, принадлежавших пригородным крестьянам. Получив отказ от городского земельного комитета, Кузьбожевы идут дальше. Они обращаются в уездный земельный комитет, который, состоя из кулаков и эсеров, удовлетворяет это ходатайство, мотивируя тем, что „наследники Кузьбожева земельный надел в местности Човью намерены обрабатывать личным трудом".

Пригородные крестьяне, узнав о таком решении земельного спора в пользу помещиков Кузьбожевых, решили осуществить декрет советской власти о земле своими силами и для этой цели немедленно, в числе около 300 человек, явились в имение Човью, избили некоторых членов семьи Кузьбожевых и предложили им, не позднее 9-ти часов утра следующего дня выехать из Чов-ю, в противном случае все они будут сожжены вместе с имением.

Когда это событие сделалось известным руководству исполнительного комитета, председатель его А. М. Мартюшев командирует туда отряд милиции, во главе с начальником милиции Евтушенко, для производства расследования этого нежелательного для эсеров события и принятия решительных мер против повторения подобных „анархических" выступлений крестьянства, для охраны имения Човь-ю и семейства помещиков Кузьбожевых от могущих быть различных эксцессов. Евтушенко арестовал пятерых участников похода на Човью, взял под свою охрану помещицу с семейством и для охраны имения поставил вооруженного милиционера.

Как ответили на это коми трудящиеся? Они тотчас же явились в числе около 300 человек в городское отделение милиции и потребовали немедленого об'яснения от председателя исполкома Мартюшева и начальника милиции Евтушенко о причинах ареста крестьян. Но так как ни того, ни другого в это время не оказалось, восставшие массы крестьянства освободили арестованных крестьян и разоружили уездную милицию.

Руководителями в этом выступлении против кулацкаго исполнительного комитета являлись председатель городского совета В. П. Осипов, председатель земельной секции К. Ф. Кудинов, член земельной коллегии В. П. Сорвачев и др. Создалось чрезвычайно обостренное положение, которое еще углубилось убийством председателя земельной секции Кудинова. Кудинов

поехал в Човью, чтобы снять охрану имения Кузьбожевых, но при приближении к имению был убит наповал выстрелом из винтовки охранявшим имущество Кузьбожевых милиционером.

Это чрезвычайно яркое проявление классовой борьбы крестьянства за землю было оценено руководством Совета, как уголовное преступление. При оценке этого события Мартюшев высказался в защиту Кузьбожевых, обвинил крестьян, которые вместо того „чтобы, согласно 2-го примечания 39-й статьи основного закона о социализации земли, обжаловать это дело в двухнедельный срок в губернский земельный отдел, пошли с ружьями и кольями, с целью выселить помещиков Кузьбожевых из имения". Сразу же заработал и судебный аппарат, было создано уголовное дело под наименованием „о беспорядках на Човью".

Эсеровско-меньшевистский исполком так расправлялся не только с крестьянами, но и с рабочими. Когда помоздинские лесорубы организовали забастовку, требуя от иностранной фирмы „Шалит" увеличения заработной платы, Устьсысольский Уездный Исполнительный Комитет Советов решительно встал на защиту иностранной фирмы, обвинив рабочих в чрезмерных требованиях, пред'явленных к фирме „Шалит".

Когда помоздинские большевики арестовали представителя иностранной фирмы „Шалит", то Устьсысольский Исполком Совета грозно и гневно обрушился на Помоздинской Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, требуя немедленного освобождения арестованного.

Эту стачку, организованную коми лесорубами, не смогла сорвать не только местная эсеровская устьсысольская и усть-куломская власть, но и попытка члена Архангельского губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Коновалова, который был командирован для улаживания этого классового столкновения между рабочими и иностранной шведской фирмой. Воззвание Коновалова к помоздинским рабочим говорило о том, что помоздинцы должны допустить к работе желающих работать на фирме „Шалит", что „вследствие такой политики стачечников устькуломцы „весной не пропустят ни пуда продуктов" что „ если Вы весной будете устраивать резкие конфликты и лес почему-либо оставите на берегу, этим Вы десятки сотен архангельских рабочих выбросите на улицу и сами себя погубите тем, что на будущий год не будет заготовки и приостановите всю промышленность, которая и так хромает. А по сему еще раз прошу дружно встать на работу, общими усилиями, совместно с другими крестьянами, сплавлять лес и пригнать в Архангельск." *)

Помоздинские лесорубы не только не выполнили воззвание Коновалова о ликвидации забастовки и установлении гражданского мира во время сплава леса, но, пользуясь помощью только что организованной советской власти в Помоздине, арестовали Хоцянова, доверенного шведской фирмы „Шалит" за от-

*) Журнал заседаний 1-го с'езда Советов Устьсысольск. у.

каз от производства полного расчета с рабочими. Этот арест опять вызвал целый взрыв негодования со стороны устьсысольской уездной власти. Устьсысольский уездный Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, руководимый эсерами и меньшевиками, согласился из казенных денег внести причитающиеся с Хоцянова суммы, но взамен грозно и решительно потребовал „немедленного освобождения из-под ареста Хоцянова“.*)

Показательным в этой стачке коми лесорубов являлось, во-первых, то обстоятельство, что уездная Устьсысольская администрация, руководимая эсерами, очень ревностно обслуживала интересы иностранной фирмы „Шалит“ и гневно прикрикивала на Помоздинский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, когда последний в условиях стачки поддерживал стачечников, вплоть до ареста самого Хоцянова, и, во-вторых, коми рабочие, руководимые отдельными большевистки выдержанными рабочими и демобилизованными солдатами, с успехом продолжали бороться с капиталистами и пришли к мысли об организации особой контрольной комиссии для наблюдения над сплавом (осуществление контроля над производством).

Эта стачка ярко свидетельствует о том, что экономическое положение коми лесорубов и сплавщиков в эпоху господства эсеров и меньшевиков нисколько не улучшилось. Эсеровский Устьсысольский уездный Исполнительный Комитет Советов не только не защищал лесорубов от эксплоатации иностранных капиталистов, но, наоборот, защищая капиталистов, решительно протестуя против рабочих забастовок, из'являл согласие выдать аванс иностранной фирме для расчета с забастовавшими рабочими и призывал рабочих к дружной работе на иностранных капиталистов на тех кабальных условиях, какие предлагала фирма.

Факт забастовки, арест представителя иностранной фирмы „Шалит“ указывали на то, что коми рабочий уже пережил эпоху забитости. Рабочий класс в Коми, опираясь на Советы, в которых сидели большевики, и под их руководством, как это было в Помоздине, переходил в наступление.

Забастовки лесорубов и сплавщиков леса во время господства эсеров и меньшевиков происходили и в других районах Коми. Можно отметить забастовку сплавщиков леса в Об'ячевской волости. Д. И. Шулепов в своем воспоминании указывает, что „Весной этого года (1918 г.—В. П.) сплавлялось большое количество леса, после перерыва за военные годы. Лесосплавщики Об'ячевской волости сплавляли лес по речке „Ожин“. Впервые, наверно, в истории Коми лесорубы пред'явилили лесопромышленникам требование о восьмичасовом дне. Инциато-

*) Журнал заседаний 1-го с'езда Советов Устьсысольск. у.

им а пре д'явления этих требований явились солдаты, вернувшиеся с фронта" *).

Оценка всех этих актов классовой борьбы (борьба коми лесорубов и сплавщиков за восьмичасовой рабочий день, за повышение расценок за сплавляемый и вырубаемый лес, захват крестьянами помещичьих земель и т. д.) со стороны Устьсысольского уездного Исполкома Советов, как анархического выступления масс, раскрыла глаза даже более отсталым слоям крестьянства, что у власти сидят ставленники буржуазии, прикрывающиеся авторитетным имением Советов и проводящие открыто буржуазно-помещичью политику.

Большевики организуют вокруг Советов все наиболее революционные элементы города и деревни. Сразу же после Човских событий предлагают руководству Исполкома созвать чрезвычайный с'езд Советов, который и состоялся 15 июня 1918 года. На этом с'езде были рассмотрены события 13, 14 июня в Човью. Видную роль сыграл военный комиссар Архангельского отряда Красной армии т. Ларионов, выступивший на с'езде со специальным докладом о Човских событиях.

Большинство ораторов, высказавшихся в прениях по этому вопросу, классифицировали это событие, как результат купеческо-помещичьей политики Исполкома. Тов. Ларионов, председательствовавший на этом собрании, дал убийственную критику деятельности Исполнительного Комитета, который проводил помещичье-кулацкую линию и занимался травлей большевиков. Критикуя последние события в Човью, он спрашивал: „Почему травят союз военнослужащих? Почему допускают существование союза духовенства и мирян? Почему до сих пор не разоружены буржуазия и бывшее офицерство? Почему уездный Исполком, если находит анархическими действия некоторых граждан, не борется с ними путем митингов? Почему не принято до сих пор духовное училище? Почему хотели арестовать тов. Адриянова и не пустили его статью в местной газете? Почему вышел из состава исполкома тов. Розанов? Почему до сих пор не национализирована типография Следникова? Какова политическая физиономия уездного Исполнительного Комитета? Почему арестован в марте м-це местный солдат-большевик? Почему не освещаются события? и т. д. Эти убийственные обвинения, высказанные тов. Ларионовым и др. большевиками, ярко свидетельствовали о том, что Исполнительный Комитет Советов в своей практической работе руководствовался исключительно интересами коми буржуазии, что Совет, как орган пролетарской диктатуры, находился в руках классовых врагов, в руках агентов буржуазии.

Выступивший с об'яснением по поводу пред'явленных обвинений председатель уездного Исполкома Мартюшев перед всем с'ездом назвал себя представителем правого крыла Ис-

*) Воспоминание Д. И. Шулепова.

полкома, дал настолько неудовлетворительные об'яснения, что собрание почти единогласно вынесло резолюцию недоверия всему президиуму Исполкома и потребовало немедленной реорганизации президиума Исполкома и удаления оттуда Мартюшева, Попова, Чеусова и Евтушенко, с преданием суду лиц, которые окажутся виновными в последних событиях в Човью. Получив такой жестокий отпор со стороны большинства депутатов с'езда, организованного большевиками, и не имея в Совете никакой серьезной опоры, лидер правого крыла А. М. Мартюшев поспешил заявить, что он продолжать свою работу под дулом направленных на него револьверов не может. „Я ухожу под давлением силы и насилия",—говорил Мартюшев на с'езде. Июльский переворот 1918 г., совершеный рабочими и крестьянами под руководством большевиков, и является фактическим осуществлением Октябрьской революции..

Однако победа, одержанная трудящимися в результате июльского переворота, явилась еще не окончательной. Часть эсеров, оставшаяся после этого переворота в Исполнительном Комитете Устьсысольского Уездного Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, опираясь на купеческо-кулацкую часть населения, готовилась к дальнейшей борьбе с советской властью. Как только появился декрет советского правительства об организации комитетов деревенской бедноты, эсеры, сидевшие на заседаниях 2 с'езда Советов, отражавшие интересы коми кулачества, немедленно выступили против организации комитетов деревенской бедноты.

Еще задолго до этого с'езда, эсеры вели агитацию против этого декрета Совнаркома, рассматривая его „излишним" и „вредным" для общественного спокойствия села, который, кроме голого грабежа, ничего не даст. Эсеры, желавшие провалить декрет, потребовали, чтобы президиум Исполкома поставил вопрос о введении декрета в жизнь на голосование. Руководство Исполкома, сплошь состоявшее еще из эсерствующих лиц, очень послушно согласилось с требованием кулацких агентов и вместо того, чтобы раз'яснить с'езду о важности значения комитетов бедноты в деле укрепления советской власти, для борьбы с голодом, и требовать безотлагательного проведения в жизнь, —поставило его на обсуждение и отклонили.

Устьсысольская большевистская партийная организация, усмотрев в отклонении декрета попытку кулачества не допускать укрепления советской власти в деревне, постановила немедленно разогнать кулацкий президиум Исполкома, удалив из его состава в первую очередь Кононова, Богданова, Рочева и др., с преданием их суду.

Большевистский переворот в Яренске произошел значительно позже, чем в Устьсысольске, а именно 14-15 сентября 1918 года.

Яренский уездный исполнительный комитет Советов, сплошь состоявший из правых и левых эсеров, меньшевиков, также си-

стематически проводил кулацко-купеческую линию по всем вопросам политико-экономической жизни уезда. Он так же ласково и милостиво обходился с купцами, промышленниками, кулаками и др. эксплоататорскими классами. Если сыктывкарские (устьсысольские) большевики в борьбе с голодом требовали от кулацкого руководства контрибуции купеческих капиталов, то кулацкий Совет Яренского уезда добровольно приглашает купцов, промышленников, кулаков вкладывать свои капиталы для приобретения продовольствия из 8-ми процентов годовых. Внесенный большевиками проект национализации Сереговского солеваренного завода кулацкий Исполком большинством голосов отвергает и принимает резолюцию, по которой завод остается в руках прежних владельцев. Подобные примеры, характеризующие буржуазную политику яренского исполкома, можно бы было умножить, но в этом нет надобности, т. к. и приведенных фактов вполне достаточно, чтобы обрисовать политическую физиономию Яренского Исполкома. Особенно ярко охарактеризовал кулацкую политику 4-го с'езда тов. Покровский. „Не проводились в жизнь декреты центральной власти" и что" эта политика велась не в защиту бедного населения, а способствовала кулакам и спекулянтам и тем самым вносила дезорганизацию и дискредитировала советскую власть",—говорил на 4-мс'езде крестьянских депутатов тов. Покровский *).

Такой купеческо-кулацкой политике был положен предел организовавшейся первого сентября 1918 года яренской городской ячейкой РКП(б) большевиков, которая, приняв на себя функции уездного комитета партии, подготовила и осуществила переворот. Крупную роль в проведении Октябрьской революции в Яренске сыграла коммунистка тов. Самойлова, которая на целом ряде собраний указывала, что Совет работает не в интересах бедноты и рабочих, а в пользу капиталистов, кулачества и купечества и т. д.

„Самый переворот,—говорит тов. Коковкин,—прошел без всяких волнений, почти безболезненно (конечно, горсть арестованных не в счет), все они остались жить, двое—А. Айбабин и П. Митрошин—вскоре вошли в РКП(б) и стали продолжать работу в Советах" **).

* * *

Октябрьская революция, совершившаяся в России и в ее колониях, явилась крупнейшей победой большевистской партии, которая, начиная с самого момента ея организации, работала над осуществлением социалистической революции. Вождь мирового пролетариата—В. И. Ленин еще в 1894 г. в своей работе „Что такое „друзья народа" подчеркнул громадную роль партии ра-

*) Рукопись тов. Коковкина.
**) Там же.

бочего класса в борьбе за социалистическую революцию. „Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма,—пишет В. И. Ленин,— идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции"*).

Октябрьская революция являлась пролетарской, социалистической революцией, но она в то же время решала, доводила до конца вопросы буржуазно-демократической революции, недоконченные февральской революцией. „Непосредственной и ближайшей задачей революции в России,—пишет В. И. Ленин,—была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране. Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 г. Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих „авгиевых конюшен", оставленных, к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недоочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций, 125, 250 и больше (1649 в Англии) лет тому назад,—возьмите любую из этих „авгиевых конюшен": вы увидите, что мы их вычистили начисто за какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за 8 месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры **).

Все эти перечисленные выше вопросы февральской революцией не были решены потому, что решение этих задач выходило за пределы буржуазно-соглашательской природы эсеров, меньшевиков, империалистической природы временного правительства. Если они и говорили за 8 месяцев своего господства много красивых революционных фраз, то исключительно для того, чтобы показать себя революционерами, увлечь за собою массы. И, действительно, они почти ни одной из задач, стоявших перед буржуазно-демократической революцией, не выполнили.

---

*) В. И. Ленин, Сочинения, т. I, 194 стр., II изд., М., 1926 г.

**). В. И. Ленин—К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, 2 стр., М., 1932 г.

„Возьмите религию или бесправие женщины,—пишет В. И. Ленин,—или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Эти все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет ни одной из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы дали всем нерусским национальностям их собственные республики или автономные области. У нас нет, в России, такой мерзости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительнейшего пережитка крепостничества и средневековья, поднов-ляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех без единого из'ятия странах земного шара. Это все содержание буржуазно-демократической революции" *).

Это, конечно, не значит, что вопросы буржуазно-демократической революции являлись главным вопросом совершившейся социалистической революции. „Мы решили,—пишет В. И. Ленин,—вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей пролетарски-революционной, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы! Буржуазно-демократические преобразования—говорили мы и доказали делами—есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хилльквиты, Лонгэ, Макдональды, Турати и прочие герои „2½" марксизма не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой**).

Только социалистическая революция смогла разрешить эти буржуазно-демократические задачи, смогла окончательно и навсегда свергнуть власть помещиков и буржуазии и дать рабочим заводы и фабрики и землю крестьянам и уничтожить национальный и колониальный гнет. „Октябрьский переворот,—пишет Сталин,—одним ударом разрешил противоречия февральской революции. Упразднение помещичье-кулацкого всевластия и передача земли в пользование трудовых масс деревни; экспроприация фабрик и заводов и передача их в ведение рабочих; разрыв с империализмом и ликвидация грабительской войны; опубликование тайных договоров и разоблачение политики захвата чужих территорий; наконец, провозглашение самоопределения трудовых масс угнетенных народов и признание независимости Финляндии,

*) Ленин—К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, 2—3 стр., М. 1932 г.

**) Там же, 8 стр.

—вот те основные мероприятия, которые провела советская власть в ходе революции" *).

Октябрьская революция, разбив старую машину управления царизма, создала новый тип управления: Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, являющийся самой демократической формой правления. Впервые в мировой истории человечества недавние рабы царских колоний встали у власти и приступили к строительству социалистического общества. Первый раз за всю историю человечества рабы практически ответили своим бывшим угнетателям, что можно жить и работать без господ капиталистов и помещиков.

Октябрьская революция предоставила широчайшие возможности для улучшения материально-бытового положения трудящихся, для улучшения и совершенствования народного хозяйства. И, надо сказать, что рабочие и крестьяне в Коми со времени Октябрьской революции, не покладая рук, работали над улучшением своего положения, своего хозяйства.

Октябрьская революция, совершившаяся в советской России и в ее колониях, открыла невозможные в условиях для капиталистического строя новые пути развития производительных сил, тем самым подготовила и условия для осуществления высшей фазы социалистического строя—коммунизма. „Коммунизм, пишет В. И. Ленин,—есть высшая против капиталистической производительности труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих трудовую технику рабочих **).

Октябрьская революция, улучшив экономическое положение рабоче-крестьянских масс, открыла широчайшие возможности культурного строительства. Особенно большую, невероятно гигантскую работу придется вести по созданию новой пролетарской культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме, ранее угнетенным, ныне полноправным народам, которые в условиях царской России, кроме незначительного количества церковно-приходских школ, в изобили кабаков, пивных и церквей, никакой иной культуры не имели. Только Октябрьская революция дала возможность для создания новой пролетарской культуры, выковки новых пролетарских кадров, писателей, ученых, художников, музыкантов и т. д.

Октябрьская революция имеет большое международное значение.

„Великое и мировое значение Октябрьского переворота в том, главным образом, и состоит,—пишет Сталин,—что он:

1) Расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом в общий вопрос об освобождении угнетенных народов, колоний и полуколоний от империализма.

---

*) И. Сталин—Об Октябрьской революции, 5 стр., М. Парт. Изд. 1932 г.
**) В. И. Ленин, т. XVI, 255 стр.

2) Открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом.

3) Перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и порабощенным Востоком, построив новый фронт революции от пролетариев Запада через Российскую революцию до угнетенных народов Востока против мирового империализма".*).

---

*) Сталин—Об Октябрьской революции, 910 стр., М. 1932 г.

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Оформление первой в Коми партийной организации большевиков относится к 16 июня 1918 года. Это ярко свидетельствовало о том, что как в городе, так и в уезде, имелся в наличности партийный актив (в лице т. т. Кузнецова, Напалкова и др.), которые полностью вошли в состав первой большевистской организации. Под руководством этого большевистского актива был организован 20 декабря 1917 года первый Устьсысольский городской Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. По их же инициативе на 12 января созывается первый уездный С'езд Советов, но который, в силу ряда причин откладывается и переносится на 18 января 1918 г. Этот большевистский актив принимает активное участие в проведении первого учредительного с'езда Советов, состоявшегося 18 января 1918 года, ведя ожесточенную борьбу с националистами и эсерами, готовившими отрыв Коми от Советской России и создание Коми буржуазно-демократической республики. „Хотя на этом с'езде, —пишет в своем воспоминании тов. Напалков,—официальной большевистской фракции и не было, но связь делегатов-большевиков была между собою. Было одно совещание в быв. здании городской управы, где даже ставился вопрос о разгоне уездного с'езда при помощи революционно-настроенных масс города, но со стороны гарнизона и милиции на это согласие не было получено, поэтому этот вопрос пришлось оставить во избежание вооруженного столкновения" *).

Этот большевистский актив при помощи ряда русских товарищей (комиссара архангельского отряда Красной гвардии т. Ларионова и др.) и организовал первую уездную партийную организацию. 11 сентября 1918 года организовалась яренская организация партии большевиков, которая также повела работу по созданию волостных организаций партии большевиков и укреплению советской власти, организации комитетов деревенской бедноты и укреплению волостных партийных ячеек, которые к тому времени уже существовали. Так, в июле 1918 года в Гаму была ячейке большевиков, работавшая под руководством тов. М. А. Власова, в Палевицах существовала ячейка большевиков, которая работала под руководством тов. Белых. Тов. Д. И. Се-

*) Воспоминание тов. Напалкова, 4 стр.

ливанов руководил ячейкой большевиков Косланской волости и т. д. О громадном росте и влиянии большевиков свидетельствует и политическая физиономия второго уездного с'езда Советов, где большевики были представлены в числе 21 человека, которые вели за собою почти весь с'езд, состоявший из 30-ти человек беспартийных и 10-ти сочувствующих большевикам, против 31 эсера и двух коми автономистов.

Первым большевистским организациям пришлось провести колоссальную работу по укреплению пролетарской диктатуры и т. д. И надо сказать, что большевики, руководившие работою первых Советов, с возложенными на них задачами справились.

Большевистские партийные организации в Устьсысольском уезде начали организовываться в большинстве с июля—августа 1918 г. 20-го июля 1918 года в Корткеросе состоялось первое организационное собрание коммунистов, на котором обсуждался вопрос об организации фракции большевиков. Докладчиком выступал Потапов, который горячо приветствовал собравшихся от имени устьсысольской организации партии большевиков и уездного Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, и призывал немедленно сплотиться вокруг коммунистической партии, изучать военное дело, дабы, с твердою верою в торжество диктатуры пролетариата, разбить всех врагов, откуда бы последние не появились.

В Помоздине организация партии большевиков организовалась 29 сентября 1918 года. Тяга бедняцко-середняцких масс крестьянства в партию была очень большая. Так, на первом организационном собрании, совпавшем с возникновением фронтов в Коми, записалось 107 человек, что указывало на то, что крестьяне Помоздина решили бороться до полной победы со всеми врагами рабочих и крестьян, которые выступали и будут выступать в дальнейшем против советской власти. Партия организовала клуб и маленькую библиотеку и обратилась через печать к другим большевистским ячейкам о присылке литературы для пополнения библиотеки литературой коммунистического направления, чтобы партия могла шире и глубже вести не только агитацию, но и пропаганду коммунизма среди местного крестьянства.

К тому же времени относится и возникновение лозымской организации большевиков, в числе 5-ти человек. Организаторам лозымской ячейки пришлось вести упорную борьбу с кулачеством, которое развернуло широкую агитацию среди крестьянства о ненужности таковой ячейки, и, несмотря на все эти активные противодействия, ячейка в составе 5-ти человек была организована и к концу октября уже насчитывала несколько десятков членов партии.

В Пожеге коммунистическая партия большевиков организовалась с 20 октября. Приблизительно с этого же времени организовалась в селе Лопыдине, Мординской волости, где запи-

салось в партию 83 человека. К этому же, примерно, времени относится возникновение сторожевской организации партии большевиков. Докладчиком на первом организационном собрании выступил тов. Микушев, который ознакомил собравшихся, что большевистская партия является единственной партией из всех существующих партий в России, которая на деле защищает рабочих и крестьян от капиталистов и эксплоатации, и что каждый рабочий и крестьянин должен поддерживать советскую власть и коммунистическую партию в ее борьбе за социализм.

В Мордине 3-го октября 1918 года организовалась ячейка ВКП(б) в составе 24 человек, которой принята следующая резолюция: „Строго встать всем товарищам на защиту интересов трудящихся. Мы всецело поддерживаем советскую власть, мы не отдадим нашей свободы нашим врагам и будем бороться до последней капли крови за власть Советов".

Возникновение Об'ячевской ячейки РКП(б) относится приблизительно к сентябрю 1918 года. Инициаторами создания ячейки являлись Д. И. Шулепов, И. И. Леканов и В. Г. Лихачев (студент Пермского государственного университета). Эта инициативная группа вскоре развернула широкую кампанию по вербовке членов партии. И. Леканов указывает, что в партию „наплыв был большой. За короткий срок мы насчитываем в составе волостной организации около 60-ти коммунистов."

Рост коммунистической партии в Коми происходил в условиях обостренной классовой борьбы, в момент формирования белогвардейских банд в Северном крае. На собрании, состоявшемся 27 октября 1918 года, устькуломские большевики в принятой резолюции указывали, что „Мы решили напрячь все силы на борьбу против буржуазии, англо-французских бандитов и белогвардейцев, отнимающих нашу свободу и наш Северный край. Не допустим никаких посягательств на завоеванные нами права и по первому зову власти рабочих и крестьян, как один человек, станем на защиту завоеванных прав трудящихся всего мира" *). Такие резолюции при широкой участии беспартийной бедняцко-середняцкой массы выносились почти на каждом собрании.

Необходимо заметить, что крестьянство в Коми чрезвычайно сочувствовало организации ячеек большевистской партии. Это сочувственное отношение выражалось не только в том, что бедняцкие массы деревни вступали в ряды коммунистической партии, поддерживали ее политику, но и оказывали материальную помощь предоставлением помещения для клуба, собраний ячейки и т. д. Так, граждане села Додзи и Визябожа в пользу устьсысольской партии коммунистов (б) пожертвовали 77 аршин холста, 5 штук полотенец, 1 мот. ниток, 2 пары чулок, 17 пар рукавиц, 15 пар перчаток, 13 штук овчин, 2 пары сапог и деньгами 52 р. 88 коп.. Гражданином Мыелдинской волости Е. Ф. Пар-

*) Газета „Зырянская жизнь", от 19 ноября 1918 года, № 37.

шуковым в пользу местного клуба коммунистов пожертвовано по двум книжкам сберегательной кассы 569 рубл., нажитые упорным трудом в течение многих годов. Гражданином Мыелдинской волости П. Тюрвиным в пользу местной организации партии большевиков пожертвовано 500 рублей, заработанных путем усиленной и тяжелой работы. Таких фактов можно было бы привести сколько угодно. На основании этих данных мы можем утверждать о широких симпатиях бедняцко-середняцких масс крестьянства к коммунистической партии и советской власти.

Перед большевистской партийной организацией в Коми стояли большие и ответственные задачи. Одной из наиболее важнейших задач являлась организация Советов, борьба с кулацкими выступлениями, которые стремились разгонять Советы, комитеты деревенской-бедноты и т. д.

Большую работу провели большевики и по развитию политико-просветительной работы среди крестьянства. Так, большелузская организация большевиков открыла народный дом, организовала библиотеку, читальню. По праздничным дням партийная ячейка устраивала лекции. Гарьинские коммунисты открыли клуб и библиотеку-читальню.

Большую работу провела большевистская партия по укреплению партии, изгнанию оттуда различных элементов, примазавшихся к партии. Во время массового вступления, в ряды партии проникали чуждые элементы,—вступали недостаточно подготовленные и сознательные для того, чтобы проводить в жизнь пролетарскую диктатуру на селе. Так, из состава Позтыкеросской организации РКП(б) исключен быв. военный комиссар Ив. П. Худяев, идущий против партии коммунистов и против национализации земли. В Мординской ячейке партии большевиков в конце декабря 1918 года исключены из партии И. Р. Забоев, Ф. М. Шевелев и И. С. Шевелева, как несоблюдающие партийную дисциплину. К 1-му января организация насчитывала в своих рядах 51 действительного члена партии и 28 сочувствующих.

Засоренность партии чуждыми элементами, особенно подкулачниками, которые проникли в партию, чтобы, пользуясь званием члена партии, проводить кулацкую линию в вопросах советско-хозяйственного строительства. „Тех членов партии,—говорит второй пункт резолюции 2-го Устьсысольского уездного с'езда РКП(б) от 24 марта 1919 г.,—которые появляются пьяные или будут дебошировать,—исключить из партии и предавать суду. С'езд постановляет принять суровые меры к проходимцам и карьеристам, которые стояли раньше в партии, и когда долг партии потребовал пойти на защиту социалистической республики, они в момент опасности вышли из среды партии и начинают вести агитацию против оставшихся в рядах партии“ *).

*) Газета „В Зырянском краю“, № 19, от 11 мая 1919 г.

Второй уездный с'езд РКП(б) сыграл очень большую роль в деле укрепления партийных организаций, чтобы выкинуть из рядов всех колеблющихся, всех карьеристов, которые мешали партии проводить большевистскую политику в условиях фронтовой полосы и белогвардейско-кулацких восстаний в крае. С'езд вменял в обязанность „Всем членам партии удесятерить работы, напрячь все усилия, вести агитацию среди населения, раз'яснять все положение текущего момента, привлечь к усиленной работе, имеющиеся все способные силы. За всеми недостатками ячейки должны обращаться в уездный комитет партии, который обязан снабжать всем необходимым" *).

С'езд указал также и на то, что „местные ячейки и организации должны смотреть, чтобы в волостных Советах не сидели лица, враждебные советской власти, и не велась агитация против таковой".

Все лица, замеченные в агитации против советской власти, должны арестовываться и предаваться суду „Где имеются бывшие полицейские чиновники, урядники, стражники и другие лица, ненадежные в советских учреждениях,—немедленно удалять их, заменив коммунистами или сочувствующими, а если нет таковых, то беспартийными, но с разрешения партии на месте". **)

Партия поставила перед с'ездом важнейшую задачу—завоевание массы крестьянского населения на свою сторону: „Стараться всегда в свободное время собираться, делать собеседование со всеми гражданами, раз'яснять все вопросы, какие их интересуют, об'яснять задачу советской власти и что желает советская власть всему беднейшему крестьянству. Немедленно нужно поставить ряд митингов с приездом политического отделения в Усть-Сысольске, воспользоваться всеми силами, которые оно имеет, а также и по волостям, ибо не нужно скрывать, что часть населения относится враждебно, большинство пассивно, нам нужно завоевать доверие и стать во главе населения". **)

Каким образом партия мыслила завоевать доверие колеблющихся слоев населения в Коми? Путем поднятия партийной дисциплины, очищения собственных рядов от примазавшихся чуждых элементов, путем широкой политико-просветительной работы с раз'яснением массе политики коммунистической партии и советской власти. Для этой цели местные ячейки не должны были быть оторванными от широких масс трудящихся, а жить среди них, „стараться войти в доверие", чтобы повести за собою бедняцко-середняцкие массы крестьянства к социализму через гражданскую войну.

Крупной задачей большевистской организации в Коми являлось создание уездного Военкомата по организации Красной армии для защиты октябрьских завоеваний, от посягательств

*) Газ. „В Зырянском краю", № 19, от 11 мая 1919 г.
**) Там же.
***) Там же.

внутренних контрреволюционеров и для отпора международной интервенции, которая пыталась в лице англо-французского империализма захватить крайний Север, в частности и Коми, и превратить его в свою колонию. Организация Красной армии, как вооруженной опоры советской власти, естественно, была встречена бедняцко-середняцкой частью деревни и трудящимися городов весьма радостно, и вызвала бешеную ненависть со стороны кулачества и др. контрреволюционных элементов, которые видели в этом силу и мощь советской власти. Так, представитель Гамской волости тов. Отев на 5-м с'езде Советов Яренского уезда указывал, что „отношение к Красной армии со стороны богачей отрицательное, бедняков—хорошее". *)

Одновременно с организацией Красной армии, устьсысольской партийной организации пришлось выдержать большую борьбу с левыми эсерами и меньшевиками, выступившими на втором с'езде Советов против декрета советского правительства об организации комитета деревенской бедноты, который должен был быть в каждом селе, как опора советской власти против кулачества

Кулачество, выяснив социальную сущность комитетов деревенской бедноты, решительно выступило против их организации, усматривая в них крупнейшее социальное оружие для борьбы против кулачества и по укреплению советской власти, по борьбе с голодом и т. д.

Таким образом, первые большевистские организации как в городе, так и в деревнях, провели большую работу по мобилизации трудящихся масс деревни и города вокруг коммунистической партии, советской власти и укреплению пролетарской диктатуры. И, надо сказать, большевики в Коми с возложенными на них историей задачами справились.

Таким образом мы видим, что устьсысольская партийная организация являлась довольно мощной организацией. Это можно видеть на примере човских событий, когда партия удалила из состава Уездного Исполкома эсеровское руководство, проводившее кулацко-помещичью линию, а также на примере июльских событий, когда кулацкие идеологи, агитировавшие против организации комбедов на II Устьсысольском с'езде Советов, были изгнаны из Устьсысольского уездного исполкома Советов и преданы суду, как классовые враги рабочих и крестьян. Большевистской организации в Коми пришлось иметь дело и с контрреволюционными вылазками в собственных рядах, известных под названием „событий 9-го ноября 1918 г." Сущность этих событий состоит в следующем: после окончания манифестации, организованной по поводу празднования первой годовщины Октябрьской революции (7-го ноября 1918 г.), ряд виднейших советских работников, во главе с председателем

*) Жур. 5-го с'езда Советов Яренского уезда.

Уездного Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов В. П. Осиповым, председателем Уездной Чрезвычайной Комиссии М. М. Ляпуновым, товарищем его, заведующим отделом Внутреннего Управления В. И. Чуистовым, председателем уездного Революционного Совета, военным комиссаром И. Г. Казаковым, членом Вологодского Губисполкома А. А. Кузнецовым и др., допустили пьяный разгул".

Этот пьяный разгул, организованный „политическими кормчими" уезда в день величайшего праздника всего мира, естественно, вызвал возмущение со стороны наиболее сознательной части населения—коммунистов и красноармейцев. Красноармейцы, желая прекратить эти безобразия, вынуждены были задержать некоторых из них и держать при милиции до вытрезвления. Загулявшая администрация, узнав, что их собутыльники сидят в милиции, немедленно распорядилась об их освобождении.

Это так возмутило рядовых членов партии и красноармейцев, что они на следующий день, 8 ноября 1918 г., организовали собрание для обсуждения создавшегося положения. Когда об этом стало известно местной чрезвычайной комиссии, то товарищ председателя ЧК (он же председатель Устьсысольского Комитета ВКП(б)) В. И. Чуистов распорядился, чтобы отряды ЧК немедленно разогнали собрание.

И действительно, „через некоторое время разнесся слух, что помещение Красной армии окружено летучими отрядами местной Чрезвычайной Комиссии. Слух этот, подтвержденный одним прибывшим товарищем, не вызвал, однако, никакого переполоха среди собравшихся, решивших хладнокровно выжидать дальнейшего хода событий. Через несколько минут после этого в клуб стремительно вошли председатель Чрезвычайной Комиссии Ляпунов, товарищ председателя Исполкома Канов и несколько человек из летучего отряда с винтовками наперевес. Прибывшие скомандовали: „Руки вверх!" и об'явили настоящее собрание незаконным, после чего Канов прочел постановление об'единенного заседания революционного Совета, Исполнительного Комитета и Комитета партии коммунистов, согласно коему в городе, ввиду анархических выступлений со стороны с провоцированной неизвестными лицами Красной армии, вводится чрезвычайное военное положение, с воспрещением выхода из дому после 5 часов вечера. Собравшимся было приказано разойтись, при чем несколько человек было арестовано, десять из которых были заключены в тюрьму.

Вынесенное постановление является крайне характерным. Вот суть его: „1) Ввиду выпущенной неизвестными темными лицами провокации в дни празднества годовщины Октябрьской революции в городе Устьсысольске против Уездного Исполкома

*) Газета „Зырянская жизнь", № 36, 1918 г.

и некоторых членов комитета партии коммунистов, город и уезд об'являются на чрезвычайном военном положении. Всякие сборища и собрания в учреждениях и организациях не допускаются. к лицам, неподчиняющимся настоящему постановлению, будет применяться оружие.

2) Поставить контроль на почте и телеграфе из членов, участвующих в данном собрании.

3) Лиц, заподозренных в инициативе данного инцидента, немедленно арестовать.

4) Разоружить местную Красную армию и предложить военному комиссару распустить ее, а взамен набрать новый состав.

5) Заменить все посты в городе, состоящие из красноармейцев, коммунистами и милиционерами.

6) Установить дежурство в помещении Чрезвычкома".*)

Это постановление главковерхов Устьсысольской организации ярко сигнализировало о том, что руководящий состав местной парторганизации, Исполкома, местного ЧК начали сходить с большевистских позиций и становиться на путь авантюризма.

Следствие установило: I) потребление спиртных напитков в течение праздников годовщины Октябрьской революции открыто, в обществе, до состояния явного опьянения (выпили два ведра и 12 бутылок спирта, незаконно полученные из аптеки, — В. П.), 2) распространение ими самими слухов о готовящемся белогвардейском выступлении и военном бунте, 3) сознание вздорности этих слухов, 4) насилие над волей остальных членов об'единенного заседания путем запугивания, обмана и клеветы, 5) упорство ликвидировать дело откровенным признанием своей вины пред т. т. коммунистами и красноармейцами, 6) разоружение Краснойармии при отсутствии к тому причин, 7) разгон собрания коммунистов и красноармейцев на второй день праздника силами местной Чрезвычайной Комиссии, 8) беспричинный арест коммунистов и красноармейцев в числе 10-ти человек, 9) злоупотребление властью при требовании - спирта, 10) подлоги по службе, 11) подготовка к побегу из тюрьмы. **)

Из этих данных видно, что руководители Устьсысольского уезда совершили ряд тягчайших преступлений в момент самой ожесточенной классовой борьбы трудящихся с капиталистами и белыми бандами.

Разве такие факты, как разоружение красноармейцев, их роспуск, разгон собрания коммунистов и арест их инициаторов, не являются предательством революции?

Эти замыслы предателей рабочего класса и трудящегося крестьянства были скрыты рядовыми членами большевистской

*) Газета „Зырянская жизнь", № 42, 1918 г.
**) Там же, 4 стр.

партии. Как только председатель Чрезвычайной Комиссии Ляпунов незаконно разогнал собрание коммунистов, разрешенное Революционным Советом, разоружил Красную армию, установил свой контроль на почте, заменил постовых милиционеров своими ставленниками, рядовые члены большевистской партии не растерялись. Они поняли, что партийное руководство сошло с большевистских рельсов и предает революцию. 10 ноября было созвано экстренное собрание, на котором был дан бой зарвавшимся руководителям. Немедленно были освобождены арестованные коммунисты и красноармейцы, была выбрана специальная комиссия для расследования событий 7-9 ноября.

Вооружив красноармейцев, коммунистов, рядовые члены большевистской организации на II ноября, на утро, назначают собрание, на котором созданная комиссия ознакомила партийную организацию с сущностью событий 7-9 ноября 1918 года. 12 ноября, когда мельчайшие детали события были изучены, было назначено собрание, которое, как указывает В. Савин, „носило весьма напряженный характер и было несколько критических моментов для участников „подавления белогвардейского выступления", но организованность и самостоятельность членов-коммунистов удержали от возможного замешательства, призвав товарищей к соблюдению порядка и спокойствия. Тут же все участники об'единенного заседания „27" были разоружены, главные виновники исключены из партии и отозваны от занимаемых ими должностей. Реорганизованы Исполком, Военком и Чрезвычком, перевыбран комитет партии, причем в состав Чрезвычкома для расследования инцидента выбрано 7 членов и возбужден вопрос о созыве в ближайшее время с'ездов коммунистического, комитетов деревенской бедноты и Совдепов"*).

Новый состав Чрезвычайной комиссии, выбранный на том же собрании 13 ноября, постановил арестовать главных виновников этого события, пред'явил им обвинение в измене партии. Когда об этом 26 ноября стало известно устьсысольской организации большевиков, то последняя проявила по отношению к узурпаторам власти, изменникам партии, дошедшим до разоружения Красной армии и коммунистов, большой либерализм. Виктор Савин указывает, что „Революция, и тем более диктатура пролетариата, беспощадны к своим узурпаторам. Они не щадят отдельных личностей, посягнувших восстать против верных своих друзей, истинных защитников их интересов. Они не щадят никого, кто осмелится злоупотреблять в угоду себе предоставленым ему трудовым народом правом".

Тем не менее, сообщенные заявления (о грозящем расстреле виновников этого события—В. П.) произвели на присутствующих, в числе 120 членов партии, довольно сильное впечатление,

*) Газ. „Зыранская жизнь", № 42, 1918,

и, после серьезного и всестороннего обсуждения, общее собрание решило возбудить ходатайство о смягчении участи попавших в руки правосудия бывших руководителей уезда" *).

„Устьсысольская организация РКП(б), —читаем мы в ходатайстве партии о смягчении участи обвиняемым,—обсудив положение исключенных из партии членов В. П. Осипова, В. И. Чуистова, М. М. Ляпунова и Г. Г. Казакова, которым по имеющимся материалам может угрожать расстрел за целый ряд преступлений по должности и за измену партии, и принимая во внимание их прежнюю колоссальную работу по борьбе с кулаками, по борьбе с кулацким элементом в уезде, сознание своей силы и партийной мощи в эпоху под'ема социальной революции во всем мире, признает уничтожение перечисленных выше лиц в данное время излишним, во избежание ликования в лагере испытавшей их работу буржуазии, а потому ходатайствует пред губернским комитетом РКП(б) и пред Губернской Чрезвычайной Комиссией о замене грозящего им расстрела следующей ступенью наказания"**).

Эта либеральная резолюция партийной организации, конечно, продиктована была не слабостью партии, а ее ростом, силой, способностью бороться и в собственных рядах со всеми выступлениями классового врага.

Это лишний раз свидетельствует о том, что партийная организация большевиков со времени ее возникновения значительно выросла, окрепла в борьбе с эсерами и меньшевиками, кулачеством и буржуазией и представляла собою довольно сильную и сплоченную организацию. Большевистская организация Устьсысольска это доказала не только на примере событий 7-9 ноября 1918 года, но и в гражданской войне, которой она руководила в Коми.

Почему она вышла победительницей? Потому, что сама партийная организация, низы партии были здоровые, что все они горели желанием биться за укрепление пролетарской диктатуры. „Революции, —пишет В. Савин,—нужны честные работники, истинные строители новой жизни на обломках старых развалин, ей нужны идейные в глубоком смысле слова политические руководители, идущие рука об руку с трудовым народом по строго определенному пути, и если не честные спотыкаются и падают поперек этого пути,—они недостойны называться сынами пролетарской революции и долой их с пути"***).

II. Организация Советов и их деятельность.

Советы Рабочих, Солдатских и Красноармейских депутатов в Коми области начали возникать с января 1918 г., после организации Устьсысольского уездного Исполнительного Комитета

*) Газ. „Зырянск. жизнь", № 42, 5 стр., 1918,
**) Там же.
***) Там же.

Советов. В апреле—мае 1918 года во всех волостях и селениях уже существовали волостные и сельские Советы. Д. И Шулепов, являющийся одним из организаторов советской власти в Об'ячевской волости, в своем воспоминании указывает что „в августе 1918 года из Устьсысольска получили инструкцию об организации Советов. В первый Об'ячевской волостной Совет я был избран заведывающим отделом внутреннего управления. Ив. Ив. Леканов—секретарем. Первым мероприятием было наложение контрибуции, в первую очередь на торговцев, от 1 до 5-ти тысяч рублей на каждого. Контрибуцией были обложены торговцы Панев Н.К.—2 тыс. рублей, Лихачева Анна—5 тыс., рубл. Лихачев Е. В.—3 тыс. рублей, Фоминых А. И.—1 тыс. рубл. и др". *)

Накладывая контрибуцию на купеческо-кулацкую часть населения, Совет тем самым утверждал диктатуру пролетариата в деревне, который при помощи беднейшей части крестьянства руководил всей общественно-экономической жизнью деревни.

Первым Советам, в момент их организации, пришлось вести упорную борьбу с кулаками, которые не только агитировали против Советов, но кое-где переходнли к открытой борьбе. Так, в Киберской волости кулаки вели усиленную агитацию против Советов, призывая массы к свержению и установлению власти б. земства, где недавно сидели кулаки и подкулачники. Местный Совет, при помощи бедняцкой части деревни, быстро пресек преступные деяния кулачества. Была немедленно наложена контрибуция на торговцев, кулаков и конфискованы все их товары. В Гарье 11 Сентября 1918 г. местные кулаки разогнали местный Совет. Для восстановления порядка из Устьсысольска был командирован отряд в количестве 40 человек, который ивосстановил Совет.

Такое же бешеное сопротивление оказывали кулаки и организации Советов по другим волостям, которые (советы) в жестокой борьбе со всеми эксплоататорами деревни устанавливали рабоче-крестьянскую власть.

Уничтожая эксплоатацию, Советы в Коми боролись и за создание новых, социалистических форм хозяйствования. Впервые в истории народов б. царской России, в частности в истории Коми, мы видим возникновение совхозов и коммун. Ульяновский монастырь, являвшийся в прошлом крупнейшим миссионерским центром в Коми, имевший хорошо устроенное хозяйство, был обращен в образцовый совхоз с открытием сельскохозяйственного училища.

Советы, при активной поддержке Комитетов бедноты, провели и целый ряд важнейших хозяйственно-политических мероприятий, направленных к улучшению экономического и политического положения РСФСР и, в частности Коми. Продразверстка, введенная советской властью, вызвала ожесточенное сопро-

*) Воспоминания Д. И. Шулепова.

тивление со стороны кулачества, являвшегося главным производителем товарного хлеба.

Но Советы при активной поддержке Комбедов справились и с этой задачей.

Перед советской властью стояли большие задачи и в области ликвидации неграмотности, поднятия культурного уровня бедняцко-середняцких масс деревни. Поэтому первой задачей советской власти являлось открытие клубов, народных домов, организации в деревнях просветительных кружков. Так, в октябре 1918 г. в деревне Ибпонаибской, Ужгинской волости, организован культурно-просветительный кружок. Там же открыта читальня и чайная, где кружок развертывал свою работу. В селе Сторожевском 5 октября, в доме б. купца Латкина, открыт народный дом и клуб. На общем собрании граждан Палаузской волости единогласно решено построить новое здание для народного дома и школу. Граждане Пожегодской волости 23 октября 1918 г. решили ввести по волости обязательное всеобщее обучение по грамоте. Все крестьяне, которые под тем или иным предлогом будут уклоняться от всеобщего обязательного обучения, будут подвергнуты строгим наказаниям. Эти данные ясно указывают на то, что крестьяне, которые раньше при земстве были лишены всякой культурно-просветительной работы, спешили наверстать упущенное. Одно введение всеобщей грамотности свидетельствует о том, что крестьянство после Октябрьской революции поняло все значение просвещения в деле построения социалистического общества.

Тяга рабоче-крестьянских масс к знанию нашла свое выражение и в открытии первой учительской семинарии в Устьвыми, организованной Яренским Советом.

Особенно широко развернулась в деревне культурно-просветительная работа. Почти в каждой деревне были созданы культурно-просветительные кружки. Они заботились о постановке спектаклей, устройстве докладов, об изыскании средств на постройку народного дома и т. д.

Большую роль в создании культурно-просветительных кружков играла местная рабоче-крестьянская молодежь, которая под руководством советско-партийного актива сама себе строила клубы, делала сцены, открывала библиотеки. Так, вильгортская молодежь „накупив тесу, бумаги, задумала устроить декорацию. Много дней проработала она над сценой, нужно было положить много усилий, чтобы утроить что-либо похожее на комнату. Молодежь, обмазанная клейстером, стойко продолжала работу и, наконец, достигла желанного. Сцена готова“...

Первый раз были поставлены „Наследство помогло“—на русском языке,—„Aşsə açьs vijьs“—на зырянском языке. Поэтому второй спектакль—„Женитьба“ Гоголя—был исключительно на зырянском языке. Наконец, были поставлены два спектакля из быта крестьян: „Zьk-sum“, и „Najt turun“, которые произвели

большое впечатление на публику. „Приятно видеть, как крестьянство охотно идет на спектакль.“ *)

Были села, где вечера, организованные кружком, проходили исключительно на коми языке. 26 января 1919 года в Корткеросской трудовой школе был устроен „Komi гьt“ (зырянский вечер). Ставили пьесу из школьной жизни на коми языке, а также пели зырянские песни и декламировали зырянские стихи, при чем исполнителями были учащиеся в школе дети. Трогательное впечатление произвела, между прочим, девочка, прочитавшая, по ходу пьесы, маленькое стихотворение „О капле дождевой“, переложенное М. Н. Лебедевым на зырянский язык.

Кружки не только строили клубы, ставили кинокартины, организовывали вечера, но проводили беседы, чтения и манифестации в честь революционных праздников. Так, 1-го мая 1918 года Позтыкеросский культурно-просветительный кружок организовал митинг и манифестацию.

Культурно-просветительные кружки, основанные исключительно на самодеятельности населения, в частности, рабоче-крестьянской молодежи, играли крупную роль в деле пробуждения коми деревни к культурной жизни. Участвуя на митингах, спектаклях, на лекциях, крестьяне, в частности молодежь, постепенно втягивались в культурно-просветительную жизнь села. Не было деревни, где бы в 1918-1919 г. не было культурно-просветительного кружка и небольшой при нем библиотеки. Важность и значение работы первых кружков состоит и в том, что они переделывали быт коми деревни, постепенно изживая обычные для царской России драки,убийства, пьянку не только политико-просветительной работы, но и закрытия винных лавок. Мы имеем целый ряд таких отрадных фактов, как закрытие винных лавок и открытие сапожных, слесарных, портновских мастерских, где молодежь могла бы учиться ремеслу. Привлекая на свою сторону молодежь, направляя ее силы на борьбу со старым, эксплоататорским миром, культурно-просветительные кружки вызвали ненависть со стороны темных сил деревни особенно среди кулачества, которые путем распространения все-, возможных клеветнических измышлений пытались сорвать эту работу. Так, они утверждали, что работа кружка ничего хорошего не дает, кроме порчи нравов, опорочения религии и т. п. Эти темные силы, которым была выгодна прежняя темнота и невежество,-агитировали против этих „Политпросветов“, распространяя версию о том, что кто вступит в кружок, тот становится членом антихристового кружка. Эти спектакли, песни, беседы, производившиеся на коми языке, понятном для всех, втягивание в кружковую работу не только молодежи, но и 7—8-милетних детей, выступавших на сцене, завоевали симпатию и на-

*) Газета „Зырянская жизнь“, № 31, от 20 октября 1918 года.

иболее забитой части общества—женщин, которые раньше кроме горшков и печки ничего не видели.

Вводится коми язык в учреждениях, в работе кружков. Впервые вопрос о преподавании в школах на коми языке обсуждался на заседаниях Устьсысольского Уездного Исполкома Советов 26 октября 1918 г. После докладов И. М. Коданева и В. А. Молодцова о преподавании в школах на коми языке, было вынесено постановление о постепенном введении в школах преподавания коми языка.

Ведя борьбу за новый быт, Советы вели активную борьбу с церковью, особенно при проведении в жизнь декрета советского правительства об отделении церкви от государства. Согласно этого декрета, Советы производили из'ятие метрических книг из церквей. Д. И. Шулепов, в своих воспоминаниях, указывает, что „ С большим воодушевлением я пошел из здания Совета в церковь. Поп вначале откапывал в выдаче книг, ссылаясь на то, что нет распоряжений от епархии, но пришлось подчиниться декрету правительства, который был ему вручен. Метрических книг было много—наложили целый воз. Подводу выпросил у одного крестьянина, приехавшего из соседней деревни в местный кооператив. Теперь кажется, что такое мероприятие, как из'ятие метрических книг из церкви, не такой уже большой подвиг, но в то время оно являлось исключительным" мероприятием*).

Как совершенно правильно замечает Д. И. Шулепов, из'ятие из церкви записей о рождении, смерти и браке имело громадное значение.

Кулаки, торговцы против этого из'ятия подняли вой: „Безбожники-коммунисты грабят церкви, оскорбляют святыни, устраивают гонение на православную религию". Почему попы вместе со всеми эксплоататорами выступили против декрета об отделении церкви от государства?—Потому,—пишет А. Тихонов,—что декрет сильно ударил попов по карману, они и в настоящее трудное время готовы урвать последнее. Эра сложная машина, в лице духовенства, была заведена только для наживы их карманов и нравственного угнетения темных народных масс". *)

Успешность работы первых Советов ярко усматривается из отчетов делегатов на с'ездах. Коми деревня, несмотря на кулацко-эсеровскую агитацию, пошла за сов. властью, за коммунистической партией.

Для борьбы со всякого рода контрреволюцией, спекуляцией и саботажем были созданы Чрезвычайные комиссии (ЧК), как оружие пролетарской власти по охране завоеваний Октябрьской революции. Чрезвычайные комиссии, стоя на защите советской власти, с помощью большинства трудящихся справились с возло-

*) Воспоминание Д. И. Шулепова.
*) Газета „Зырянская жизнь", № 41, 1919 г.

женными на них задачами, успешно отражая удары контрреволюции.

Таким образом, перед Советами в Коми стояли важнейшие задачи. Основной и главной задачей Советов являлось осуществление на селе диктатуры пролетариата и проведение всех мероприятий центрального советского правительства по укреплению советской власти в деревне.

Организация Комитетов деревенской бедноты.

Возникновение Комитетов деревенской бедноты в Коми относится к июлю 1918 г. Ведя активную борьбу с кулачеством, купечеством, Комбеды по существу представляли собою деревенские военно-революционные комитеты, которые путем конфискаций и реквизиций отбирали хлебные излишки кулачества, гнали кулаков из Советов и заменяли их трудящимися крестьянами, стоящими на платформе советской власти.

Основной задачей Комитета деревенской бедноты являлось укрепление пролетарской диктатуры в деревне, борьба с голодом и с кулачеством. Главные производители товарного хлеба в деревне, кулаки, после Октябрьской революции припрятали свой хлеб, рассчитывая костлявой рукой голода задушить еще не окрепшую рабоче-крестьянскую власть.

Кулачество, чувствуя, что Комбеды направлены своим острием против имущих классов в деревне, повели бешеную кампанию против их организации, называя ее антихристовой организацией. Но и здесь кулаки просчитались. Деревенская беднота, под руководством местных ячеек РКП(б), открыто выступила против кулака и с честью выполнила все задачи, которые были на нее возложены советской властью. Организовавшийся в начале августа 1918 года Шешкинский волостной Комитет деревенской бедноты сообщал Устьсысольскому Исполкому, что „он всецело поддерживает Устьсысольский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, являющийся опорой беднейшего населения уезда. Мы, шешкинцы, всегда будем готовы на защиту Совета, в случае, если кто осмелится поднять свою руку против Совета". *)

Комитеты деревенской бедноты самоотверженно выполняли возложенные на них задачи. Так, Под"ельский Комитет деревенской бедноты, совместно с местным Советом, наложил контрибуцию 12.050 рублей на граждан, занимавшихся ранее торговлей и эксплоатацией чужого труда. В Киберской волости, где кулаки вели сильную агитацию против советской власти, Комитеты деревенской бедноты, совместно с волостным Советом, наложили контрибуцию на кулаков и бывших торговцев и конфисковали все их товары. Нювчимский комитет деревенской бедноты наложил контрибуцию на имущий класс в сумме 30.000 руб-

*) Газета „Зырянская жизнь", № 18, 1918 года.

лей и т. д. Комитеты деревенской бедноты занимались и учетом хлеба. Так, по постановлению Ибского Комитета деревенской бедноты было приступлено 8-го сентября 1918 года к учету кулацкого хлеба, и найденные излишки были отобраны и переданы в Совет. Койгородский волостной Комитет деревенской бедноты, производивший учет хлеба и др. продуктов питания у кулаков, нашел громадные излишки и сдал их в общественные хлебные запасные магазины для распределения между голодающими крестьянами.

Потерпев поражение в открытой борьбе с Комитетами бедноты, кулаки начинают менять тактику своей борьбы на террор. Начинается полоса политических убийств. 6 сентября 1918 г. в Граддоре, Шошкинской волости, кулаками был убит один работник продовольственного отряда, работавшего тогда в волости. В ночь на 9 сентября 1918 г. в Керчемье, выстрелом из ружья, местными кулаками убит секретарь ячейки РКП(б) тов. Гичев. 23 октября 1918 г. в Лозыме группа кулаков ворвалась в дом секретаря волостного Исполкома Ивана Макарова, намереваясь его убить, но благодаря мужеству присутствующих в комнате (председателя фракции коммунистической партии и волостного милиционера) Макарова убить не удалось. Во время нападения один из кулаков был ранен выстрелом из револьвера.

На белый кулацкий террор Комитеты бедноты отвечали наложением дополнительной контрибуции на имущие классы, привлечением их на принудительные работы, изоляцией и т. д.

Комбедовское движение в Коми, безусловно, одно из наиболее интереснейших страниц в истории коми и наряду с гражданской войной и партизанским движением требует специального изучения. Полное освещение деятельности Комбедов возможно только тогда, когда все материалы, касающиеся этого движения, будут собраны и приведены в порядок.

Комитеты деревенской бедноты являлись важнейшим политическим орудием коммунистической партии по укреплению советской власти и установлению диктатуры пролетариата в деревне.

Празднование первой годовщины Окрябрьской революции.

Большую работу привели советские и партийные организации по подготовке к празднованию 7-го ноября—первой годовщины пролетарской революции. Еще задолго до дня празднования, по волостям и селениям устраивались лекции, беседы, на которых знакомили крестьян и рабочих с значением Октябрской революции, которая впервые в мировой истории установила власть рабочих и крестьян, и бывших колониальных рабов русских и иностранных капиталистов сделала строителями нового социалистического строя. 6 ноября 1918 года в здании б. гимназии состоялась лекция Д. И. Розанова, который знакомил слушателей с значением Октябрьской революции. „Прошлое русской революции таково,—

говорил Д. И. Розанов,—что ей безусловно принадлежит не только ближайшее, но и отдаленное будущее".

Выясняя причины империалистической войны, докладчик указывал, что единственным борцом против империалистической войны явился рабочий класс и беднейшее крестьянство. „Русский солдат и рабочие—говорил Д. И. Розанов,—первые подняли красное знамя восстания против своих смертельных врагов—буржуазии. Кучка соглашателей, предвидевшая неизбежность революции, пыталась направить ее в выгодное для них русло, но прозревший русский народ не дал одурачить себя, и в октябре прошлого года окончательно стряхнул со своих могучих плеч всю эту нечисть" *).

Передовая статья газеты „Зырянская жизнь", оценивая значение пролетарской революции и результаты работы рабочих и крестьян за истекший год, указывала, что „истекший год неизгладимыми письменами будет записан во всемирную историю человечества, как поворотный пункт в жизни народов... картина пережитого в этом году так грандиозна, что невозможно обнять ее зараз мысленным взором. Империалистическая война была окончена. Создавались Советы, шла неустанная борьба за пролетарскую власть. Все, досель обездоленные, об'единились в одном решительном стремлении довершить социальную революцию. Рабочие в столицах переносили невероятные страдания голода, крестьяне терпели недостаток в самом нужном, но ни на иоту не уступали от своих позиций и давали лучших сынов в защиту завоеваний социальной революции".

Год первой пролетарской революции действительно являлся годом величайших побед рабочего класса и беднейшего крестьянства, которые в условиях голода (в большинстве мест ели березовую кору и другие суррогаты), под руководством большевистской партии твердо стояли на своих боевых постах, не выпуская из рук винтовки. Ни провокация классовых врагов, ни кулацкие восстания, ни об'явленный кулаками белый террор не внесли смятения в ряды борцов за социализм.

Организованные в годовщину манифестации, с развевающимся красными флагами и плакатами, с пением революционных песен оставили незабываемое впечатление на трудящихся. Вот картина праздника в Сыктывкаре: оркестр выполняет „Интернационал" „На трибуну выходит председатель Исполкома Осипов, который приветствует собравшихся с великим праздником и высказывает пожелание, чтобы этот день был праздником для всех трудящихся. Оркестр играет Марсельезу. Осипова сменяет Кузнецов, который приветствует всех от имени Вологодского губернского Исполнительного Комитета и губернской организации партии коммунистов. В своем приветственном слове Кузнецов указывал на стойкость борцов, которые боролись за счастье

*) Газета „Зырянская жизнь" № 36, 1918 г., 2 стр.

трудящегося народа... Оркестр играет похоронный марш (в честь павших борцов—В. П.) Десятки знамен и плакатов склоняются, батальон Красной армии берет „на караул“ и тысячная масса народа обнажает головы. Марш кончен; на трибуне Гукетов. Он приветствует всех собравшихся как председатель местной организации партии коммунистов (б).—Представитель от Петроградского гарнизона приветствует зырян от имени красного Питера. Войска проходят церемониальным маршем вокруг трибуны. Оркестр выстраивается впереди и под звуки „Интернационала“ манифестанты идут к Трудовой улице, у здания военного Комиссариата манифестация останавливается. Представитель военкомата приветствует от Красной армии и в ответ на его приветствие гремит дружное „ура“ *).

В такой же торжественной обстановке происходило празднование годовщины Октябрьской революции в деревнях. В селе Сюзаибе, 7 ноября, с утра все граждане, служащие, крестьяне, учащиеся вышли на улицу и собрались у здания волостного Совета, где представители Совета и партии ознакомили собравшихся с значением Октябрьской революции, успехами советской власти за год ее работы и призывали так же упорно работать и дальше, как за истекший год. Затем манифестанты, выстроившись в колонны, с красными флагами и плакатами, с пением революционных песен прошлись по селу и организовали митинги, один на русском, другой—на коми языке, чтобы значение Октябрьской революции было понятным широчайшим массам трудящихся. В деревне Градорской, на пролетарский праздник вышли все взрослые и ребята и с песнями пошли к народной школе. После манифестации им был устроен чай и обед. В Палаузе в день праздника был устроен спектакль. Так же торжественно прошел праздник на Кажимском заводе.

В Визинге большое участие в организации праздника Октябрьской революции приняла молодежь. По всем школам были устроены беседы с детьми о значении праздника. В высшем начальном училище был организован митинг, на котором М. С. Канев, М. И. Колегов и С. Л. Ярков раз'ясняли собравшимся значение Октябрьской революции. Вечером был поставлен спектакль.

До начала спектакля Колегов ознакомил собравшихся с общим ходом революционного движения в России, начиная с революции 1905 года. В заключение оратор призывал рабочих и крестьян укреплять свою рабоче-крестьянскую власть. Вечер так понравился крестьянам, что последние просили как можно почаще устраивать такие вечера, где бы их знакомили с текущими политическими вопросами. 8 ноября устроен был утром детский утренник, где дети спели ряд революционных песен и прочитали ряд стихотворений. „Особенно хорош был мальчик лет 8, ростом меньше аршина, с пафосом прочитавший

*) Газета „Зырянская жизнь“, №36, 1918 г.

стихотворение „Красный звон". Каждый номер программы и каждого чтеца провожали громом аплодисментов. По окончании детского утра, всем учащимся, принимавшим кокое бы то ни было участие в устройстве праздника был предложен чай с конфетами и мелкая закуска." *)

Празднование первой годовщины Октябрьской революции как раз в разгар гражданской войны, белокулацких восстаний на Печоре, Удоре, носило одновременно и характер демонстрации смычки рабочих и крестьян в борьбе за укрепление Советской власти и решимости бороться до полной победы над интервентами. Кажимские рабочие заявили: „Об'являем всем врагам народа беспощадную войну. Да здравствует власть советов, да здравствует вождь мирового пролетариата т. ЛЕНИН, да здравствует мировая революция!" Мы имеем массу телеграмм, в которых красные бойцы клялись не уступить врагам ни одной пяди своей земли. По всей Коми области не было ни одной волости, где бы трудящиеся не клялись защищать советскую власть.

Те торжественные клятвы, которые дали коми трудящиеся советской власти и партии о защите завоеваний Октябрьской революции, выполнялись массовым вступлением в Красную армию, созданием красных партизанских отрядов, беззаветной борьбой на фронтах гражданской войны.

---

*) Газета „Зырянския жизнь", № 41,—1918 г

ГРАЖДАНСКАЯ ВОИНА В КОМИ.

1. Общие замечания.

История гражданской войны в Коми еще совершенно не изучена. Кроме работы Ульянова „Октябрьская революция и гражданская война в Коми области" и работы Шахова „Героическая борьба извайльских красных партизан с белыми в 1919 году", мы абсолютно ничего не имеем. Это об'ясняется главным образом тем, что научные кадры Коми области до сих пор не взялись за дело собирания и изучения материалов по истории гражданской войны. Пишущему эти строки так же пришлось встретиться с фактом отсутствия собранных материалов и для восстановления картины гражданской войны пришлось собирать эти сведения из газетных материалов и от самих участников гражданской войны.

Изучение истории гражданской войны имеет большое значение в деле ознакомления рабочих и крестьян Коми области и трудящихся СССР с той героической борьбой, которую вели трудящиеся Коми со своими классовыми врагами.

М. Горький совершенно правильно пишет, что „эта история необходима не только старым бойцам для того, чтобы они гордо вспоминали свои битвы и победы. Она нужна нашей молодежи для того, чтобы молодежь узнала героизм своих отцов и умела понять, кто дрался за свою избу и корову, кто за свободу рабочего класса, за социализм. Она нужна для миллионов пролетариев всех стран, миллионов, от которых уже не далеки дни великих битв. Эта книга должна быть яркой летописью героизма и вдохновлять на героизм. Эта история должна быть книгой итога всей крови, пролитой паразитами ради того, чтобы только сохранить для себя привилегированные условия удобной, красивой и насквозь подлой жизни двуногих зверей, воспитанных на пожирании чужой силы".

История гражданской войны должна ознакомить трудящиеся массы СССР, как рабочие и крестьяне в Коми боролись и умирали за советскую власть. Особенно важна история для нашей рабоче-крестьянской молодежи, которой принадлежит будущее и которая должна по примеру отцов и дедов укреплять завоевания Октябрьской революции и по зову коммунистической партии стать на защиту власти Советов.

Карамзин, этот присяжный истории дома Романовых, указывал, что „История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая, зеркало их деятельности и бытия, скрижаль откровений и правил... зовет предков к потомству, дополнение, из'яснение настоящего и пример будущего".

Наша пролетарская история является не только наукой, которая помогает нам правильно ориентироваться в сложных вопросах переживаемого момента.

Опыт русской революции, во всем его многообразии, при всех его специфических условиях борьбы, имеет мировое значение. Опыт нашей борьбы будет иметь громадное значение на исход борьбы за коммунизм в мировом масштабе.

История гражданской войны имеет и большое воспитательное значение. Она будет воспитывать нашу молодежь в духе непримиримой классовой борьбы со всеми врагами социализма. Она будет звать нашу молодежь энергично бороться за социалистическое строительство, на беззаветную борьбу за социализм.

Движущие силы гражданской войны.

Октябрьская революция, совершившаяся в России, имеет мировое значение. Впервые в мировой истории человечества к власти приходит рабочий класс.

В. И. Ленин еще в начале 1918 года указывал на всемирно-историческое значение Октябрьской революции, как прообраза мировой пролетарской революции, что „Пример Социалистической Советской республики в России,—писал В. И. Ленин,—будет стоять живым образом перед народами всех стран и пропагандистское революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников, там—мир и социалистическая республика Советов" *)

В. И. Ленин совершенно правильно указывает, что у империалистов „одна мысль: как бы искры нашего пожара не перелетели на их крыши. Но китайской стеной не отгородишься от России. Нет ни одной рабочей организации в мире, где не встречали бы с энтузиазмом наши декреты о земле, о национализации банков и т. д. Наше положение вполне прочно, ибо за нами стоят все рабочие всех стран" **)

Международный империализм, в частности англо-французский, опасаясь, чтобы искры социалистической революции не перелетели в их страны, начинает изыскивать средства для борьбы с советской Россией. Для того, чтобы разбить советскую Россию, у империалистов зреет смелая мысль—втянуть Россию

*) В. И. Ленин, том. XX, 2 изд. 198 стр.
**) В. И. Ленин, соб. соч. т. XXII, 248 стр.

в войну против Германии, чтобы в дальнейшем, после поражения Германии, разгромить советскую Россию.

Эта мысль оказалась неосуществимой. Большевистская партия, во главе с В. И. Лениным, вскрыла коварные замыслы империалистов и вежливо отклонила их проекты. Отказ советской России от участия в войне против Германии, конфискация иностранных капиталов, фабрик, заводов, рудников, отказ от уплаты царских долгов иностранным капиталистам и т. д., ускорили выступление союзников против советской России. Английская интервенция на Севере, в частности захват Мурманска и Архангельска, были первым практическим шагом империалистов в деле борьбы с советской властью.

Иностранный империализм, интервируя наш Север, опирался, кроме своих штыков, на все те капиталистические элементы, которые остались недовольными Октябрьской революцией и ждали удобного случая, чтобы выступить против советской власти и вернуть свою власть и богатство. „Англо-японские капиталистические хищники, пойдя в поход на мирную Россию, —писал В. И. Ленин,—рассчитывают еще на союз с внутренним врагом советской власти. Мы знаем хорошо, кто этот внутренний враг. Это—капиталисты, помещики, кулаки, их сынки, ненавидящие власть рабочих и трудовых крестьян, пьющие крови своих односельчан. Кулак бешено ненавидит советскую власть и готов передушить, перерезать сотни тысяч рабочих. Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялась с рабочим классом. Везде оно входило в союз с иностранными капиталистами против рабочих своей страны". *)

Не малую роль в сколачивании антисоветского фронта играли правые эсеры и меньшевики, которые после Октябрьской революции, вкупе с буржуазией, работали над организацией свержения советской власти во всех частях советской России,— в Баку, Ярославле, Мурманске, Архангельске и т. д. В. И. Ленин совершенно правильно указывает, что „кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистическими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример—Украина и Тифлис. Союз меньшевиков, правых эсеров с чехословаками достаточно для этого показателен" **).

Не меньшую роль в деле осуществления английской интервенции на Севере сыграли кадеты, меньшевики и эсеры, которые создали все условия для занятия Мурманска и Архангельска. Эсеры, во главе с бывшим народником эсером Чайков-

*) Ленин, об интервенции. Сборник, 11 стр.
**) Там же, 49 стр.

ским, возглавили белогвардейское правительство. Крупную роль в развитии интервенции на Севере сыграл и Л. Троцкий, который, вместе с бывшим товарищем по работе в Америке Юрьевым, способствовал захвату Мурманска империалистами и превращению его во временную колонию Англии, пока Красная армия не положила конец господству русских белогвардейцев и иностранных интервентов.

Троцкий 1-го марта 1918 года „предлагал Мурманскому Совдепу заключать „всякие соглашения" с союзниками и показать образец выдержанности и революционной преданности делу рабочего класса". Н. Корнатовский, автор работы „Северная контрреволюция", спрашивает: „Почему же не исполнить такого приказа одного из наркомов советской республики—Троцкого, приказа, об'ективно способствовавшего доведению до конца начатого Мурманским Совдепом контрреволюционного дела? Мурманский Совдеп, имея таких советчиков, как Веселого, Звегинцева и „гостей" порта и города, как английский адмирал Кемп, французские представители, моментально ухватился за телеграмму Троцкого и с молниеносной быстротой приступил к ее выполнению. 2-го марта между Мурманским Совдепом с одной стороны и представителями Англии и Франции—с другой, было заключено так называемое „словесное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края. Согласно этому документу, высшая власть в пределах Мурманского района должна была принадлежать Мурманскому Совдепу, а высшее командование всеми вооруженными силами района—вновь создающемуся органу—Мурманскому военному совету, в составе 3-х человек (русский, англичанин и француз*)

Такая телеграмма Троцкого являлась одним из практических проявлений предательской сущности троцкизма, как разновидности меньшевизма. То, что это именно так и было, показывают ряд фактов. Когда до советского правительства дошли слухи, что Мурманск становится центром сосредоточения англо-французских сил, что представители Мурманского Совета вошли с ними в контакт по управлению краем и образовали революционный военный совет, в составе одного русского, одного английского и одного французского офицеров, то Троцкий выступил в защиту поведения главы Мурманского Совета Юрьева. А когда Петрозаводск запросил Троцкого о событиях в Мурманске, где фактически при содействии Совета власть перешла к англо-французским империалистам, Троцкий ответил, что Мурманск „поступает правильно, согласно его первоначальной директивы, и что якобы на такой точке зрения стоит и Ленин. Для подтверждения последнего он рекомендовал обра-

*) Н. Корнатовский—Северная контрреволюция, 11-12 стр, ОГИЗ.

титься к статье Ленина „О чесотке", политический смысл которой так и не был понят Троцким".*)

Корнатовский указывает на такой факт, что Троцкий, уже как нарком по военным и морским делам, способствовал продвижению в Мурманск по советской территории довольно значительных масс белогвардейских войск. Так „за 5 недель, с 25 апреля по 31 е мая, в Мурманске скопилась довольно большая масса, в 5.524 белогвардейца различных национальностей. Все они переброшены сюда с центральных районов советской России. Наибольшую часть составляли чехословаки, затем русские офицеры и так называемые „статские". Опубликованная теперь переписка некоторых союзнических представителей в России вскрывает причины свободного передвижения по советской территории различных белогвардейских отрядов и групп. Так, например, англичанин Локкарт 5 го мая писал американцу Робинсу о том, что Троцкий удовлетворял многие просьбы союзников в отношении предоставления права свободного передвижения и что он, Троцкий, создал „все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске" **).

Вследствие такой политики Троцкого, мурманские белогвардейцы приступили к укреплению Мурманска и отторжению его от советской России. Распоряжения советского правительства, в частности В. И. Ленина и Сталина. Мурманским Советом не исполнялись. Когда Ленин и Сталин по прямому проводу убеждали председателя Мурманского Совета Юрьева разорвать союз с империалистами, что директивы Троцкого идут вразрез с политикой коммунистической партии, то все их требования остались невыполненными. Когда была получена в Мурманске еще одна телеграмма от В. И. Ленина, требовавшая разрыва с империалистами, так как это угрожает срыву Брестского мира, по которому советская Россия отказывалась от заключения военных союзов с англо-французскими империалистами, то эта телеграмма была скрыта от массы, чтобы выиграть время, когда более крупные англо-французские десанты придут на помощь Мурманску, для борьбы с советской Россией.

Когда до советского правительства дошла весть о приходе в Мурманск английского крейсера во главе с генералом Пуль, В. И. Ленин еще последний раз попытался повлиять на предателя Юрьева. „Если вам,—говорил В. И. Ленин Юрьеву по прямому проводу,—до сих пор не угодно понять советскую политику, равно враждебную и англичанам и немцам, то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа." ***)

Корнатовский указывает, что „Ленинский ответ в Мурманске был подобен метко брошенной бомбе. Все Мурманское контр-

*) Корнатовский—Северная контрреволюция, 14стр, ОГИЗ.
**) Там же, 15-16 стр.
***) Там же, 19 стр.

революционное гнездо всполошилось; 27 июня, вечером, президиум Мурманского Краевого Совета постановил порвать сношения с Москвой, считая, что момент для этого уже созрел. На об'единенном заседании Краевого Совета, Центромура и Совжедора от 30 июня большинство голосовало за разрыв и через несколько часов после заседания, было созвано на площади города народное собрание. На нем выступал с докладом Юрьев, который политику Совета обусловливал первомартовской директивой Троцкого. Свой доклад Юрьев закончил указанием на то, что время двусмысленной политики прошло, и что необходим контакт с союзниками и полный разрыв с Москвой. Затем выступили представители союзников, которые не могли нарадоваться верной службе и преданности им мурманского пса, Юрьева, произнесшего такую хорошую речь". *).

После занятия Мурманска интервенты вскоре захватили Архангельск, рассчитывая в дальнейшем занять весь Северный край и через Коми область и Вятку соединиться с Колчаком. Кроме того, с занятием Архангельска открывался кратчайший путь для наступления на Москву. Захват Архангельска был также облегчен меньшевиками и эсерами.

Захват Архангельска империалистами облегчался и тем, что в Архангельске не было крепко сплоченной большевистской организации; господствовали еще эсеры, меньшевики и кадеты.

Таким образом, английская интервенция, которая началась с захвата Мурманска, протекала при ближайшем участии правых эсеров, меньшевиков и кадетов, которые в своей контрреволюционной работе опирались на буржуазные и деклассированные элементы. Контрреволюционная роль Троцкого выглядывает и при занятии Архангельска белыми. М. С. Кедров указывает, что в то время, когда советское правительство требовало о немедленном вывозе военного имущества из Архангельска, чтобы после занятия Мурманска последнее не досталось белым для борьбы с советской властью, Троцкий издавал категорические приказы, воспрещавшие вывоз воинских запасов из Архангельска и грозил суровой ответственностью нарушителям сего. „Должен сказать,—пишет Кедров,—что Чкоран строго соблюдал указанный приказ, и англо-французские интервенты в августе нашли склады в том виде, в каком они находились ко дню соглашения". **)

Предательская роль Троцкого видна хотя бы из того соглашения, которое он заключил 5-го мая 1918 года с представителем английской миссии Локкартом. Последний, в письме представителю американского Красного Креста Робинсу, сообщал, что „Он (Троцкий) сегодня заключил с нами полное соглашение

*) Корнатовский—Северная контрреволюция, 20 стр., ОГИЗ.
**) М. С. Кедров—За советский Север, 25-26 стр.

касательно сокзных запасов в Архангельске, согласно которому мы сможем удержать те запасы, которые необходимы для нас".*)

Без всяких комментарий ясно, в чьих интересах работал контрреволюционер Троцкий.

Возникновение фронтов в Коми.

С занятием Мурманска и Архангельска англичанами, в начале августа 1918 года мы видим формирование белогвардейских банд на территории Коми области, в частности на Удоре и Печоре. Возникновению этих банд не мало способствовали эсэры и меньшевики.

Возникновение Удорского фронта относится к началу второй половины сентября 1918 года. Прдседатель Яренского уездного Исполнительного Комитета Советов И. С. Покровский, касаясь возникновения Удорского фронта, указывал, что „Историческая обстановка возникновения фронта на Удоре была такова: 14 сентября с/г был реорганизован Исполком, в состав которого вошли коммунисты. Первым делом приступлено было к организации Комитетов деревенской бедноты, которые приступили к учету хлеба. Из поступающих из Удоры бумаг красной нитью проходит сведение о недороде; появилась хлебная спекуляция, и часть его сплавлялась в Архангельскую губернию. Поэтому Исполком вынужден был послать заградительный отряд на Удору, с целью учета хлеба и установления кордона на Мезени, а потом и на Вашке. Этот отряд состоял из 20-ти человек, под предводительством Ворсина, который, учтя хлеб на Мезени и в некоторых волостях по Вашке, направился в Важгорт, но встретил вооруженный отпор со стороны белых. Это было устроено местными кулаками, т. к. они знали, что советская власть не даст им поблажки и идет учитывать хлеб. Нашему отряду, состоявшему из 4-х человек, пришлось отступить, таким образом началась боевая завязка". **)

Кулачество Важгорта, ободренное поражением небольшого продовольственного отряда, принялось вооружаться, чтобы разбить красных, в случае вторичного прихода в Важгорт. Сделавшись господином положения, оно немедленно организовало земскую управу.

Для помощи Ворсину был командирован отряд во главе с тов. Еповым и Князевым, но последние, вследствие малочисленности своего отряда, не смогли приступить к учету хлеба в Важгортских волостях, где кулачество собрало под ружье не менее 400-500 человек, достало пулеметы, готовилось к наступлению.

Епов, двигаясь к Важгортским волостям, выделил отряд в числе 10 чел., под руководством т. Цывунина, для охраны рек-

*) М. С. Кедров—За советский Север. 25 стр.
**) Журнал заседания VII с'езда Советов Яренского уезда, стр. 28.

визированного в деревне Чернутьеве кулацкого хлеба, а сам вместе с небольшим отрядом двинулся дальше к Важгортским волостям для выполнения порученной ему миссии—установления советской власти и ликвидации сопротивления кулачества. Когда отряд Епова приблизился к Важгорту, кулаки встретили градом выстрелов и, узнав, о малочисленности отряда, перешли в наступление. Довольно сильная перестрелка произошла в деревне Чирках. Отряду Епова пришлось отступить в деревню Ертом.

Такие же события происходили и в Косланской волости. Отряд Цывунина, направленный тов. Еповым для охраны реквизированного хлеба у кулачества деревни Чернутьево и охраны границы со стороны Косланской волости, при первых же шагах по учету хлеба встретил противодействие кулачества. Согласно постановления местного Комитета деревенской бедноты, в Чернутьеве было арестовано несколько кулаков, в том числе и кулак Прокопий Марков, и отправлены в Кослан для заключения под стражу и предания суду.

Этот арест так озлобил местных кулаков, что последние решили не только освободить арестованных из тюрьмы, но и свергнуть советскую власть в Косланской волости. Организатором этого заговора явился местный крестьянин Леонид Марков".*)

Достают несколько винтовок, вооружают кулаков и несознательных середняков своей деревни и идут на Селиб. После долгих переговоров и, распространив слух, что „они—только авангард, а за ними идут сотни человек с пушками и при сопротивлении все будут сметены с лица земли", занимают с. Селиб, арестовывают Совет и сажают вместо него свой комитет.

Здесь были первые жертвы этой подлой авантюры—расстреляны два товарища лишь за то, что они записались в красноармейцы.

Начинается поход. В ночь на 28 ноября бандиты налетают в Кослан, в постели арестовывают видных советских работников (Селиванова, Горбунова и др). Утром 28 ноября 5 бандитов уже появляются в Глотове, но здесь несколько товарищей коммунистов сразу же 4-х бандитов обезоружили и всем пятерым с одной русской винтовкой, пришлось „навострить лыжи". Но и здесь провокация „о больших силах бандитов" сыграла большую роль, и т. коммунисты решили эвакуироваться в Яренск" *).

Когда трудящиеся массы волости поняли, что за Марковым никто не идет, сразу же повели себя вызывающе по отношению

---

*) Л. Марков, за распространение контрреволюционных слухов, по постановлению У-го уезного с'езда Крестьянских Депутатов, был арестован, но около 20 ноября был вновь мобилизован и отпущен на побывку домой по поручительству одного из ответственных военных работников.

*) Из доклада Яренского уездного военного комиссариата на VI с'езде Советов Яренского уезда, „Журнал заседания VI с'езда Советов Яренского уезда, 62 стр., 1919 г.

к белым. Тот же доклад военного комиссариата указывал, что „были даже случаи, что целые деревни, например, Буткан, за исключением немногих, и слышать не хотели о белых и не исполняли никаких их приказаний. Беднота занятых волостей, при налете напуганная рассказами бандитов „о больших силах", быстро оправлялась. Она подняла свой мощный голос и через день-два уже стала требовать освобождения своих избранников. Только благодаря их голосу, их требованиям, не чувствуя под собой прочной опоры, бандиты не решались расправляться с арестованными нашими товарищами. А тут на помощь подошел наш отряд. Низкая, мелкая авантюра господина Маркова была ликвидирована"**).

До ликвидации авантюры Л. Маркова, отряд Епова вынужден был сдерживать наступление белых в количестве около 300-400 человек. От дер. Чирки отряд отступил в полном боевом порядке к деревне Ертомовской, где многочисленная деревенская беднота тепло встретила отряд Епова и была крайне опечалена неуспехами красных. Епов, описывая свой отход от деревни Чирки, указывает, что „рассказы о нашем „поражении" в деревне Чирках и потеря обоза производят удручающее впечатление на ертомцев. Но унывать было некогда. Всем было понятно, что противник, ободренный своим успехом, будет продолжать свое наступление. Нужно было готовиться к отражению. Созвали сельский сход. Комиссар отряда т. Князев выступил с коротеньким обращением к населению о поддержке. Население откликнулось на наш зов, и все, как один, из'явили желание примкнуть к нашему отряду. Вооружались своими берданками и дробовиками, начали строить окопы, укрепляться"**).

Укрепив свои позиции с помощью местной крестьянской бедноты, отряд несколько раз пытался перейти в наступление против белых, засевших в деревне Чирках, но, почти каждый раз встречаемый ураганным огнем из ружей и пулемета, с потерями приходилось отступать обратно. Потеряв всякую возможность выбить противника, который временами сам переходил в наступление, отряд Епова вынужден был эвакуироваться из села и отступить дальше, в сторону Яренска. Когда об этом стало известно всей деревне, то население, почти сплошь состоявшее из бедняков, выразило этому явное недовольство. Пришлось созвать сельский сход, об'яснить причины отступления,—что оставаться дальше невозможно, чтобы не быть окруженными белыми, наступавшими со стороны деревни Чирки и со стороны Мезени, откуда, по слухам, наступал отряд белых на Вашку. Население с указанными причинами отступления согласилось. „Характерно то,—читаем мы в докладе Яренского уездного военного комиссариата на VI с'езде Советов Яренского

*) Журнал засед. VI с'езда Советов Яренск. у., 62 стр., 1919 г.
**) Епов—Белогвардейщина на Удоре.

уезда,—что вместе с отступающим отрядом Епова эвакуировалось почти все мужское население Ертомской волости, оставив дома лишь жен, детей и стариков".

Отступление ертомцев вместе с отрядом Епова по направлению к Венденге и затем по Черво Лоптюжской дороге до Червы, ясно свидетельствовало о том, что трудящиеся Удоры, в минуту смертельной опасности были вместе с советской властью, с боевыми силами Красной армии, вместе отступали от белых, чтобы, укрепившись на новых позициях, вновь перейти в наступление и восстановить свою рабоче-крестьянскую власть. „Лучше воля на чужой стороне, чем дома да неволя"—был ответ ертомцев, решившихся временно оставить свои дома.

На помощь отступающему отряду, Яренским Советом были посланы военные отряды под руководством т. т. Ваганова и Воробьева, двигавшихся на Мезень по Айкино-Буткинскому тракту, чтобы приостановить дальнейшее продвижение противника в сторону Яренска. Кроме того, вскоре были двинут в Яренский уезд целый ряд других военных отрядов. Из Устьсысольска были отправлены отряды т. Маегова, т. Анисимова и др., которые оперировали в различных участках Яренского уезда.

Занятие ряда важнейших районов Яренского уезда быстро сделалось известным населению уезда. Это заставило встряхнуться советско-партийные массы и серьезно готовиться к мобилизации сил и средств, чтобы ликвидировать эту авантюру, пока она не разрослась и не захватила весь уезд. Комитеты бедноты, советы, партийные ячейки созывали собрания, на которых об'ясняли причины возникновения белогвардейщины, знакомили население с положением трудящихся в стане белых, и звали их к активной борьбе с белыми за власть Советов. По всем волостям были созданы военно-революционные комитеты, вооружены все коммунисты и трудящиеся. Трудящиеся волостей, занятых белыми, выяснив социальную сущность удорских белогвардейцев, установивших уже господство капиталистов над трудящимися, ждали только удобного случая, чтобы помочь Красной армии занять их деревни и установить советскую власть. Этим и об'ясняется тот успех, который имели отряды Маегова и других, в частности отряды Ваганова и Воробьева, которые без боя заняли дер. Буткан, а утром 5 декабря 1918 г. занимают волостной центр—с. Кослан, и ночью на 6 декабря, после перестрелки с белыми, занимают деревню Разгорт.

Разбив белогвардейские силы в районе Кослана и освободив всю Мезенскую Удору до деревни Чернутьева, отряды Красной армии повели наступление против белых, занимавших позиции в Важгортском районе, наносят им поражение и захватывают Важгорт. Разбитые белые вынуждены были бежать в дремучие леса Удоры.

Приблизительно таким же образом, возник фронт и на Печоре. Уже в момент организации советской власти, в апреле 1918 года, мы видим, что кулаки, попы, промышленники, купцы—, весь цвет царской интеллигенции на Печоре,—становятся центрами тяготения всех контрреволюционных сил для борьбы с Советами, для восстановления своей былой власти. Для борьбы с Советами были организованы военные дружины из различных отбросов общества, которые производят ряд террористических актов. Последние убивают виднейших советских и партийных работников, чтобы лишить трудящихся своих вождей обезглавить совершившуюся революцию. Таким образом, гражданская война на Печоре, как вообще везде в Коми, можно сказать началась на второй день после совершившейся Октябрьской революции.

Для борьбы с нарастающим белобандитским движением на Печоре был командирован из Архангельска отряд тов. Ларионова, который повел энергичную борьбу с кулачеством. Так, т. Терентьев в своей рукописной пока работе указывает, что отрядом были расстреляны два кулака из вдохновителей белого движения, один из Мохчи, другой—из Бакура. Многие организаторы на этот раз избегли революционной кары, а часть из них „легко отделалась за организацию белого террора. Отряду Ларионова не удалось ликвидировать белое террористическое движение, которое было особенно сильно в Мохче и Сизябске. Группы террористов, имевшие хорошую опору в кулачестве, удачно скрывались, частью в волостях, частью в лесах". (Рукопись т. Терентьева при испартотделе Севкрайкома ВКП(б).

Еще до прихода Ларионова на Печору, в июле в Усть-цильму прибывает с верховьев Печоры отряд т. Черемных, но последний, замечая повышенный рост кулацкого движения, падение Советов в Усть-цильме и учитывая слабость своего отряда (15 человек), отходит обратно. Усть-цилемская временная управа организует специальный военный отряд в 100 человек и отправляет на двух пароходах для ликвидации отряда.

Усть-цилемская временная управа, после от'езда военного отряда т. Черемных, разграбила Уральскую торгово-хозяйственную экспедицию—с которой первоначально заключила договор о товарообмене—захватила товары, не заплатив ей ничего, и арестовала самый состав экспедиции.

С переворотом в Усть-цильме, к осени 1918 г. почти вся Печора переходит во власть белых, но, вскоре после приезда Мандельбаума на Печору, почти везде восстанавливаются Советы.

Большую роль сыграл отряд Мандельбаума, посланный командованием 6-ой армии, для восстановления советской власти на Печоре. К отряду Мандельбаума в Усть-сысольске примкнуло еще 50 человек. Одновременно с отрядом Мандельбаума в районе Троицко-Печорска действовал отряд Аппога,

посланный сюда из Чердыни, которые в дальнейшем выработали совместный план действий против белых.

Отряды белых войск, приехавшие на пароходах из Архангельска, уже с сентября 1918 г. проявляют усиленную деятельность к продвижению к Троицко-Печорску, в частности, к селу Ляпино, где было сконцентрировано около 250.000 пудов хлеба, для того, чтобы перебросить его в Архангельск. С захватом Устьцильмы, Ижмы, белые подступают к Усть-Шугору, где 19 сентября 1918 г. произошло серьезное сражение с отрядами Мандельбаума и Аппога, закончившееся полным поражением белых.

Дальнейшее наступление отрядов Мандельбаум—Аппога привело к полному поражению белогвардейских банд. По сообщениям печорского командования, общее положение было хорошее: „Нами заняты главные стратегические пункты, взхвачены два парохода, паровой катер, пулемет, около пятидесяти винтовок и тридцать револьверов. Белогвардейские банды разоружаются и уничтожаются. Главный руководитель банды полковник Евстигнеев бежал".

К октябрю 1918 г. красные части освобождают почти всю Печору от белогвардейских банд.

Белые, потерпев поражение, усиленно готовились к дальнейшей борьбе за обладание Тройцко-Печорским районом. С декабря 1918 г. начинается енергичное наступление белых с низовьев Печоры и с Березова, но об'единенными действиями отряда Мандельбаума и Аппоги оба натиска успешно отбиваются.

Однако эти победы не дали возможности удержать надолго Печору. 4—5 февраля 1919 г. белые захватили Троицко-Печорск и предприняли наступление на Помоздино. У зимовки Нюмылда, расположенного по дороге Помоздино—Троицко-Печорск, белым был нанесен удар. Этот удар приостановил наступательные действия, но все же создалась реальная угроза в Вычегодском направлении.

* * *

Отношение крестьян к нашим красным частям, оперировавшим в Печорском, Удорским и Вымским направлениях, было очень хорошее. Можно привести ряд документов, когда крестьяне сами просили помощи против белых. Так, командование 6 ой армии получало ходатайство от красного партизанского отряда о командировани воинской части для занятия Удоры.

Этого одного приведенного нами факта достаточно для того, чтобы показать те широчайшие симпатии основных масс крестьянства к Красной армии. Но находились весьма ответственные лица, утверждавшие обратное. Так, при обсуждении вопроса эвакуации красных частей с Удоры, члены Яренского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов ука-

зывали, что, при отступлении нанесен ущерб бедноте, что коммунисты делали грубые ошибки и поступки", чем якобы было вызвано „оппозиционное" отношение крестьян к Красной армии. На VII с'езде Советов Яренского уезда Осколков указывал, что „в этой оппозиционности громадную роль сыграли и те ненормальности и ошибки, какие имели место в Яренском уезде". Для доказательства этого, Осколков привел „отрывок из одной официальной бумаги", в которой говорилось о том, как происходила эвакуация Удоры. „Чрезвычайно возбудило также население и коквицкое дело, когда с излишней поспешностью было расстреляно 5 крестьян Коквицкой волости, относящихся во всяком случае не к буржуазии и кулакам, а к беднейшему и среднему крестьянству. Вот этот-то факт, главным образом, и сыграл решающую роль в создании оппозиционного настроения среди населения". *)

Это выступление Осколкова носило явно антисоветский характер и имело своей целью сеять недоверие к командному и политическому составу красных отрядов. Оценивая общее положение, сложившееся в Яренском уезде к 21 мая 1919 года, и возражая Абрамову, который призывал на борьбу со всеми контрреволюционными силами под руководством коммунистов, Осколков указывал, что „нельзя так безоговорочно следовать за коммунистами, как об этом говорили предыдущие ораторы. Совсем нет необходимости, чтобы вся власть принадлежала исключительно им (т.-е. коммунистам—ВП), чтобы во все Советы были выбираемы коммунисты."**).

Эта контрреволюционная речь естественно встретила жесточайший отпор со стороны большинства участников VII с'езда Советов. Выступивший в прениях Митрошин тут же указал, что „партия коммунистов—глубоко революционная партия, поставившая своею целью освобождение трудящихся от ига капитала. Конечно, у нее были ошибки, и ошибки подчас грубые, случайные, но эти ошибки приводили к самокритике. Перед нашими глазами прошла убийственная самокритика Чрезвычкомов-Комбедов. Самокритика привела к необходимости „очиститься" и, к достоинству и чести партии нужно отнести, что она, признав свои ошибки, немедленно исправила их. В этом гибкость власти и правящей партии. Дорога у нас одна. Только установление единого революционного фронта с коммунистами может спасти советскую власть. Эта—наша обязанность перед пролетариатом всего мира".***)

Рассматривая коквицкое дело (расстрел 5 кулаков), кадетствующий писатель Шергин, автор многих работ по Северу, в „Петроградской Правде," писал, что „Коквицкие коммунисты делают всякие безобразия и часто чинят зверские расправы над

*) Журнал заседаний VII с'езда Советов Яренского уезда, 13 стр.
*) Там же, 9 стр.
*) Там же, 9 стр.

беззащитным мирным и безоружным крестьянством, в результате чего является факт расстрела 5 ти крестьян", происходящих, якобы, из бедняков и середняков.

Шергины, Осколковы, ненавидя советскую власть, пытались использовать коквицкое дело, для дискредитации советской власти и коммунистической партии. Воплями о „безобразиях" классовым врагам иногда удавалось ввести в заблуждение отдельных руководящих работников. Так, председатель Яренского Исполкома С. И. Покровский, указывая, что „фронт на территории уезда усугублял тяжесть положения", что „Удорский фронт по, требовал массовых реквизиций, создал повинность", говорил что эти реквизиции, повинности разрушали „крестьянское хозяйство уезда настолько, что перед Исполнительным Комитетом стал вопрос о допустимости или недопустимости таких методов гражданской войны, какие практиковало местное командование, главным образом, в ликвидации Удорского фронта и реквизициях в связи с ней. Исполком информировал об этом центр и потребовал срочного расследования. Со своей стороны, Исполком принимал все меры к сглаживанию отдельных недоразумений, между населением и командованием и облегчению общего положения. Эти меры больших , чувствительных и немедленных результатов дать не могли, потому что военные власти определенно ставили нужды Удорского фронта и отряда на первый план". *)

Это выступление С. И. Покровского ясно указывает, что Исполком и, в частности, такой видный партийный работник, как С. И. Покровский (погибший при взятии города Яренска белыми), был введен в заблуждение кулацкими воплями о массовых реквизициях хлеба, о введении военным командованием повинностей по обслуживанию нужд армии гужевым транспортом и т. д. Только эсеры и кадеты в лице Шергиных, Осколковых и прочих могли поднимать вой о терроре красных.

То, что все эти легенды о „безобразиях" были составлены и раздуты кулаками, блестяще опровергает командующий Удорским отрядом т. Маегов. Маегов, ознакомив делегатов VII с'езда Советов с эвакуацией Удоры ,указывал, что „Мнение о том, будто бы Красная армия создала недовольство среди населения,—не верно. Население к Красной армии относилось в высшей степени доброжелательно, свидетельством чему служит просьба населения не покидать Удору, не отдавать ее белым. Принимались все меры к тому, чтобы облегчить экономическое положение населения, для чего принимались все меры к своевременной уплате населению причитающихся ему денег за исполнение различных повинностей, к правильному учету и распределению продовольственных продуктов. При отходе частей все ямщики удовлетворялись не только прогонными, но и продовольствием.

*) Журналы заседаний VII с'езда Советов Яренского уезда, 12 стр.

Что касается отдельных неправильных действий со стороны некоторых несознательных красноармейцев, то таковые, конечно, не могут итти в счет, так как в семье не без урода, и нельзя поручиться за то, что какими-либо отдельными лицами не допускались проступки, порочащие звание красноармейца"*).

Также отпадает составленная кулаками и другая кулацкая легенда, раздутая кадетствующим писателем Шергиным о расстреле в Коквицах пяти бедняков. Восстановим исторические обстоятельства, которые привели к расстрелу, конечно, не бедняков, а заведомых кулаков в Коквицах. Послушаем, что говорит по этому поводу протокол первого Чрезвычайного об'единенного заседания Коквицкого волостного военно-революционного Совета, военного комиссариата и всех коммунистических ячеек волости в числе 50-ти человек, состоявшегося 15 января 1919 г.

„Доклад члена Чрезвычайной Комиссии по единовременному чрезвычайному налогу, о восстании кулаков в д. Н. Коквицы. Докладчик Семен Миков сообщает, что комиссия, прибыв около 12 часов дня 15 января в д. Н. Коквицы, начала совместно с беднотой, которой в деревне ничтожное меньшинство, раскладку налога на кулаков и спекулянтов деревни, и разложила таковую в общей сумме 6820 рублей, при чем работу пришлось прерывать несколько раз вследствие враждебных выступлений кулаков против Комиссии и бедняков деревни, при чем по адресу Комиссии раздавались всевозможные угрозы, вроде: „Живыми отсюда вы не уйдете", „Ваши трупы будут брошены на дно озера", и т. д. Когда же налог почти был разложен, кулаки, собравшиеся и сговорившиеся, открыто о'явили, что Комиссию из деревни в живых не выпустят, и оцепили дом, где находилась Комиссия, вооружившись стягами и топорами. Но ему, Микову, удалось случайно, незаметным образом, выбраться из этого дома и дать знать заведывающему земельным отделом волостного Совета Алексею Козлову, который и выслал в деревню Н. Коквицы, на выручку Комиссии, первых попавшихся коммунистов при полном вооружении"**).

Так же приблизительно рассматриваются события и в обвинительном акте, где указывается, что „на почве раскладки налога возник сначала крупный спор между беднотой и более зажиточной частью населения, который перешел затем в драку, при чем кулацкий элемент, недовольный раскладкой, поднял шум, брань, сопровождая угрозами отдельным беднейшим гражданам „убить, утопить в озере". Недовольство свое обложенные налогами граждане перенесли и на членов Комиссии, угрожая им тем, что и они „не уйдут живыми". При этом часть кулаков оставалась в доме, где происходило собрание, и энергично наступала на Комиссию, а большинство их вышло на улицу

*) Журн. заседан. VII с'езда Советов Яренского уезда, 13 стр.
**) Журнал „Комму", № 6 (52), 1928 г., 41 стр.

ооружившись кольями и косами, с угрожающими риками по адресу Комиссии, окружило дом". *)

Здесь, ни в протоколах об'единенного заседания, ни в обвинительном акте, нет ни слова о расстреле бедняков, а речь идет о том, что были расстреляны кулаки, которые в условиях фронтовой полосы подняли восстание против советской власти. Нужно ли было в данном случае обязательно писать обвинительный акт, поднимать переписку, когда постановление военно-революционного Совета при штабе Яренского фронта (декабрь 1918 г.) указывало, что „всякие попытки, выступления с целью погрома будут подавляться силою оружия, и виновные будут расстреливаться на месте без суда и следствия."? Ясно, что нет. Коквицкая партийная организация обсудила создавшееся положение при широком участии партийной массы и вынесла совершенно справедливое решение. Этого требовал момент.

Такая же кулацкая легенда была создана и вокруг имени Мандельбаума, который чрезвычайно жестоко расправлялся с кулацкими выступлениями на Печоре. Н. Ульянов, совершенно правильно замечает, что „есть основание думать, что вопли потрепанных Мандельбаумом кулаков т. Кедров принял за вопли всего населения, а кулакам, действительно, было от чего вопить. Весь маршрут экспедиции был отмечен беспощадными реквизициями у них имущества. Когда Мандельбаум отступал под напором белых через Помоздино, его отряд походил на Новгородскую рать, возвращавшуюся с югорской данью. Множество подвод шло нагруженными великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинами, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами роскоши и „цивилизации", проникшими в этот почти первобытный край. Нет нужды доказывать, что это имущество не могло быть отобрано у бедняков или у среднего крестьянства. Печорская экспедиция сыграла исключительную роль в деле укрепления советской власти в Коми крае, и не даром у кулаков по Вычегде и Печоре навсегда осталось в памяти грозное имя Мандельбаума"**).

Кулацкие вопли раздавались не только вокруг Мандельбаума и др. наших красных отрядов, оперировавших в Удорско-Вымско-Печорском районе, но и вокруг работы самого М. С. Кедрова. Так, по свидетельству самого М. С. Кедрова т. т. вологжане жаловались В. И. Ленину на него, за его беспощадную борьбу с контрреволюцией. „Они высказывали опасение,—пишет М. С. Кедров,—что благодаря „кедровщине" может вспыхнуть в Вологде восстание, которого они до сих пор сумели избежать"***).

*) Журнал „Коми му" №8, (52), 1928 г., 39 стр.

**) Н. Ульянов—Октябрьская революция и гражданская война в Коми области, 33-34 стр., Архангельск, 1932 г.

***) М. С. Кедров—За советский Север, 184 стр., Изд. Прибой 1927 г.

Кедров ссылается на следующую телеграмму В. И. Ленина, в которой В. И. Ленин заботливо осведомился „достаточно ли обеспечили Вологду от белогвардейской опасности. Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.“ *)

Эта телеграмма вождя мировой пролетарской революции ясно указывает на то, что в развернувшейся гражданской войне интересы революции, интересы борьбы должны стоять выше всяких юридических норм и правил. Мы должны и будем гордиться нашими красными коммунарами, командирами и комиссарами, которые мечом революции разили наших классовых врагов и укрепляли власть рабочих и крестьян.

Роль англо-французского империализма в организации белогвардейских банд в Коми.

В развернувшейся гражданской войне в Коми крупную роль играл англо-французский империализм. Это мы видим на примере занятия ими Мурманска, затем Архангельска, сформирования белогвардейского правительства под председательством эсера Чайковского, который по существу и должен был закрепить за англо-французским империализмом весь Север, в частности Печору и Коми область, как наиболее богатые местности различными ископаемыми богатствами и строительным лесом.

После занятия Архангельска иностранными интервентами, Архангельские белогвардейцы сразу же проникают на Печору. Терентьев, в своей еще рукописной работе, указывает, что „с занятием Архангельска белыми, в начале августа созывается уездный с'езд Советов в селе Устьцильме. На этот с'езд с'ехалось около 20-ти делегатов из местных Советов. Перед с'ездом стоял прежде всего вопрос об определении своего отношения к правительству Чайковского в Архангельске. Было зачтено воззвание Чайковского, проделана соответствующая обработка делегатов в продовольственном вопросе. Все это возымело нужное воздействие. Делегаты волостей большинством голосов согласились признать власть правительства Чайковского. Только 6 человек делегатов голосовали против признания и против ликвидации Советов.“ *)

Созыв с'езда для прочтения воззвания Чайковского, обработка делегатов представителями белогвардейского правительства Северной области, ясно указывают на то, что белогвардейцы были заинтересованы в захвате всего Северного края.

Захват Печоры и Коми области англо-французскими империалистами диктовался не только тем, чтобы усилить

*) М. С. Кедров—За советской Север, 184 стр.
*) Терентьев—рукопись при испартотделе Севкрайкома ВКП(б).

экономическую мощь белогвардейского правительства Северной области и в случае победы белых превратить их в колонию империалистов, но и расчетом на соединение с колчаковской армией через Чердынь или Койгородок. Угроза соединения белогвардейских сил Колчака и архангельского белогвардейского командования в мае-июне 1919 г. была очень большая, т. к. колчаковские отряды с занятием Перми продвигались к Вятской губернии.

Таким образом, гражданская война, протекавшая в Коми области, вдохновлялась и проводилась англо-французскими капиталистами. Кулаки, попы и прочий „цвет" царской России, заполнявшие белогвардейские армии, являлись солдатами англо-французского империализма, защищавшими интересы денежного мешка империалистов.

Империалисты, конечно, не оставались в долгу у своих друзей. Капиталистам Севера они обещали свободу эксплоатации трудящихся, тюрьмы и виселицы—для рабочих и крестьян, восставших против эксплоатации и угнетения. Щедро оплачивали империалисты свох верных сотрудников, награждая их орденами, крестами и чинами.

Под гнетом белогвардейщины.

Белые, при занятии тех или иных районов, немедленно приступали к укреплению своей власти, арестовывали коммунистов и им сочувствующих, советских и профсоюзных работников. Вместо свергнутых Советов устанавливали власть земских управ.

После взятия (в ночь с 6 на 7 ноября) города Яренска, сразу же начался повальный грабеж, были немедленно развешены по учреждениям старые царские трехцветные флаги. Была создана уездная земская управа.

То же самое мы видим и в Устьсысольске, где после занятия его бандами б. председателя устьсысольской земской управы Латкина, немедленно была восстановлена земская управа, создан царский суд, назначен начальник уезда. В довершение всего Латкин об'явил себя губернатором Вологодской губернии и вскоре назначил прием должностных лиц. Сразу же „замелькали в канцелярии губернатора радостные „интеллигенты, на лицах которых было написано: „неужели это правда?", „неужели не вернутся уже больше эти звери-большевики?". Попадая „в святое-святых"—в кабинет „его превосходительства", они выслушивали приказания, смотря ему в рот, как верная собака, и спрашивали „А большая ли сила идет с Вами?"—что значило: „а какой политики нам держаться, в чью сторону держать нос?". И„ его превосходительство" обещало им и моральную, и материальную,

и физическую силу, которую большевики никогда не сломят". *)

Эксплоататорская часть населения, которая знала, что приход белобандитов несет им не только власть, но и возвращение тех богатств, которые были отняты большевиками, встречали их хлебом-солью, колокольным звоном.

„Губернатор без губернии" Латкин, конечно, не остался в долгу. Он немедленно отдал распоряжение о возвращении буржуазии всего того, что было отнято трудящимися при советской власти, одновременно сажая в тюрьмы большевиков, как врагов родины и революции„.

Восстановив священную частную собственность, белогвардейцы принялись за ограбление крестьянства, отбирая у бедняков хлеб, картошку, и т. д.

Представители Важгортской волости т. т. Чукичев и Титов указывали, что после занятия Важгорта „белые не предпринимали никаких мер для правильного распределения хлеба, учета не было. Кулаки жили хорошо, беднота голодала и гнулась перед кулаками. Спекуляция хлебом росла; цены на него были бешеные, целые деревни употребляли мякину, солому и другие суррогаты. Кулаки же пьянствовали вместе с белыми властями".**) При отступлении Латкина, из Устьсысольска и Устькулома белые вывезли весь хлеб, оставив население почти без хлеба. Из одного Ульяновского монастыря было вывезено хлеба несколько тысяч пудов.

При господстве белых кулаки не только грабили крестьян, но и ухитрялись на бедняцкие деньги приобрести оружие для борьбы с Красной армией. Представитель Важгортской волости Старцев указывал, что после присоединения волости к Архангельской губернии, по инициативе кулаков, было решено собрать с крестьян деньги для приобретения хлеба для бедноты. „На сходе собрали 40.000 рублей денег и передали их А. И. Титову и Ширяеву с тем, чтобы они привезли хлеб, но вместо хлеба Важгорт получил пулеметы и винтовки. Волость обслуживала 4 конца. Лошади белыми были замучены. Брали их исключительно у бедняков, но платы белые никакой не производили"***). Была восстановлена старая царская школа, введено чтение молитв перед началом занятий, закон божий был признан обязательным предметом преподавания. На все журналы и газеты большевистского направления было об'явлено гонение, и лиц, замеченных в чтении последних, направляли в распоряжение контрразведки, как большевиков.

Угрозы являлись обычным оружием белогвардейцев. Епов указывает, что белогвардейцы „держались исключительно потому, что, действуя постоянно угрозами, терроризировали насе-

*) Газета „Зырянская жизнь", № 78, 1919 г.
**) Журналы заседаний VII с'езда Советов Яренского у., 26 стр.
***) Там же, 25 стр.

ление. При всяком недовольстве крестьян белые предупреждали: „Когда наша власть укрепится, мы с вами расчитаемся“ *).

А недовольство нарастало. Особенно тяжелой была для крестьян гужевая повинность по передвижению белых из одной местности в другую. Тот же Епов говорит, что „Нередко брали лошадей бесплатно, а также продукты“.**)

Грабеж крестьянства доходил до того, что белые резали до последней коровы у крестьян, особенно у бедных, совершенно не трогая богатых. В одном Корткеросе за несколько дней банда с'ела трех коров у бедных крестьян. Когда бандиты узнали, что при Корткеросской школе имеется картошка и капуста, заготовленная детьми для горячих завтраков, то белые немедленно реквизировали эти продукты.

Террор, массовые грабежи крестьянства вызывали и отдельные выступления крестьянства против белых. Епов указывает, что „крестьянин Андреев А. М. был арестован за открытое выступление приотив белой власти. Увезен куда-то Андреев И. С. за неподчинене приказу о мобилизации и за агитацию против белых“.***)

Поддерживая власть путем террора, белые вели широкую агитацию против советской власти и коммунистической партии. Для этой цели они издавали плакаты, листовки, в которых изощрялись в сочинении всяких небылиц про коммунистов. Распространителями таковых листовок являлись местные кулаки.

Все их воззвания, обращенные к населению, писались от имени массы народной, чтобы показать, что с населением говорят не отдельные лица белых, а вся масса.

В Усть-Важском районе (по данным Епова) агитация путем возваний была развита очень сильно. Так, при занятии Важгортской волости, белые распространили ряд воззваний, в которых уведомляли, что „советская власть, принесшая столь много горя и бедствия для всего населения великой русской земли, к величайшей радости народной массы, к счастью всего трудового народа ныне низвергнута, пала“.

Дальше воззвание указывало, что советская власть, которая существовала до белых, она держалась исключительно на силе штыков, насилий и народной темноте, что советской властью „были нарушены все права и республиканские вольности граждан. Эта власть по природе своей враждебна всяким свободам. Все святое: свобода слова, печати, самое право на жизнь человека затоптано было в грязь большевиками. Кровь проливали, да в тюрьмы сажали“.

---

*) Рукопись Епова—Белогвардейщина на Удоре.
**) Там же.
***) Там же.

Чтобы пробудить в сознании крестьянства патриотические чувства и вызвать озлобление по отношению к большевикам, белые обвиняли Советы в том, что большевики теряют то, что было собрано и нажито в течение ряда столетий русским народом.

Голод, который явился результатом затяжной империалистической войны, предпринятой русскими капиталистами для завоевания новых колоний, был признан делом рук большевистской тирании, которая грабежами, реквизицией хлеба у кулаков и середняков совершенно лишила имущие массы крестьянства хлеба и заставила их свернуть и сокращать посевы. В результате такой политики надвигается на родину „гость"—голод имя ему. Не стало припасов в стране, упали в цене деньги, вздорожали безумно товары. На шее народа сидели большевики. Рознь посеяли они между слоями народа. Грабежи и беззакония они признавали законами своими, вызывая злобу среди народа, и гибла несчастная родина наша".

Чтобы затронуть религиозное чувства населения и натравить население на коммунистов, скрывавшихся в окрестных деревнях и в лесах, белые обвиняли большевиков и в гонении на религию и попов, которые (большевики) искореняют всякую религию, выкидывают образа из домов и вместо них вешают различные картины богопротивного направления.

Зная крупнейшее значение кооперации в деле обслуживания нужд крестьянства, в особенности бедняцко-середняцкой прослойки деревни, белые указывали, что „опору жизни народной, кооперацию, большевики умертвить пожелали. Кооператоров —друзей народа—в тюрьму сажали, называя их спекулянтами, капиталы народа у них отнимали, заготовкам продуктов мешали".

Самым страшным преступлением белые считали также и то, что дерзость большевиков дошла до того, что они и „суд правый захватили, судьями были поставлены неучи и мало сведующие лица. Жизнь стала невозможна в русской земле".

После целого обвинительного акта, направленного против большевиков, белые, видимо, поборов свою „скромность", об'явили новую белогвардейскую власть лучезарным солнцем свободы. „Настало новое время. Народные силы сбросили (белогвардейские,—В. П.) ярмо власти народной— иго Советов. Солнце свободы снова у нас воссияло. Встань на борьбу за свои интересы поселянин Усть-Вашского края! Бодро иди на работу во имя возрождения нашего бедного края, в союзе с новой властью". *)

Путем такой агитации белые морочили головы крестьянам занятых волостей. Эта агитация среди бедняцко-середняцких масс деревни не имела никакого успеха, ибо социальная сущ-

*) Епов—Белогвардейщина на Удоре.

ность белогвардейщины была бедняцко-середняцкими массами давно вскрыта. Белогвардейщина, свергая власть рабочих и крестьян, арестовывая и грабя беднейших крестьян, тем самым ярко демонстрировала, что с белыми пришла власть прежних капиталистов и кулаков.

То, что белая власть являлась властью капиталистов, свидетельствовал и тот террор, который устанавливался против бедноты. Беднота не смела пикнуть перед „его величеством" кулаком, купцом, ростовщиком. За малейшую грубость, непослушание, сажали в арестное помещение или заставляли рыть окопы.

Всех пойманных красноармейцев, или скрывавшихся коммунистов-агитаторов немедленно кончали на месте, или для соблюдения „приличия" вызывали на допрос, где обычно приговаривали к расстрелу. Вот обращение, какое существовало при допросе арестованных у капитана Орлова (заимствуем из письма неизвестного автора, которое было найдено в записной книге у капитана Орлова после его смерти):

„Под усиленным конвоем, наведенными к вискам дулами, подстегивая по ногам нагайками, ведут нас из тюрьмы на допрос к капитану Орлову. Приведя, по одному выстроили нас в зале перед Орловым. Орлов в монархической форме восседает под иконами в полном вооружении, победно заявляет: „Привели гадин". Спрашивает первого из арестованных: „Ну, гадина-кровопийца, предстань пред мои ясные очи. Коммунист? Какой губернии?—Северо-Двинской. „Какую такую еврейскую выдумали губернию?" Бьет кулаком по лицу. Показалось мало. Схватывает нагайку и еще крестит раз пять. „Говори—Вологодской. Говори, какой партии? Сочувствующий, коммунист, видно по харе. Кем был? Был душителем народа? Расстрелять гадину на заре!"

— Следующий, какой губернии?—Вологодский...—Что делал у большевиков?—Служил в кооперации.—Морил народ, пил кровь народа.—Что говорит про него народ?—спрашивает у своего телохранителя капитан.—Много он погубил народу, морил народ, сам об'едался.—Расстрелять гада! Следующий. Этот—жид, по харе вижу, и о жидовскую харю не хочу пачкать своих рук. Хлопец, избей его! Телохранитель бьет, вышибая зубы".

Белые, при занятии той или иной деревни, немедленно расстреливали, в первую очередь, деревенских активистов. Так, в Небдине латкиновцы расстреляли народную учительницу, коммунистку Ольгу Трубачеву (бывшую Латкину). До расстрела „культурные" белогвардейцы ее изнасиловали, затем раздели догола и босую привязали к саням и повезли на расстрел в ближайший лес. По данным газеты „Зырянская жизнь", № 79, 1918 г.: „В районе Устьвыма белые зверски расстреляли и потопили в реке свыше 50-ти человек. В Айкине палач Орлов живую потопил в реке женщину, жену коммуниста, непартий-

ную. Несчастная жертва сама себе вырубила прорубь. По дороге Визябож—Додзь—Корткерос в лесу валялось десяток трупов раздетых догола".

Особенно жестокий террор белых был в Керчемье. Волосы встают дыбом от тех белых зверств, которые творили люди-звери над трудящимися, во имя насаждения власти капиталистов, помещиков и кулаков.

По занятии Керчемьи белыми в 1919 г., было сразу же арестовано 17 человек коммунистов, которых поместили в небольшую душную каморку, где могли с трудом поместиться не более 5-6 человек. По словам очевидцев, арестованные буквально задыхались в страшно спертом воздухе и по очереди подходили к маленькой дырочке в дверях, чтобы вздохнуть более свежим воздухом". *)

После того, как арестованные совершенно падали от утомления и головокружения, вследствие недостатка воздуха, голода и жажды, „арестованных по одиночке выводили из помещения и начинали бичевать нагайками. Били несчастных до полной потери сознания. Некоторым давали по 200 ударов и более. От таких страшных побоев у избиваемых тело покрывалось сплошной раной: сходила кожа, мясо клочьями разлеталось в стороны, обнаруживались ребра и кости, и при дыхании выступали между ребер кровяные пузыри. Когда одна сторона тела истязуемого превращалась в бесформенную массу, его перевертывали на другой бок, но не руками („поганых" не брали руками), а специально устроенными для этого железными крюками и продолжали избиение до „нормы". Все эти истязания происходили при обязательном присутствии, на глазах жен и детей истязуемых".

После того, как от бесчеловечных бичеваний коммунисты падали без чувств, их вытаскивали на улицу и при 20-25° мороза обливали холодной водой, взятой прямо из колодца, которая, попадая на страшные сплошные раны, приводила полумертвых в некоторое вздрагивание, после чего затаскивали их в холодные отхожие места и оставляли там „приходить в себя".

Эти „культурные" бандиты в своих способностях бичевания далеко превзошли все изощренные приемы и способы издевательств помещиков над крестьянами. Когда нужно было показать власть белых, внедрить в сознание трудящихся, что коммунизм—зло, с ним нужно бороться,—они привлекали на эти избиения и издевательства самих трудящихся. Виктор Савин дал бессмертное описание одной такой сцены избиения, которая должна на веки запечатлеться в памяти трудящихся, как гибли коммунары от белых за власть трудящихся.

„Посредине комнаты, на стуле, сидел гармонист, который играл „плясовую", сопровождавшуюся следующим припевом:

*) Газета „Зырянская жизнь", № 30, 1920 г.

Пойте, пойте, веселитесь,
У коммуниста жизнь не долга.
Скоро душа большевика
Перейдет в руки чорта.

Под звуки гармонии, под выкрикивание этой „песни" заставляли несчастных плясать, избивая отказывающихся рукоятью револьвера и нагайками. Обливаясь кровью, с истерзанными боками, еще живые, эти жертвы делали вид, что пляшут, и тут же падали без чувств при первом движении тела, и эта „пляска" производилась, как и бичевание, при обязательном присутствии жен и детей. Трудно себе представить ту моральную пытку, какую испытывали эти, ни в чем не повинные женщины и дети. Жена одного коммуниста не выдержала и с топором в руке бросилась на палачей, но что она смогла сделать? Занесенный кровавой рукой удар прикладом в шею уложил ее без чувств на месте" *).

Белые заставляли истязуемых рыть для себя могилы, вооружая их для этой цели лопатами, топорами и кирками. Заставляли рыть могилы коммунаров , павших в боях с белыми в 1918 г. в местности „Крутой" и похороненных на общем кладбище, в церковной ограде, чтобы „этих гадов" выбросить отсюда" (по выражению одного из палачей). И несчастные под ударами нагаек начинали вырывать могилы своих братьев, но несколько ударов топором о мерзлую землю— и они теряли сознание. Недовольствуясь и этими издевательствами, палачи заставляли несчастных креститься на надмогильные кресты двух расстреляных в Керчемье контрреволюционеров.

После таких издевательств, когда уже человек умирал, его расстреливали, но более сильных, способных еще к движению, белые гнали на Печору, где по пути, в Помоздине, опять расстреливают трех коммунистов и женщину, которая в „1918 г. вступила добровольцем в Красную армию. По словам самих же палачей, эта молодая женщина отличалась отзывчивостью, „была ангелом-утешителем всех обиженных", однако не пощадили ее кровожадные звери.

Трудящиеся Коми, пережившие ужасы белого террора при господстве белогвардейщины, безусловно, не могут забыть этих чудовищных картин.

Борьба красных партизан

В условиях белогвардейского террора, на занятых им территориях, чрезвычайно красочно выделяется борьба изваильских красных партизан, которые, почти окруженные со всех сторон белыми, вели упорную борьбу с белыми бандами, наступавшими то с Ижмы, то со стороны Помоздина.

*) Газета „Зырянская жизнь", № 30, 1919 г.

Для многих исследователей борьба изваильских красных партизан является крайне легендарной. Каким образом в Извальской волости, крайне отдаленной от культурных центров, в частности от Ижмы, Помоздина, где кроме лесных тропинок, нет никаких дорог и сплошь окружонной непроходимыми лесами, в которых спокойно разгуливал хозяин лесов—медведь и другие звери, могла происходит такая жестокая борьба с белыми? В этом нет ничего удивительного. Октябрская революция, совершившаяся в России, дошла и до дремучих ижмо-печерских лесов, вызвала к политической жизни самые отсталые и заброшенные уголки бывших царских колоний. Изваильские крестьяне, как и крестьяне других волостей Ижмо-Печорского уезда, страдали не только от тирании царских чиновников, приставов и урядников, но и от империалистической войны, от всей политики империалистического временного правительства, которое обкладывало их всевозможными налогами, проводило мобилизации, отрывая от крестьянского хозяйства часто последнего работника. Изваиль, как и другие волости Ижмо-Печорского уезда, жил общей политико-экономической жизнью, переживая голод, холод, ведя борьбу с местными кулаками. Как только грянул гром февральской и затем Октябрской революции, изваильские, или иначе роздинские, крестьяне немедленно организовали Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Красноармейских депутатов. Для борьбы с кулачеством были созданы Комитеты деревенской бедноты, которые совместно с Советами производили учет хлеба, реквизицию излишнего хлеба у кулаков для распределения между деревенской беднотой, совершенно не имевшей собственного хлеба.

Когда до Изваиля дошли слухи о падении советской власти в Ижме, беднота не растерялась. Получив весть, что через Изваиль движется отряд Мысова из 26 человек для поддержки ижемских большевиков в борьбе с белобандитами, они упорнее налегли на кулаков, изымая у них излишки хлеба.

Приехавший из Помоздина представитель партии большевиков т. Казаков В. помог крестьянам села Изваиля организовать ячейку большевистской партии. Местные кулаки, почувствовав, что с возникновением партийной организации начнется еще более усиленная борьба с кулачеством на почве отчуждения кулацкого хлеба, пытались проникнуть в партию, чтобы, прикрывшись партийным билетом, можно было бы спасти свой хлеб, быть в курсе всей политической жизни, чтобы в удобный момент можно было предать партию. Так, в первый же день организации партии, вместе с 30-ью новыми членами большевиков вступил и кулак из деревни Лащ Попов Андрей Яковлевич, который, как мы и увидим в дальнейшем, предал партию и вкупе с белобандитами жестоко расправлялся над членами коммунистической партии.

С переворотом на Ижме, с установлением там господства белогвардейщины, для изваильцев наступают тяжелые дни. Отступление ижемцев, рассказы о зверствах производили тяжелое впечатление. Ненадежные элементы немедленно вышли из партии. Отступили вскоре через Изваиль и остальные мандельбаумовские отряды, оставив Печору во власти белых.

Партийцы Изваиля перед лицом надвигающейся опасности не растерялись, в панику не впали, не в пример „храброму" Мандельбауму, который, испугавшись белых, чтобы не быть отрезанным и не попасть в плен, спешил возможно скорее улизнуть с Печоры. Партийное руководство Изваиля приступило к организации обороны, мобилизуя вокруг себя бедняцкие массы деревни. Остановившийся в 100 километрах отряд белых только усилил работу изваильской партийной организации по мобилизации своих сил, по укреплению партийных рядов. Организаторами явились „братья Уляшевы: Дмитрий, Петр, Егор, Ефим, Василий и Уляшевы С. К., С. В. и Н. И. Руководимые Дмитрием Дмитриевичем кликнули боевой клич: „Братья, к оружию! Все на защиту свободы! Революция в опасности!". На клич стали собираться и примыкать к партии граждане остальных сел и деревень. Вступил снова в партию и гражданин деревни Лащ Попов А. Я., дав обещание во всем подчиняться решениям партии и работать в интересах революции. Несмотря на свое классовое происхождение, он был принят. Все вооружались, кто чем мог: берданками, дробовиками. Готовились, проводили собрания, установили между деревнями постоянную связь. В общем, несмотря на близкую опасность, проводили диктатуру пролетариата". *)

Предположения, что белые после захвата Ижмы и Помоздина должны обязательно взять и Изваиль, ибо, не захватывая Изваиля, белые могли подвергнуться сами нападению со стороны изваильцев, скоро сбылись. Классовый враг в лице кулака Попова, проникшего в партию, сумевшего заслужить доверие партийной организации, не спал, деятельно готовился связаться с белыми, чтобы предать организацию, уничтожить Советы и установить власть капиталистов и кулачества. Шахов, в цитированной мною уже работе, указывает, что „член партии Попов А. Я. в отместку за реквизицию у него хлеба, по приезде в Лащ, сразу же приступил к предательской работе. Своей антипролетарской пропагандой он расположил на свою сторону все население деревни Лащ, агитируя, что только с приходом белых можно спастись от разорения, что им итти не по пути с изваильцами, стремящимися целиком к уничтожению старого строя и благосостояния имущего крестьянства. Он расписал,

*) Шахов—„ Героическая борьба Изваильского красного партизанского отряда с белыми при их нашествии на Коми область в 1919 году"—журнал „Коми му", № 14 (72), 1929 г., 56 стр.

что белые за собой несут сытую жизнь, полную свободу, горы товаров. Он их убедил, что для этого нужно лишь уничтожить коммунистов и присоединиться к белым".*)

Расположив на свою сторону кулачество деревни Лащ и подкулачников, провокатор едет в Помоздино, где его, как кулака и спекулянта, принимают с распростертыми об'ятиями. Из Помоздина немедленно снаряжается военный отряд с пулеметом и делается нападение в Изваиль. Предатель Попов указал начальнику карательного отряда дома отдельных коммунистов. Белые, ворвавшись в дома, производили аресты и избиения прикладами, нагайками, а главных организаторов Изваильского отряда красных партизан представили командиру отряда белых, мичману и предателю Попову, где сразу же их подвергли пыткам. „Мичман, сверкая очами, тыча револьвером, свистя нагайкою право и влево, приступил к новой пытке и опросам. Спрашивали о вооружении, о документах, о планах, о связи с Помоздиным, о численности партии. Попов же, развалившись на своем сиденьи, ехидно ухмылялся, говоря: „Вот Вам реквизиция. Вот вам Советы. Вот вам и свобода", произносил всяческие угрозы, что, если убежавшие не вернутся, не только сами будут уничтожены, но погибнет вся их семья. Затем предлагал отказаться от дальнейшей борьбы и добровольно передаться на службу белым. Но, когда после часового опроса, избив их до полусмерти, они ничего не добились, несчастных потащили в холодную избу, заперли и поставили часовых, приказав при каждой попытке к бегству сразу же покончить на месте".**)

Захватив село Изваиль, белобандиты принялись к укреплению своих позиций, боясь, что часть убежавших коммунистов сможет дойти до красных и привести отряд для освобождения села от бандитов. Поэтому „все дома в селе Изваиль забаррикадировали кирпичами, заготовленными еще до революции для постройки церкви. Вокруг села выставили сторожевые посты. Все, кроме сторожевых, предались пьянству и разгулу. Пили ром, резали коров, пьяные дебоширили, ходили из дому в дом, приставали к девушкам, женщинам, в общем вели себя как настоящие победители".***)

Пока белобандиты пировали, праздновали свою победу, добытую путем предательства шпиона Попова, красные партизаны, успевшие вырваться из деревни, отправили Алексея Ивановича Уляшева в Помоздино за помощью, который в то время уже был в руках красных. Помоздинский штаб выделил специальный отряд с одним пулеметом, который к 19 июня приближался к Помоздину. Трудящиеся Изваиля, уже зная о приближавшемся

*)Шахов—Героическая борьба Изваильского красного партизанск. отряда с белыми при их нашествии на Коми обл. в 1919 г., журнал, „Коми му", № 15, 1992г.,46 стр.

**) Там же, 47 стр.

***) Там же, 48 стр.

отряде красных, спешили встретить своих спасителей хлебом, молоком.

Отдохнув, красные партизаны решили приступить к действиям, выждав удобный момент для внезапного нападения, когда Изваиль будет спать, и село покрыто будет туманом. Изваильские партизаны впервые готовились к нападению на белых, занявших их родное село. По сигналу, данному выстрелом из винтовки, все отряды перешли в наступление. Белые отстреливались, обстреливая перекрестным огнем улицы из пулеметов, но, окруженные со всех сторон, должны были сдаться. После подавления белых, восстановили Совет, вывесили красный флаг и приступили к похоронам убитых.

Изваильские красные партизаны, после победы над белыми, оформили свой отряд, избрали начальником отряда тов. Уляшева Александра Ивановича. Всего в отряд записалось 14 человек.

Отряд, занимаясь сельским хозяйством, все время был начеку, так как белые могли в любой момент напасть на Изваиль, Когда было получено известие от Шомесова Афанасия Петровича крестьянина деревни Крутая), что „в деревню Крутую прибыл отряд белых из 6 человек и намеревается пробраться на Ухту", изваильцы немедленно выделяют небольшой отряд, чтобы захватить отряд белых, что ими и было выполнено блестяще, и захвачены три винтовки.

В это же время двигался к Изваилю другой отряд белых, в числе 26-ти человек, но крестьянин деревни Гажа-Яг, Сергей Степанович Габов, сообщил изваильцам, что в его деревню прибыли белые и рассчитывают через Изваиль прорваться на Помоздино. Изваильцы сразу дали Габову свежую лошадь, просили немедленно ехать в свою деревню и сообщить белым, что отряд белых, господствовавший недавно в Изваиле, разбит красными. Чтобы испугать белых, было решено сообщить, что в Изваиле стоит рота красноармейцев с пулеметом.

Для того, чтобы лучше вести охрану Изваиля, быть в курсе о всех передвижениях белых, руководящий состав партийной организации организует тайную разведку, начальником которой был назначен Е. В. Уляшев, а его помощниками Петр Кондратьевич Шомесов для работы в Троицко-Печорском направлении, и Сергей Степанович Габов—для работы в Лащевско-Ухтинском направлении.

Организация разведки сыграла большую роль в деле охраны Изваиля, к осени 1919 г. почти сплошь окруженного белыми. „Шомесов П.К.,—пишет Шахов,—как старый охотник и знакомый с большинством мужского населения Троицко-Печорска, прикидываясь ярым противником красных, добывал весьма ценные для партии сведения. В сентябре он несколько раз встречал белых разведчиков и говорил им, что красная разведка близко,—последние быстро удирали. Один раз Шомесов острожил

рыбу на реке Нибел, в 32 километрах от деревни Крутой, и встретил отряд белых из 50-человек. Белые намеревались разграбить деревню Крутую, но, благодаря сметливости Шомесова, Крутая была спасена. Он так напугал их всякими небылицами о мощи красных, что те сели в лодку и уплыли в Троицко-Печорск, снабдив Шомесова всякими припасами, чтобы и впредь Шомесов так же честно служил во имя „великой, неделимой России". *)

Не менее удачно работал и Габов, поддерживая связь между Изваилем и деревней Лаш,которая часто посещалась белыми из Ухты. Габов, прикидываясь сочувствующим белым,посещал церковь, собрания, на которых высказывался против большевиков и расхваливал белых, и вскоре завоевал полное доверие кулацкой части населения, сочувствующей белым, и, в частности, предателя партии В. Я. Попова. Когда он, в конце концов, был заподозрен в шпионстве в пользу красных, изваильцы вынуждены были восстановить его доверие у белых путем небольшой хитрости. Во время одного из налетов на деревню Лащ для поимки Попова, они арестовали Габова, учинили допрос местных жителей о Габове, что он говорил о красных. Изваильцы этим так ловко провели лащинцев, что последние Габова стали расхваливать как примерного коммуниста. Таким образом, изваильцы восстановили Габову прежнее доверие лащинцев.

К осени 1919 года положение красных партизан становилось все тяжелее. Ижмо-Печорский уезд был в руках белых, и Изваиль мог быть в любое время занят белыми. 20 октября 1919 г. белые делают налет на деревню Крутую. „Оцепив всю деревню караулом, чтобы никто не мог вырваться, приступили к обычной для разбойников работе. Мужчин в одной рубашке, босиком, некоторых прямо с постели, выводили на улицу, били, ругали, пытали о коммунистах, приказывали указывать их дома. Девушек насиловали на глазах родителей".**)

Изваильские партизаны, узнав о нападении белых на крутовцев через Шомесова, который еле успел выбраться из деревни и сообщить о случившемся, формируют отряд, нагоняют белых и неожиданно атакуют. Белые пришли в полное замешательство и быстро отступили, оставив в бою убитыми двоих, несколько человек раненых, и в качестве трофеев изваильцы захватили несколько винтовок, много обмундирования и продовольствия.

Учащавшиеся нападения белых разведок на окружающие деревни, отсутствие патронов, заставили изваильских красных партизан обратиться за помощью в Помоздино. Командированные для этой цели Уляшевы А. И. и Е. Д. вскоре выяснили, что красные оставили Помоздино. Уляшевы, желая узнать количе-

*) Шахов—Героическая борьба Изваильского красного партизанского отряда с белыми при их нашествии на Коми обл. в 1919 г., журн. „Коми му", № 15, 56 стр.,

**) Там же, № 16-17, 1919 г., 49 стр.

ство сил белых, добрались до Под'ельска, где были выданы белым и арестованы.

Вскоре белые организовали нападение на Изваиль. Окружив Изваиль с 3-х сторон, 26 ноября ворвались в деревню. Так как всякая защита из-за отсутствии боевых припасов была бесполезна, отряд был распущен, и было предложено скрыться в лесу. Заняв деревню, белые принялись ловить скрывшихся красных партизан, и в течение нескольких дней переловили почти всех, кроме двух братьев Уляшевых, пойманных после. Началась дикая расправа над безоружными: выкалывали им глаза, вырезывали половые органы и изувеченных до неузнаваемости бросали в реку Ижму. Особенно зверской расправе белые подвергли А. И. Уляшева, убежавшего из плена белых, которого, как указывает Шахов, „мучили зверски три дня. И что только не выдумывали палачи. Прокалывали шашками, вырезывали кожу, ломали суставы. Несчастный скончался только на третий день". *)

Этот маленький красный островок, выделявшийся среди бушующего моря белогвардейщины, не только охранял территорию советской власти в Изваиле, но временами и сам переходил в в наступление, гнал белых, громил их, захватывал трофеи. В течение всего этого времени герои Изваиля сумели связаться с крестьянством ближайших деревень, расположить их к себе, и при налетах белых обеспечивали себе нейтралитет кулацкой части крестьянства, которая знала, что изваильцы, справившись с белыми, расправятся и с ними.

Изваильский красный партизанский отряд в борьбе с белыми создал нам целый ряд героев, смелых, решительных и верящих в победу даже в условиях окружения Изваиля белыми. Подвиги сына члена тайной разведки тов. Шомесова являются примером беззаветного героизма. Так, во время нападения белых на деревню Крутую, Шомесов, „желая спасти свою молодую жену с ребенком от позора, замешкался, пряча их в картофельную яму в голбце. Выходя из голбца, он увидел, что всякое спасение не мыслимо: его дом окружался десятками солдат. Но не думал так дешево сдаться. Двери скорее на задвижку. Схватил неразлучную винтовку и открыл огонь по приближающимся белым, то через окно, то через двери в сарае, то через сени, все время перебегая с места на место. Все просветы постройки, куда можно было сунуть дуло винтовки, служили ему бойницами. Белые подумали, что там засели десятки красных, и открыли по дому Шомесова сильный огонь, повели правильную осаду человек 12 против одного бойца. Так стрельба продолжалась около 15-ти минут. Со стороны белых двое уже свалились мертвыми, а Шомесов все стрелял. Во имя спасения своей семьи он решился на последний риск. Когда белые, с бомбами

*)Шахов—Героическая боуьба Изваильск красн. партизанск отр. с белыми при их нашествии на Коми обл. в1919г.

в руках, стали подходить к дому, Шомесов с винтовкой в руке и с бомбой наготове в другой, с криком, „ура!“ бросился с крыльца.

В испуге белые залегли кто куда; они ждали, что выбежит целый взвод. Шомесов тем временем кинул бомбу и бросился бежать. К его счастью, брошенная им бомба вовсе не разорвалась, а только заставила напугаться белых, ждать взрыва, чем Шомесов успел выиграть значительное расстояние. Какого же было разочарование белых, когда через несколько минут они увидели, что из дома никто больше не выходит, что вместо взвода там оказался один человек“. *)

Из жизни отряда можно указать целый ряд других подобных примеров, но в этом нет надобности, так как каждый шаг их героической борьбы есть сплошное геройство.

Борьба изваильских красных партизан, при соответствующем снабжении их оружием, пулеметами, могла сыграть крупную роль не только в обороне Изваиля, но и в наступлении изваильцев на белых, как по линии Помоздино, так и Ижмо-Ухтомской линии. С такими героями можно было не только обороняться, но и наступать и побеждать.

Разгром белогвардейщины.

Не только изваильские красные партизаны геройски сражались против бело-кулацких партизанских отрядов. Так же геройски сражались коми рабочие и крестьяне против русской и иностранной контрреволюции и на других фронтах Коми области. Претерпевая голод, холод, не имея подчас достаточного количества вооружения (что мы видим на примере борьбы изваильских красных партизан), красные бойцы Севера упорно продолжали борьбу за торжество советского строя в России.

Борьба Красной армии за социалистический строй встречала активную поддержку широчайших масс трудящегося населения.

Белогвардейщина, которая изображала себя в своих воззваниях борцом за цивилизацию, за улучшение экономического и политического положения масс, при первом же соприкосновении с рабоче-крестьянскими массами показала свое настоящее лицо, как оруженосца буржуазии. Грабежи, расстрелы, тюрьмы, —вот что несли белогвардейцы беднейшим массам деревни.

С первых же шагов своей деятельности белогвардейщина разоблачила себя, как орудие русской и иностранной контрреволюции. Начинается рост красных партизанских отрядов, восстания крестьянства против белых, бегство обманутых крестьян из рядов белой армии и их переход на сторону Красной армии.

*)Щахов—Героическ. борьба Изваильск красн. партизанск. отр. с белыми при их нашествии на Коми обл. в 1919 г., 5 стр.

Белогвардейщина пытается бороться против этих явлений путем жесточайшего террора, чтобы отсрочить дни своего падения. А дни ее во второй половине 1919 г. были уже сочтены.

Белогвардейское правительство Чайковского доживало свои последние дни. Англо-французский империализм, под влиянием восстания солдат в собственных оккупационных войсках и роста революционного движения в собственных странах, вынужден был отозвать свои войска из Архангельска.

Уход англо-французских оккупационных войск чрезвычайно ухудшил положение белых в Архангельске и на других фронтах Северного края, в частности в Коми. Но белые, чтобы продемонстрировать свою силу, что они могут бороться и без англо-французской помощи, пытаются перейти в наступление, пользуясь тем, что осенью 1919 года военное положение советской России было крайне тяжелое. Вологодский „губернатор без губернии" Латкин, подвизаясь в Архангельске, получил задание от Чайковского показать успехи белого оружия внезапным захватом Коми области. Это последнему и удается. Подкупив наши части в Устьвымском районе, состоявшие в большинстве из дезертиров и других политически неустойчивых элементов, белые без выстрела занимают Устьвым. 7 ноября 1919 г. белыми занят город Яренск. Одновременно, пользуясь слабостью наших частей, прорывают фронт в районе Помоздина. Прорыв фронта в Устьвымском и Помоздинском районах создал чрезвычайно тяжелое положение. С занятием Яренска и Помоздина нависла прямая опасность занятия и Устьсысольска—теперешнего Сыктывкара, центра Автономной области Коми.

Устьсысольская партийная организация, не имея возможности отстоять Устьсысольск, вынуждена была эвакуироваться. В середине ноября 1919 г. Устьсысольск был занят Латкиным.

Вскоре после занятия Яренска и Устьсысольска, партийные и советские организации начинают подготовлять отпор, мобилизуя для этой цели красные партизанские отряды и молодежь.

Необходимо констатировать, что наряду с рабочими и крестьянами, большую роль в деле ликвидации белогвардейщины сыграл коммунистический союз молодежи во главе с тов. Маеговым.

Коми комсомол, организовавшийся в красный партизанский отряд под руководством Маегова, руководившего боевыми операциями против белых в Устьвымском районе и на других фронтах Коми, быстро привык к военной обстановке и постепенно научился побеждать. Так, по словам его руководителя, часть комсомольцев не умела заряжать винтовок, не умела рассыпаться в цепь, и поэтому первое наступление, предпринятое для занятия села Часово, было проиграно. А. Маегов указывает и на другие неудачи комсомольцев. „Остановившись в Ибу, —пишет А. Маегов,—наш отряд выставил пост в сторону

Пажги, откуда нужно было ожидать врага. На посту стояли два комсомольца. Их задача заключалась в том, чтобы проследить приближение белых и предупредить наш отряд выстрелом. Не прошло двух-трех часов, как я заметил в середине села, в шагах 300 от стоянки отряда, обоз в 30 подвод. Мы открыли стрельбу. Нужно было думать, что они сняли наш пост без выстрела. Но каково было наше изумление, когда мы увидели впереди белых своих двух комсомолят, бегущих без шапки и без оружия".

Не только комсомольцы, но и комсомолки проявили чудеса героизма и храбрости при выполнении боевых операций. Особенной храбростью отличалась комсомолка и член партии Домна Каликова, которая в качестве разведчицы держала отряд в курсе всех передвижений белых. „Глубоко в моей памяти,—пишет А. Маегов,—врезалась одна картина, когда я по срочному вызову выезжал из Небдина в Устьсысольск. В одной из комнат, поперек дороги, сладким сном спала разведчица—комсомолка Домна Каликова. Она была во всем походном снаряжении. В ее руке лежала винтовка. Я видел ее в последний раз. Через день она ушла в разведку, была схвачена белыми и после зверских, бесчеловечных издевательств, расстреляна в селе Помоздино, возле Зуд-Кума". *)

В Аныбе противник укрепился, но после сражения 4-го марта 1920 г. он был вынужден сдаться. Военные силы белых, вместе со штабом 14-гоСеверного Вычегодского полка, видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, что их авантюра бита,—сдались и передали имущество нашему командованию. С падением Аныба и ликвидацией единственной крупнейшей воинской единицы можно, в основном, считать гражданскую войну в Коми законченной.

Почему мы победили?

Наши победы на всех фронтах гражданской войны достигнуты правильной международной и внутренней политикой Советской России. Диктатура пролетариата, которая самым беспощадным образом карала классовых врагов пролетариата, явилась одной из решающих причин победы на фронтах гражданской войны. Правильная экономическая политика советской власти, национализация банков, фабрик, заводов, железных дорог, рудников, дали большие материальные ресурсы для борьбы против русской и иностранной контрреволюции.

Правильная национальная политика советской власти сыграла крупную роль в деле обеспечения победы на фронтах гражданской войны. Осуществляя право нации на самоопределение, советская власть снискала любовь со стороны широчайших масс ранее угнетенных при царизме наций.

*) Жур. „Коми му", № 7-10, 1924 г

Крупную роль в победе советской России над империалистами и внутренними белогвардейскими бандами сыграли и противоречия в лагере империалистов, которые задерживали общее выступление союзников против Советов. „Первое,—пишет В. И. Ленин,—это достигавшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на Западном фронте... Ожесточенность этой схватки и делает крайне затруднительным, почти невозможным, союз величайших империалистических держав против Советской республики, завоевавшей за какие-нибудь полгода своего существования горячие симпатии и самое безраздельное сочувствие всех сознательных рабочих всех стран мира. Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России. Поход, начатый против Советской республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну". Отмечая эти факты, которые задерживали сплачивание единого империалистического фронта против республики Советов, В. И. Ленин в то же время предупреждал, что мы „Не должны забывать того, что группировки между империалистическими державами, как бы прочны они не казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права концессии и т. д. И может быть достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав, и тогда указанные противоречия не смогут уже служить нам защитой" *).

Мы победили в боях гражданской войны и потому, что активную помощь в нашей борьбе оказал международный пролетариат, который энергично требовал прекращения войны с советской республикой. Уход союзников из Мурманска и Архангельска об'ясняется именно борьбой международного пролетариата против войны с советской Россией.

Крупную роль в поражении иностранных и внутренних белогвардейских армий сыграл и беспредельный героизм масс, готовность драться за победу советской России и укрепление социалистического строя. Примеры изваильских красных партизан, которые боролись, не складывая своего оружия даже в белогвардейском окружении, ясно свидетельствуют о том, что рабочие и крестьяне решили или умереть, или победить. И они победили, ибо Красная армия, состоявшая из рабочих и крестьян, крепко была связана с тылом, с рабочими и крестьянами, которые послали на фронт своих лучших сынов, поддерживали армию всем необходимым.

*) Ленин—Об интервенции, „Сборник" 31-32 стр. 1931 г.

Можно определенно утверждать, что на территории Коми области не было волости и села, которые бы не высказались за поддержку Советской власти. Вильгортцы 11 сентября 1918 года, на митинге, организованном ячейкой коммунистической партии, единогласно постановили: „Итти рука об руку с нашими Советами и быть на страже интересов угнетенных. Пусть враги революции знают, что не отдадим себя на закабаление кучке бандитов". Трудящиеся села Зеленца 30 сентября 1918 г. вынесли резолюцию, в которой клялись „бороться до последней капли крови и смести с лица земли всех, кто станет против нас". Помоздинцы, после доклада тов. Мандельбаума о международном положении Советской России, 10 октября 1918 г., постановили энергично бороться за социалистическую революцию всего мира и торжественно заявили, что будут крепко стоять за идею установления коммунистического строя. Устькуломцы, 27 октября 1918 г., на общем собрании, постановили: „Напрячь все силы на борьбу против буржуазии, англо-французских банкиров и белогвардейцев, отнимающих нашу свободу и наш Северный край".

Следовательно, мы победили в гражданской войне потому, что имели крепкий и прочный тыл, что рабочие и крестьяне, несмотря на голод, нужду, несмотря на все лишения, какие они переживали, поддерживали Красную армию. Эта поддержка увеличивала во много раз силу Красной армии, вследствие чего плохо вооруженная, полуоборванная армия нанесла поражение империалистическим армиям, обладавшим громадными людскими и материальными средствами, хорошо поставленной военной техникой. „Казалось,—пишет В. И. Ленин,— Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма, и опыт власти колчаковской был поддержан вначале социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эсерами... при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, видим, что, чем дальше продвигался Колчак в глубину России, тем он дальше истощался, и, в конце концов, мы видим полную победу советской России над Колчаком. Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса". *)

Мы победили потому, что рабочие и крестьяне поняли империалистические вожделения русских и иностранных капиталистов, которые несли господство кнута и казацких нагаек, господство власти капиталистов и помещиков. Латкин, Орлов, Прокушев и прочие цепные псы империалистов на первых же шагах своего господства показали свое настоящее лицо, как ставленников Коми кулачества, купечества и промышленников.

*) Ленин—Об интервенции,—13 стр., 1931 г.

Контрреволюционная роль духовенства в гражданской войне.

Православие всегда было крупнейшей опорой самодержавия. Уже с первых дней существования власти московского государя она содействовала установлению и укреплению этой власти, а в дальнейшем, вплоть до Октябрьской революции, являлась одним из крупнейших и влиятельных ведомств царской монархии.

Русская церковь всегда стояла в центре всей политической и экономической жизни страны, обслуживая эксплоататорские интересы буржуазии и царизма. За эту работу русская православная церковь получала хорошее вознаграждение. Так, новгородский архиепископ в 1915 году получил доход 307.500 руб., петроградский митрополит 259.000 рублей, т.-е. „святейшие отцы" получали доход, значительно превышавший доход крупных капиталистов и министров. Соловецкий монастырь имел более 66000 гектаров земли и сотни миллионов рублей деньгами, которыми распоряжались отцы церкви по своему усмотрению, как любые капиталисты. Довольно значительный доход имели Кылтовский и Ульяновский монастыри.

Каждый раз, когда революционное движение угрожало царскому самодержавию, церковь активно становилась в ряды защитников царизма и буржуазии. Так было в революцию 1905 года в 1917 году, в Октябрьские дни. Еще в июне 1917 г. коми попы, вместе с обновленцами, т.-е. правыми и левыми эсерами, распространяли версии о том, что большевики являются агентами антихриста. Как только в Коми началась гражданская война, попы, вместе с кулачеством, единодушно выступили против Октябрьской революции, против советской власти. При отступлении красных, попы встречали белых хлебом и солью, как своих избавителей от „большевистской нечисти", как своих лучших друзей. Небдинский поп Александр Пшеницын, узнав о приходе белых в Устьсысольск, отслужил благодарственный молебен „о ниспослании побед христолюбивому белому воинству, и о ниспослании всяких бед и поражений большевистской нехристовой Красной армии". А во время обедни, в своей проповеди, обращенной к народу, сказал: „Мы Вас давно ждали, как своих избавителей, восстановите нарушенный порядок, православную религию, нарушенную голышами". По случаю побед белых, поп с радости приказал в течение 3-х дней звонить в колокола. По этому поводу небдинцы говорили, что „отец Александр, видимо, спьяна принял „губернатора" Латкина за самого господа бога".

Крупную роль играли коми монастыри—Сереговский и Ульяновский. Когда началась, гражданская война и коми трудящиеся обратились в монастырь с просьбой дать им денег для борьбы с Латкиным, „святые отцы" притворились круглыми сиротами, не имеющими за собой ни одного медного гроша.

Но когда командир одной красноармейской части, несмотря на поповские уверения, приказал все же произвести обыск, то через несколько минут после начала обыска „принесли пачку кредиток, подсчет которых дал сумму около 13000 рублей. Ободренные первым успехом, они продолжали свое дело, и груда бумажек все росла и росла на столе, приковывая к себе взоры „бедных монахов." Насчитали 33000 рублей. Думали удовольствоваться найденными, но настоятель запротестовал, заявив, что мы оставили монастырь без копейки денег. Начальник отряда вновь назвал его лжецом, поднялся из-за стола, подошел к иконам, отставил одну из них и нашел у иконастаса конверт с деньгами 7000 рублей*).

Если эти святоши прикидывались нищими на просьбы красноармейских частей, то с большим удовольствием они предоставляли свои капиталы для Латкиных и др. контрреволюционеров, чтобы вести борьбу против сов. власти и установить господство капиталистического строя. Так, из хозяйственной переписки Ульяновского монастыря, мы видим, что настоятель монастыря „отец" Паисий предоставил Латкину еще до начала гражданской войны 100000 рублей деньгами, которые были использованы последним для организации контрреволюционных банд. Ульяновский монастырь не ограничивался предоставлением денег Латкину. Перед захватом Устькуломского уезда белыми, заведыв. Ульяновским совхозом тов. Торс явился в монастырь, чтобы вывезти принадлежащее совхозу имущество. Его задержали, арестовали, и, чтобы не сбежал, посадили в отдельную комнату, чтобы потом передать, его белым. Как только белые в числе 10 человек приблизились к крепостным воротам монастыря, настоятель его о. Паисий распорядился звонить в колокола, а сам, одев церковное облачение, и с крестом в руках, встретил белогвардейцев. Уводя белогвардейцев в церковь, произнес приветственное слово: „Мы ждали Вас как христову пасху, наконец-то Вы избавили нас от большевистской нечисти, вы избавили нас, старцев, от смрада." **)

Тов. Торса белогвардейцы на другой же день расстреляли. Кроме того, монастырь передал белогвардейцам все имущество совхоза, в том числе 2000 пудов хлеба, 11 голов крупного рогатого скота, и. т. д.

Во время отступления белых из Устькуломского района, настоятель монастыря, по приказанию Латкина, увез с собой все имущество монастыря и совхоза, все драгоценные вещи вплоть до риз, содранных с икон.

Итак, духовенство в Коми в эпоху гражданской войны сыграло большую контрреволюционную роль, оно помогало бе-

*) Газ. „Зырянская жизнь", № 31, 1918 г.

лым не только деньгами, хлебом и др. продуктами, но и живой силой, участвуя с белыми в сражениях против Красной армии.

Октябрьская революция, совершившаяся в Коми крае, была встречена в штыки не только со стороны буржуазии и ее прихвостней—эсеров и меньшевиков, но и православной церкви, которые только и ждали удобного момента, чтобы вырвать обратно все завоевания Октябрьской революции из рук победившего пролетариата. Но, трудящиеся Коми, совершившие Октябрьскую революцию под руководством большевистской партии и гениального вождя В. И. Ленина,—не для того взяли власть в свои руки, чтобы потом, через некоторое время, отдать обратно ее буржуазии.

Коми рабочие и крестьяне, совместно с русским пролетариатом взяли власть в свои руки для того, чтобы уничтожить классы и построить бесклассовое коммунистическое общество. Отсюда и героическая борьба коми трудящихся по укреплению советской власти.

Клятвенные обещания коми рабочих и крестьян о поддержке советской власти были с большевистской настойчивостью осуществлены на практике. Они широкой волной вошли в организуемые партизанские отряды и отдельные части Красной армии, беззаветно дрались, защищая октябрьские завоевания от внутренней и иностранной контрреволюции. Коми рабочие и крестьян посылали на фронты гражданской войны тысячи своих лучших сынов и под руководством коммунистической партии победили. Все попытки белогвардейских бандитов, начиная от англо-французских громил, кончая белогвардейскими бандами капитана Орлова и купца Латкина и прочей белогвардейской сворой, окончились полным поражением.

Стат. форм. 64x92, 1/16, 17 1/2 п. л. 48,608 зн. в печ. листе

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Коми, как колония.

Коми, как колония русского царизма 3
Коми, как сырьевая колония русского и иностранного капитала . —
Коми, как рынок сбыта товаров 8
Попытки к разработке ухтинской нефти 13
Коми, как рынок для ввоза капиталов 27

Формирование Коми в нацию и идеологи коми буржуазии.

Коми, как нация 51
К. Ф. Жаков, как идеолог коми буржуазии 54
Г. С. Лыткин, как идеолог русского великодержавного национализма 69
Русский великодержавный национализм и право Коми на самоопределение 77

Революция 1905 года

Основные предпосылки революции 1905 года 83
Положение крестьянства 101
Характеристика революции 1905 года 117
Рабочее движение 120
Крестьянские движения 123
Партийные организации в Коми 134
Кашиновщина, как своеобразная гапоновщина 140
Основные причины поражения и значение революций 1905—1907 гг. 144
Реакция и подъем нового рабочего движения 148

Февральская революция.

Предпосылки февральской революции, ее движущие силы и характеристика 151
Ход февральской революции 156
Двоевластие 162
Политика эсеров и меньшевиков в эпоху февральской революции . 167
Борьба эсеров за учредительное собрание 171
Отражение июльских дней в Коми 174
Буржуазно-националистическое движение эпохи февральской революции 177

Октябрьская революция.

Предпосылки Октябрьской революции 182
От февраля к Октябрю 185
Буржуазно националистическое движение 194
Борьба большевиков в Коми 202
Октябрьская революция в Коми 206

Партийно-советское строительство

Возникновение организации партии большевиков 221
Организация Советов и их деятельность 230
Организация Комитетов деревенской бедноты 235
Празднование первой годовщины Октябрьской революции 236

Гражданская война в Коми.

Общие замечания 240
Движущие силы гражданской войны 241
Возникновение фронтов в Коми 246
Роль англо-французского империализма в организации белогвардейских банд в Коми 256
Под натом белогвардейщины 257
Борьба красных партизан 263
Разгром белогвардейщины 270
Почему мы победили? 272
Контрреволюционная роль духовенства в гражданской войне . . . 275

Кабинет Севера
УПИ Свердловск

Цена 2 р. 50 к.

№ 04783